INSPIRIA

Луиза Эрдрич

НОЧНОЙ СТОРОЖ

INSPIRIA

Ночной сторож
Луиза Эрдрич

Аннотация
Луиза Эрдрич. Ночной сторож
Сентябрь 1953 года. Завод Черепашьей горы по производству драгоценных подшипников
Хлеб со смальцем
Сторож
Кожаная палатка
Трое
Тренер по боксу
Ноко
Жидкая грязь
Сын Джагги
Дни святой Валентайн
Пукконы
Духи
Утюг
Ящик из-под фруктов
Место в поезде
Билль
Кто?
Индейская шутка
Кто?

Флаги
«Лесной затор 26»
Бритье, помогающее не заснуть
Старик Ондатра
Водяной бык
Хук левой
Луис Пайпстоун
«Аякс»
Железный тюльпан
Лесная красавица
Обычная женщина и пустой бензобак
Миссионеры
Начало
Нищий у дверей храма
Дикий петух
Артур В. Уоткинс
Золотая осень
Тор
Металлические жалюзи
X =?
Сны-близнецы
Звездное пау-вау
Агония – ее имя
Школьный бал
Буш-данс
Стог Сена

Удары
Миндалины
Письмо в Университет Миннесоты
Гордость чиппева
Что ей было нужно
Старик Зима
Заспинная доска
Генеральное сражение
Двухдневное путешествие
Бокс ради свободы
Повышение
Эдит, собака с экстрасенсорными способностями
Утешение голодного мужчины
Хорошие новости / плохие новости
Полет над снегом
Силки
От заспинной доски до могилы
Ночная стража
Два месяца
Новогодний суп
Названия
Эльнат и Вернон
Ночная птица
Служба по делам индейцев
Бегун
Ноги миссионера

Гектограф
Молитва за 1954 год
Вы не можете ассимилировать индейских призраков
Кларк Кент
Клетчатая
Ламанийцы
План Господа
Делегация
Тощий
Поездка
Соколиные глаза
Расторжение федеральных договоров, заключенных с некоторыми племенами индейцев, и аннулирование связанных с ними обещаний
Дорога домой
Если
«Тоска»
Электронагреватель «Солсбери»
Озеро, колодец и сверчки, стрекочущие в траве
Потолок
Еще бóльшая радость
Совы
Медвежий череп на дереве, выкрашенный в красный цвет и обращенный на восток
Спиртовые чернила гектографа

À Ta Santé
Родерик
Томас
Племя чиппева из резервации Черепашьей горы не было уничтожено
Послесловие и благодарности
Об авторе
Словарь

Аннотация

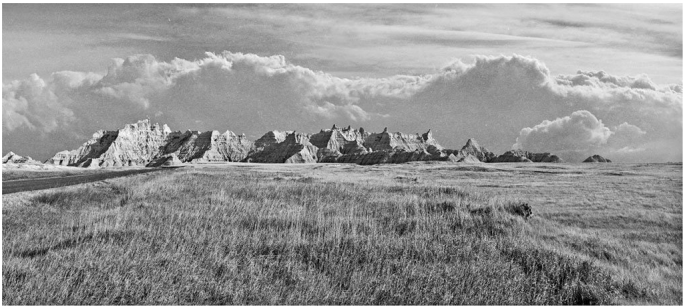
В основе книги – подлинная история жизни и борьбы деда Луизы Эрдрич. 1953 год. Томас работает сторожем на заводе недалеко от резервации племен. Как председатель Совета индейцев он пытается остановить принятие нового законопроекта, который уже рассматривают в Конгрессе Соединенных Штатов. Если закон будет принят – племя Черепашьей горы прекратит существование и потеряет свои земли.

Луиза Эрдрич
Ночной сторож

Louise Erdrich
THE NIGHT WATCHMAN
Copyright © 2020, Louise Erdrich
All rights reserved

© 2020, Louise Erdrich All rights reserved
© Тарасов М., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *



Луиза Эрдрич

Ночной сторож

INSPIRIA
Москва
2022

Посвящается Аунишенаубаю,
он же Патрик Гурно,
его дочери Рите, моей матери,
и всем лидерам американских индейцев,
боровшимся против прекращения действия договоров.

Первого августа 1953 года конгресс Соединенных Штатов Америки объявил о принятии Параллельной Резолюции[1] номер 108, предписывающей отмену межнациональных договоров, которые были заключены с народами американских индейцев и имели силу до тех пор, «пока растет трава и текут реки». Резолюция содержала призыв к окончательному прекращению деятельности всех племен и немедленному прекращению деятельности пяти племен, включая племенную группу чиппева с Черепашьих гор.

Мой дед, Патрик Гурно, боролся против прекращения действия договоров как председатель совета племени, в то же время работая ночным сторожем. Он почти не спал, как и мой

---

[1] Сноски: 1

Параллельная резолюция принимается отдельно обеими палатами конгресса, не имеет силы закона и не требует подписи президента; обычно касается порядка работы конгресса. — *Здесь и далее прим. перев.*

персонаж, Томас Важашк. Эта книга — вымысел. Однако я старалась правдиво рассказать о необыкновенной жизни моего деда. И если что-то не удалось, то только по моей вине. Кроме Томаса, сторожа на Заводе Черепашьей горы по производству драгоценных подшипников, единственный другой главный персонаж, списанный с реально существовавшего лица, — сенатор Артур В. Уоткинс[2]*, неустанный сторонник лишения коренных народов их земель и человек, допрашивавший моего деда.*

Пикси, или — извините меня — Патрис, — персонаж полностью вымышленный.

[2] Сноски: 2

Артур Вивиан Уоткинс (1886–1973) — сенатор-республиканец от штата Юта с 1947 по 1959 год.

Сентябрь 1953 года
Завод Черепашьей горы по производству драгоценных подшипников

Томас Важашк вытащил зажатый под мышкой термос и поставил на стальной стол рядом со своим потертым портфелем. Его рабочая куртка упала на стул, коробка с завтраком — на холодный подоконник. Когда он снял утепленную шапку, из ее отворота выпало маленькое кислое яблоко-дичок. Подарок дочери Фи. Он подхватил яблоко и положил на рабочий стол, желая полюбоваться, а затем пробил свою карточку табельного учета[3]. Полночь. Он взял связку ключей, фирменный фонарик и обошел главный этаж по периметру.

В этом тихом, всегда спокойном месте женщины Черепашьей горы проводили дни, склонившись в резком свете настольных ламп.

---

[3] Сноски: 3

Карточка табельного учета — карточка, на которой отмечается время, проведенное работником на рабочем месте или затраченное на выполнение определенной работы; используется для расчета заработной платы, отслеживания прогулов и опозданий и т. д. *(Здесь и далее — прим. переводчика.)*

Работницы наклеивали сверхтонкие пластинки рубина, сапфира или менее драгоценного камня граната на тонкие вертикальные шпиндели, готовя камни к сверлению. Подшипники будут использоваться в боеприпасах Министерства обороны и в часах «Бу́лова»[4]. Это был первый случай, когда рядом с резервацией появились рабочие места на производстве, и женщины заняли большинство из этих желанных мест. Они набрали гораздо больше баллов по тестам на проворство рук.

Правительство приписывало их способности индейской крови и сноровке по части традиционного бисероплетения. Томас считал, что дело в острых глазах — женщины его племени могли пронзить взглядом. Ему повезло, что он получил работу. Он слыл умным и честным, но уже не был молодым и поджарым. Он получил место, ибо на него можно было положиться, и он изо всех сил старался исполнять служебные обязанности так идеально, как только мог. Осмотр помещений он проводил с суровой тщательностью.

---

[4] Сноски: 4

«Бу́лова» — американская компания — производитель часов и изделий точной механики. Штаб-квартира находится в Нью-Йорке. Была основана выходцем из Богемии Джозефом Булова (1851–1936) и зарегистрирована в 1875 году.

Продвигаясь вперед, он осмотрел сверлильный цех, проверил каждый замок, включил и выключил свет. В какой-то момент, чтобы разогнать кровь, он исполнил короткий причудливый танец, а затем перешел на джигу Ред-Ривер[5]. Освеженный, он прошел через усиленные двери помещения для кислотной мойки с рядами пронумерованных мензурок, шкалой давления, шлангом, раковиной и установками для промывки деталей. Он проверил кабинеты, отделанные зеленым и белым кафелем туалеты, а затем вернулся в механический цех. Его стол был залит светом лампы, которую он некогда «спас», починив для себя, и теперь мог читать, писать, размышлять да время от времени шлепать себя по лицу, чтобы не уснуть.

Томас носил имя «ондатра», по-индейски *важашк* — скромного, трудолюбивого, любящего воду грызуна. Ондатры жили повсюду в их резервации, усеянной болотами и озерами. Эти маленькие гибкие животные деловито скользи-

[5] Сноски: 5

Ред-Ривер («Красная река») протекает на севере США и в Канаде, начинаясь в Северной Дакоте и образуя на большей части своей длины границу между Северной Дакотой и Миннесотой. Одноименная джига широко распространена как танец (и сопровождающая его мелодия) канадских метисов, а также коренных народов, обитающих на ее берегах.

ли по воде в сумерках, постоянно совершенствуя норы и поедая (а они очень любили поесть) практически все, что росло или двигалось в болоте. Они были многочисленны и, хотя не отличались ничем особенным, когда-то сыграли важную роль. В начале времен, после Великого потопа, именно ондатра помогла преобразить землю.

Таким образом, как оказалось, Томас получил при рождении идеальное имя.

Хлеб со смальцем

Пикси Паранто нанесла клей на заготовку из драгоценного камня и прикрепила ее к блоку для сверления. Она взяла приготовленный драгоценный камень и положила его в крошечную прорезь на сверлильной карте. Она все делала идеально, когда приходила в ярость. Ее глаза фокусировались, мысли сужались, дыхание замедлялось. Прозвище Пикси[6] прилипло к ней с детства — из-за ее раскосых глаз. С тех пор как она окончила среднюю школу, она пыталась приучить окружающих называть ее Патрис. Не Патси, не Патти, не Пат[7]. Но, увы, даже лучшая подруга отказывалась называть ее Патрис. И эта лучшая подруга сидела рядом, тоже раскладывая заготовки для подшипников бесконечными крошечными рядами. Не такая быстрая, как Патрис, но все-таки вторая по скорости из всех работающих здесь девушек и женщин. В большом

---

[6] Сноски: 6
Эльф (*англ.*).

[7] Сноски: 7
Патси — простофиля (*англ.*), Патти — пирожок (*англ.*), Пат — кусочек (*англ.*).

зале было тихо, если не считать жужжания светильников. Сердцебиение Патрис замедлилось. Нет, она не была Пикси, хотя ее фигурка была маленькой, и люди говорили ей вслед *вавияжинаагози*, что с ненавистью переводилось ею как «она выглядит мило». Патрис не была милой. У Патрис была работа. Патрис была выше таких мелких инцидентов, как происшествие с Баки Дювалем и его друзьями, которые раз подвезли ее в никуда, рассказывая потом людям, будто она была готова сделать то, чего не делала. И никогда не станет делать. Только посмотрите на Баки сейчас. Не то чтобы она была виновата в том, что случилось с его лицом. Патрис такими вещами не занималась. Патрис также была выше того, чтобы обнаружить на блузке, которую оставила сушиться на кухне, коричневую от желчи рвоту отца после его долгого запоя. Он был дома, рычал, плевался, приставал, плакал, угрожал ее младшему брату Поки и умолял Пикси дать доллар, нет, четвертак, нет, десять центов. Ну, хотя бы крошечный десятицентовик. Он пытался сжать пальцы в щепоть, но те не сходились вместе. Нет, она не была той Пикси, которая спрятала нож и помогла матери оттащить отца на раскладушку в шалаш, где он будет спать, пока алкоголь не

выветрится.

В то утро Патрис надела старую блузку, вышла на большую дорогу и впервые поехала на автомобиле с Дорис Лаудер и Валентайн Блу. У ее лучшей подруги было самое поэтичное имя, но даже она не называла ее Патрис. В машине Валентайн устроилась спереди. Она спросила:

— Пикси, как там, на заднем сиденье? Надеюсь, тебе удобно?

— Патрис, — поправила ее Патрис.

Валентайн промолчала.

Валентайн! Она болтала с Дорис Лаудер о том, как приготовить торт с кокосовой стружкой. Кокос. Была ли где-нибудь кокосовая плантация на тысячу квадратных миль вокруг? Валентайн. В восхитительной оранжево-золотой юбке-солнце. Красивая, как закат. Даже не обернулась. Разминает руки в новых перчатках, чтобы Патрис могла видеть и восхищаться ими, пусть и с заднего сиденья. А потом они с Дорис обменялись советами о том, как вывести пятно от красного вина с салфетки. Как будто у Валентайн когда-нибудь была салфетка. И разве не пила она красное вино только в кустах? А теперь обращается с Патрис так, будто она ее даже не знает. А все потому, что Дорис Лаудер была белой девушкой,

новичком на заводе и секретаршей, к тому же ездящей на работу на семейной машине. И Дорис вызвалась подвезти Валентайн, после чего та предложила:

— Моей подруге Пикси с нами по пути, и если ты…

И включила ее, как и должна была сделать лучшая подруга, в число избранных, но затем игнорировала и отказывалась называть ее настоящим именем, тем самым именем, которое было дано ей при крещении, именем, под которым она — может, неловко было произнести это вслух, но Патрис все равно так думала — она прославится в этом мире.

Мистер Уолтер Волд прошел вдоль шеренги женщин, заложив руки за спину и украдкой наблюдая за их работой. Каждые несколько часов он выходил из своего кабинета, чтобы осмотреть каждое рабочее место. Он не был старым, но ноги у него были тонкие и скрипучие. Его колени вздрагивали каждый раз, когда он делал шаг. Сегодня раздавался неровный скребущий звук. Вероятно, в этом были виноваты его новые черные брюки, сшитые из блестящей жесткой ткани. Послышался скрип подошвы по полу. Он остановился позади Патрис. В его руке было

увеличительное стекло. Он прикоснулся квадратным потным подбородком к ее плечу и выдохнул. Повеяло несвежим запахом кофе. Ее пальцы не дрогнули, она продолжала работать.

— Отличная работа, Патрис.

Нет, вы видели? Ха!

Он продолжил обход. Скрип-скрип. Но Патрис не повернулась и не подмигнула Валентайн. Патрис не злорадствовала. Она чувствовала, что у нее начинаются месячные, и была рада, что вовремя прикрепила к трусам чистую, сложенную в несколько слоев тряпку. Даже так. Да, даже так.

В полдень женщины и несколько мужчин, тоже работавших на заводе, вошли в небольшую комнату, задуманную как столовая. При ней имелась полностью оборудованная кухня, но поваров для приготовления обеда не наняли, а потому женщины сели, намереваясь перекусить снедью, принесенной с собой. У некоторых были ланч-боксы, другие принесли ведерки со смальцем. Третьи просто взяли с собою тарелки, завернутые в мешковину. Съестным делились. У Патрис было латунное ведерко для сбора кленового сока, желтое, с глубокими царапинами, полное сырого теста. Именно так. Утром, потрясенная бредом отца, она схватила ведерко и выскочила из дома,

забыв, что приготовила тесто, из которого собиралась испечь на завтрак индейские хлебцы на материнской сковородке. Она так и не позавтракала. Последние два часа она втягивала живот, пытаясь подавить урчание в желудке. Валентайн, конечно, заметила. Но сейчас она разговаривала с Дорис. Патрис отщипнула кусочек теста и съела. Неплохо на вкус. Валентайн заглянула в ведерко Патрис, увидела тесто и рассмеялась.

— Я забыла испечь хлебцы, — призналась Патрис.

Валентайн с жалостью посмотрела на нее, но другая работница, замужняя женщина по имени Сейнт Энн, рассмеялась, услышав, что сказала Патрис. По комнате пронесся слух, что в ведерке Патрис принесла тесто. Что она забыла его поджарить. Патрис и Валентайн были самыми молодыми девушками, работавшими в цеху, их наняли, едва они окончили среднюю школу. Девятнадцать лет. Сейнт Энн подтолкнула намазанную маслом булочку сидящей на другой стороне стола Патрис. Кто-то передал овсяное печенье. Дорис отдала половину сэндвича с беконом. Случившееся с Патрис обернулось шуткой. Патрис собиралась рассмеяться и пошутить снова.

— Все, что у тебя когда-либо было, — это хлеб со смальцем, — опередила ее Валентайн.

Патрис закрыла рот. Все хранили молчание. Валентайн имела в виду, что хлеб со смальцем — еда бедных людей. Но все ели хлеб, намазанный смальцем с солью и перцем.

— Звучит неплохо. У кого-нибудь есть кусочек? — попросила Дорис. — Отломите-ка мне немного.

— Вот, возьми, — отозвалась Кудряшка Джей, получившая еще в детстве это прозвище за вьющиеся локоны. Имя прижилось, хотя теперь ее волосы были совершенно прямыми.

Все посмотрели на Дорис, когда она пробовала хлеб со смальцем.

— Не так уж и плохо, — произнесла она.

Патрис с жалостью посмотрела на Валентайн. Или это сделала Пикси? В любом случае время обеда закончилось, и теперь ее желудок не будет урчать весь день. Она громко поблагодарила собравшихся за столом и пошла в туалет. Там было две кабинки. Вторую заняла Валентайн. Патрис узнала ее коричневые туфли с закрашенными потертостями. У них обеих только что начались месячные.

— О нет, — произнесла Валентайн из-за перего-

родки. — Дело дрянь.

Патрис открыла сумочку, попыталась собраться с мыслями, затем протянула одну из своих сложенных тряпочек под деревянную перегородку. Она была чистой, отбеленной. Валентайн взяла ее.

— Спасибо.

— Спасибо кому?

Пауза.

— Большое спасибо, черт тебя побери, Патрис. — Затем раздался смех: — Ты спасла мою задницу.

— Спасла твою тощую задницу.

Новый смешок.

— Твоя задница более тощая.

Присев на корточки на унитазе, Патрис прикрепила новую прокладку. Использованную она завернула в туалетную бумагу, а затем в кусок газеты, который специально припасла для этой цели. Она выскользнула из кабинки вслед за Валентайн и засунула сверток поглубже в мусорное ведро. Потом она вымыла руки с мыльным порошком, поправила подмышечники[8], пригладила волосы и снова накрасила губы. Когда

[8] Сноски: 8

Подмышечник — кусок водонепроницаемого материала, закрепленный в подмышке платья, чтобы защитить его от пота.

Патрис вышла, почти все уже были заняты работой. Она торопливо надела халат и включила лампу.

К середине дня ее плечи начали гореть. Пальцы свело судорогой, а тощая задница онемела. Бригадиры время от времени напоминали женщинам, что нужно встать, потянуться и сфокусировать взгляд на дальней стене. Затем закатить глаза. Снова сосредоточиться на стене. Как только глаза немного отдохнут, следовало приниматься за руки, сгибая и разгибая пальцы, разминая распухшие суставы. Затем все возвращались к медленному, спокойному, гипнотизирующему труду. Боль неумолимо возвращалась. Но вот, как спасение, настало время пятнадцатиминутного перерыва, на который работницы уходили ряд за рядом, чтобы все могли воспользоваться туалетом. Несколько женщин отправились в столовую покурить. Дорис принесла кофейник с драгоценным кофе. Патрис пила свою порцию стоя, держа блюдце на весу. Когда она снова села, то почувствовала себя лучше и погрузилась в транс, вызванный концентрацией внимания. Это гипнотическое состояние сможет поддерживать ее час, а то и два, пока у нее не заболят плечи или спина. Это напоминало Патрис о том,

что она чувствовала, занимаясь вместе с матерью бисероплетением. Оно погружало их обеих в состояние спокойной сосредоточенности. Они лениво перешептывались друг с другом, пока подбирали бусины и поддевали их кончиками иголок. На подшипниковом заводе женщины тоже переговаривались дремотным шепотом.

— Прошу вас, леди.

Мистер Волд запрещал разговоры. И все же они шушукались. Позже они с трудом вспоминали, о чем беседовали друг с другом весь день. Ближе к концу дня Джойс Асигинак вынесла новые заготовки для резки на пластины, и процесс продолжился.

Дорис Лаудер повезла их домой. И на этот раз Валентайн обернулась, чтобы вовлечь Патрис в разговор, что было уже хорошо, так как Пикси требовалось отвлечься от мыслей об отце. Он все еще дома? У родителей Дорис была ферма на территории резервации. Они купили землю у банка еще в 1910 году, когда земля индейцев оказалась единственным, что они могли продать. Продай или умри. Землю повсюду рекламировали как дешевый товар. В резервации имелось всего несколько хороших участков, которые можно было использовать в качестве сельскохозяй-

ственных угодий, и они принадлежали Лаудерам. На их земле стояла высокая серебристая силосная башня, которая торчала перед глазами всю дорогу, если ехать из поселка. Дорис высадила Патрис первой, даже предложила подвезти ее к дому по извилистой дорожке, но Патрис отказалась, поблагодарив. Она не хотела, чтобы Дорис увидела груду хлама и покореженный дверной проем. Отец, заслышав шум машины, вывалится из него и начнет донимать Дорис, чтобы она подвезла его до поселка.

Патрис прошла по заросшей травой дорожке и остановилась среди деревьев, высматривая отца. Шалаш был пуст. Она тихо прошла мимо и помедлила, прежде чем войти в дом — простую коробку из шестов, обмазанных глиной, без всяких удобств, низкую и скособочившуюся. Почему-то ее семья так и не попала в список на получение племенного жилья. Печь разожгли, мать Патрис кипятила воду для чая. Кроме родителей в доме жил ее брат Поки, тощий подросток. Сестра Вера подала заявление в Бюро по переезду и трудоустройству и уехала в Миннеаполис с мужем. У них было немного денег, чтобы обустроить новое жилье и окончить курсы профессионального обучения. Многие возвращались в течение

года. О некоторых больше никто никогда не слышал.

Смех Веры был громким и веселым. Патрис скучала по ее способности все разом изменять — разрушать напряжение, царящее в доме, освещать мрак. Вера смеялась над всем: над помойным ведром, куда они мочились зимними ночами, над тем, как мать ругала их за то, что они переступали через вещи отца или брата вопреки обычаям, или над тем, что они пытались готовить, когда у них были месячные. Она даже посмеялась над их отцом, когда он вернулся домой *шквебии*. Бесится, как чертов вареный петух, сказала Вера.

Теперь он дома, а Вера — нет, и некому указать на его сползающие с ягодиц штаны без пояса или растрепанные волосы. Как не хватает Веры, чтобы зажать нос и сверкнуть глазами! Бессмысленно притворяться, будто при виде отца она не испытывает отчаянный стыд. Или защищаться от него. А все остальное? Земляной пол вспучивается под тонким слоем линолеума. Патрис принесла из-за свисающего с потолка одеяла, служащего перегородкой, чашку чая и легла на кровать, которую с рождения делила с сестрой. Рядом с кроватью есть окно, что хорошо весной и осенью, когда так приятно смотреть сквозь него

на лес, и ужасно зимой и летом, когда от него либо веет холодом, либо через него летят сводящие с ума мухи и комары.

Она услышала разговор отца с матерью. Он умолял ее о чем-то, но все еще был чересчур слаб, чтобы по-настоящему злиться.

— Всего одну-две монетки, — донеслось до нее. — Один доллар, милое личико, и я уйду. Меня здесь не будет. Я оставлю тебя в покое. Сможешь побыть наедине с собой без меня. Ты же сама сказала, что этого хочешь. Я стану держаться подальше. Тебе не придется меня терпеть.

Он продолжал и продолжал в том же духе, пока Патрис потягивала чай и смотрела, как на березе желтеют листья. Сделав последний глоток, слегка подслащенный сахаром, она поставила чашку, переоделась в джинсы, стоптанные туфли и клетчатую блузку, заколола волосы и вышла из-за одеяла. Она проигнорировала отца — худые голени, туфли не по размеру — и указала матери на сырое тесто в своем ведерке для обеда.

— Оно все еще хорошее, — сказала мать, изогнув губы в легкой улыбке.

Она вынула тесто из ведерка и одним плавным движением выложила на сковороду. Иногда то, что делала мать, повторяя изо дня в день, каза-

лось похожим на фокусы.

— Пикси, о, Пикси, моя маленькая куколка? — издал громкий вопль отец.

Патрис вышла на улицу, подошла к поленнице, вытащила из пня топор и разрубила полено. Затем она какое-то время колола дрова. Она даже отнесла их к дому и сложила рядом с дверью. Эта часть работы была обязанностью Поки, но после школы он теперь учился боксировать. Поэтому она продолжала заниматься дровами. Когда отец был дома, ей требовалось делать что-то важное. Да, она была маленькой, но от природы сильной. Ей нравилась дрожь ударяющего по дереву металла, передающаяся ее рукам. К тому же, когда она размахивала топором, к ней приходили разные мысли. Она представляла, что сделала бы в той или иной ситуации. Как стала бы себя вести. Как сделала бы людей своими друзьями. И она не просто складывала дрова, она складывала их в определенном порядке. Поки дразнил сестру из-за ее затейливых поленниц. Но он равнялся на нее. Она была в семье первым человеком, у которого появилась работа. Не ловля пушного зверя силками, не охота или сбор ягод, а настоящая работа, как у белых людей. В соседнем поселке. Мать ничего не сказала, но намекнула, что благо-

дарна. У Поки в этом году появились школьные туфли. У Веры — клетчатое платье, перманент для домашней завивки «Тони» и белые сандалии с ремешком вокруг щиколотки — для Миннеаполиса. И Патрис откладывала понемногу от каждой зарплаты, чтобы съездить за Верой, которая, возможно, пропала.

Сторож

Время писать. Томас встал, сделал дыхательные упражнения по методу Палмера[9], которым научился в школе-интернате, и снял колпачок с ручки. У него был новый блокнот из магазина, окрашенный в спокойный бледно-зеленый цвет. Его рука была твердой. Он начинал с официальной переписки и в конце баловал себя письмами к сыну Арчи и дочери Рэй. Он хотел бы написать самому старшему, Лоуренсу, но у него еще не было адреса. Сначала Томас написал сенатору Милтону Р. Янгу[10], поздравив его с отлично проделанной работой по обеспечению электричеством сельских районов Северной Дакоты, и попросил о встрече. Затем он написал окружному комиссару, поздравив его с ремонтом гудронированной дороги, и тоже попросил о встрече. Потом он на-

---

[9] Сноски: 9

Остин Норман Палмер (1860–1927) — создатель стиля американского письма, автор учебника «Метод делового письма Палмера» (1901). Предложил простую, разборчивую и быструю форму письма; отказался от нажима и упростил форму букв.

[10] Сноски: 10

Милтон Рубен Янг (1897–1983) — американский политик, представлявший Северную Дакоту в сенате США с 1945 по 1981 год.

писал своему другу, газетному обозревателю Бобу Кори, и предложил ему встретиться и провести экскурсию по резервации. Он подробно ответил нескольким людям, которые написали на адрес племени из любопытства.

После того как с официальными письмами было покончено, Томас перешел к поздравительной открытке и письму Рэе: приближался день рождения дочери. *Неужели действительно миновал еще один год? Кажется, прошло совсем мало времени с тех пор, как я любовался твоим крошечным личиком и пучком каштановых волос. Я верю, когда ты увидела меня первый раз, ты мне подмигнула, сказав: «Не волнуйся, папа, я на все 100 % стóю всех проблем, которые только что доставила маме». Ты оказалась права, и на самом деле мы с мамой сказали бы, что ты был права на все 200 %…* Плавным почерком он быстро заполнил шесть страниц различными мыслями и новостями. Но когда он остановился, чтобы перечитать написанное, то не смог вспомнить, писал ли он это, хотя почерк был безупречен. Какая досада! Томас постучал ручкой по голове. Он писал во сне. Сегодняшняя ночь была хуже, чем большинство ночей. Он не мог вспомнить прочитанного. Это продолжалось попеременно: он то

писал, то читал, забывал, что написал, а потом забывал то, что прочел, потом писал снова и снова. Он отказывался останавливаться, но постепенно ему стало не по себе. У него возникло ощущение, что в темных углах комнаты кто-то есть. Кто-то наблюдает. Он медленно отложил ручку, а затем повернулся в кресле и оглянулся через плечо на замершее оборудование.

Взъерошенный маленький мальчик сидел на ленточной пиле. Томас тряхнул головой, моргнул, но мальчик остался на прежнем месте, его темные волосы торчали колючими прядками. На нем были те же желто-коричневые парусиновые жилет и брюки, что и на Томасе, когда он учился в третьем классе государственной школы-интерната в Форт-Тоттене. Мальчик был на кого-то похож. Томас пристально смотрел на малыша с торчащими волосами, пока тот не превратился снова в мотор.

— Мне нужно освежиться, — пробормотал Томас.

Он прошел в туалет, сунул голову под кран с холодной водой и умылся.

Затем снова пробил карточку табельного учета и отправился на второй обход. На этот раз он шагал медленно, едва продвигаясь вперед,

словно идя против сильного ветра. Ноги едва волочились, но разум прояснился, как только он вернулся к столу.

Томас подтянул брюки, чтобы сохранить на них стрелки, и сел. Роуз также заутюжила складки на рукавах его рубашки. Она использовала крахмал. Даже в тускло-зеленой рабочей одежде он выглядел солидно. Его воротник никогда не топорщился. Ему захотелось плюхнуться в кресло. Оно было мягким, удобным. Слишком удобным. Томас открыл термос. Тот был первоклассным, фирмы «Стэнли», подарок от старших дочерей. Они вручили ему термос, желая отпраздновать его назначение на оплачиваемую должность. Он налил немного черного кофе в стальную крышку, которая служила еще и стаканчиком. Теплый металл, плавные выступы, скругленное женственное основание — его было приятно держать в руках. Томас позволял векам долго и роскошно трепетать каждый раз, когда делал глоток. На этот раз он чуть не соскользнул с края кресла. Резко проснулся. Яростно приказал остаткам кофе в стаканчике проделать свою работу.

Во время смены он часто разговаривал с вещами, которые его окружали.

Томас открыл свой ланч-бокс. Он всегда обе-

щал себе есть немного, чтобы не засыпать, но усилие, требовавшееся, чтобы не погрузиться в сон, вызывало у него голод. Пережевывание еды мгновенно заставило его воспрянуть духом. Он съел кусок холодной оленины, положенный между двумя ломтями дрожжевого хлеба, который особенно хорошо удавался Роуз. Гигантскую морковь, которую сам вырастил. Кислое маленькое яблоко взбодрило его. Небольшой кусочек плавленого сыра и булочку, пропитанную вареньем, он приберег на утро.

Обильность сэндвича с олениной напомнила ему о жалких ниточках мяса между тонкими лепешками, которые они с отцом ели в особенно тяжелый год по дороге в Форт-Тоттен. В его жизни были периоды голода, которые он никогда не забудет. Как восхитительны были эти жесткие нити мяса, содранные с костей оленя. Как он набросился на эту еду, рыдая от голода. Несравнимо лучше, чем сэндвич, который он жевал сейчас. Он доел его, смахнул крошки на ладонь и бросил их в рот — привычка, оставшаяся с тяжелых времен.

Один из его учителей в Форт-Тоттене был фанатиком палмеровского метода чистописания. Томас час за часом рисовал идеальные круги,

писал слева направо, а затем наоборот, развивая нужные мышцы рук и усваивая правильное положение тела. И, конечно, дыхательные упражнения. Все это стало теперь его второй натурой. Заглавные буквы доставляли особенное удовольствие. Он часто придумывал предложения, которые начинались с его любимых заглавных букв. *R* и *Q* были его искусством. Он писал и писал, гипнотизируя себя, пока, наконец, не потерял сознание. Он очнулся, пуская слюни на сжатый кулак. Как раз вовремя, чтобы пробить время на карточке и сделать свой последний обход. Прежде чем взять фонарик, он надел куртку и достал из портфеля сигару. Он развернул сигару, вдохнул ее аромат и сунул в карман рубашки. В конце последнего обхода он выкурит ее на улице.

Это был самый темный час. Ночь казалась кромешным мраком за пределами луча его фонарика. Он выключил его один раз, чтобы прислушаться к характерным для здания потрескиваниям и постукиваниям. Воцарилась необычная тишина. Ночь стояла безветренная, какая редко выдается на здешних равнинах. Сразу за служебным входом он закурил сигару. Иногда он курил за своим столом, но любил выходить на свежий воздух, чтобы прояснилось в голове. Проверив сначала,

при себе ли у него ключи, Томас вышел на улицу и сделал несколько шагов. Сверчки все еще пели в траве, и этот звук будоражил его сердце. Это было время года, когда они с Роуз впервые встретились. Теперь Томас стоял на бетонной плите за пределами круга света от прожектора. Он посмотрел на безоблачное небо и холодные россыпи звезд.

Наблюдая за ночным небом, он был Томасом, который узнал много нового о звездах в школе-интернате. А еще он был Важашком, который узнал о звездах от своего деда, первого Важашка. Поэтому осенние звезды Пегаса были частью созвездия *Муза* его деда. Томас медленно затянулся сигарой. Выпустил дым вверх, как молитву. *Буганогийжик*, дыра в небе, через которую с грохотом прилетел в этот мир Творец, светясь и подмигивая. Ему хотелось поскорее увидеть *Икве Ананг*, женщину-звезду. Она начинала подниматься над горизонтом, как дуновение ветерка, и ее сияние все усиливалось. Икве Ананг сигнализировала о скором конце его нелегкого дежурства. За месяцы, проведенные Томасом в качестве ночного сторожа, он полюбил ее как человека.

Стоило Томасу вернулся в здание завода и сесть, его сонливость как рукой сняло. Он углубился

в чтение газет и племенных информационных листков, припасенных на этот случай. Пробежав глазами сообщение о принятии законопроекта, указывающего на то, что конгресс сыт по горло индейцами, он едва сдержал нервную дрожь. Снова. Никакого намека на стратегию. Или на панику, но она придет. Еще кофе, потом небольшой завтрак, и он отключился. К его облегчению, утро выдалось достаточно теплым, чтобы он успел немного вздремнуть на переднем сиденье своего автомобиля перед первой за день встречей. Его любимый грязно-серый «нэш»[11] был подержанным, но все равно Роуз ворчала, что он потратил на него слишком много денег. Она ни за что не призналась бы, как сильно ей нравилось кататься на плюшевом пассажирском сиденье и слушать радио. Имея постоянную работу, он мог регулярно выплачивать кредит. Теперь ему не нужно беспокоиться о том, как погода обойдется с его урожаем. Самое главное, это была машина, которая не могла сломаться и заставить его опоздать на работу. Свою работу он очень

[11] Сноски: 11

Корпорация «Нэш-Кельвинатор» возникла в результате слияния в 1937 году «Нэш моторс» и «Кельвинатор апплайанс компани». В 1954 году «Нэш-Кельвинатор» приобрела автомобильную компанию «Хадсон мотор» в Детройте, штат Мичиган, и в результате слияния образовалась корпорация «Американ моторс».

хотел сохранить. Кроме того, он планировал когда-нибудь отправиться в путешествие — или, как он в шутку его называл, второй медовый месяц с Роуз, — и пользоваться во время него задними сиденьями, которые, раскладываясь, превращались в кровать.

Томас залез в машину. В бардачке он хранил толстый шерстяной шарф, который наматывал на шею, чтобы голова не падала на грудь и не будила его. Он откинулся на мягкую обивку сиденья и провалился в сон. Томас проснулся в полной боевой готовности, когда Лабатт постучал в его окно, желая убедиться, что с ним все в порядке.

Лабатт был невысоким мужчиной, походившим телосложением на маленького медвежонка. Он вгляделся в Томаса. Его курносый нос прижался к стеклу, оставив на нем запотевший круг. Лабатт был вечерним уборщиком, но часто приходил в дневную смену, чтобы произвести мелкий ремонт. Томас любил наблюдать, как пухлые, крепкие, ловкие руки Лабатта чинят всевозможные механизмы. Когда-то они вместе учились. Томас опустил стекло.

— Опять отсыпаешься после работы?

— Ночка выдалась захватывающая.

— Даже так?

— Мне показалось, будто я видел маленького мальчика, сидящего на ленточной пиле.

Томас, увы, слишком поздно, вспомнил, что Лабатт чрезвычайно суеверен.

— Это был Родерик?

— Кто?

— Родерик, он ходил за мной по пятам.

— Нет, это был просто мотор.

Лабатт нахмурился, не вполне убежденный, и Томас знал, что услышит подробную историю о Родерике, если проявит нерешительность. Поэтому он завел машину и прокричал сквозь рев двигателя, что у него назначена встреча.

Кожаная палатка

Когда-нибудь она купит часы. Патрис жаждала точного способа учета времени, потому что в ее доме времени не существовало. Или, скорей, ей требовалось устройство, которое осуществляло бы «хранение времени», как в школе и на работе. На табуретке возле ее кровати стоял маленький коричневый будильник, но он отставал на пять минут в час. Патрис должна была компенсировать отставание, когда его заводила, и если б однажды она забыла это сделать, случилась бы катастрофа. Ее работа еще зависела и от того, будут ли ее подвозить каждое утро. Встретят ли Дорис и Валентайн. У ее семьи не было даже старой машины, которую можно было бы починить. Или косматой лошаденки, на которой можно было бы добраться до завода. До шоссе, по которому дважды в день проезжал автобус, было неблизко. Если ее не подвезут, придется шагать тринадцать миль по гравийной дороге. Она не могла заболеть. У нее не было телефона, чтобы кому-нибудь сообщить о болезни. Ее просто уволят. Жизнь вернется обратно к нулю.

Бывали времена, когда Патрис казалось, что она растянута на раме, как кожаная палатка. Тогда она пыталась забыть, как легко способен сорвать ее ветер. Или как легко отец может уничтожить их всех. Чувство, будто она единственный барьер между семьей и катастрофой, не было чем-то новым, но ее родичи зашли чересчур далеко с тех пор, как она начала работать.

Зная, как сильно они нуждаются в заработке Патрис, ее мать, Жаанат, неделями сидела у двери с топором. Пока они не узнавали, где находится отец, всем требовалось быть настороже. В выходные Жаанат менялась на вахте с Патрис. С топором и с керосиновой лампой на столе Патрис читала стихи и журналы. Когда наставала очередь Жаанат заступать на дежурство, та мурлыкала себе под нос всевозможные песенки, предназначенные для самых разных ситуаций. Мать тихонько напевала их, постукивая пальцем по столу.

Жаанат была женщиной способной и проницательной. Она отличалась осанистостью, силой и обладала выступающим вперед подбородком. Она была истовой индианкой прежних времен, воспитанной бабушкой и дедушкой, которые говорили только на языке чиппева, с детства

обучали ее племенным обычаям и рассказывали поучительные истории. Знания Жаанат считались исключительно важными, и девочку тщательно прятали, чтобы никто не забрал ее в школу-интернат. Она научилась читать и писать в те редкие дни, когда посещала дневную школу при резервации. Она плела корзины и расшивала бисером всевозможные изделия на продажу. Но настоящая работа Жаанат заключалась в том, чтобы передавать соплеменникам свои знания. Люди приезжали издалека, часто становились лагерем вокруг ее дома, чтобы учиться. Когда-то глубокие познания Жаанат были частью широкой сети возможностей. Их давало множество диких зверей, на которых можно было охотиться, богатый перечень дикорастущих съедобных растений, наличие огорода, где росли бобы и тыквы, а также обилие земли, по которой можно было бродить. Теперь в семье только Патрис выросла, говоря на чиппева, хотя без проблем выучила английский. Она исполняла большинство ритуалов, которым ее научила мать, но также стала католичкой. Патрис знала песни матери, но она была еще и выпускницей, которой доверили произнести прощальную речь, и учитель английского языка подарил ей

книгу стихов Эмили Дикинсон[12], где было одно стихотворение об успехе, тесно связанном с неудачей. Она видела, как девушки, вышедшие замуж и родившие детей, становились старухами уже в двадцать. С ними не случалось ничего выдающегося, и всему виной был тяжелый труд. Великие дела были суждены другим. Замужние женщины были потеряны навсегда. *«Сквозь смертной муки заслон… Триумфа ликующий стон»*[13]. Нет, ее жизнь будет не такой.

---

[12] Сноски: 12

Эмили Элизабет Дикинсон (1830–1886) — американская поэтесса. Хотя публикации ее стихов вызвали неблагоприятные отзывы критики в конце XIX и начале XX в., в настоящее время Эмили Дикинсон рассматривается критикой как одна из величайших американских поэтесс.

[13] Сноски: 13

Приведены строки из стихотворения Э. Дикинсон «Успех» *(пер. В. Марковой).*

Трое

Мозес Монтроуз спокойно сидел за чашкой горького чая. Судья племени был невысоким, худощавым, ухоженным мужчиной, который легко носил груз своих шестидесяти пяти лет. Они с Томасом устроились в своем «конференц-зале», как они в шутку называли кафе «У Генри» — несколько столиков и кухня за проемом в стене. Состояние дел: один сотрудник племенной полиции, работавший на полставки, был на севере на похоронах. Тюрьма находилась на ремонте. Это была небольшая крепкая лачуга, выкрашенная в белый цвет. Дверь в ней вышиб Эдди Минк, который обычно коротал там ночь, распевая песни в припадках пьяной радости. Ему нужно было еще вина, сказал Эдди, поэтому он решил уйти. Они заговорили о новой двери. Как обычно, племя испытывало финансовые трудности.

— Прошлой ночью я произвел арест, — сообщил Мозес. — Запер Джима Дюваля в моей уборной за домом.

— Он снова дрался?

— Еще как. Мы забрали его. Пришлось попро-

сить моего мальчика помочь запихнуть его внутрь.

— Дюваля ждала холодная ночь.

— Он не заметил. Он спал прямо на толчке.

— Нужно найти другой способ, — проворчал Томас.

— На следующий день я надел судейскую мантию и привел его в свою кухню на суд. Выписал ему штраф и отпустил. У него был только один доллар на уплату штрафа, поэтому я взял доллар и посчитал, что мы в расчете. Потом я весь день чувствовал себя скверно. Не дело отнимать последний кусок у семьи. В конце концов, иду к нему домой и отдаю доллар Леоле. Я должен зарабатывать на жалованье, но не таким же способом.

— Нам нужно опять начать использовать тюрьму.

— Мэри ужасно разозлилась, когда я запер его в нашей уборной. Говорит, чуть не лопнула ночью!

— О, мы не можем позволить Мэри лопнуть. Я разговаривал с суперинтендантом, но тот говорит, с деньгами очень туго.

— Ты имеешь в виду, человек он тугой. В задницу.

Мозес сказал это на языке чиппева — на нем почти все казалось смешнее. Смех улучшил настроение Томаса, и он почувствовал, что кофе тоже пошел ему на пользу.

— Мы должны рассказать о Дювале в информационном листке. Так что припомни подробности.

— В этом месяце мы о нем уже писали.

— Публичный позор больше не работает, — посетовал Томас.

— В его случае так и есть. Но бедная Леола ходит с опущенной головой.

Томас пожал плечами, но большинство членов совета проголосовали за включение информации об арестах и штрафах за месяц в бюллетень племени. У Мозеса был друг в местном отделении Бюро по делам индейцев в Абердине, штат Южная Дакота, который прислал ему копию предлагаемого законопроекта, имевшего целью «эмансипацию» индейцев. Именно это слово использовалось в газетных статьях. Эмансипация. Томас еще не видел законопроекта. Мозес вручил ему конверт и сказал:

— Они хотят от нас избавиться.

Конверт был не очень тяжелым.

— Избавиться? Я думал, речь идет об эмансипации

пации.

— То же самое, — буркнул Мозес. — Я прочитал все целиком, каждое слово. Они решили от нас избавиться.

* * *

У бензоколонки возле магазина Томаса остановил Эдди Минк. Спутанные пряди его длинных седых волос были заправлены за воротник обвисшей армейской шинели. Его лицо покрывала сеточка вен, нос был бугристым и фиолетовым. Когда-то он был красив и до сих пор носил пожелтевший шелковый шарф, повязанный как аскот[14] у кинозвезды. Он спросил у Томаса, не угостит ли тот его выпивкой.

— Нет, — ответил Томас.

— Я думал, ты снова начал прикладываться к бутылке.

— Передумал. И ты должен племени новую тюремную дверь.

Эдди сменил тему, спросив, знает ли Томас об эмансипации. Томас сказал «да», но заинтересовала его не эмансипация. Заинтересовало его то,

---

[14] Сноски: 14

Аскот — широкий мужской шейный платок, завязанный под подбородком.

что Эдди услышал о законопроекте раньше всех. Увы, дело обстояло именно так. Когда-то блестящий ум, он все еще был способен откапывать самые свежие новости.

— Я слышал о ней, конечно. Задумано неплохо, — проговорил Эдди. — Слышал, я мог бы продать землю. Все, что у меня есть, — это двадцать акров.

— Но тогда у тебя не будет больницы. Ни клиники, ни школы, ни управляющего, ничего. Негде будет даже голову приклонить.

— Мне ничего не нужно.

— Никаких поставляемых государством товаров.

— Я могу купить себе еду на деньги, вырученные за продажу земли.

— По закону ты больше не будешь индейцем.

— Закон не может вынуть из меня нутро индейца.

— Может, и так. Но как насчет того, что вырученные за землю деньги закончатся? Что тогда?

— Я живу сегодняшним днем.

— Ты как раз из тех индейцев, которых они ищут, — возразил Томас.

— Я пьяница.

— Вот кем мы все станем, если произойдет то,

что они задумали.

— Тогда пусть это произойдет!

— Деньги убьют тебя, Эдди.

— Смерть от виски? Да, *ниджи*?

Томас рассмеялся:

— Эта смерть безобразней, чем ты думаешь. И подумай, как планы правительства повлияют на стариков, на всех людей, которые хотят сохранить свою землю. Подумай об этом, *ниджи*.

— Я знаю, что ты прав, — согласился Эдди. — Я просто не хочу принимать твою точку зрения прямо сейчас.

Эдди ушел, продолжая что-то бубнить себе под нос. Он жил один на отцовском участке в маленькой лачуге. Толь кусками свисал с ее крыши и хлопал на ветру. В резервации действовал сухой закон, так что Эдди наполовину ослеп от некачественного контрабандного пойла. Когда Джагги Блу делала вино из черноплодной рябины, она всегда давала Эдди кувшин, чтобы тот не травился низкосортной продукцией бутлегеров. Зимой Томас посылал Уэйда на оставшейся у них лошади посмотреть, не помер ли Эдди, и нарубить для него дров, если он жив. В прежние времена Томас и его друг Арчилл ходили на

буш-данс[15] вместе с Эдди, который мог играть на скрипке, как ангел или как дьявол, независимо от количества выпитого.

* * *

Большинство людей строили дома недалеко от шоссе, но ферма Важашка располагалась в самом конце длинной извилистой подъездной дороги, прямо на травянистом холме. Старый дом был в два этажа высотой, построен из обтесанных вручную дубовых бревен, посеревших от непогоды. Новый дом представлял собой уютный коттедж, возведенный правительством. Дед Важашка купил старый дом вместе с участком еще в 1880 году, до того как территория резервации была сокращена. Он смог купить его, потому что земля нуждалась в колодце. Но колодец заслуживает отдельного упоминания. Десять лет назад семья получила право на новый дом от правительства. Он привел их в восторг, когда его привезли на грузовике с огромным прицепом. Зимой Томас, Роуз, ее мать Ноко и множество

[15] Сноски: 15

Буш-данс — стиль танца, завезенный из Австралии. Танцы в основном основаны на традиционных народных танцах Великобритании, Ирландии и Центральной Европы.

детей, причем не только их собственных, спали в хорошо утепленном новом доме. Но сегодня было не слишком холодно, и Томас решил отдохнуть в старом жилище. Он припарковал «нэш» и вылез из него, страстно предвкушая момент, когда заберется под тяжелое шерстяное одеяло.

— Ты что, опять захотела от меня улизнуть?!

Роуз и ее мать ссорились, и он подумал о том, чтобы прямо сейчас ускользнуть в старый дом. Но Роуз высунулась из двери и воскликнула:

— Ты уже вернулся домой, муженек!

У нее на губах играла нежная улыбка. Она вернулась в дом, с грохотом хлопнув дверью, но, несмотря на это, Томас понял, что настроение у нее хорошее. Он всегда проверял настроение жены, прежде чем что-либо предпринять. Оно было сродни погоде. Сегодня слегка штормило, но настроение у жены было радостное, светлое, радужное, поэтому он вошел в дверь. Малыши, о которых заботилась Роуз, лепетали что-то в большой кроватке. На столе для него были приготовлены две покрытые сахарной глазурью булочки с корицей и миска овсянки. Чьи-то куры все еще неслись, и рядом с Роуз лежало яйцо. Она поджаривала два ломтика хлеба на сале и, когда он сел, бросила их ему на тарелку. Он зачерпнул

воды из последнего полного ведра.

— Я принесу воду, когда проснусь, — пообещал он.

— Нам она нужна прямо сейчас.

— Я разбит. Совершенно.

— Тогда я подожду со стиркой.

Это была большая уступка. Роуз пользовалась допотопной стиральной машиной с вращающимися лопастями и любила стирать пораньше, чтобы в полной мере воспользоваться дармовым солнечным теплом. Томас объяснил ее жертву любовью к себе и потому ел с чувством.

— Моя милая, — произнес он.

— Милая то, милая это, — проворчала Роуз.

Он вышел за дверь, прежде чем она успела передумать и затеять стирку немедля.

Солнце заливало спальный верхний этаж старого дома. Несколько поздних мух бились об оконное стекло или готовились к смерти, кружа на уровне пола. Одеяло сверху было теплым. Томас снял брюки и сложил их вдоль стрелок, чтобы те не помялись. Пару кальсон он держал под подушкой. Томас надел их, повесил рубашку на стул и залез под тяжелое одеяло. Оно было сшито из лоскутов, оставшихся от шерстяных пальто и курток, которые по очереди носили все

члены семьи. Здесь было темно-синее пальто его матери, скроенное из шерстяного одеяла и в конечном итоге опять ставшее одеялом. Здесь были клетчатые шерстяные куртки его мальчиков — рваные и поношенные. В этих куртках они носились по полям, катались с обледенелых холмов, боролись с собаками, но оставили их дома, когда взялись за «городскую» работу. Здесь было сине-серое пальто Роуз времен первых дней их брака, теперь совсем тонкое, но все еще сохранившее очертания ее очаровательной фигуры. Он вспомнил, как она пошла от него прочь, затем остановилась, повернулась и улыбнулась, глядя из-под полей темно-синей шляпы, пробуждая в нем чувство любви. Они были так молоды. Всего шестнадцать лет. Сейчас он женат уже тридцать три года. Роуз получила большую часть имевшихся у них пальто и курток от сестер-бенедиктинок за работу в их благотворительном магазине. Но его собственное двубортное верблюжье пальто было куплено на деньги, которые он заработал на уборке урожая. Старшие мальчики износили его, но у него все еще хранилась подходящая к нему фетровая шляпа. Где же она, эта шляпа? Последний раз ее видели в коробке на двойном комоде. Разглядывание остатков пальто, соединенных

шерстяными нитями, всегда действовало на него успокаивающе и усыпляло к тому времени, когда он доходил до армейской шинели Фалона. Эта шинель не дала бы ему уснуть, если бы он думал о ней слишком долго.

Последние осознанные мысли Томаса были о старом отцовском пальто, коричневом, умиротворяющем. Вниз по склону, через болото, между голых борозд полей, через березовый, а потом дубовый лес тянулась узкая, поросшая травой дорога, проходящая по его земле и ведущая к дому его отца. Отец был теперь так стар, что спал большую часть дня. Ему было девяносто четыре. Когда Томас думал об отце, покой закрадывался в его сердце и обволакивал его, как солнечный свет.

Тренер по боксу

Самый способный ученик Ллойда Барнса, преподавателя математики, выступал под именем Лесистая Гора. Он окончил школу в прошлом году, но все еще тренировался в спортивном зале, который Барнс оборудовал в гараже общинного центра. Все говорили, что молодой человек прославится, если будет держаться подальше от выпивки. Сам Барнс, крупный мужчина с густыми, похожими на солому светлыми волосами, тренировался вместе со своими учениками, посещающими боксерский клуб. Упражнение, которое они выполняли, называлось «три по три» — скакалка в течение трех минут, отдых, три минуты, отдых и еще три минуты. Барнс организовывал так все упражнения. Он делил их на периоды времени, соответствующие раундам, в течение которых они будут биться. Он сам спарринговал с мальчиками, чтобы на тренировках повышать их мастерство. Барнс научился боксировать в Айове у дяди, Джина Барнса по прозвищу «Музыка», известного необычным поведением на ринге. Барнс никогда не был уверен, получил ли

его дядя, дирижер оркестра, прозвище из-за своей повседневной работы, из-за привычки напевать, танцуя перед противником, или потому, что он был отличным боксером, и на спортивных страницах газет неизменно писалось, что такой-то середнячок должен «встретиться лицом к лицу с самим Музыкой». Барнс никогда не заходил так далеко, как его дядя, и после серьезного нокаута решил, что школа подготовки учителей в Мурхеде предназначена как раз для него. Он посещал школу по «Джи-Ай биллю»[16], и те ссуды, которые ему пришлось взять, были немедленно прощены, как только он дал согласие на работу в резервации. Он трижды переезжал с места на место: из Гранд-Портиджа в Ред-Лейк, из Ред-Лейка в Рокки-Бой[17] — и вот уже два года жил в резервации Черепашьей горы. Ему это место нравилось. К тому же он положил глаз на местную девушку и надеялся, что она его заметит.

---

[16] Сноски: 16

Джи-Ай Билль — закон (билль) США, который определял льготы для вернувшихся с фронта участников Второй мировой войны. Срок действия закона истек в 1956 году.

[17] Сноски: 17

Гранд-Портедж — индейская резервация в округе Кук, штат Миннесота, в северо-восточной части штата. Ред-Лейк — резервация на севере Миннесоты, где проживает индейское племя чиппева. Рокки-Бой — индейская резервация, расположенная на севере центральной части штата Монтана.

В прошлые выходные Барнс был в Гранд-Форксе, наблюдая, как Кид Раппато сражается с Северином Бойдом в матче за «Золотые перчатки»[18]. Сейчас, прыгая со своими учениками через скакалку, он вспоминал о том, как Бойд и Раппато вышли из своих углов и бросились друг на друга, как кошки. Оба были так быстры, что ни один из них не смог нанести что-либо посерьезней скользящего удара. В течение пяти раундов ситуация не менялась — ослепительные движения, клинч, шаг в сторону, а затем они снова начинали размахивать перчатками в воздухе. Раппато славился тем, что умел измотать противника, но Бойд держался стойко и даже почти не вспотел. Во время шестого раунда Бойд сделал то, что Барнс счел сомнительной уловкой, но все равно восхитился. Бойд отступил, опустил перчатки, подтянул трусы, бросил на Раппато пустой взгляд, а потом неожиданно нанес дальний удар слева, откинувший голову Раппато назад. Бойд уже давно вел к этому с помощью искусной актерской игры. Ни с того ни с сего терял бдительность. Притворялся, что у него проблемы с трусами. И эти пустые взгляды. Время от времени, как будто на него на-

[18] Сноски: 18

«Золотые перчатки» — ежегодный турнир по любительскому боксу, проводимый в США.

вели порчу. Они казались безобидной причудой, пока Бойд не провел другой удар левой, на этот раз в корпус, а затем нанес удар правой в голову, который мгновенно послал Раппато в нокдаун, подавил в нем способность к сопротивлению и принес Бойду победу в поединке.

Сидя у ринга, Барнс повернулся к Рейнольду Джарвису, учителю английского языка, который также отвечал за постановку школьных спектаклей.

— Нам нужен тренер, владеющий актерским мастерством, — произнес Барнс.

— Вам нужно больше спортивного снаряжения, — возразил Джарвис.

— Сейчас мы собираем деньги на перчатки.

— А малая груша для отработки быстрых ударов? А большая груша?

— Мешковина, опилки. И пара старых покрышек.

— Ладно. Я понял. Актерское мастерство действительно может оказаться полезным.

Многие вещи, включая силу и даже выносливость, можно сфабриковать. Или, что еще более важно, многое можно скрыть. Например, один из самых многообещающих боксеров Барнса, Аджиджаак, был похож на цаплю, в честь которой его

назвали. Он походил и на самого Барнса, худой и высокий, такой нервный, что казалось, его била дрожь. Аджиджаак держался с видом кроткого смирения. Но у мальчика были поразительный удар левой и хватка болотной птицы. Кроме него, был Поки Паранто, необузданный талант без огранки. Ревард Стоун-Бой, Калберт Сен-Пьер, Дайси Айнак, Гарнет Фокс и Кейс Аллери — эти ребята делали успехи. Уэйд Важашк все еще уговаривает мать позволить ему боксировать в матче. Он тоже многообещающий парень, хотя и не обладает инстинктом. Думать хорошо, но Уэйд думал дважды, прежде чем ударить. Барнс провел много времени, возя мальчиков на матчи по другим городам — городам за пределами резервации, где толпа разражалась боевыми кличами или насмешками, когда их фаворит проигрывал. Он отвозил мальчиков домой после матчей и тренировок, которые продолжались еще долго после того, как уходил школьный автобус.

Прямо сейчас мальчики поднимали гири, но делали это совершенно неправильно. Барнс заставил их расправить плечи. Ему не нравилось слишком нагружать левую руку, ибо его цель состояла в том, чтобы развить в каждом удар слева, такой же быстрый, как прелюдия к легендарной

«симфонии-сюрпризу» знаменитого Музыки, мощному, непредсказуемому шквалу ударов, которые когда-то вынудили Эззарда Чарльза[19] упасть на канаты. Но, конечно, это было до того, как Чарльз стал крутым, а потом вскарабкался на самый верх. Музыка был тонким бойцом, однако, в конце концов, судьба свела его с драчуном, повредившим ему селезенку.

Лесистая Гора некогда посещал занятия по сварке и теперь делал гири для клуба, наполняя жестяные канистры и банки всех размеров песком и сваривая их вместе. Гири получались неодинаковые, поэтому мальчики, желая накачать мускулы, поднимали полуторафунтовые, трехфунтовые, семифунтовые с четвертью, двенадцатифунтовые, восемнадцатифунтовые и двадцатифунтовые гири. Но для лучшего результата Барнс решил поступить по-другому.

— А теперь смотрите, — сказал он.

Он сжал правую руку в кулак и прижал костяшки пальцев к стене.

— Делай как я.

Все мальчики сжали кулаки и сделали то же

[19] Сноски: 19

Эззард Мак Чарльз, более известный как Эззард Чарльз (1921–1975), — американский боксер-профессионал, чемпион мира в супертяжелом весе.

самое.

— Давление, давление, — пояснил Барнс и снова прижал кулак к стене, пока мышцы на предплечье не начали гореть. Прядь волос упала на лоб. — Сильнее… О'кей, отставить, — скомандовал он.

Мальчики отступили, встряхивая руками.

— Теперь левой.

Хитрость заключалась в том, чтобы развить только нужные мышцы, выполняющие удар. Музыка была одержим скоростью и скрытностью. Он научил Барнса ментальным трюкам. Барнс подал сигнал, призывающий к перерыву. Мальчики выстроились в очередь у фарфорового фонтанчика с водой, а затем собрались вокруг тренера.

— Будем отрабатывать скорость, — сообщил Барнс. — Теперь я хочу, чтобы каждый из вас назвал самую быструю вещь, которая придет на ум.

— Молния, — выпалил Дайси.

— Каймановая черепаха[20], — вставил Уэйд, которого укусила одна из них.

— Гремучая змея, — подхватил Ревард, чья семья часто ездила в Монтану.

---

[20] Сноски: 20

Каймановая черепаха — большая американская пресноводная черепаха с длинной шеей и сильными челюстями.

— Чих, — не нашел ничего лучшего Поки, что заставило всех рассмеяться.

— Сильный чих, — пришел на выручку Барнс, — похожий на взрыв! Вот каким ты хочешь видеть свой удар. Без предупреждения. А теперь представьте, каждый из вас, самую быструю вещь, которую вы никогда не видели. Деритесь с воображаемым противником. Три минуты на бой. Три на отдых. Как всегда.

Барнс достал секундомер и стал красться за ними, пока они делали ложные выпады, наносили серии ударов, опять делали ложные выпады, снова били. Он остановил Кейса, похлопал его по руке:

— Не размахивай локтем! Твой джеб за милю видно!

Он кивнул, наблюдая за их движениями.

— Не отводите руку назад! Не делайте этого!

Потом он сам наносил удары Поки, уча его не вздрагивать. Барнс знал, откуда это взялось. И кто был виновником.

Под конец он заставил подопечных пробежать интервальные спринты[21], а затем сделать

---

[21] Сноски: 21

Интервальный тренинг — вид тренинга, при котором используется чередование промежутков с высокой и низкой интенсивностью нагрузки.

несколько медленных кругов, чтобы остыть. Кэлберт и Дайси жили достаточно близко, чтобы дойти пешком. Остальные ввалились в машину Барнса. По дороге к их домам он рассказывал о том, как Бойд победил Раппатоу. Он не мог описать все правильно. И он не мог показать фотографию, сделанную во время боя.

— Нам понадобится мистер Джарвис, чтобы все как следует вам показать, — наконец признался он.

Поки всегда высаживался последним. Его дом был дальше других и в стороне от дороги, но Барнс настоял на том, чтобы заехать на ведущую к нему дорожку, хотя та была узкой и потом пришлось бы сдавать назад. Сначала причиной такой настойчивости было то, что он слышал о Паранто и хотел убедиться, что с Поки все в порядке. А потом он увидел Пикси. Теперь Барнс ехал по дорожке, ведущей к ее дому, потому что всегда был шанс увидеть, как Пикси рубит дрова. Пикси. О, эти глаза!

Барнс вернулся в учительскую столовую сразу после того, как еда была убрана. Он жил в «холостяцком домике», маленьком белом бунгало под тополем. Учителя и другие государственные служащие жили в двухэтажном кирпичном здании

с четырьмя просторными комнатами на втором этаже и двумя — на первом, плюс общая кухня и зона отдыха в просторном цокольном этаже с небольшой комнатой для смотрителя/повара, Джагги Блу. Сейчас она мыла посуду и готовилась вымыть пол на кухне, как обычно в семь вечера. Джагги была коренастой мускулистой женщиной с проницательным взглядом, лет сорока с небольшим. Она заседала в консультативном совете племени вместе с Томасом. Как и Барнс, она постоянно пыталась бросить курить, а это означало, что, когда она давала слабину, они делали это вместе. Но не сегодня. Скорее всего, не сегодня. Позже ему предстояло поработать с Лесистой Горой.

Джагги всегда придерживала для Барнса тарелку с ужином, полную до краев. Вот и теперь она вытащила миску с пирогом из разогретой духовки на своей любимой плите с шестью конфорками. В этой плите имелись не одна, не две, а целых три духовки с черной крапчатой эмалью внутри и противнями из нержавеющей стали. Она обошлась недешево. Ее привезли из Девилс-Лейка[22] по настоянию Джагги. Та имела влияние

[22] Сноски: 22
Девилс-Лейк — город в округе Рэмси, Северная Дакота.

на суперинтенданта Тоска. Дорогая плита позволяла выпекать сразу несколько блюд и даже тушить на медленном огне ее знаменитое рагу из говядины. В первый раз она приготовила его в старинной голландской печи, еще в прошлом веке привезенной на повозке, запряженной волами. Для этого блюда она использовала целую бутыль собственноручно сделанного вина из черноплодной рябины, а также купленную у Томаса морковь, которую тот хранил всю зиму в погребе, в ящике с песком. Ей всегда удавалось найти нужные ингредиенты. Сведения об их наличии она выпытывала у всех в резервации. Что не могло не удивлять, потому что ей было совершенно чуждо обаяние.

— Мясной пирог, — буркнула она и ушла наполнять ведро, чтобы протереть пол.

О боже, как он был голоден! Впрочем, Барнс хотел есть всегда. И закрытый пирог был его самым обожаемым из ее фирменных блюд. Ну, может, вторым или третьим по степени обожания. Она использовала свиное сало из Сент-Джона[23], дающее хрустящую корочку, и закупала цыплят, доставленных через границу с Канадой из

[23] Сноски: 23

Сент-Джон — второй по величине город восточной канадской провинции Нью-Брансуик.

колонии гуттеритов[24]. Пембинский[25] картофель, который она выкапывала каждый год сама и припасала для особых случаев, был мелким и молодым, потому что еще стоял сентябрь. Морковь была идеально прожарена, но не размягчена. Слегка подсоленный луковый соус. Мягкие кусочки лука, сперва подрумяненного. Она щедро посыпала его занзибарским перцем. Закончив есть, он склонил голову. Джагги стала главной причиной, по которой некоторые учителя продлили контракты, а источник ее власти над суперинтендантом Тоском было нетрудно понять.

Барнс вздохнул и поставил пустую тарелку на стойку.

— Ты превзошла саму себя.

— Хм. Есть закурить?

— Нет. На этот раз я действительно завязал.

— Я тоже.

Они оба сделали паузу, на случай, если…

— Позволь мне закончить с полом, — сказала

---

[24] Сноски: 24

Гуттериты — течение в анабаптизме, которое возникло в XVI веке, названо по имени одного из первых лидеров — Якоба Гуттера. Отличительной их чертой является общность имущества.

[25] Сноски: 25

Округ Пембина располагается в штате Северная Дакота.

Джагги.

Затем она выпрямилась, прищурилась, огляделась и вытащила из-под прилавка сверток. Ужин для ее сына. Она сунула его Барнсу.

Лесистая Гора уже был в спортзале. Барнс нашел его у мешка с опилками, заменяющего боксерскую грушу. Маленькие облачка пыли вылетали из мешковины каждый раз, когда Лесистая Гора наносил удар левой. Его левая рука била сильнее, хотя он был правшой. Барнс положил сверток рядом с аккуратно сложенной одеждой Лесистой Горы. Он был сыном Джагги от Арчилла Железного Медведя, индейца сиу, чей дед пропутешествовал на север вместе с Сидящим Быком, пытаясь скрыться после битвы при Литтл-Бигхорне[26]. Несколько семей остались в Канаде, некоторые в защищенном месте на равнинах под названием Лесистая Гора. Большинство людей забыли настоящее имя сына Джагги и называли его по месту, откуда приехал его отец.

— Хорошо выглядишь, — улыбнулся Барнс,

---

[26] Сноски: 26

Битва при Литтл-Бигхорне — сражение между индейским союзом лакота — северные шайенны и Седьмым кавалерийским полком армии США, произошедшее 25–26 июня 1876 года у реки Литтл-Бигхорн в Монтане. Битва закончилась уничтожением пяти рот американского полка и гибелью его командира.

сбрасывая куртку.

Барнс взял боксерский пэд[27], который сам сшил из старых лошадиных попон и набил опилками. Он поднял его и пустился в пляс, прыгая вправо и влево, чтобы Лесистая Гора в него попал. На пэд был нашит неровный круг из красной ткани. Барнс менял местоположение круга каждые несколько дней.

— Ты весь сжимаешься перед ударом, расслабься, — посоветовал он.

Лесистая Гора остановился и слегка подпрыгнул, его руки свободно повисли. Затем он продолжил. Предплечья Барнса начали болеть, поглощая удар за ударом по пэду. Хорошо, что он сошел с ринга еще до того, как на него взошел Лесистая Гора. Барнс был выше, но они оба принадлежали к одной весовой категории. Оба были в среднем весе, обычно не превышающем 170 фунтов[28], хотя, пожалуй, сейчас Барнс весил больше. Он винил в этом Джагги.

---

[27] Сноски: 27

Боксерские пэды — спортивные мобильные снаряды для ежедневных тренировок спортсменов. Надеваются на руку тренера или спарринг-партнера и позволяют отработать все виды ударов и комбинаций.

[28] Сноски: 28

Примерно 77 кг.

Ноко

Томас выплыл на поверхность сна. Он слушал мышей, приятно шуршащих за штукатуркой и в камышовой крыше. Но вот до него донесся звук подъехавшей машины. Его сменил скрип повозки, которую все еще держал его отец. Роуз и девочки громко кричали и смеялись. Младенцы визжали. Томас почувствовал, что слишком полон жизненных сил. Он попытался взять себя в руки, погрузиться обратно под поверхность звуков. Он накрыл голову подушкой и исчез. В следующий раз, когда он пришел в себя, солнце было бледнее, свет наполовину иссяк, и его тело расслабилось в таком приятном оцепенении, что он казался себе пригвожденным к тонкому матрасу. Наконец он встал, вышел из старого дома и прошел в новый, на кухню. Шарло, его дочь, была бойкой жизнерадостной старшеклассницей, темные волосы каждый вечер завивались на бигуди, джинсы были закатаны до лодыжек. Клетчатая блузка, свитер, двухцветные кожаные туфли. Фи вела себя тише, ей было всего одиннадцать, и, нажимая на педаль маслобойки, она

была погружена в мечты. Роуз жарила картошку с луком. Уэйд входил и выходил, нанося удары по воздуху. Считалось, что он заполняет ящик для дров.

А малыши… О, малыши всегда что-то затевали. Один слегка всхлипывал во сне, другой пытался засунуть в рот свою пухлую ножку.

У Роуз на плите стоял чайник с горячей водой. Она указала на тазик. Томас налил немного кипятка, и она добавила полный ковш холодной воды из ведра. После того как Томас умылся, он взбил в своей медной кружке для бритья пену и нанес ее на верхнюю губу. Маленькое квадратное зеркало в резной деревянной рамке принадлежало Роуз. Оно было сделано из добротного толстого стекла, хорошо посеребренного. Она привезла его с собой, когда они поженились. У Томаса на лице было около сорока жестких волосков. Он поточил бритву, тщательно сбрил их. Затем разделся до пояса, обтер тело тряпкой и отнес ее с тазиком в спальню.

Мать Роуз дремала на стуле рядом с умывальным столом. Ноко слегка похрапывала, склонив голову. Ее седая голова была обмотана коричневым платком, крошечные диски из ракушек свисали с оттянутых мочек. Скрюченные руки

лежали на коленях. Во сне она вздрогнула, затем ее голова дернулась вверх, губы растянулись, и она зашипела, как кошка.

— В чем дело, мама?

— Гардипи! Он снова принялся за свое!

– *Гавиин*, все в порядке, это было давно, — успокоила мать Роуз.

— Он прямо там, — не унималась старуха. — Снова вломился!

— Нет, мама. Это же Томас.

Ноко подозрительно уставилась на него.

— Этот человек стар. Томас — молодой парень, — возразила она.

Роуз прикрыла рот рукой, чтобы скрыть смех.

— Эй, Ноко, ты больше не думаешь, что я молод? — усмехнулся Томас.

— Я не дура, *акивензи*. Ты не Томас.

Старуха сказала это твердо, с негодованием и медленно сложила худые руки на груди.

Она оставалась в таком положении, наблюдая за каждым движением Томаса. Он сел за стол.

— Зачем ты здесь? — Она прищурилась, когда он съел тарелку поджаренной маисовой каши, которую перед ним поставила Роуз. — Охотишься за моей дочерью?

— Нет!

— Почему нет?

— Ноко, я Томас. Я постарел. Я ничего не могу с этим поделать.

— Роуз тоже старая.

Ноко широко раскрыла глаза и беспомощно посмотрела на дочь, чьи волосы почти полностью поседели.

— Роуз старая. Роуз старая, — повторила Ноко удивленным голосом.

— Ты тоже старая, — произнесла Роуз раздраженно.

— Может быть, — согласилась Ноко, бросив хитрый взгляд на Томаса, и добавила: — Ты отвезешь меня домой? Меня чертовски тошнит от этого места.

— Прекрати так с ним разговаривать! — крикнула Роуз.

Ей было трудно осознать, что Ноко чересчур отдалилась от реальной жизни. Она повысила голос на мать, как будто это могло вернуть Ноко в мир, который они когда-то разделяли. Подавленная, Роуз схватила охапку белья и побежала в сарай, где стояла ее стиральная машина. Томас услышал бульканье воды и вспомнил: она подождала со стиркой, чтобы он мог поспать. Бочка для дождевой воды была пуста. Ему следовало

поторопиться и принести воду из колодца, вырытого неподалеку от озера. Он коснулся руки Ноко и проговорил:

— Ты устала. Может, проводить тебя до кровати, чтобы ты могла поспать?

— Я не могу выбраться из кресла.

— Я помогу тебе подняться, — отозвался Томас.

— Я застряла.

Томас посмотрел вниз и увидел, что длинные густые седые волосы Ноко обвились вокруг дверной ручки. Шарло любила расчесывать бабушкины волосы и оставила их распущенными.

— Иди сюда, Шарло, — позвал он, и они вместе распутали волосы.

— О, Ноко, — извиняющимся тоном произнесла Шарло. — Я запутала твои волосы!

— Не волнуйся, моя девочка, — успокоила внучку старуха, погладив ее по лицу. — Ничто из того, что ты можешь сделать, не причинит мне вреда.

Но когда Шарло вышла на улицу, чтобы привести мать, Ноко снова разволновалась и попыталась вскочить с кресла. Томас удержал ее, взяв за руку.

— Сиди спокойно, ты можешь упасть и пораниться.

— А хоть бы и так, — ответила Ноко. — Я хочу

умереть.

— Не говори так, — попросил Томас.

Она сердито посмотрела на него.

— Ты вырастила мою любимую, — продолжил Томас. — Ты отлично справилась.

— Скажи это Томасу, — проворчала Ноко. — Он в это не верит.

Томас обошел кресло и помог Ноко подняться. Однако от этого усилия ноги ее подкосились, и она рухнула. Томас поднял старую женщину, и они с трудом доковыляли до кровати. Простыни на ней не было. Роуз сняла ее сегодня, чтобы выстирать. Ноко упала на голый матрас лицом вниз. Томас перевернул Ноко на спину и, сняв с нее туфли, поднял на кровать ноги.

— Ты не можешь вот так положить ее на матрас, — заявила Роуз, стоя в дверях. В ее голосе звучали слезы. — Под нее надо подложить что-нибудь мягкое. От пуговиц на матрасе у нее останутся синяки. Ее кожа теперь такая нежная, что они появляются едва ли не сами собой. Мы должны купить наматрасник для ее кровати.

— На какие деньги?

— На те, которые ты тратишь на машину.

Томас спокойно выдержал бушующий жар гнева жены. Он исходил от нее неровными волнами.

Но потом, стоя перед ней, почувствовал, как ему стало легче. Это опять была прежняя Роуз с ее забавной полуулыбкой. Она перевела дыхание и рассмеялась:

— О, мама, посмотри на себя. Большие пальцы на маленьких ступнях торчат прямо вверх, как два пистолета.

Роуз и Томас расстелили под старухой сложенное шерстяное одеяло. Это было единственное, что они могли придумать, и теперь Ноко медленно пересекала реку сна, уплывая от них вдаль на своем тонущем плоту.

* * *

По выходным, чтобы возить воду для питья, Томас обычно пользовался конной упряжкой. Для умывания и уборки они собирали дождевую воду в бочки. Зимой они растапливали снег. Но сейчас у него не было времени запрягать лошадь. Томас постелил старый брезент в багажник машины. Он был очень осторожен. Разлитая в багажнике вода могла замерзнуть на всю зиму, а затем, летом, там появилась бы плесень. Хотя его предусмотрительность означала лишнюю поездку, он никогда не возил канистры с водой на заднем сиденье. Конечно, Уэйд поехал вместе

с ним. Умный, как и все его дети, он усвоил программу двух классов за один год и теперь учился с мальчиками, которые были старше его.

— Я вышел против старины Альберта, папа, и провел пару отличных ударов.

— Никаких драк.

— А потом я врезал ему еще три или четыре раза.

— Послушай, Уэйд…

— Четыре слова там, где хватит и трех.

— Слова — это по-нашему. Всегда лучше найти выход из драки с помощью слов.

— Это то же самое, что убежать, ты сам говорил.

— Я имел в виду, убежать благородно.

— Но я не хочу убегать. Это заставит их называть меня краснокожим нюней.

— Тебе не нужно ничего доказывать. Я не хочу, чтобы ты дрался, но если бы ты это делал, то был бы звездой «Золотых перчаток», как Лесистая Гора.

— В следующую субботу у него бой в Боттино[29]. Он дерется с Джо Уобблом.

— Джо Воблешински! У меня в субботу выход-

---

[29] Сноски: 29
Боттино — город в штате Северная Дакота.

ной. Я отвезу вас, дети. Возьмем и маму, если она согласится.

Уэйд восхищенно кивнул и поднял кулаки. Они наполнили канистры водой, потом купили разрыхлитель, сахар, овес и чай — все по списку Роуз, после чего вернулись домой, и Томас отправился за картошкой. Он копал быстро, и Уэйд едва успевал складывать ее в мешок. Так они просостязались друг с другом до темноты.

Жидкая грязь

Потирая ноющую сзади шею, Патрис медленно шла по заросшей травой дороге. Она знала, что родичи матери будут там, расположившись лагерем. Они там и были. Пара потрепанных брезентовых палаток, шалаши из веток, обмазанные засохшей глиной. Костер для приготовления пищи. Озерными камнями с одного конца была зажата ветка железного дерева, на которой над крошечным пламенем висел чайник. Чурбаны, пригодные для использования в качестве сидений, были вытащены из поленницы и расставлены вокруг костра. На краю окружающей дом поляны, у каркаса парильни[30], стояла еще одна палатка особой формы, которая означала, что среди гостей был *джиисикид*, шаман. Жаанат послала весточку своему двоюродному брату Джеральду, чтобы тот пересек границу и помог ей найти дочь. Это была одна из причин, по которой позвали *джиисикида*. Он мог находить людей. Джеральд, или дух, вошедший в Джеральда, ле-

[30] Сноски: 30

Парильни — отапливаемые куполообразные сооружения, используемые индейскими народами для обрядов очищения.

тал, пока шаман находился в трансе, в Города[31] и смотрел, что там происходит. Он должен был выяснить, почему за последние пять месяцев Вера не написала ни строчки, не сообщила о себе в программу переселения и не поговорила ни с кем из людей племени, живущих поблизости.

Жаанат держала над дверью свежую сосновую ветку. Этим утром она сожгла сосновые иголки с можжевельником и медвежьим корнем. В полутемном доме пахло ароматным дымом. Джеральд сидел за столом с парочкой других гостей. Они пили чай и смеялись. В перерывах между шутками они обсуждали церемонию с участием Жаанат — как та будет проходить и кто может задать другие вопросы, как долго им следует ждать, следует ли установить парильню, какого цвета лоскутки привязать к ветвям и в каком порядке. Кто будет запевать каждую песню. Они дразнили друг друга. Подробности. Патрис никогда не обсуждала подробности жизни своей семьи с теми, кто ее бы не понял. Во-первых, откуда им знать, насколько все в ней странно. Но цвета и детали напомнили ей о том, как католики выбирают

[31] Сноски: 31

Города — так называют два крупнейших города Миннесоты: Миннеаполис, самый густонаселенный город штата, и Сент-Пол, столицу штата, которая непосредственно граничит с Миннеаполисом на востоке.

свои цвета и сосредоточиваются на своих таинствах. Как будто все это имело значение для духов или Святого Духа.

Патрис пришла к выводу, что люди относятся к понятию Бога, или *Гиже Маниду*, или Святого Духа по-детски. Она была почти уверена, что правила и атрибуты ритуалов не имеют ничего общего с Богом, что люди, как дети, представляют, будто делают все правильно и тем самым избегут наказания или вреда. Она чувствовала приближение чего-то более значительного, безличного, но в то же время глубоко личного в своей жизни. Она думала, что, возможно, у людей, соприкасающихся с этим безымянным величием, есть способ зацепиться за края, оказаться втянутыми в это нечто, находящееся за пределами ее опыта, или даже самой войти в него.

— Дядя! — поприветствовала она Джеральда, обняла его и пожала руки остальным.

Затем, выпив чашку чая, она проскользнула за занавеску и обнаружила, что мать лежит в ее постели и крепко спит.

Патрис поставила чашку на табурет рядом с кроватью и присела на край матраса. Она думала, что, сев, разбудит мать, но Жаанат крепко спала на спине, измученная долгой борьбой

с отцом Патрис, который наконец-то сел в поезд, во всяком случае, так говорили. Патрис взглянула на банку из-под перца, которую держала на подоконнике. Она набила ее мелкими деньгами-приманками, и, похоже, он ее нашел и опустошил. Облегчение. Ее настоящая заначка была спрятана под линолеумом на полу. Ее журналы и газеты были аккуратно сложены стопкой рядом с кроватью. «Лук», «Лейдиз хоум джорнал», «Тайм». Джагги Блу сохраняла все, что выбрасывали учителя, для своей племянницы Валентайн, и когда Валентайн прочитывала журналы, она отдавала их Патрис.

Окно выходило на запад, и последние лучи солнца, пробиваясь сквозь золотистые листья берез, падали на тонко очерченное лицо матери. В уголках ее глаз появились милые морщинки. Изогнутые линии подчеркивали ее легкую полуулыбку. У матери были длинные волосы, и гладкие косы случайно взметнулись над головой, так что казалось, будто она падает, отчего создавался комичный эффект. Ее руки были согнуты в локтях, а сильные маленькие ладони неподвижно лежали на груди. Необычные руки, которые пугали некоторых людей. Патрис унаследовала от матери раскосые глаза, силу, волю

и энергичность. Но не ее руки. Они принадлежали только Жаанат.

Платье Жаанат было сшито из темно-зеленого ситца, усеянного крошечными золотыми листочками. Узор был из прошлого века, но Патрис знала, что платью всего несколько месяцев. Мать сшила его под старину из более чем четырех ярдов новой ткани. Узкие рукава спускались до запястий. Спереди были пуговицы из ракушки. Платье имело широкую присборенную юбку. Под ним на Жаанат было шерстяное мужское нижнее белье тусклого красно-оранжевого цвета. Ее мокасины из оленьей шкуры с подошвами из сыромятной кожи были украшены цветными нитями, голубой и зеленой. Она часто носила коричневую клетчатую шаль. Вот и теперь она перед сном накинула ее края на плечи, словно для защиты. Патрис провела рукой по бахроме шали, и мать открыла глаза.

По растерянному хмурому взгляду матери Патрис поняла, что та спала столь крепко, что теперь не могла взять в толк, где находится. Затем лицо Жаанат заострилось и губы изогнулись, обнажив зубы. Она закуталась в шаль плотнее.

— Будь я проклята, если знаю, как сюда попала, — пробормотала она.

— Джеральд уже ждет снаружи.

— Хорошо. Он ее найдет.

Патрис кивнула. Джеральд на протяжении многих лет время от времени находил пропавших людей, но иногда у него это не получалось. Порой их место было от него скрыто, и его дух зря кружил над ним.

В ту ночь он летал особенно долго, но через некоторое время все-таки нашел Веру. Она лежала на спине, в засаленном платье, с тряпкой на шее. Она была неподвижна, но не мертва. Возможно, спала. Патрис могла бы подумать, что дядя видел образ спящей матери, уснувшей в тот день, если бы Джеральд не сказал, что нашел ее в городе и рядом с ней был кто-то. Маленький. Ребенок.

На следующий день Патрис отложила в сторону тревожную и в то же время обнадеживающую информацию от джиисикида и запрыгнула на заднее сиденье машины Дорис Лаудер. Было дождливое осеннее утро, и Патрис была чрезвычайно благодарна, что ее подобрали и отвезли на работу. Она предложила, как случалось и раньше, внести деньги на бензин, но Дорис отказалась, неопределенно махнув рукой и сказав, что ей

все равно требовалось ехать.

— Может быть, в следующем месяце, — улыбнулась она в зеркало.

— Может быть, я и сама сяду за руль в следующем месяце, — похвасталась Валентайн. — Папа чинит для меня машину.

— Какой марки? — спросила Дорис.

— Наверное, сразу нескольких, — призналась Валентайн. — Понимаете, она будет сделана из разных машин.

Дождь серебристыми ручьями струился по заднему стеклу. Некоторое время никто не проронил ни слова.

— Я слышала, Бетти Пай сегодня возвращается на работу, — прервала молчание Валентайн.

— О боже, — с резким смешком произнесла Дорис.

Бетти взяла оплачиваемый отпуск по болезни, чтобы удалить гланды. В ее-то возрасте! Тридцать лет. Она поехала на операцию в Гранд-Форкс, потому что, по-видимому, было более опасно удалять их, будучи взрослой. Но она была непреклонна в своем решении. Настаивала на том, что ее шея опухает каждый ноябрь, остается толстой всю зиму, и с этим требуется покончить. Врачи осмотрели ее горло и сказали, что миндалины

необычно большие, «настоящие скопища микробов». Все знали подробности.

— Мне не терпится услышать, как все прошло, — призналась Патрис.

Двое на переднем сиденье засмеялись, но Патрис сказала это не для того, чтобы съязвить. Бетти, несомненно, превратила бы свою операцию в увлекательнейшую драму. Патрис не очень хорошо знала Бетти, но работа в их цехе шла намного быстрее, если она была рядом. Когда они приехали на завод, оказалось, что присутствие Бетти действительно ощущается, причем очень сильно. Круглое лицо Бетти было сероватым, а горло еще не зажило. Она говорила прерывистым голосом с хрипотцой. Но, как всегда, она была кругленькая, подвижная и одетая в зеленую клетку. Целеустремленная работница, она выполняла свою норму. На обед она принесла большую миску рисового пудинга, и когда глотала его, ее глаза наполнялись слезами. Она молчала весь день, шепча, что ей чертовски больно разговаривать. Когда рабочий день закончился, Бетти сунула Патрис сложенный листок бумаги и ушла. Пока Дорис и Валентайн разговаривали на переднем сиденье, теперь уже жалея Бетти за ту боль, которую она, по всей видимости, испытывает,

Патрис достала листок и прочитала: *«Я слышала, ты ищешь сестру. Моя двоюродная сестра живет в Городах. Она видела Веру и написала тебе письмо — левой рукой, так как сломала палец на правой, указывая на мои недостатки. Ее зовут Женевьева. Жди почту».*

Патрис сложила листок и улыбнулась. Ее тянуло к Бетти. Способная превращать горечь жизни в комедию, она была так похожа на Веру. *«Сломала палец на правой, указывая на мои недостатки».* Что это вообще может значить? Она откинула голову назад и закрыла глаза.

В субботу утром Патрис надела пальто, скроенное так, чтобы раскачиваться в такт шагам, которое вытащила из груды одежды в миссионерском магазине. Какая находка. Оно было прекрасного голубого оттенка, подбитое шерстяной фланелью под высококачественной вискозой. Пальто было сшито на заказ и сохранилось в хорошем состоянии. Она повязала красно-синий клетчатый шарф и засунула руки в карманы пальто. Лесная тропинка должна была через четыре мили привести ее прямо в поселок, где была почта. Но она могла пойти и по дороге, где ее, скорее всего, подвезли бы. Хотя небо прояснилось, земля все еще была влажной. У нее не было галош, и она не

хотела промочить туфли. Патрис выбрала дорогу. И вскоре ее действительно подобрали. И не кто-нибудь, а сам Томас Важашк. Обогнав Патрис, он остановился немного впереди нее и стал ждать. Крышка багажника была приоткрыта, и в щели виднелось тусклое оцинкованное железо канистр с водой. Одно из благоприятных обстоятельств жизни в далекой глуши состояло в том, что ключ у озера еще бил. И был чистым. Большинство людей, обитающих в стороне от поселка или в прерии, остались без воды, или ее источники превратили в водопои для скота. Даже вырытые колодцы иссякли.

Томас и Жаанат были дальними родственниками — Патрис было неясно, как именно они связаны, и «дальние родственники» было общее понятие, которое охватывало множество отношений. Томас приходился ей дядей, а значит, его сыновья — ее двоюродными братьями. Она рванула вперед и заняла переднее сиденье, когда Уэйд вышел и уступил ей это почетное место.

— Спасибо, что остановился, дядя.

— По крайней мере, на этот раз ты едешь автостопом по суше.

Прошлым летом она подплыла к его рыбацкой лодке, удивив Томаса, а потом добралась до бере-

га озера на его «попутке». Ему было волнительно говорить об этом. Он не знал точно, почему она заплыла в тот раз так далеко.

Патрис была одной из немногих девушек, которые обращались к нему на языке чиппева, или на кри, или на смеси того и другого. Он и Патрис говорили не совсем одинаково, но понимали друг друга. «Если Уэйда родной язык озадачивает, пусть подучит его хотя бы из любопытства», — подумал Томас. Они еще немного поболтали, и Томас узнал, что Жаанат установила у своего дома шаманскую палатку. Джеральд видел, что Вера жива и что рядом с ней ребенок. Патрис вышла у магазина, в котором также находилось почтовое отделение. Томас пообещал вернуться, чтобы ее забрать. Пока они с Уэйдом наполняли канистры водой, Томас думал о том, как его дед давным-давно консультировался с кем-то вроде Джеральда, когда им нужно было узнать о Фалоне. Благодаря этому они узнали, что Фалон умер, задолго до того, как пришло официальное извещение.

На обратном пути Патрис решила еще раз прочитать вслух дяде письмо от двоюродной сестры Бетти Пай.

Я видела твою сестру в городе, и с ней было что-то не так. Вот последнее, что я знаю: она жила в меблированных комнатах на Стивенс-авеню, номер 206. Я знаю об этом, так как там живет много индейцев, и я тоже жила на том этаже. Видела ее в коридоре с ребенком, и она не захотела со мной разговаривать.

Патрис сказала дяде, что хочет пойти от его дома пешком. Ей нужно было подумать. Дорога домой шла вдоль берега. Прохладный воздух пах дождем, высыхающим на желтых листьях. Рогоз на топях ощетинился мягкими коричневыми султанами, а листья тростника были все еще острыми и зелеными. На озере ветер гнал иссиня-черные волны с белыми барашками, и пена окаймляла песчаный пляж. Солнце сияло из-за темных несущихся облаков. Вера всегда хотела остаться там, где она могла видеть березы и болота. Она привела в порядок старую хижину на холме неподалеку от дома их матери. Вера там поселилась, стараясь все восстановить. Она спилила несколько деревьев, которые пытались прорасти сквозь пол, и чертила планы, которые должны были помочь превратить хижину в идеальный дом. Патрис помогла ей обустроить большую комнату с печкой и обеденным столом.

В доме были даже две отдельные спальни. Каждая деталь чертежа была помечена. Почерк Веры был четким и ровным, как у настоящей чертежницы. Имелся также специальный крупный план сводчатого окна со средником и полосатыми занавесками. У Патрис все еще хранился этот рисунок. Вера, которая одевалась оригинально и была элегантной в отличие от милашки Пикси, любила уроки домоводства и скопировала это окно из книги под названием «Идеальный дом». Она не хотела уезжать, но влюбилась. Это произошло неожиданно, и Жаанат не одобряла ее выбор. Жаанат отвернулась, вместо того чтобы попрощаться с дочерью, когда та уезжала в город. Патрис знала, что это не давало матери покоя.

— Оставайся на месте. Я тебя найду, — произнесла Патрис вслух.

Она схватила с тропинки палку и принялась бить по траве, разбрасывая по сторонам клубы золотистых семян.

Патрис была почти дома, когда облака сгустились, превратившись в темную пелену. Она бросилась бежать, но тут же остановилась. Ее туфли. Она не могла допустить, чтобы они испортились. Она наклонилась, сняла их, сунула под пальто и продолжила идти под дождем. По-

том свернула на травянистую боковую дорожку, ведущую через лес. Ходить босиком не было проблемой. Она делала это всю жизнь, и ее ноги были крепкими. Теперь они замерзли, онемели, но ступали твердо.

Ее волосы, плечи и спина промокли. Но движение согревало. Она замедлила шаг, чтобы пробраться через место, где вода просачивалась сквозь покров умирающей травы. Постукивание дождя по блестящим листьям было единственным звуком. Она остановилась. Ее посетило ощущение, будто что-то находится совсем рядом с ней, повсюду, кружащееся и бурлящее энергией. Как глубоко деревья вцепились в землю. Как тонко она была включена в окружающий мир. Патрис закрыла глаза и почувствовала рывок. Ее дух разлился в воздухе, как песня. Подожди! Она открыла глаза и перенесла весь свой вес на замерзшие ноги. Должно быть, так чувствовал себя Джеральд, когда летел над землей. Иногда она сама себя пугала.

Прежде чем тропа вывела на поляну у ее дома, Патрис услышала визг бешено вращающихся шин. Она подумала о спутниках Джеральда, хотя он уехал еще до рассвета. Когда она добралась до дома матери и обошла дальнюю стену, она

поняла, что звук застрявшей машины доносился с узкой заросшей травой дорожки, которая вела к дому. Утром, когда Джеральд и остальные уезжали, их машины размесили мокрую землю, и одна из машин засела в рытвине. Не заходя в дом, она подняла окно рядом со своей кроватью и бросила на нее туфли. Она подумала, не забраться ли в окно самой, но вместо этого обошла дом, ступив на мягкую грязь. Она прошла мимо мокрого черного круга, оставшегося от потухшего костра. Продолжила путь по заросшей кустарником тропинке. В начале дорожки она увидела бирюзово-кремовый «Бьюик», принадлежавший учителю Поки. Мистер Барнс тяжело дышал, стоя у капота, и пытался вытолкнуть левую шину из наполненной водой ямы. Его большая копна светлых волос была похожа на стог соломы. Стог Сена — так его прозвали ученики. Поки сидел за рулем. Она остановилась и попыталась снова спрятаться в листве.

Сын Джагги

По дороге в Майнот[32] они решили, что в эту ночь Лесистая Гора победит Джо Воблешински. Они спорили, как он это сделает.

— Победит по очкам, — предположил Томас.

— Нет, нокаутом, — возразила Роуз.

Она была счастлива выбраться куда-нибудь на вечер. И ей нравился бокс.

— Ты кровожадная женщина, — пошутил Томас.

— Поки тоже дерется. В выставочных боях[33], — отозвался Уэйд. — На нем всегда толстые перчатки и резиновый шлем.

— Его голова все еще растет, — отметила Роуз, оглядываясь на Уэйда.

— Да ладно. Почему мне нельзя заниматься боксом?

— Когда голова окончательно сформируется,

---

[32] Сноски: 32

Ма́йнот — город США, четвертый по величине в штате Северная Дакота.

[33] Сноски: 33

Выставочный бой — поединок, который не санкционирован какой-либо организацией. Результат боя не определяется или определяется, но не вносится в послужной список боксера.

дерись сколько хочешь.

Шарло рассмеялась.

— Шарло, Фи, вашим головам тоже еще расти и расти.

Уэйд замахнулся на сестер, сидящих рядом с ним на заднем сиденье. Они согнули пальцы наподобие когтей и принялись размахивать руками и рычать. Роуз потянулась к ним с переднего сиденья и, смеясь вместе с ними, надавала подзатыльников. Затем она замолчала и мирно уставилась в исчерченное струями воды окно. Они ехали под дождем. Томас почувствовал ее удовольствие и ничего не сказал. Потом они миновали необычный круглый хлев Телесфора Рено. Двор, где он держал своих гигантских призовых свиней. Здесь ответвлялась дорога в Дансит[34]. Чуть дальше дорогу перебежал койот и исчез в канаве. Белые гуси стаей бродили по полю, поедая отходы и сорняки.

* * *

Ринг находился в спортзале государственного педагогического колледжа, с бордово-золотыми знаменами на стенах и несколькими рядами

---

[34] Сноски: 34

Дансит — город в округе Ролетт, штат Северная Дакота.

складных стульев. Большая часть зрителей сидела на трибунах или стояла. Толпа расступилась, пропуская боксеров, а затем снова сомкнулась. К тому времени, когда прибыл Важашк, выставочные бои уже закончились. Они направились к трибунам. Поки, Кейс и Ревард сидели мрачнее тучи рядом с мистером Барнсом. Они проиграли свои бои. Теперь должна была начаться главная программа. Тэк Толверсон против Роберта Валле. Сэм Белл против Говарда Олдмэна. Джо Воблешински против Лесистой Горы.

Тэк выиграл первый бой, возможно, с помощью коварного удара ниже пояса, который видели зрители, но не рефери. Половина толпы возмутилась, другая половина освистала первую половину, и все остались недовольны результатом.

Говард Олдмэн выиграл по очкам. Индейцы из Форт-Бертольда робко зааплодировали, индейцы Черепашьей горы внесли свой вклад в эту негромкую овацию. Олдмэн оправдал их надежды.

Затем сквозь толпу пробрались Джо Уоббл и Лесистая Гора. Много лет назад первый Воблешински покусился на землю, принадлежавшую бабушке Лесистой Горы. С тех пор Воблешински так часто отправляли свой скот пастись на землю Джагги, что ее семья, наконец, прихватила одну

корову. Это произошло во время сбора ягод, когда повсюду разбивали лагеря посторонние люди, поэтому, если корову крали, она быстро попадала в их кипящие котелки. Ничто так никогда и не было выяснено или доказано, но и ничто не было забыто. С годами неприязнь между семьями укоренилась. Затем так получилось, что мальчики из обеих семей начали боксировать в одной и той же весовой категории, и это привлекло всеобщее внимание.

Джо вышел на ринг первым, застенчиво опустив голову. У него были молочно-белая кожа, песочного цвета глаза и соломенные волосы. Он был одет в темно-коричневый халат, и когда сбросил его, стало заметно, что Джо гордится своим тяжелым, как у быка, телом. Он весил на четыре фунта больше, чем Лесистая Гора, и был на дюйм ниже. Он был сильным бойцом, но держал ухо востро. Он ритмично бил в воздух кулаками, словно накапливая энергию, в то время как Лесистая Гора, сын Джагги, неторопливо прохаживался в синем халате, который позаимствовал у Барнса. Он попереминался с ноги на ногу, чтобы скрыть нервозность, и немного потанцевал, сбрасывая халат. Попрыгал вверх-вниз. Густые волнистые волосы он зачесывал назад.

Блестящие и внимательные темные глаза близко посажены. Тонкий длинный нос. Острые скулы. Полные изогнутые губы. Его тело было гибким и подвижным, воплощением грации и силы. Но Джо Уоббл, на год старше соперника, был более опытным бойцом и уже однажды победил его.

По удару гонга они двинулись друг на друга под насмешки и одобрительные возгласы, одновременно осторожные и уверенные в себе, выбрасывая удары в воздух, танцуя, отскакивая назад. Ни один из них пока так и не коснулся соперника. Затем Джо провел удар правой в челюсть Лесистой Горы. Тот воспользовался инерцией Джо, чтобы скользнуть мимо его тела и нанести сильный удар в живот, не причинивший вреда. Джо на цыпочках отступил, сделал ложный выпад вправо, обошел соперника слева и быстрым движением «поцеловал» Лесистую Гору в щеку. Гора снова использовал инерцию движения Джо, чтобы поразить его в центр корпуса, пожалуй, немного смягчив удар, или, возможно, защита Джо оказалась для Горы слишком действенной. Казалось, парень не оставил ему других лазеек. Но как более тяжелый боец, он был медлительнее, и во втором раунде Лесистая Гора отскочил в сторону и ловко подставил левую руку под ведущую руку

Джо. Он применил неожиданный хук, за которым последовал сильный правый. Джо пошатнулся, но раунд закончился прежде, чем Лесистая Гора успел развить преимущество. В третьем раунде они продолжали входить в клинчи, и практически ничего не происходило, что вызвало в толпе определенную напряженность.

Патрис и Валентайн стояли в заднем ряду. Они едва могли видеть происходящее. Валентайн бокс нравился, а Патрис не очень. Но они были взволнованы возбуждением толпы и старались быть услышанными. Там были индейцы, которые приехали со всей округи — из Форт-Бертольда и Форт-Тоттена, из Дансита и Майнота, даже из Форт-Пека в Монтане.

Джагги стояла впереди и кричала громче всех. Тем не менее индейцев было намного меньше, чем болельщиков, поддерживавших Джо Воблешински. Так что, возможно, индейцы приветствовали своего бойца немного громче, чем казалось правильным окрестным фермерам, которые привыкли к почтительности индейцев. Для большинства их соседей индейцы были людьми, которые ютились в убогих жилищах или, к своему вопиющему позору, бродили по улицам пьяными. Правда, это не касалось индей-

цев «хороших». Всегда был «хороший» индеец, которого кто-то знал. Но они не были народом, у которого имелись бойцы-чемпионы. В любом случае не похоже, чтобы в этом Лесистой Горе было что-то особенное. Он стал осторожным, почти неуверенным в себе, защищал голову, подставляя живот для заслуженного наказания, затем ослабил бдительность и едва не пропустил ряд все более уверенных сильных ударов, которые Джо начал ему наносить.

Кто-то издал бессвязный рев.

Валентайн закричала:

— Бей его изо всех сил!

Патрис, в возбуждении перейдя на чиппева, завопила:

— *Баките'о!*

Она видела Томаса, Роуз и их детей в нескольких рядах перед собой. Томаса — тихого, пристально наблюдающего, держащего Фи на руках, — Уэйда и Шарло, прыгающих вокруг, обменивающихся подзатыльниками. На мгновение она задумалась о Томасе. Было что-то в его неподвижности, как бы противостоящей бурлению толпы. Словно он наблюдал за чем-то другим, а не за боем. И это было правдой. В том, как он следил за боем, было что-то интуитивное.

Томас мысленно вздрагивал от ударов, но он видел нечто иное, чем остальная часть толпы. Поклонники Уоббла начали кудахтать и смеяться. Индейцы отчаянно окликали своего фаворита, их надежда таяла. Но Томас увидел, что удары, наносимые Джо Уобблом, шли по касательной и не причиняли вреда. Он видел, что Гора принимает их, но они не оказывают на него решающего воздействия. Затем он увидел, что еще три других человека в толпе напряжены и спокойны, как он, — двое из них сидели прямо перед рингом, это были Барнс и его напарник, учитель английского языка, который руководил всеми школьными спектаклями. Третьей была Джагги Блу. Они чего-то ждали. До конца раунда оставалась минута, когда Гора нашел брешь в обороне соперника, которую давно ждал. Он отступил, словно испугавшись, и противник тут же ответил жадным свингом. Это был бы нокаутирующий удар, если бы он достиг цели. За ним стояла вся сила Джо, но этот свинг вывел его из равновесия и открыл для полновесного левого хука Горы в челюсть. За ним последовал быстрый удар правой сбоку по голове. Затем последовала «музыкальная» комбинация. Гора лупил по сопернику, как пианитст по клавишам. Защита Джо разлетелась на куски, и он

споткнулся. Гора приготовился нанести новый удар, но тут прозвучал гонг — слишком рано.

Барнс выскочил на ринг с криком:

— Нарушение правил! Нарушение правил! Осталось пятнадцать секунд!

Рефери отмахнулся от него, посмотрел на часы, сделал замечание хронометристу и возобновил раунд. Что привело к победе Джо Уоббла по очкам, хотя всем было видно, что хронометрист сжульничал в пользу Уоббла и прервал бой, смутив Лесистую Гору, который дважды наступал в следующем раунде, но в конечном итоге проиграл бой.

Все вышли тихо, индейцы пожимали руки индейцам, и фермеры теперь были довольны. Бой закончился так, как и должен был закончиться, и они тоже мирно перешептывались. Всеобщее волнение улеглось, и ничего нового не произошло. Было темно, дул сильный ветер, и люди спешили к машинам или, запахнув плотнее пальто, шли быстро по улицам, сгорбившись.

По дороге домой девочки горевали. Но Томас видел, что Лесистая Гора повысил мастерство до такой степени, что стал быстрым, хитрым, лучшим, чем прежде, бойцом. По очкам он близко подошел к сопернику. Томасу стало интересно,

сможет ли Барнс устранить то, что сдерживало сына Джагги. Даже с нечестным хронометристом Лесистая Гора мог одержать победу.

Едва они проехали первые пять миль, как все, кроме Томаса, заснули. Как обычно, он остался один на один со своими мыслями. Отец Лесистой Горы, Арчилл, был выше шести футов ростом, сильный, с крючковатым носом и широкой улыбкой. Они с Томасом вместе ездили тайком в грузовых железнодорожных вагонах, следя за сбором урожая озимой пшеницы, работали весь июль, нанимаясь в молотильные бригады, и не останавливались, пока, наконец, не собирали последний урожай — кукурузу. В те дни кукуруза должна была высыхать на стебле в конце сезона, чтобы рабочие могли собирать ее вручную. Однажды они отправились на юг и просто продолжали идти вперед — до самого начала пустыни. Где-то в Техасе, в 1931 году, они проходили мимо церкви воскресным утром, когда, откуда ни возьмись, появился шериф. Отряд недавно набранных полицейских оттеснил их к церкви, а затем окружил вместе с людьми, выходящими из нее. Все они были мексиканцами.

— Черт побери, — выругался Арчилл, — они думают, мы мексиканцы.

Их схватили во время одного из сотен рейдов времен Великой депрессии, в ходе которых более миллиона мексиканских рабочих были арестованы и отправлены на другую сторону границы, хотя многие из них были гражданами США. В Техасе индейцев любили не больше чем мексиканцев, так что их документы не помогли. Работая в уборочных бригадах, и Томас, и Арчилл научились быть предельно вежливыми с белыми людьми. Правда, такая манера обращения лучше всего срабатывала на севере. На юге она иногда выводила их из себя.

— Прошу прощения, сэр. Могу я с вами поговорить?

— Ты вернешься туда, откуда приехал, — заявил шериф.

— Мы из Северной Дакоты, — пояснил Арчилл, но его непринужденная улыбка не подействовала. — Мы не мексиканцы. Мы американские индейцы.

— Да неужели? Что ж, тогда считайте это рас-

платой за Кастера[35].

— Поскольку мой дед его убил, — сказал Арчилл, — в этой мысли просматривается определенная справедливость. Тем не менее вот он, Томас, является настоящим американским гражданином. Я же канадец. Мой брат воевал в окопах. Мой дядя был на Сомме[36].

Шея шерифа вытянулась, и он выкрикнул непонятный эпитет. Затем подозвал пару полицейских и указал на Томаса и Арчилла. Их бросили в грузовик вместе с остальными и повезли к границе. По пути они немного выучили испанский, и Арчилл влюбился в девушку, которая заплетала волосы в замысловатые косы и была одета во все белое. Это был первый раз, когда они встретили женщину с особой «внешностью», и они много разговаривали о ней после.

---

[35] Сноски: 35

Джордж Армстронг Кастер (1839–1876) — американский кавалерийский офицер, прославившийся безрассудной храбростью, необдуманностью действий и безразличием к потерям. Погиб 25 июня 1876 года при атаке на превосходящие силы индейцев под командованием Сидящего Быка и Неистового Коня при Литтл-Бигхорне, в ходе которой отряд его был разгромлен.

[36] Сноски: 36

Битва на Сомме — битва армий Британской империи и Французской республики против Германской империи в ходе Первой мировой войны. Состоялась с 1 июля по 18 ноября 1916 года на обоих берегах реки Соммы. В ней было убито и ранено более 1 млн человек, что делает ее одной из самых кровопролитных битв в истории человечества.

О том, что она, Адольфа, отличалась от прочих. Может, дело было в том, как она держалась. Она, несомненно, была бедна, но белое платье и прическа придавали ей вид богачки. На ее отце была фетровая шляпа соломенного цвета, подтяжки и белая рубашка. Эти двое ехали в одном грузовике с ними, но выглядели словно обладатели билетов первого класса. Их вид вдохновил Томаса. Когда они, наконец, смогли проскользнуть обратно через границу, он купил широкополую шляпу из мягкого коричневого фетра. Они отправились обратно на север на товарных поездах. Люди на станциях раз от разу становились все белее и блондинистее. И с каждой остановкой местные бродяги, которых они видели, были все более продрогшими, усталыми, больными. Последний отрезок пути они проделали на «скачущем гусе»[37], заплатив за билеты. Они сошли с него в Сент-Джоне[38]. Джагги ждала на вокзале, уперев руки в бока. Как она узнала, что они приедут именно на этом поезде, было полной

[37] Сноски: 37

«Скачущий гусь» — популярное название, данное серии из семи железнодорожных вагонов, построенных в 1930-х годах Южной железной дорогой Рио-Гранде и эксплуатировавшихся до начала 1950-х годов. Они были построены из полноразмерных автомобилей.

[38] Сноски: 38

Сент-Джон — город в округе Ролетт, штат Северная Дакота, США.

загадкой.

— Привет, Арчи. Ужин готов, — сказала она.

Через месяц они уже жили вместе. Они так и не поженились. Джагги была слишком независимой и хотела, чтобы все было так, как она хочет. Когда у Арчи начался кашель, Джагги отвезла его в санаторий Сан-Хейвен, к северу от Дансита, где он и умер через год. Тогда умирать от туберкулеза было обычным делом. Многих детей из Форт-Тоттена отправили в детский санаторий в резервации Сак-энд-Фокс[39].

Родерик.

У Томаса были друзья по ту сторону. Все больше и больше друзей. Слишком много. Иногда он разговаривал с ними. Арчилл. Да, разговаривал. А почему бы и нет? Это помогало думать, что все они переехали в другую страну. Что они живут на дальнем берегу реки, которую можно пересечь лишь один раз. Темной ночью, при свете приборной панели, он разговаривал с Арчиллом, но только в своих мыслях.

— У твоего тезки есть работа.

— Хорошо, брат.

---

[39] Сноски: 39

Сак-энд-Фокс — индейская резервация, расположенная на территории Великих равнин на Среднем Западе США, на границе двух штатов — Канзаса и Небраски.

— И ты бы гордился своим сыном. Он здорово боксирует.

— Еще бы. Как правнук…

— Эти разговоры о смерти Кастера всегда доставляли тебе неприятности.

— Верно. Как Джагги?

— Печет пироги для *чимукомаанег*. Этот Барнс, учитель, каждый вечер привозит твоему сыну ужин.

— Это мог бы делать и ты.

Томас подождал. Под конец Арчилл стал не похож сам на себя. Истощенный, лишенный желаний. На белой постели. Посреди бесплодных холмов.

— Я борюсь с чем-то, идущим из Вашингтона, — проговорил он. — Я не знаю, что это, Арчи. Но оно плохое.

Дни святой Валентайн

— У вас всего три дня, — предупредил мистер Волд.

Он постучал ногами под столом. Его ботинки издавали звук, похожий на стрекот насекомого. Бетти Пай придумала называть его Кузнечиком. Это прозвище подходило ему на удивление хорошо. Патрис смотрела, как его квадратный рот и челюсть двигаются, словно жвалы кузнечика. Он перебирал бумаги, его длинные пальцы брали и перекладывали их. Его дыхание плыло по столу, сильное и вязкое, как будто он наелся мокрого сена. Он подтолкнул к Патрис лист бумаги. Она взяла его и прочитала. Ей придется проработать шесть месяцев, чтобы накопить еще три дня отпуска по болезни.

— Дело касается моей сестры, — пояснила она, — сэр.

Патрис, как могла, объяснила ситуацию с Верой. Она была единственным человеком в семье, который мог поехать в Миннеаполис. Она показала начальнику письмо от двоюродной сестры Бетти Пай. Он внимательно изучил его,

перечитав несколько раз, и Патрис поняла, что, притворяясь, будто читает письмо, он перебирает возможности.

— Хорошо, мисс Паранто, — произнес он наконец, откладывая письмо, — эту ситуацию едва ли можно назвать болезнью. Я мог бы предоставить вам неоплачиваемый отпуск, понимаете, без гарантии, что вы сохраните работу, если вам не удастся вернуться, скажем, в течение отведенного времени.

— Сколько времени вы мне дадите?

— Не больше недели.

— Можно я подумаю об этом до завтра?

— О чем тут думать? — возразил мистер Волд. — Поезжайте, непременно поезжайте.

Он казался взволнованным ложной щедростью своей фразы и продолжал пережевывать сказанные слова даже после того, как они были произнесены.

Остаток утра Патрис работала молча, пытаясь решить, стоит ли рисковать работой. Во время обеденного перерыва она взяла свое помятое ведерко и достала оттуда вареную картошку, кусок лепешки и горсточку изюма. Иногда люди обменивали предоставляемые им правительством товары на корзины Жаанат. Патрис ценила

изюм особенно высоко. Она ела его медленно, на десерт, позволяя каждой изюминке размягчиться и растаять на тыльной стороне зубов.

— Изюм!

Патрис, услышав изумленный возглас, протянула ведерко подруге, и Валентайн, жадно зачерпнув оставшийся изюм, отправила его в рот. Потом она взглянула на Патрис и заметила на ее лице смятение, прежде чем та успела его скрыть.

— Прости.

— Все в порядке.

— Но ты огорчена.

— Из-за Веры. Я боюсь брать отпуск, потому что, если не найду сестру сразу и мне придется остаться дольше установленного Волдом срока, я потеряю работу. У меня всего три дня.

— Каких три дня?

— Три дня отпуска по болезни.

— Чего?

— Отпуска по болезни.

— По болезни?

— С половинной оплатой.

— Ой, я даже не знала, что нам такой полагается.

Их перерыв закончился. Патрис допила остывший кофе, оставшийся на дне ее чашки. Вареная

картошка придала ей сил, и она принялась за работу с внезапной сосредоточенностью, ставшей привычкой. Она опустила щуп, чтобы намазать каплю клея. Ее рука была твердой.

Позже, по дороге к машине, Валентайн сказала:

— Можешь забрать мои дни.

— Что ты имеешь в виду?

— Мои больничные дни. Мистер Волд сказал, что я могу отдать свои дни тебе. В этих обстоятельствах.

Патрис зарделась от облегчения, протянула руки к Валентайн и обняла ее, а затем отступила.

— Я так благодарна. Какой сюрприз!

— Знаю, — отозвалась Валентайн. — Я само противоречие.

То, что Валентайн назвала в себе это качество, заставило их обеих замолчать.

— Противоречие!

— У вас что, какая-то игра? — спросила Дорис, подходя к ним сзади.

— Нет, — ответила Валентайн, — это не игра, это про меня. Семь пятниц на неделе. То дерзкая, то милая.

— Ну и дела!

— Но ты никогда не скупишься. Всегда прояв-

ляешь щедрость, — отметила Патрис.

По дороге домой она рассказала подругам о предстоящей поездке в Миннеаполис. Она никогда раньше так далеко не путешествовала, а потому придумывала все по ходу дела.

* * *

У ее семьи не было дорожной сумки. В торговом центре был выставлен на продажу красивый клетчатый чемодан. Дорогой. Патрис купила полтора ярда холста. Потом срезала короткие ветви осины, содрала кору.

Она подшила холст, соединила края, сшила их вместе, обернула концы вокруг толстых прутов каркаса, затем, использовав сухожилия и латунные гвозди, прикрепила к прутам два куска кожи, чтобы они служили ручками. Холщовый чемодан выглядел как сумка рабочего, но что с того? Она не стремилась быть модной, ей требовалось просто добраться до Миннеаполиса. В Офисе по переселению индейцев висело расписание поездов. Она поймает попутку, идущую в Регби[40], и сможет купить билет там, на вокзале.

Сестра Кудряшки Джей, Дианна, работала

---

[40] Сноски: 40

Регби — двадцатый по величине город в Северной Дакоте.

в комнатушке, служившей офисом. Патрис уселась за стол, заваленный бумагами, и принялась листать стопку буклетов в поисках любой новой информации о Вере. Позади нее к стене был приклеен плакат. **Приезжай в Миннеаполис.** Шанс всей твоей жизни. **Хорошая работа** в розничной торговле, на производстве, в федеральном правительстве, в учреждениях штата и на местном уровне, захватывающая общественная жизнь, удобные магазины. **Прекрасная Миннесота.** Десять тысяч озер. Зоопарк, музей, аттракционы, места для пикников, парки, развлечения, кинотеатры. **Счастливые дома,** красивые дома, множество церквей, захватывающая общественная жизнь, удобные магазины.

Помимо любви, подумала Патрис, Вера, вероятно, уехала в Миннеаполис ради «захватывающей общественной жизни» и «красивых домов». Ее пленили рисунки окон с прямыми, словно проведенными по линейке, оконными переплетами.

— Вы хотите подать заявление?

— На переезд в «прекрасную Миннесоту»?

— Вам помогут с работой, обучением, посодействуют в поисках жилья и во всем остальном.

— Вера все это получила?

— Ну да.

— Вам следовало бы мне заплатить, так как я собираюсь сделать вашу работу. Я поеду в Миннеаполис, чтобы найти сестру. Разве вы не отслеживаете, куда деваются ваши клиенты?

— Через некоторое время мы теряем с ними связь.

— Мне нужен очень короткий промежуток времени.

— Последний известный нам адрес — Блумингтон-авеню.

— У меня он тоже есть. Я собираюсь начать с него.

— Тебе есть где остановиться?

— Нет.

— Найди мою подругу.

Дианна написала имя Бернадетт Блу на карточке вместе с ее адресом и номером телефона.

— Я не знаю, доступна ли она еще по этому номеру. Он рабочий.

— И какая у нее работа?

— Секретарская.

— Дочь Джагги Блу.

— Та, что бедовая, — присовокупила Дианна.

Патрис подняла брови. Дианна сказала:

— Шучу.

Но тон ее не был шутливым. Она продолжила

листать стопку бумаг.

— А вот еще одно имя. Отец Хартиган.

— Я не собираюсь проделывать весь этот путь, чтобы встретиться со священником.

— На крайний случай.

— У меня крайнего случая не будет.

— Вера тоже так говорила.

— Я все-таки думаю, вы должны мне заплатить.

В ту субботу Патрис подождала, пока Поки уйдет, а Жаанат отправится в лес. Хотя Патрис знала, что они не возьмут ее деньги себе, она была не совсем уверена, что они вдруг не пожелают избавиться от ее отца. Свои деньги она закопала под восьмым зеленым квадратом линолеума справа. Эта часть узора находилась под ее кроватью. Она отодвинула хлипкую раму в сторону. Осторожно, чтобы не потрескался, она медленно сдвинула линолеум. Под ним она хранила копилку — помятую розовую жестянку из-под печенья, разрисованную танцующими печеньками. Та была аккуратно зарыта, и земля над нею разровнена. Она раскопала руками землю и сняла крышку. Деньги были на месте. Все сто шесть долларов. Она вынула их, перезахоронила коробку и оставила восемь долларов под маминой

банкой с сахаром. Дорис ехала в Регби и должна была забрать ее через полчаса. Патрис завела часы и подсчитала, на сколько минут они отстали за ночь. Полученное в результате время было довольно точным. Все, что оставалось сделать, — это сесть в поезд. В Миннеаполисе ей предстояло отправиться по ненадежному адресу и к дочери Джагги Блу, Бернадетт, той, что бедовая.

Жаанат вернулась с корзиной съедобных сосновых побегов. Они постояли вместе, обнявшись, прямо за дверью.

— Он ведь в Фарго[41], верно? — спросила Патрис, имея в виду отца.

— Он не придет сюда сейчас, по крайней мере в ближайшее время.

Только в объятиях матери Патрис почувствовала, что отец не вернется. Она боялась ее отпустить.

— Не вздумай тоже исчезнуть, — прошептала Жаанат и крепче прижала дочь к себе.

Страх за Пикси. Страх перед тем, что она может обнаружить. Страх за Веру. Но когда она отступила на шаг, Жаанат улыбнулась, увидев начищенные туфли дочери, ее яркое пальто, за-

---

[41] Сноски: 41
Фарго — крупнейший город штата Северная Дакота.

витые волосы, красную помаду. Валентайн даже одолжила ей перчатки.

— Ты похожа на белую женщину, — сказала Жаанат на чиппева.

Патрис рассмеялась. Они обе были довольны ее новым обликом.

Пукконы

Томас шел с ружьем по тропе, ведущей к дому отца. Может, ему удастся подстрелить куропатку. Или оленя. Но вокруг виднелись только сухая трава, шиповник, темные сердцевинки рудбекий и красный ивняк. Под дубами в траве лежали кучи желудей. После долгой варки их можно было есть. Он подумал о том, чтобы забрать их. Но по краям травянистой тропы росли кусты, усеянные пукконами. Он наполнил шапку, а затем и куртку этими колючими зелеными орехами. Его отец увидел, как он идет по краю поля, и вышел за дверь, сгорбленный, опираясь на палку. *Бибун*, на чиппева «Зима», худой как щепка. С возрастом его кожа местами посветлела. Смеясь, он иногда называл себя старой пегой лошадью. На нем была кремовая рубашка с длинным рукавом, коричневые рабочие брюки, мокасины, такие изношенные, что казались частью его ног. Он все еще мог поддерживать огонь и настаивал на том, чтобы жить в одиночестве. Бибун задрожал и улыбнулся, увидев пукконы. Они были его любимой едой, напоминанием о прежних днях.

— О, сынок, что ты принес! Давай-ка очистим их от скорлупы.

На краю двора лежали плоские доски. Томас положил колючие зеленые орехи в пакет и ударил по нему камнем, достаточно сильно, чтобы расколоть скорлупу. Предвечерний свет косо падал с западной стороны. Томас вынес из дома кухонные стулья и тазик для мытья посуды. Когда они сидели в угасающем сиянии дня, снимая кусочки скорлупы с ядрышек орехов и бросая их в тазик, Томасу подумалось, что он должен накрепко запечатлеть все это в памяти. Запомнить все, что сказано. Запомнить все жесты отца. Особую живость вещей, освещенных предзакатным солнцем, — все это требовалось удержать в памяти. И, конечно, деревья позади них, их колеблющиеся тени.

Бибун сказал:

— О, дьявол, посмотри-ка сюда.

Внутри одной из скорлупок сидел золотой жук, похожий на персонажа из сказки. Его раздвоенный панцирь мерцал и отливал металлическим блеском. Мгновение он сидел на руке Бибуна, затем его золотые доспехи раскрылись, он расправил жесткие черные крылья и унесся прочь, в сгущающиеся тени.

— Он был похож на золотой самородок, — произнес Томас.

— Хорошо, что мы не раздавили этого негодника камнем, — отозвался Бибун.

Пес Томаса, Курильщик, вышел из леса, неся кость от оленьей ноги. Он был метисом, похожим на тех собак, что жили у людей в древности, — служебных собак, с мягкой серой шерстью и загнутыми хвостами. Шерсть Курильщика была испещрена темными шрамами, а морда была наполовину белой, наполовину серой.

— Хороший мальчик, — сказал Томас псу.

Курильщик присел рядом, зажав кость между передними лапами, охраняя ее, несмотря на то, что она была белой и обветренной. Вскоре Томас заговорил с отцом на чиппева — это означало, что их разговор пошел в более сложном направлении, касаясь ума и сердца. Бибун думал на чиппева более свободно. Хотя его английский был очень хорош, родной язык придавал мыслям бóльшую выразительность и даже комичность.

— Что-то происходит в правительстве. У них появился новый план.

— У них всегда есть новый план.

— Этот отменяет договоры.

— Для всех индейцев? Или только для нас?

— Для всех.

— По крайней мере, они не издеваются над нами в одиночку, — пошутил Бибун. — Может быть, мы сможем объединиться с другими племенами в этом деле.

Родители Бибуна занимались знахарством, и мальчиком он много путешествовал с ними, посетив резервации ассинибойнов, гровантров и территорию черноногих[42]. Затем его семья отправилась вниз по Милк-Ривер, охотясь на бизонов. Он вернулся в Черепашьи горы, когда у него не осталось другого выбора. Индейцы были заключены в резервации и должны были получать разрешение от ближайшего фермера, чтобы пересечь ее границу. Какое-то время им не разрешали отправляться на поиски пищи, и в одну ужасную зиму старики уморили себя голодом, чтобы молодежь могла жить дальше. Бибун пробовал заниматься сельским хозяйством.

---

[42] Сноски: 42

Ассинибойны, «каменные сиу» — индейцы из группы народов сиу, обитающих в США и Канаде. Название племени происходит от обычая варить еду, бросая в емкость с водой раскаленный на огне камень. Гровантры (*фр.* Gros Ventres, букв. «большебрюхие») — племя индейцев, проживающих в северной части штата Монтана в резервации Форт-Белнап. Нация черноногих, официально называемая «племенем черноногих индейской резервации Монтаны», является признанным на федеральном уровне племенем народа сиксикаитситапи с индейской резервацией в Монтане.

У знакомого фермера он получил семенную пшеницу, железный плуг и вола — при строгом условии, что его семья не убьет и не съест этого вола. В первый год — ничего. Им приходилось по очереди пробираться через границу резервации и собирать кости бизонов, чтобы продать их торговцам костями. На следующий год они посадили не зерно белого человека, а кукурузу, тыкву и бобы. Семья высушила урожай и спрятала еду. Они не то чтобы совсем голодали, но к весне едва передвигали ноги, такие стали худые и слабые. Потребовалось много лет, чтобы понять, какие растения лучше всего растут на той или иной почве, какие любят влажные места и какие — сухие, какие предпочитают утреннее солнце, а какие — дневное. Томас извлек уроки из экспериментов отца.

Теперь у них было достаточно еды плюс государственные излишки продовольствия, которые всегда появлялись неожиданно. Бибун больше всего радовался правительственному кукурузному сиропу, такому сладкому, что у него болели оставшиеся корни давно разрушившихся зубов. Он разбавлял его холодной водой и добавлял

несколько капель «Маплейна»[43], чтобы придать ему вкус прежнего кленового сиропа. Он помнил этот вкус с самых юных дней, проведенных в огромных рощах сахарных кленов в Миннесоте. И он любил пукконы, жарящиеся на чугунной сковороде, подбрасываемые на ней, и запах старых времен, наполняющий хижину.

[43] Сноски: 43

«Маплейн» — вкусовая добавка, имитирующая вкус кленового сиропа.

Духи

По дороге в Регби, сидя на пассажирском сиденье, которое обычно занимала Валентайн, Патрис задавалась вопросом, всегда ли Дорис Лаудер так хорошо пахла. Она хотела узнать, не духи ли это, но сомневалась, вежливо ли об этом спрашивать. Патрис задумалась о том, как пахнет она сама. Она жила в окружении медвежьего корня, *вике*, полыни, душистых трав, кинникинника[44] и всевозможных чаев и шаманских снадобий, которые Жаанат сжигала или варила каждый день. Их запах, несомненно, прилип к ней. Перед отъездом Жаанат сунула Патрис в руки матерчатый мешочек с чаем из шиповника — укрепляющее и тонизирующее средство для Веры. А также ягоды можжевельника. Для купания младенцев. Они были в ее чемодане, лежащем на заднем сиденье. Постепенно аромат можжевельника проникал в салон автомобиля. Но он все равно не мог конкурировать с запахом Дорис.

---

[44] Сноски: 44

Кинникинник — смесь мелко измельченной внутренней коры красного кизила и стружки пробкового табака. Смесь обрабатывают деревянными ступкой с пестиком. Эта смесь также используется сегодня для церемониального курения.

— Мне нравятся твои духи, — выпалила Патрис. — Как они называются?

Она не собиралась ничего говорить, но ровный шум мотора подталкивал к разговору.

— Одеколон «Лучше Навоза», — пошутила Дорис. — Первейший друг девушек с фермы.

Патрис рассмеялась так сильно, что неприлично фыркнула. Она почувствовала неловкость, но Дорис тоже фыркнула. Это фырканье заставило их смеяться до тех пор, пока в уголках глаз не показались слезы. Потом Дорис заявила, что ей нужно успокоиться, чтобы не съехать с дороги.

— У тебя есть парень? — спросила она Патрис. — Валентайн говорит, что есть.

— Что? Хотелось бы знать, кто он!

— Люди говорят, ты нравишься тренеру по боксу.

— Это для меня новость, — ответила Патрис, хотя дело обстояло не так: Поки ей говорил, что Барнс всегда расспрашивает про нее.

— А как насчет тебя? — добавила Патрис.

— У меня никого нет.

— Значит, переводишь духи зря?

— Нет, просто делаю сносным воздух вокруг себя.

Они снова засмеялись, но на сей раз не вышли

за рамки приличия.

— Я никогда не покупала духи, — призналась Патрис. — Если у меня останутся деньги после поездки, я могла бы потратить их на духи.

— В этом году я купила себе маленький подарок на день рождения. Духи называются «Жидкие лепестки». Я пользуюсь ими, когда езжу в город, но не на работе.

— Полагаю, они дорогие.

— Да, но дело не в том. Я не душусь ими, потому что они нравятся Кузнечику.

Патрис постаралась уяснить значение сказанного.

— Ты не хочешь его поощрять.

— Конечно, нет. Кому он нужен?

— Его жене?

— Таковой не существует. По очевидным причинам.

— А есть ли кто-нибудь, ради кого тебе действительно захотелось бы использовать «Жидкие лепестки»?

— Может, такой и есть, но он меня еще не заметил.

— Не заметить тебя невозможно.

— Да ты на меня когда-нибудь смотрела? Я коренастая, потная, неуклюжая, и моя кожа

бледная-пребледная. Я не цветущая фермерская девушка. Мои щеки не пышут румянцем.

Патрис удивилась и замолчала. С ее вздернутым носиком и пушистыми рыжевато-каштановыми волосами, большой грудью и пышными бедрами, коротышка Дорис выглядела хорошенькой. Она могла наговаривать на себя, напрашиваясь на похвалы, подумала Патрис, а потому начала сыпать ей комплименты.

Дорис, казалось, раздражало все, что она говорила. Похоже, Дорис просто не хотела слышать о себе ничего хорошего. Патрис остановилась, и они поехали молча. Через некоторое время Дорис сказала:

— Я не знаю, что со мной не так. Ты просто пытаешься заставить меня чувствовать себя лучше. Но я вижу тебя насквозь. Что ты думаешь о Баки Дювале?

Она с таким же успехом могла воткнуть в мозг Патрис электрический провод.

— Что я думаю? Ты же не хочешь ничего слушать. Ты ведь знаешь, что он рассказывает обо мне, верно?

— Нет, а что?

Дорис смотрела на нее, выпучив глаза, и Патрис рассказала о том, как Баки с друзьями решили

подвезти ее прошлым летом, когда она голосовала на шоссе. Как они сначала пообещали, а потом отказались отвезти ее туда, куда она просила. Как они заманили ее в ловушку, как Баки скрутил ей руки, как они поехали по дороге, ведущей к Рыбному озеру, а потом попытались заставить ее выйти, чтобы устроить «пикник», и как она притворилась, что идет с ними. Но когда они спустились к озеру, она прыгнула в воду и поплыла к рыбацкой лодке своего дяди. А они не осмелились ее преследовать.

Она не рассказала Дорис о том, как они пытались навалиться на нее всем скопом в машине, или о лице Баки, прижатом к ее лицу, его руках, шарящих по ее телу. И она ничего не рассказала о нынешнем состоянии Баки.

— И ты проплыла весь путь до лодки своего дяди?

— Конечно! Он был так удивлен. Сказал, что ловит окуней, а не юных леди. Но, как бы то ни было, он отложил удочку и помог забраться в лодку.

— Повезло, что он был там.

— Я смогла бы перегнать этих парней вплавь. Они были пьяны.

— Ты предполагала подобное, когда садилась

в машину?

— Да, но для меня эта поездка была очень важна.

— Понимаю.

Некоторое время они ехали молча, потом Дорис спросила, знает ли Патрис других парней, бывших в машине.

— Знаю парочку. Всего их было четверо.

— Мой брат дружит с Баки.

Дорис взглянула на подругу, и по ее взгляду Патрис поняла, что брат Дорис был одним из тех парней. Она знала, что именно поэтому Дорис спросила ее о Баки. Это не был настоящий вопрос. Теперь она не могла доверять Дорис. Та все знала о Баки. И ее брат, должно быть, что-то наплел о ней.

— Что он тебе наговорил? — спросила Патрис.

— Он сказал, Баки вел себя как придурок. И добавил, будто не знает, почему ты ушла с ним в кусты.

— Я этого не делала! И что ты ему сказала?

— Я не верю, что ты на такое способна. Я так ему и заявила.

Неужели Дорис действительно ее защищала? Патрис была настроена скептически.

— И что он ответил?

— Он как-то странно на меня посмотрел, а потом признался, что Баки заставил его поклясться, что представит дело именно так.

— Зачем Баки это нужно? Что ему с этого?

— Разве ты не знаешь? Он думает, что, если подмочить твою репутацию у хороших парней, ты смиришься, и он сможет тебя заполучить. Ты нравишься Баки, как и Барнсу.

Патрис ничего не ответила. Это звучало совершенно правдоподобно. И в то же время абсолютно невероятно. Разве Баки не думал о том, что скажут другие люди? Что его уродство как-то связано с Жаанат и с ней? Что каким-то образом они заморозили половину его лица и лишили силы его руку? Что они прокляли его? Внезапно Дорис нажала на газ и уставилась на дорогу. Они полетели вперед — слишком быстро.

— Притормози!

— По крайней мере, ты хоть кому-то нравишься! Ты, со своими эльфийскими глазками и милой фигуркой! — воскликнула Дорис. — Неужели тебя это не радует?

Патрис почувствовала прилив горечи.

— А почему это должно меня радовать? — спросила она.

— Ты бы знала почему, если бы единственным,

кому ты нравишься, был Кузнечик.

* * *

Патрис откинула голову на накрахмаленную салфетку, которая уже была слегка испачкана маслом для волос. Она выбрала место у окна, хотя, когда она вошла в вагон, несколько человек посмотрели на нее странным взглядом. Но было достаточно мест, чтобы она могла занять одно у окна. Никто не сказал бы, что ей там не место. Она на это надеялась. Патрис засуетилась со своим самодельным чемоданом и повесила пальто, разгладив его складки. Потом она села, положив руки в перчатках на колени. Ее сердце все еще колотилось. Поезд застонал, зашипел, испустил гигантский вздох. Затем двери закрылись, и пол под ее ногами наполнился энергией. Колеса застучали по рельсам, и вскоре поезд, раскачиваясь, двинулся с плавной, восхитительной, все увеличивающейся скоростью. Патрис улыбалась, глядя на дома, улицы, людей, уносящихся назад, пока поезд величаво катил вперед. Никто никогда не описывал ей, какое ощущение свободы возникает, когда едешь в поезде. Кондуктор взял у нее билет, отдал половину обратно, а другую вставил в маленькое отверстие в верхней части ее кресла.

Так что теперь это место принадлежало ей. Вторую половину билета она аккуратно положила в сумочку. Затем, подумав, снова достала и незаметно сунула в маленький кармашек, пришитый к внутренней стороне лифчика, где была спрятана большая часть денег. Веки ее отяжелели. Запах пятна от масла для волос был на удивление приятным, приглушенным и пряным. Покачивание поезда было сладостным, гипнотическим, и она погрузилась в сон в море движения.

Утюг

Днем они продолжали собирать картошку. Уэйд попросил своего друга Мартина помочь. Платили ему картошкой. Мартин жил с ними в эти дни, пока Роуз и Томас оформляли документы, чтобы оставить его в качестве приемного сына. Солнце уже опустилось, когда Томас отправил мальчиков умываться. Пересекая поле, он мог слышать, как ругается Ноко. Томас вошел в дом. Роуз орудовала утюгом в другой комнате. Ароматы жарящегося на сковороде мяса перебивал запах только что выглаженной ткани. На столе горела керосиновая лампа. Томас вышел в соседнюю комнату и поцеловал Роуз в шею. От нее пахло глажкой, чистым бельем. Роуз любила гладить одежду сразу после того, как снимала с веревки, еще слегка влажной. На случай, если та становилась слишком сухой, у нее на подоконнике стоял разбрызгиватель — стеклянная консервная банка с дырочками в крышке. Когда она пользовалась ею, а потом прижимала к смоченной ткани утюг, раздавалось медленное шипение и поднималось небольшое облачко ароматного пара. Когда в дру-

гих домах начали подключать электричество, жена стала заводить речь о гладильной машине. Но у них электричества еще не было. Так что покупать ее не имело смысла. Тем не менее Томас купил ей электрический утюг. Она ревниво хранила его, начищая, как драгоценный трофей. Роуз держала его в спальне на комоде, где они хранили одежду. Она по-прежнему пользовалась старым утюгом, тяжелым, заостренным с одного конца овалом с ручкой, который ставился на железную раму. А еще утюг хорошо согревал зимой их постель. Но яркий клин нового стального утюга, вознесенного, как маленький божок, к потолку, отражал свет, льющийся из юго-западного окна, и вспыхивал, когда Томас ложился днем отдохнуть.

В доме было чисто и опрятно. Каждая вещь стояла на своем месте. Ничто не было порвано и не болталось на ниточке. Все было в порядке. У Роуз на этот счет имелись жесткие стандарты.

— Папочка, иди есть!

Фи и Шарло вернулись домой с киносеанса, устроенного в школьном спортзале. Они все еще держали в руках пятицентовые пакетики с подсолнечными семечками. Мальчики умоляли их уйти и не путаться под ногами. Роуз поставила

перед Томасом тарелку с жареным кроликом и двумя запеченными в золе картофелинами. Еда была посыпана кусочками дикого лука. После ужина он и мальчики слушали по радио репортаж с бейсбольного матча. Потом они приходили и уходили, входили и выходили, так как все пользовались уборной на улице. Томас вытащил из-за двери спальни два свернутых и стянутых ремнями матраса. Потом достал раскладушку, днем прислоненную к ящику для дров. Он развернул матрасы и положил на пол. Постели были застелены с самого утра простынями и одеялами. На шкафу в спальне лежали маленькие плоские подушки. Фи раздала их, и каждый взял свою. Девочкам нравилось уединение на кухне. Ноко спала за дверью на холщовой раскладушке. Большие мальчики помещались валетом на одном матрасе. Когда все устроились, бормоча и вздыхая в темноте, Роуз вошла в спальню. Томас последовал за ней и закрыл дверь. Томас поставил будильник на 11:05, выключил свет. Роуз надела поношенную фланелевую ночную сорочку.

— Мягкая, как шелк, — сказал он, касаясь ее рукава.

— Пфф-ф.

Томас снял рубашку и брюки, повесил их, за-

щемив вешалкой складки, рядом с кроватью, неподалеку от портфеля, куртки и шапки.

— Мой ланч-бокс в машине?

— Ты всегда о нем спрашиваешь.

— Если бы не твои завтраки, я бы ничего не достиг.

— Он на месте.

— Тогда мне не придется тебя будить.

— Меня поднимет на ноги твой будильник.

— Но ты ведь сразу заснешь, правда?

— Да, — неохотно созналась она.

Роуз отвернулась. Через несколько секунд она уже спала. Томас лежал без сна. Он протянул руку и прошептал: «Моя старушка». Тепло ее тела аккуратно передавалось ему под одеялом и согревало правый бок. Левый оставался холодным. Тепло от плиты в спальню не проникало. В очень холодные ночи Роуз стелила на кровать дополнительное одеяло и позволяла мужу прижиматься к своей спине. Во сне она разгорячилась, точно так же, как иногда вступала в жаркие споры. Она могла бы согреть его прямо сейчас. Его понемногу стала одолевать дремота — по мере того как опускалась темнота. Курильщик дважды гавкнул, давая понять, что вернулся после вечерней каши в доме Бибуна. Он пришел домой за вторым ужи-

ном, оставленным для него снаружи в помятой кастрюльке. Если бы ночью кто-нибудь поднялся по ступенькам их дома, Курильщик просто бы зарычал, не вставая, узнав гостя, словно говоря: «Привет, я здесь». Но он выскочил бы в неистовом желании защитить, если бы к нему приблизился незнакомец. У Курильщика был очень сильно развит инстинкт охраны хозяйского крыльца.

Томас проснулся в 11:04 и выключил будильник до того, как тот зазвонил. Вставая на работу, он любил петь старый призыв, которым бродяги поднимали на ноги своих собратьев: «Выползайте, змеи, из своего болота, уже рассвело». Во всяком случае, сейчас он исполнил его мысленно. Он натянул брюки, завязал шнурки на рабочих ботинках и схватил портфель. Затем пробрался в темноте меж спящих детей и медленно открыл входную дверь. Прежде чем выйти, он сказал: «Ух, ура! *Бизаан! Мии эта го ниин омаа аяаяан. Нинга-маадажибиз эндажи-анокияан*». Пес понял эти слова, произнесенные на чиппева, и завилял хвостом, когда Томас спустился с крыльца. Едва приобретя автомобиль, Томас проложил вокруг дома кольцевую подъездную дорожку, чтобы ему не приходилось выезжать задним ходом. Он не включал фары, пока не оказался далеко от

дома. На индейской подъездной дороге царила кромешная тьма. Луна спряталась за облаками. Единственный дворовый фонарь горел на большой ферме, и его свет отражался от серебристого силосного хранилища. Он проехал через поселок, а затем покинул резервацию. На этом участке, выехав на шоссе, он почувствовал сильное беспокойство. Ему казалось, что его сердце пронзают длинные острые иглы. Он вспомнил отца и то, как они вдвоем сидели в лучах заходящего солнца, впитывая ускользающее тепло.

«Ты никогда не сможешь до конца насытиться теми, кого любишь, — подумал Томас, медленно потирая грудь, чтобы унять боль. — Бибун со мной, он дотянул до глубокой старости, но я жаден. Я хочу, чтобы он жил еще дольше».

Его напряжение ослабло, когда он поехал дальше. Но потом в нем поднялось еще более острое чувство. Оно породило в нем желание остановить машину, выйти, но что потом? Он взглянул на портфель. Там лежали бумаги, которые дал ему Мозес. В течение нескольких дней он пытался разобраться в этих документах, понять их значение. Чтобы уловить смысл изложенных в них невероятных намерений. Невероятных, потому что немыслимое было сказано безобидным сухим

языком. Невероятных, потому что намерение авторов состояло в том, чтобы в конце концов уничтожить, отказать в признании. Стереть с лица земли как индейцев его самого, Бибуна, Роуз, его детей, его народ, *сделать всех невидимыми, как будто их никогда здесь не было, с самого начала, именно здесь.*

Портфель лежал на пассажирском сиденье и казался тяжелым. Зудящее ощущение страха усилилось. Томас заехал на стоянку. Хлопанье дверцей машины никогда не переставало вызывать в нем чувство удовлетворения. Он прошел несколько шагов без портфеля, затем повернулся, наклонился к машине, выдернул его и прижал к себе. Но он не заглядывал в него до глубокой ночи, пока не открыл ланч-бокс и не взял сэндвич из чистой старой красной банданы, в которую тот был завернут. Он налил в крышку термоса черной «целебной воды». Ему требовалось отхлебнуть кофе, откусить кусочек подрумяненной и подсоленной лепешки с хрустящей корочкой, пока он будет снова и снова перечитывать бумаги. Эти маленькие удовольствия придавали сил.

Он работал ночным сторожем уже семь месяцев. Вначале свои обязанности на посту председателя Консультативного комитета Черепашьей

горы он выполнял в конце дня и по вечерам. После работы он спал почти каждое утро. Когда ему везло, как сегодня, он даже успевал еще немного вздремнуть, прежде чем ехать на завод. Но время от времени правительство вспоминало об индейцах. И когда оно это делало, то всегда пыталось *решить проблему* индейцев, подумал Томас. Оно решает наши проблемы, избавляясь от нас. И сообщает ли оно нам, когда планирует от нас избавиться? Ха и еще раз ха. Он не получал от правительства никаких известий. Лишь прочитав «Майнот дейли ньюс»[45], он понял: что-то случилось. Затем Мозесу удалось получить соответствующие бумаги у своего знакомого в Абердине. Драгоценное время потребовалось даже для того, чтобы получить подтверждение или прочесть подлинную резолюцию палаты представителей, в которой, как сказал ее автор, говорилось, что племя индейцев чиппева с Черепашьей горы было выбрано конгрессом Соединенных Штатов для *эмансипации*. Так в Америке некогда называли освобождение чернокожих рабов. *Э-ман-си-пация. Эман-сипация.* Это слово не переставало звенеть у него в голо-

[45] Сноски: 45

«Майнот дейли ньюс» — американская ежедневная газета, выходящая в городе Майнот, штат Северная Дакота.

ве. Эмансипированный. Но они не рабы. Идея заключалась в том, чтобы освободиться от всего, что делает их индейцами. Освободиться от своей земли. Освободиться от договоров, которые подписали отец и дед Томаса и которые, как им обещали, должны длиться вечно. Таким образом, избавившись от индейцев, правительство могло *решить* и индейскую проблему.

За одну ночь работа председателя совета племени превратилась в борьбу за то, чтобы оставаться проблемой. Чтобы не дать ее решить.

Ящик из-под фруктов

Барнс видел, как она снова исчезла в листве. Она шла босиком. Он нашел это очаровательным. И очень подходящим для милой индейской девушки. Еще в детстве он видел таких на фотографиях. На рекламных щитах. Ярких наклейках на ящиках из-под фруктов и коробках из-под молочных продуктов. Прелестная индейская девушка с развевающейся бахромой на одежде из оленьей кожи. Она могла бы держать в руках тыкву, яблоки, персики, огурцы. Она могла предлагать маленький брусок масла. Возможно, воспоминания об этих фотографиях отчасти повлияли на его решение приехать в резервацию, оставив типографию родителей в Де-Мойне[46]. Кроме того, после окончания средней школы ему пришло в голову, что на самом деле ему не слишком хотелось продолжать работать в типографии. Он любил математику. Деление больших чисел столбиком с самого начала завоевало его сердце. Барнс жаждал каждого нового уровня математических знаний. Даже сейчас, если бы он

[46] Сноски: 46
Де-Мойн — столица штата Айова.

не занимался боксом, он возился бы с полиномами[47]. Числа помогали ему в течение всего дня. Он подмечал их связи, повторения. Из номерных знаков и телефонных номеров он составлял уравнения. Даже бокс основывался на количестве минут, раундов, очков. Номера также были связаны с людьми. Он видел Пикси похожей на число 26, хотя ей было всего 19 лет. Но ему нравились взмах двойки и улитка шестерки. Они шли ей. У него было особое чувство к двум в шестой степени. Увы, дальше этого дело не шло. Он лишь однажды мимоходом заговорил с ней и ждал подходящего момента, чтобы представиться.

Он подумал, что мог бы пойти к ней домой. Было бы это странно? Возможно. Вероятно. Но он ждал случая, чтобы столкнуться с ней, ждал так сильно, что посещал места, куда она могла бы зайти, возвращаясь с работы. Он стал бывать в магазине, где все товары стоили по десять центов. В торговом центре. В кафе «У Генри». Но ему не везло. Однажды вечером, когда дороги в округе подсохли, включая подъездную дорожку, ведущую к ее дому, он подвез Поки после тренировки.

---

[47] Сноски: 47

Полином, или многочлен, — одна из базовых алгебраических структур, которая встречается в школьной и высшей математике. Изучение полинома является важнейшей темой в курсе алгебры.

Когда Поки вышел из машины, Барнс вылез за ним следом.

— Хочу поздороваться с твоими родителями. Я с ними еще не знаком.

Поки повернулся и уставился на Барнса. Потом он закрыл рот, шагнул вперед, но ничего не сказал.

Поки надеялся, что его отец не вырубился во дворе. Он знал, что Патрис сейчас едет на поезде, и упомянул об этом.

— Это просто замечательно, — скрыл разочарование Барнс. — Надеюсь когда-нибудь рассказать ей о твоем прогрессе.

Поки промолчал, но подумал: «На самом деле тебя интересует прогресс, которого достиг ты. Или пытаешься достичь».

Поки распахнул дверь. Когда Барнс нырнул в нее, он был потрясен. Он не сразу понял, что вошел в дом. Это место показалось Барнсу грубым убежищем для животных. Стоящие вертикально одна к другой жерди стен были обмазаны бледно-желтой глиной. Но затем, немного привыкнув к тусклому свету, он обратил внимание, что о жилище заботились. Стол был выскоблен и чисто вымыт. На нем стояла зажженная керосиновая лампа. За ней сидела женщина, перед которой

лежало то, что он сперва принял за тяжелый рулон бумаги, но потом понял, что это береста. Позади стола стояла небольшая дровяная печь, на которой дымилась железная кастрюля с тушеным мясом. Барнс распознал по запаху перченое рагу из оленины, приготовленное с ягодами можжевельника и дикой репой. Поскольку это было фирменное блюдо Джагги, у него потекли слюнки. Не говоря ни слова, женщина встала, наполнила тушеным мясом две жестяные миски и поставила их на стол. Потом она положила ломоть лепешки, а между мисками поставила небольшую сковородку с жиром. Рядом с мисками она положила две ложки.

Барнс сел рядом с Поки и принялся за еду. Женщина не улыбнулась. Она начала говорить с Поки на своем языке, а затем жестикулировать, медленно и отчетливо. Барнс был впечатлен ее руками — может, дело заключалось в числе пальцев на них. У нее не хватало мизинца на одной руке. На другой торчал дополнительный пальчик — идеальный большой палец. Ее пальцы росли неправильно, однако все равно в сумме получалось десять. Это лишило Барнса присутствия духа — до такой степени, что он начал испытывать сильный дискомфорт — и после ту-

шеного мяса попросил Поки поблагодарить мать. Он хотел объяснить ей, что рагу показалось ему восхитительным, и даже чуть не потер живот, но вовремя спохватился.

— Мама хочет знать, зачем ты пришел, — перевел Поки.

— Просто навестить. Сказать, что ты выполняешь работы по математике на четверку с плюсом. Это очень хорошо.

Барнс кивнул и улыбнулся, пытаясь поймать взгляд матери. К его разочарованию, та отводила глаза или смотрела мимо него, в пол. Она, казалось, слушала, но он не мог сказать, как много она поняла. Сказав все, что мог придумать, он стал ждать. Ничего. Она отхлебнула чаю. Через некоторое время она кивнула Поки и что-то сказала. Поки снова наполнил жестяную миску Барнса. Барнс съел еще одну порцию тушеного мяса. Потом они сидели вместе при свете мерцающей лампы. Наконец она снова заговорила с сыном. Поки нахмурился, уставившись на стол.

— В чем дело? — спросил Барнс.

— Она благодарит. Но она знает, что ты пришел не за этим.

Барнсу было трудно не пялиться на руки матери, и ему было стыдно, что он не может поддер-

жать разговор. Эта ситуация сильно отличалась от картинок на ящиках с фруктами, но он надеялся, что справляется с ней. Как будто он попал в другое время, время, о существовании которого не подозревал, в неуютное время, когда индейцы совсем не были похожи на белых людей.

— Может, мне лучше уйти, — пробормотал он.

— О'кей, — отозвался Поки.

Мать что-то проговорила.

— Поки! Что она сказала?

— Так, ничего.

— Пожалуйста. Что?

— Ну, ладно. Она сказала, что ты не нравишься Пикси.

— Что? Откуда она знает? Как так? Спроси ее.

Поки заговорил с матерью. И снова он, казалось, поколебался, стоит ли ему переводить, но в конце концов смягчился:

— Она говорит, ты не нравишься Пикси, потому что от тебя плохо пахнет.

Барнс был совершенно потрясен. Он поднялся на ноги и стоял, пошатываясь, под низкой крышей.

— Скажи маме, что я благодарю за тушеное мясо, — промямлил он.

— О'кей, — ответил Поки.

Барнс вышел из дома и побрел по темной тропинке к своей машине.

— Ну и дела, мама, — проговорил Поки, когда дверь закрылась. — Ты оскорбила учителя.

— Мне пришлось, — ответила Жаанат по-английски. — Она сказала мне, что он ей не нравится. Хотя и не совсем потому, что от него дурно пахнет. Она хочет, чтобы он оставил ее в покое.

— Почему ты ему этого не сказала? Теперь он просто станет чаще мыться и подумает, что проблема решена.

— Даже если он помоется, от него все равно будет пахнуть так же, как от них. Он никогда не сможет этого смыть. У их пота резкий запах.

— О, так ты думаешь, он поймет, что у него нет шансов пахнуть хорошо? Значит, он сдастся?

Жаанат кивнула, как будто это было очевидно.

— Ма, боже! Он так не думает. Он думает, это мы плохо пахнем.

– *Гавшин гегет!* Конечно, нет! — произнесла Жаанат возмущенным голосом.

Место в поезде

На каждой остановке в вагон заходили другие люди. Никто не сел рядом с Патрис, но вскоре почти все места были заняты. Блондинистый мужчина со светлыми ресницами, который напомнил ей Барнса (многие мужчины в поезде или на вокзале напоминали ей Барнса), шел по проходу. Он взглянул на сиденье рядом с ней, и Патрис закрыла глаза. Она сидела, прислонившись к окну. Виском она ощущала прохладу стекла. Патрис почувствовала, как мужчина всем весом опустился на сиденье, и услышала, как он разговаривает с женщиной, которая отошла в сторону. Человек рядом с Патрис несколько мгновений сидел неподвижно, а затем легонько хлопнул ее по руке. Пораженная, она замерла и никак не отреагировала.

— Эй, моя жена на борту. Она поменяется с тобой местами.

Патрис не открывала глаз. Может быть, если бы он не ударил ее по руке, если бы попросил вежливо или извинился за то, что якобы ее разбудил, она бы поменялась местами. Но вместо этого

она решила погрузиться в холодное и замкнутое состояние, из которого ее никто не выведет. Он снова ткнул ее в руку.

— Эй, — сказал он громче. — Я сказал, моя жена поменяется местами.

Патрис нахмурилась, как будто ее сон оборвали, затем повернулась к нему плечом и глубже вжалась бедрами в обивку. По проходу шел кондуктор. Он уже пробил ее билет, поэтому не стал ее будить. Когда кондуктор взял билет у мужчины с блондинистыми волосами, тот проворчал:

— Я бы хотел, чтобы жена сидела рядом со мной. Она поменяется местами с этой женщиной.

— Мисс, — покачал головой кондуктор. — О, мисс.

— Я поменяюсь, — тихо произнес где-то рядом мужской голос.

Патрис заставила себя впасть в упрямое оцепенение.

Первый мужчина поднялся.

— Ну да. Два сапога пара, — съязвил он.

Его место занял другой мужчина. Патрис показалось, будто она бредет вдоль каких-то странных холодных стен. Измученная, она провалилась в короткий сон. Прежде чем открыть глаза, она почувствовала, что кто-то за ней наблюдает.

Когда она села и огляделась, то увидела, что это Лесистая Гора.

— Привет, Пикси.

Она забыла сказать ему, чтобы он называл ее Патрис, потому что была очень рада видеть кого-то из родных мест. Поездка на поезде длилась всего час, а она уже скучала по дому. Ей захотелось, чтобы нынешнее приключение скорее закончилось.

— Куда ты едешь? — спросила она.

— В Фарго. У меня там будет бой. Возможно.

Его волосы были недавно подстрижены, смазаны маслом и завитками ниспадали на лоб.

— Тем вечером ты был хорош. Должен был победить.

— О, так ты была там?

Он прекрасно знал, что она там была вместе с его двоюродным братом. Из-за этого ему хотелось победить еще больше. Он чувствовал на себе их взгляды.

— Да, хронометрист сжульничал. А ты был хорош, — снова заявила она.

— Да, Барнс так и сказал.

Патрис кивнула. Барнс.

— Он всегда тебя расхваливает. Он тебе нравится?

— Нет.

— Как такое может быть? Что с ним не так?

— С ним все в порядке.

— Значит…

— Разве только потому, что с ним все в порядке, он должен мне нравиться?

— Наверное, нет.

Они сидели, ощущая неловкость. Кондуктор объявил следующую остановку, недостаточно долгую, чтобы по-настоящему пообедать на станции. Патрис взяла с собой немного еды, чтобы сэкономить деньги. Она достала свое желтое ведерко и сняла крышку. Там был пеммикан[48] Жаанат — с мясом оленя, сладкими ягодами можжевельника, мускусными ягодами ирги, засахаренным жиром. Все эти ингредиенты были высушены и растерты в порошок. Лесистая Гора взял небольшую пригоршню. Патрис взяла щепотку.

— Сытная вещь — пеммикан, — проговорил Лесистая Гора.

— Я на него рассчитываю, — отозвалась Патрис. — Я еду в город искать сестру.

— Я об этом слышал. А как насчет твоей ра-

---

[48] Сноски: 48

Пеммикан — мясной пищевой концентрат. Применялся индейцами Северной Америки в военных походах и охотничьих экспедициях.

боты?

— Валентайн отдала мне свои дни.

— Достойный поступок.

Его замечание не предусматривало дальнейшей беседы, а только требовало согласия, и они продолжили ехать молча, пока поезд не остановился.

— Давай выйдем и разомнем ноги, — предложил Лесистая Гора.

— Я не хочу терять свое место, — возразила Патрис.

— Если тот парень снова попытается его занять, я его проучу.

— Тогда я остаюсь. Никаких драк из-за меня.

Лесистая Гора вышел из поезда и принялся бегать взад и вперед по перрону. Патрис положила свое пальто на сиденье рядом, чтобы никто его не занял, но все же, когда в вагон зашли новые пассажиры, маленькая жилистая женщина остановилась у кресла, кивнула и спросила:

— Чье пальто?

— Его, — ответила Патрис, кивнув в сторону Лесистой Горы, стоящего в проходе.

Женщина нахмурилась из-за несоответствия между синим, явно женским пальто и рослым крепким индейцем, но пошла дальше. Лесистая

Гора сел. Он все еще переводил дыхание. Его волосы были взъерошены. Он пригладил их, а потом прихлопнул всей пятерней.

— Бег с ускорением, — пояснил он.

— Что это такое?

— Специальное упражнение, стремительный переход от ходьбы или медленной трусцы к быстрому бегу.

— В нем есть смысл. Оно, верно, помогает тебе делать стремительные броски во время боя.

Он был удивлен, что она сразу все поняла. Патрис спросила его о других способах тренировки. Лесистая Гора открыл ей, что у него есть холм, на который он взбегает около сотни раз каждый день. Потом он рассказал о канистрах, наполненных песком и заваренных. О прыжках через скакалку и о небольшой боксерской груше для отработки быстрых ударов, которую он повесил на ветку дерева. Он старался не упоминать имени Барнса, ибо в том, что он ей не нравился, было нечто особенное. Он это чувствовал. Но он был не из тех, кто с легкостью дает имена различным явлениям. Или пытается найти их причину. Его чувства были подобны погоде. Он просто страдал от них или наслаждался ими. Вот и теперь Патрис достала из сумочки маленький складной

ножик и сняла крошечную стружку с куска коры в форме большого пальца. Потом она сложила перочинный ножик и сунула стружку в рот. Она разжала руку: на ладони лежала еще одна ароматная стружка.

— Угощайся.

Он подержал кусок коры за одной щекой, потом за другой, позволяя мягкому вкусу специи наполнить рот.

— Что это за штука?

Она покачала головой:

— Это… Я не знаю, как назвать. Мисванагек.

— Какое-нибудь лекарство?

— От спазмов.

— Каких спазмов?

Он посмотрел на нее. Она отвернулась, вздрогнув от своих мыслей, и пробормотала:

— Мышечных спазмов!

— Я понял.

Он спрятал улыбку, словно ничего не заметил.

— Ты можешь заварить эту кору, как чай. Чай лучше.

— Итак, куда ты направишься, когда доберешься до города?

— У меня есть парочка адресов.

— Адресов, по которым проживает сестра?

— Нет.

— Значит, план состоит в том, чтобы ходить по улицам, пока ты на нее не натолкнешься?

— Возможно.

— Этот план не годится.

— Может, и так. Но что мне делать? Пойти в полицию?

— Не совсем.

— Как это?

— Тебе нужна не-полиция. Извини, что я так выразился. Твоя сестра могла попасть в беду. Так что, я хочу сказать, иди к королям дна.

— О, хорошо, но я не знаю, как мне их найти…

— Пена поднимается на поверхность. Просто оглянись вокруг. Найди сомнительных личностей, которые отвечают за разные вещи.

— Какие вещи?

Он не так уж много знал о Пикси и не был уверен, как далеко можно зайти, отвечая на этот вопрос.

— Не слишком хорошие, — произнес, наконец, он.

— Алкоголь?

— Да.

— Что еще может быть плохого?

Он пристально посмотрел на нее. Она просто

хотела знать.

— Ты меня беспокоишь, — сказал он.

Билль

Обеспечить прекращение федерального надзора за собственностью индейцев чиппева из племени Черепашьей горы в штатах Северная Дакота, Южная Дакота и Монтана, а также отдельных его членов, для оказания помощи в упорядоченном переселении таких индейцев в районы с бóльшими экономическими возможностями, равно как и для других целей.

Вот оно, это слово «прекращение», оно встретилось в первой же строке сухого первого предложения и мгновенно заменило в сознании Томаса слово «эмансипация» с его мощной аурой пространства. В газетах автор билля окружал свой законопроект облаком возвышенных слов — эмансипация, свобода, равенство, успех, — которые скрывали его истину: прекращение. Прекращение. Требовалось добавить всего одно слово: бытия.

Ветер заставлял дребезжать металлические жалюзи на окнах завода. Томас натянул куртку. Он окончил восьмой класс лишь в восемнадцать лет,

потому что ему приходилось работать с отцом. Они собирали урожай и опять засевали поля, пропалывали сорняки и потели под безжалостным солнцем. Однажды летом он выкопал колодец. Закончив восьмой класс, Томас попытался заняться самообразованием, в основном читая все, что мог найти. Когда ему требовалось успокоить разум, он открывал книгу. Любую книгу. Потом он всегда чувствовал себя отдохнувшим, даже если книга оказывалась плохой. Так что не слова в остальной части законопроекта мешали пониманию, а то, как они были соединены одно с другим.

Сенат и палата представителей Соединенных Штатов Америки, объединившись в составе конгресса, утверждают, что цель данного Закона состоит в том, чтобы обеспечить прекращение федерального надзора за трастовой и ограниченной собственностью племени чиппева Черепашьей горы в Северной Дакоте, Южной Дакоте и Монтане и улучшить распоряжение собственностью, находящейся в федеральном владении, приобретенной или изъятой для управления делами таких индейцев, а также активизировать упорядоченную программу содействия переселению и размещению таких индейцев в самодоста-

точной экономике с тем, чтобы федеральные обязанности и надзор в отношении таких индейцев могли быть прекращены, поскольку в этом нет больше необходимости, и прекратить оказание федеральных услуг, предоставляемых таким индейцам вследствие их статуса индейцев.

Томас отбросил страницы. Сделал обход. Потом собрал бумаги, разложил их по порядку и засунул обратно в портфель. У него не находилось ответа. Осталось чувство пустоты, гудения, а также ощущение, будто тело превратилось в барабан. Что любой может постучать в него и извлечь звук. И что этот звук, каким бы вызывающим он ни был, окажется бессмысленным. И что завладевший барабанными палочками знал это и был безжалостен. Он будет бить и бить, пока шкура Томаса не порвется.

Кто был этот человек? Человек, бьющий в барабан? Кто составил законопроект? Томас хотел узнать ответ на этот вопрос.

В то же утро Томас сделал дорогой телефонный звонок своему старому другу и приятелю по школе-интернату Мартину Кроссу. Мартин был председателем совета племени в Форт-Бертольде, резервации на западе Северной Дакоты, которую населяли племена мандан, арикара и хидатса,

родное племя Мартина. Из воспитанника школы-интерната Мартин превратился в источник мудрости и выдающегося борца за права индейцев. Мартин сказал ему, кто бил в барабан: Артур В. Уоткинс.

— Он самый влиятельный человек в конгрессе, — добавил Мартин Кросс.

— Это нехорошо.

— Именно так. И я не знаю, имеет ли это значение, но он мормон.

Томас помолчал. То, что сказал Кросс, показалось ему смутно знакомым.

— Ты знаешь кого-нибудь из мормонов? — спросил Мартин Кросс.

— Не думаю.

— Они еще до тебя не добрались. Но погоди, они наведаются к тебе в гости. Это в их религии — превращать индейцев в белых.

— Я думал, это проделки правительства.

— Это записано в их священной книге. Чем больше мы молимся, тем легче мы становимся.

— Я мог бы сбросить несколько фунтов.

— Я не в том смысле, — засмеялся Мартин. — Мормоны думают, что, если ты последуешь их примеру, твоя кожа обесцветится. Они называют это легким и радостным.

— Им придется потрудиться над твоей жесткой старой шкурой.

— И над твоей тоже.

Томас прервал разговор, вспомнив, что племя разорено. На самом деле его финансовое положение было даже еще хуже, чем он думал, когда брался за работу, за которую ему полагалось платить тридцать долларов в месяц. В действительности он еще ни разу не заплатил сам себе. Но зато он теперь знал, как зовут сенатора, проталкивающего этот законопроект в конгрессе. Артур В. Уоткинс.

Кто?

Следующим вечером на работе он снова разложил перед собой страницы законопроекта.

Итак, дело дошло до этого, подумал Томас, глядя на нейтральные строки предложений в законопроекте о прекращении действия договоров. Мы пережили оспу, винтовки Винчестера, пушку Хотчкиса и туберкулез. Мы пережили эпидемию гриппа 1918 года и участвовали в четырех или пяти кровопролитнейших войнах Соединенных Штатов. Но, в конце концов, мы будем уничтожены набором скучных слов. *Распоряжение, усиление, прекращение, обеспечение* и так далее.

Он вернулся за свой стол, только что пробив на карточке время — два часа ночи. Как давно он в последний раз хорошо спал? Где это было? В старом доме. Он отложил газету и начал писать Арчи: *«Как ты знаешь, мама взяла на себя заботу о талантливом и многообещающем парнишке. Мартин для Уэйда — кто-то вроде алтарного мальчика-служки. Я не хочу показаться кощунственным, но когда я вижу Мартина, стоящего рядом с Уэйдом в его ботинках или работающего*

рядом с ним вилами или лопатой — не важно, чем именно, — я не могу не вспомнить, как в давние времена сам прислуживал во время Святой Мессы. Мартин, кстати сказать, внимательно слушает Уэйда и на днях утром сказал мне, что Уэйд постоянно упоминает, как я на работе пробиваю часы. С печальным взглядом Мартин заметил: "Со всеми этими пробиваниями часы, должно быть, уже разлетелись на сотню кусочков!"»

Томас подпер голову руками, прикрыв глаза. Следующее, что он помнил, было его внезапное пробуждение. В голове все плыло, пульс участился, и он был уверен, что кто-то пытался проникнуть на завод. Он выключил настольную лампу и взял стальной электрический фонарь, который мог пригодиться в качестве дубинки. Он не стал пробивать время на карточке, потому что щелчок отозвался бы эхом. Он бесшумно пересек основное помещение и вошел в комнату кислотной промывки. Он всегда думал, что, вполне возможно, кто-то, вообразив, что используемые на производстве камни — обычные драгоценные камни, может проникнуть на завод в надежде найти несметные сокровища. У него были фонарь и ключи. Он мог бы огреть грабителей фонарем

и расцарапать их лица ключами. Но, скорее всего, они его одолеют, свяжут и швырнут в туалет. Он надеялся, что его голова не ударится об унитаз. Если он не сможет думать и рассуждать, ему не удастся противостоять законопроекту.

Томас медленно крался вперед и везде находил завод пустым. Гудит там, где должно гудеть. Тихо там, где всегда было тихо. Гул и грохот в обычных местах. Затем он вошел в темный цех и увидел большую серебряную дугу белой совы, припавшей к окну, расправив крылья. Она стучала клювом по стеклу, воюя с собственным отражением. Небо за совой было черным, безлунным, усеянным сверкающими звездами. Взволнованный, он нащупал ключи, а затем на цыпочках вышел на улицу, чтобы получше разглядеть сову.

— Кто? — ухнула сова.

Он медленно обошел здание снаружи. Полярная сова повернула голову, чтобы посмотреть на него, затем вытянула оперенную лапу и согнула черные когти. Птица казалась раздраженной, моргнула, строго посмотрела на Томаса и, подозрительно клюнув в последний раз своего стеклянного соперника, начала чистить перья. Томас долго наблюдал за ней, прежде чем она

беззвучно взмыла вверх. Он постоял еще мгновение, ожидая увидеть, куда сова полетит. Но та исчезла, ее засосало черное небо. У Томаса не было ни куртки, ни сигары, поэтому он вернулся на завод и пробил время на карточке. Рядом с указанным временем он написал: *«Вышел на улицу, чтобы ответить на вопрос полярной совы: “Кто?” Сова улетела, не получив удовлетворительного ответа».*

Индейская шутка

Уолтер Волд поправил очки для чтения и внимательнее вгляделся в табельную карточку. Полярная сова! Он передал карточку обратно через стол Дорис Лаудер.

— Типичная индейская шутка, — покачал головой Волд.

Он заметил, что секретарша совсем перестала пользоваться духами. Что она отодвигалась, когда он пытался приблизиться. Когда он подходил ближе, чувствовал, что от нее странно пахло плесенью.

— Как так? — спросила Дорис. — Не понимаю.

Она обтерла руки мокрой затхлой тряпкой из-под раковины. Она проделывала подобную процедуру каждый день. Она была готова терпеть неприятный запах, лишь бы он не принюхивался к ней всякий раз, когда она проходила мимо.

— Как бы это сказать…

Волд демонстративно постучал себя по подбородку, твердому, как бронза.

— Сюда подойдет слово… слово…

К его облегчению, подходящее слово все же

пришло к нему в голову:

— Загадочно.

— О. Я все же не понимаю.

Дорис забрала карточку с расписанием обходов пахнущими плесенью пальцами и снова изучила написанные на ней слова. Лабатт поджидал за дверью с мусорной корзиной, которую ему предстояло опорожнить в большой мусорный бак. Волд взял карточку из рук Дорис.

— Мистер Лабатт, — позвал Волд, кивая и жестикулируя, как будто подавал сигнал самолету, — пожалуйста, зайдите в мой кабинет и кое-что проясните.

Вошел Лабатт, круглым животом вперед, с видом эксперта. Волд передал Лабатту табельную карточку Томаса Важашка.

— Мисс Лаудер любопытно, что это значит, — обратился к нему Волд.

Лабатт поднес карточку к глазам, потом отвел руку подальше от лица и нахмурился, произнося слова одними губами. Он посмотрел на них обоих и принял вид знатока:

— Это значит, что Томас Ондатра вышел на улицу выкурить сигару. Иногда он курит сигары марки «Полярная сова». Я бы предположил, что его заперли снаружи и ему пришлось вернуться

через окно. Или он мог пройти прямо сквозь стену, как сквозь туман.

Лабатт ушел, смеясь. Волд и Дорис тоже засмеялись.

— Очень забавно! Прошел сквозь стену, как сквозь туман. Вот уж действительно типичная индейская шутка!

Лабатт перестал смеяться, как только вышел за дверь, и загромыхал тележкой по коридору. Его глаза вылезли из орбит, когда он повез ее еще быстрее. Упоминание о сове было слишком тревожным. Если Томас видел сову, это означало смерть. Скорую. Лабатт перебирал в уме списки людей, которые могли умереть. Людей, против смерти которых он не возражал бы. Людей, против смерти которых он очень бы возражал. Людей, смертью которых он был бы сильно напуган, и та вызвала бы у него боль в сердце. А потом, оставался и он сам, в некотором смысле очень близкий Томасу человек, так как они вместе ходили в школу и иногда пересекались на работе. Да, он был достаточно близок Томасу, чтобы стать жертвой. К тому же он чувствовал за собой вину и ему могло грозить наказание.

Очень тихо он пробормотал, обращаясь к пустому коридору:

— Помоги мне, Родерик.

Кто?

Томас принадлежал к поколению «после-буйвола-кто-мы-теперь». Он родился в резервации, вырос в резервации и предполагал, что там же и умрет. У Томаса были часы. Но он забывал ими пользоваться, ориентируясь только по солнцу и луне. Родным он считал свой древний язык, но также говорил по-английски — с мягким выговором и с почти незаметным акцентом. Этот акцент мог принадлежать только людям его поколения. Эта одновременно мягкая, но в то же время твердая манера говорить ныне была утрачена. Его поколению требовалось определиться с тем, кто они такие. Кто такой индеец? Что означает это слово? Кто он, кто, кто? И каким образом это проявляется? Каким должно быть отношение индейцев к этой стране, которая завоевала их и всеми возможными способами пыталась поглотить? Иногда страна все еще активно ненавидела индейцев, это правда. Но теперь все чаще появлялось мощное восхитительное ощущение. Войны. Гражданство. Флаги. Этот законопроект о расторжении договоров. Артур В. Уоткинс счи-

тал, что он будет принят для их же блага. Чтобы поднять их до его уровня. Даже открыть им врата рая. Как могли индейцы держаться особняком, когда победители то и дело протягивали им руки, чтобы прижать их к сердцу с чем-то похожим на любовь?

Флаги

В тот год его отец выглядел особенно изможденным, с выступающими скулами. Томас всегда был голоден. Тогда они дошли до еды, которая бывала на их столе лишь в самом отчаянном положении, — кусочков лепешки, намазанных оленьим жиром. В дневной школе резервации кормили только один раз в день. Государственная школа-интернат славилась трехразовым питанием. Она находилась в дне езды на повозке, и то если вы отправились туда задолго до рассвета. Мать Томаса, Джулия, или Аван, плакала и прятала лицо, когда он уходил. Она разрывалась от противоположных чувств — может, лучше подстричь ему волосы самой? В школе ему все равно подстригли бы волосы. А подстричь волосы означало, что кто-то умер. Это был способ выразить скорбь. Как раз перед тем, как отцу с сыном предстояло уйти, она поднесла нож к косе. Она повесила бы ее в лесу, чтобы правительство не смогло задержать сына надолго. Чтобы он вернулся домой.

И он вернулся.

Первое, что Томас заметил в школе, были

встречающиеся повсюду полотнища полосатой ткани — красной и белой. На ней встречался и синий цвет.

Флаги.

Они были повсюду, свисали с шестов, были приколоты к воротникам, окружали школьные доски, висели над дверями. Сначала он подумал, что это украшения. Учитель показал ему, что он должен положить руку на сердце и повторять слова, которые уже знали другие дети. И все это время смотреть на флаг. Томас повторял слова учителя, хотя и не понимал, о чем она говорит. Постепенно звуки в его сознании обрели форму. И еще позже в их рисунок добавились новые кусочки и детали. Он пробыл в школе несколько месяцев, прежде чем расслышал фразу *«флаг, за который стоит умереть»*, и его медленно пробрал озноб.

«Лесной затор 26»

Когда поезд прибыл в Фарго, Лесистая Гора попросил Патрис записать ему имевшиеся у нее два адреса.

— Зачем?

— Затем, что ты еще ребенок. Я имею в виду, не приспособлена к городской жизни. А так я смогу найти твой след в случае, если ты пропадешь.

— Не бойся, я не заблужусь.

— В лесу. Вместе со своей корой от спазмов.

— Я бывала в поселке.

— Тут большой город, Пикси.

— И что ты о нем знаешь?

— Я о нем знаю больше, чем ты. Однажды я навещал тут сестру. Несколько раз мне приходилось драться.

— И ты хоть раз вышел победителем?

— Нет.

— Жалко, что так. Ладно, вот тебе адреса, куда я направляюсь.

Пикси — Патрис — написала адреса на клочке газеты. Она не сказала ему об адресе на случай чрезвычайной ситуации. Бернадетт была его

единоутробной сестрой. Лесистая Гора сунул клочок бумаги в карман. Поднявшись, он посмотрел на нее сверху вниз. Не раздумывая, как будто это было вполне естественно, он попробовал улыбнуться так, как частенько практиковался в зеркале для бритья. О, и она ответила, разве нет? Посмотрела на него с удивлением. Он почувствовал на себе ее взгляд, когда отвернулся. Потом она наблюдала, как он идет по проходу вагона и высаживается…

Она подумала: что это было? Эта улыбка? Как будто он позаимствовал ее с киноафиши какого-то дешевого фильма. Улыбка, похожая на тесто в ее ведерке с обедом — грустная и сырая. Не пропеченная даже наполовину. Патрис откинулась на спинку кресла, достала ведерко с едой и взяла из него несколько щепоток пеммикана, глядя в окно на центр Фарго. Бар «Империя»[49]. Потом она увидела идущего Лесистую Гору. Он шел, размахивая спортивной сумкой. Если он войдет в бар, она больше никогда с ним не заговорит. Он прошел мимо.

Ладно, может, когда-нибудь, подумала она, и поезд тронулся.

---

[49] Сноски: 49

«Империя» стал одним из первых баров, открытых в Фарго после сухого закона (действовал в США с 1920 по 1933 г.).

Она спала так крепко, что узор на обивке сиденья отпечатался на щеке. Когда она проснулась и поднесла пальцы к лицу, то почувствовала на нем ямочки, оставшиеся от жесткой ткани. Поезд проделал уже долгий путь и теперь проезжал через Сент-Клауд[50]. Совсем скоро она приедет в Миннеаполис. Жилистая дама сидела рядом с Патрис, бойко работая узкими серебристыми спицами, которыми из похожей на белую пену пряжи вязала напоминавшее паутину детское одеяльце. Его изящные складки струились вниз и собирались лужицей у нее на коленях. Патрис отвернулась, но дама заметила, что она не спит, и представилась:

— Битти.

— Патрис.

— Что привело вас в Города?

— Я ищу свою сестру и ее ребенка.

— О-о-о? — отозвалась Битти, и ее щеки задрожали, когда она это произнесла.

Она была плоской изможденной женщиной. Кожа головы просвечивала сквозь бесцветные пряди волос. Ее губы были бледными и тонкими.

— Как поживает ваша сестра? А ее ребенок?

---

[50] Сноски: 50

Сент-Клауд — город в штате Миннесота, США.

Я полагаю, вы собираетесь навестить новорожденного?

Женщина озабоченно поджала губы и, прищурившись, посмотрела на спицы.

— Не совсем так. Она пропала. Я имею в виду, что мы долго ничего о ней не слышали. И я никогда не видела ее ребенка. Я беспокоюсь. Возможно, что-то случилось.

— О, боже мой, нет, нет, нет! Я надеюсь, с ребенком не произошло ничего страшного!

Спицы женщины продолжали двигаться взад и вперед. Их насекомоподобное щелканье усилилось. Внезапно женщина повернулась к ней с таким видом, словно предлагала решение проблемы:

— Я помолюсь за вашу сестру.

— Спасибо, — поблагодарила Патрис.

Женщина закрыла глаза, но продолжила вязать, не пропустив ни одной петли. Ее губы цвета глины шевельнулись. Нежность заиграла на ее лице. Патрис отвернулась и прикрыла глаза, пытаясь прогнать остатки сна. Когда она обернулась, женщина все еще молилась и вязала. Одеяло стало еще длиннее. Патрис чуть не заговорила, но губы женщины все еще шевелились, и ее бормотание было напряженным, почти слы-

шимым. Патрис снова отвернулась и уставилась в окно. Ровные пышные поля остались позади, сменившись дубовыми рощами и бурыми лугами с пасущимися дойными коровами. Вдалеке, с одной стороны, она могла разглядеть скопление высоких коричневых строений. Внезапно вдоль путей выстроились задние дворы разрушенных домов, а затем — кирпичные склады. Темп движения поезда замедлился до легкого покачивания, а размеры построек увеличились. Вскоре по обе стороны от путей выросли еще более высокие здания. Потом мимо них, всего в нескольких дюймах, промчался еще один поезд, как во сне. Наконец поезд замедлил скорость до ползучего хода и въехал в сооружение, полное теней и высоких колонн, где с шипением остановился.

— Вот, — сказала женщина, открывая глаза.

Она свернула тонкое одеяло и протянула его Патрис:

— Это для ребенка вашей сестры.

Женщина проскользнула в проход.

— Спасибо! — крикнула вдогонку Патрис, но женщина не обернулась.

Патрис на мгновение прижала одеяло к лицу. У него не было запаха — оно даже не пахло пряжей. Нет, подождите, там что-то было. Какой-то

едва уловимый запах печали. «Эта женщина потеряла ребенка», — догадалась Патрис. Но одеяло показалось ей гарантией того, что она найдет Веру и ее малыша. Она сняла свой самодельный чемодан с полки над сиденьем и засунула в него детское одеяло. «Доброе предзнаменование», — подумала она. Затем Патрис последовала за другими пассажирами по проходу.

Она спустилась на платформу и последовала за указателем к главной билетной кассе и зоне ожидания. Там были сиденья, похожие на церковные скамьи, но с подлокотниками, отделяющими одно место от другого. Дерево было твердым, прогретым и потертым там, где успело поерзать не одно поколение людей. Она присела тоже. Затем она вспомнила о помаде и обновила ее, глядя в маленькое зеркальце. Люди поднимали на нее глаза, как обычно бывает, когда женщина красит губы на публике. Иногда Патрис делала это просто на всякий случай, желая проверить, что творится у нее за спиной, или чувствуя какую-либо угрозу. На этот раз она посмотрелась в зеркальце, просто чтобы собраться с духом. Это должно было случиться. Она не могла ничего предвидеть. Что будет дальше? Как она собиралась добраться от железнодорожного вокзала до

нужного дома? Она думала, что сможет дойти до места пешком. Мили для нее ничего не значили. Но теперь она достаточно хорошо видела размеры этого города, чтобы понять: несколькими милями дело не обойдется. Вокруг нее тянулись улица за улицей, до смешного похожие одна на другую. Ей требовался совет. Может быть, одна из женщин в билетной кассе? Она убрала помаду и подошла к окошку.

— Возьмите такси, дорогая. Просто подождите снаружи на одной из вон тех скамеек.

Такси, конечно же! Как в журнальных рассказах. Патрис прошла через высокие красивые двери, отделанные латунью, и села на скамейку у края тротуара. Подъехала машина. Она показала адрес водителю и спросила, сколько будет стоить поездка.

— Нисколько, — сказал водитель. — Мне все равно надо ехать в ту сторону.

— Нет, — возразила она. — Я все-таки сколько-нибудь заплачу.

— Посмотрим. Специальная цена для хорошенькой леди.

Она открыла дверь, чтобы сесть на заднее сиденье.

— Почему бы тебе не сесть впереди? — предло-

жил водитель.

— Нет, спасибо, — смутилась она. Она хорошо помнила: в журнальном рассказе говорилось, что садиться нужно на заднее сиденье. Ее не одурачишь. Мужчина вышел из машины и положил ее чемодан на заднее сиденье. Потом он открыл для нее пассажирскую дверцу и усадил в машину. Все произошло за считаные секунды. Это был широкоплечий веснушчатый мужчина с каштановыми волосами и веснушчатыми руками. В мятом и мешковатом костюме. И он, казалось, торопился. Она села на переднее сиденье. От шофера исходил такой же резкий запах, как от Барнса, но в то же время слегка иной, как будто он уже выпил. Она пожалела, что не взяла другое такси. И ее немного удивило, что мужчина был в костюме и галстуке. Он ни на минуту не прекращал говорить и энергично вел машину, размахивая руками и обливаясь потом, хотя день был прохладный.

— Откуда ты родом? Никогда не слышал о таком месте. Как выглядит подруга? Во что та была одета, когда ты видела ее в последний раз? Говоришь, у нее есть ребенок, да? Так откуда ты родом? Никогда не слышал. Здесь есть чем заняться. Тебе понравится. Нужна работа? Работа

есть. Я могу найти тебе работу прямо сейчас. Для этого надо знать нужных людей. Я знаю нужных людей. Таксист? Нет, я не таксист. Я вожу людей, но я не таксист. Вот, приехали. Я должен остановиться здесь и повидаться с одним парнем. Ты пойдешь со мной. Присядь и расслабься. Нет? Что ж, я не принимаю «нет» в качестве ответа. Ну же. Я тебя провожу.

Они остановились в зоне, где было написано, что парковка запрещена в любое время.

— Я Эрл. Прозвище Веснушчатый. А эта штука висит для других людей, — сказал он, когда она указала на дорожный знак.

Он вышел, обогнул машину, открыл дверцу со стороны Патрис и попытался уговорить ее выйти. Над входной дверью висели неосвещенные неоновые буквы. «Лесной затор 26». Это место показалось Патрис похожим на бар.

— Мне очень жаль, — произнесла она, понимая, что совершила ошибку. — Но я не хожу в бары.

— Я тоже! Это не бар. Нет, это магазин фотоаппаратов.

Патрис повернулась, наклонилась над задним сиденьем, взяла чемодан и встала рядом с машиной, держа его в руках.

— А теперь я ухожу. Сколько я вам должна?

— Ты мне ничего не должна.

Он приобнял ее одной рукой и попытался подтолкнуть вперед. У него ничего бы не получилось, если бы внезапно не появился другой мужчина, тощий, с черным вихром на голове. Они вдвоем взяли ее за локти, когда она прижала чемодан к груди, и вместе повели через тротуар к двери. Войдя, она увидела грязный вестибюль с красным ковровым покрытием. За ним открывалось тускло освещенное пространство, заставленное столами и стульями. Вокруг слышалось ленивое бормотание.

— Где фотоаппараты?! — вскричала Патрис.

В центре клуба стоял освещенный резервуар с водой. Огромный и искрящийся, он отбрасывал неестественные зеленоватые блики на окружающие столы. Все это промелькнуло мимо, когда запаниковавшую Патрис молниеносно протащили через главный этаж, где, как она вскользь подумала, ей лучше было остаться. Блестнула зеркальная стена, отражающая бутылки со спиртным. Потом ее уволокли в темный коридор, похожий на ловушку. И как ей удалось так быстро найти сомнительных личностей?

Патрис упрямо рухнула на пол. Мужчины попытались поднять ее, но она вдруг стала очень

тяжелой. Лесистая Гора не объяснил ей, как вести себя с подонками, просто упомянул, что она должна их найти. Она заставила себя всем весом приникнуть к полу.

— Отпустите меня! — завопила Патрис.

Этим криком она что-то в себе пробудила. Какую-то неведомую силу. Как бешеная, она набросилась на мужчину с хохолком и замахнулась на него чемоданом. Он что-то затевал против нее. Тот, крякнув, наклонился, уходя от удара. Мужчина, выпивавший в баре, соскользнул с высокого стула и решительно направился к месту происшествия. На нем были серый пиджак и серый галстук. Его лицо было худым, пожелтевшим, затуманенные болезнью глаза блестели из-под серой фетровой шляпы, которую он не снял даже для того, чтобы выпить виски. Брюки болтались на тощих ногах.

— Что с ней не так?

— Она больная.

— Вовсе нет! Они пытаются меня похитить!

— Это правда, Эрл? Она кажется милой девушкой. Зачем вам это понадобилось?

— Пытаемся дать ей работу!

— Ну, что ж, пускай она присядет, выпьет, как в обычном баре. Обсуди с ней это. Нечего воло-

чить ее насильно. Что с вами случилось?

— Именно так мы заполучили Бэби в прошлый раз.

— Вы просто приволокли сюда Хильду? Вы, ребята, обезьяны.

Веснушчатый отпустил руки Патрис, слегка проведя по ним, словно просил прощения. Или пытался загладить свое поведение.

— Это не лезет ни в какие ворота, вот так притащить ее сюда, — проговорил худой, а потом кивнул Патрис: — Мне очень жаль, мисс.

— Не думаю, чтобы она пришла бы сюда по своей воле, — виноватым голосом произнес Веснушчатый. — Это не слишком чистое место.

— Это чистое место, — возразил мужчина в сером костюме.

— Ну, как скажешь. Но нам нужен кто-то сегодня вечером. И посмотри на эту девушку. Разве она не похожа на водяного быка?

— И размер как у Бэби, — добавил смуглый мужчина. — Сгодится старый костюм.

— Это как раз то, о чем я подумал.

— Этого, пожалуй, достаточно, — вмешалась Патрис.

Она шагнула вперед, пытаясь собраться с мыслями и скрыть дрожь, и снова обнаружила, что

собственные действия укрепили ее смелость. Она оттолкнула руки мужчин и громко заговорила:

— Я здесь ищу сестру. Я должна вернуться домой через неделю. Вот он мне сказал, что это магазин фотоаппаратов. Я не хожу в бары. Мне не нравятся мужчины, которые ходят в бары. Мне нужен конкретный адрес. Я должна найти сестру. Она в беде.

— Она тоже индианка? — спросил тощий человечек.

— Господи! Средний коэффициент умственного развития здесь составляет около тридцати, — вздохнул мужчина в красивой шляпе. — Конечно, индианка, Динки, она же ее сестра.

— Ну, я не знал, — извинился Динки.

— Магазин фотоаппаратов?

Желтушный приподнял поля своей шляпы. Веснушчатый пожал плечами.

— Я Джек Мэллой, — представился тот, кто был в шляпе, и протянул руку.

Патрис коснулась ее. Рука была холодной и сухой. Патрис вздрогнула и присмотрелась к нему повнимательнее. Он определенно был болен. Или как там говорится? Холодные руки, горячее сердце. Вера так бы и сказала.

— Проходите. Садитесь. Выпейте чего-нибудь.

— Я не пью. Мне нужно на Блумингтон-авеню.

— Какого черта тебе там понадобилось? — спросил Динки. — Там же одни индейцы.

— Ты только что побил рекорд сообразительности чучела, — рассердился Джек. — Убирайся отсюда. У нас есть прекрасная индейская принцесса, которой мы пытаемся дать работу, а ты продолжаешь ее оскорблять. Послушайте, мисс, вы можете выпить содовой. Билли, который сейчас на кухне, приготовит вам гамбургер. За счет заведения. Все, что вам нужно сделать, — это выслушать описание работы.

— Вы индейская леди, верно? — обратился он к Патрис. — Я спросил, потому что вы капельку светловаты, но…

— От отца.

— Ага. Дочь вождя?

Вождь Огненная Вода, подумала Патрис. Она оглядела помещение. В нем были маленькие окна, похожие на иллюминаторы, и несколько столиков под ними. Она была голодна.

— Если мы сможем сесть рядом с дверью под одним из этих круглых окон, я буду слушать, — сказала она. — И я хочу ваш гамбургер.

— Безусловно. После вас, — отозвался Джек, взмахнув рукой.

Она подошла к столу у окна и села на маленький черный стул. Стол был выкрашен в темно-фиолетовый цвет, а поверхность была липкой. Она поставила чемодан на стул рядом с собой. Джек сел напротив с бокалом в руке.

— Ваш дорожный чемодан очарователен, — похвалил он. — Выглядит так по-деревенски.

Он сделал знак бармену.

— Сейчас принесут прохладительные напитки, — продолжил он. — А еще примите мои извинения. Они не ведают, что творят.

— А я думаю, они все-таки ведают, — возразила Патрис.

— Ну, не полностью, — примирительно произнес Джек.

Бармен принес апельсиновую содовую, холодную как лед, и поставил ее рядом со стаканом льда.

— Собственно, вот в чем дело. — Джек наклонился к собеседнице: — Видите ли, это место сменило владельцев в прошлом году. Раньше здесь главенствовала подводная тема. Дворец Русалок. Много ракушек и рыбы. В аквариуме работала обученная русалка.

— Обученная русалка?

— Да. И у нее был блестящий хвост. Парень,

который купил это место, У. У. Панк, заработал деньги на древесине, поэтому в качестве дани лесной промышленности он выбрал тему лесозаготовок. Поэтому «Лесной затор». Ну, а двадцать шесть — это просто число. В напитках и тому подобном основная тема — Пол Баньян[51]. В меню. Мы все еще вносим изменения в декор. И, конечно же, аквариум, которым славится это место. Вы слышали о Бэби?

— Нет.

— Это синий бык Пола. Таскает для него бревна. Его закадычный друг. Вот что это за наряд. Бэби.

— Наряд для чего?

— Вместо наряда русалки. Наряд быка. Хильда надевала его, показывала подводные трюки. Бычьи фокусы. Людям это нравится, они проезжают много миль, чтобы сюда попасть, собираются со всего города и из-за его пределов. Они любят, когда им показывают подобное. Я сам удивлен, что у Бэби столько поклонников, но так оно и есть. И я сгораю от стыда. Я даже не спросил, как вас зовут.

---

[51] Сноски: 51

Пол Баньян — вымышленный гигантский дровосек, персонаж американского фольклора. Самое раннее напечатанное произведение о Баньяне, которое сейчас известно, создано Джеймсом Макгилливреем в 1910 году (по другим сведениям, в 1906-м).

— Дорис, — ответила Патрис.

— Дорис, а дальше?

Патрис на мгновение замешкалась.

— Дорис Барнс, — пробормотала она.

— У вас есть индейское имя? О нем можно спрашивать? Или, может быть, это секрет?

— Секрет, — сказала Патрис.

— Так и должно быть. Однако я мог бы назвать вас… скажем… Принцесса Водопад.

— Нет, не годится.

— Ну, что, Дорис, работа вас заинтересовала?

— Плавать в костюме быка? Нет, спасибо.

— Вы даже не спросили о зарплате.

— Зарплата меня не волнует.

— Пятьдесят долларов за вечер. Плюс раз в два дня чаевые.

Патрис молчала. Считая чаевые, которые она не могла оценить, сумма получалась больше, чем она зарабатывала на заводе за неделю. И это за один только вечер.

— Мне не слишком этого хочется, — промямлила она.

— Но, может, вы все-таки согласитесь хотя бы посмотреть на наряд?

— Разве что ради забавы, — согласилась Патрис.

— Тогда пойдемте со мной.

Круглолицый румяный мужчина поставил перед ней тарелку. На ней был гамбургер с разложенными вокруг него листьями салата, солеными огурцами, жареным картофелем и мелко нашинкованной капустой.

— Не возражаете, если я сначала поем?

Джек улыбнулся — у него были длинные коричневые зубы. Целых оставалось совсем немного. Патрис пожалела, что увидела его зубы. Но потом откусила кусочек гамбургера и забыла обо всем. Быстро, аккуратно и деловито она съела все, что находилось на тарелке. После еды она вытерла кончики пальцев пурпурной салфеткой.

— Впечатляет, — подытожил Джек. — И заметьте, очень скоро все здесь станет как у лесорубов — салфетки в черную и красную клетку и так далее.

Он на мгновение задумался, посмотрел на ее пустую тарелку и добавил:

— Конечно, после шоу вам подадут ужин.

— Ладно, давайте посмотрим наряд, — предложила Патрис. — Но я хочу, чтобы в коридоре был включен свет.

— Как скажете, — отозвался Джек.

Она взяла чемодан и зашагала рядом с Джеком,

который приветствовал тех, мимо кого проходил, сардонически кривя губы. Он миновал коридор, поднялся по узкой лестнице и открыл дверь.

— Ваша гримерная.

Патрис заглянула в дверной проем. Обычная комната с бордово-серым линолеумом на полу. Ее внимание привлек встроенный туалетный столик с зеркалом и подсветкой вокруг него. Флаконч ики с тональным кремом и беспорядочный набор помад.

— Водостойкие, — пояснил Джек, махнув рукой в сторону столика.

Стул рядом с туалетным столиком был покрыт пятнами старой белой краски, а грязная обивка его сиденья была розовой в цветочек. Джек подошел и открыл глубокий шкаф. Достал матерчатый мешок из большой коробки и расстегнул его, чтобы показать наряд. Там лежал синий резиновый гидрокостюм с белыми копытами, нарисованными на концах рук и ног. Два больших белых диска с алыми кружочками в центре — там, где должны были находиться груди. Патрис вздрогнула. Что за темная тень была между коровьими ногами? Она отвела взгляд. Джек благоговейно держал наряд в руках. Приглушенным голосом он спросил, не хочет ли она его примерить. Она

осталась стоять в дверях.

— Конечно, нет.

— Не могли бы вы просто прикинуть его на себя?

— Хорошо.

Патрис прижала резиновый костюм к груди, нелепо болтая свисающими копытами.

Джек уставился на нее, вздохнул, покачал головой:

— Похоже, он подойдет. Идеально.

Патрис сунула ему костюм обратно. С большой осторожностью Джек сложил его, убрал и открыл большую шляпную коробку, в которой лежала синяя резиновая шапочка с маленькими белыми рожками. Она должна была плотно прилегать к голове и застегивалась под подбородком.

— Подошла, — прокомментировала Патрис, надев синюю шапочку. — Но мне совсем не нравятся эти белые круги на груди у коровы.

— Быка. Бэби — это бык. И по ходу дела замечу, что костюм на самом деле очень целомудренный, вы должны это признать, — пробормотал Джек. — Открытой кожи почти не видно. Просто много синей резины.

— Нет, спасибо, — ответила Патрис, но с пятьюдесятью долларами, да еще с чаевыми, расстаться

было трудно.

— Ну, тогда зайдем с другой стороны, — предложил Джек. — Давайте поговорим о том, чтобы найти вашу сестру. Как вы собираетесь ее искать?

— Я просто… посмотрю. Сначала поеду по ее последнему известному адресу.

— И где вы собираетесь остановиться?

— У меня здесь подруга.

— Землячка?

— Вроде того.

— А почему бы вам не пожить здесь? Предлагаю полный пансион. Проживание и питание. Эта сделка поможет нам продержаться.

— Спать под столом? Нет, спасибо.

— В этой комнате мы могли бы поставить раскладушку.

Она вспомнила о сомнительных личностях, но Лесистая Гора не сообщил о них никаких подробностей. Как жалко. Будет ли с ней все в порядке, если она просто станет избегать спиртного?

— Похоже на ловушку.

— Мы поставим крепкий замок на дверь. Или, если хотите, у нас есть отель по соседству. Хорошее место. Чистое. Просто в комнатах нет потолков. Там тоже замки.

— Я думаю, мне лучше найти такси и добраться до того места, куда я собиралась ехать. Прямо сейчас.

— Мы могли бы вам помочь.

— Найти такси? В котором меня не похитят?

— Еще раз приношу свои глубочайшие извинения. Произошло недоразумение. Собственно, мы могли бы помочь найти вашу сестру. Я имею в виду, помочь со стыковкой.

— Я не знаю, что это такое.

— Центральное место. Вроде вокзала. Где все встречаются друг с другом. Смотрите. Сейчас около часа дня. Я лично отвезу вас по вашему адресу и лично провожу до двери, чтобы спросить о вашей сестре. Могу отвезти куда-нибудь еще, куда захотите. Если за это время вы найдете, где остановиться, и узнаете, где сестра, тогда мы расстаемся. Прощай, прощай. Если же вам не повезет, вы вернетесь и выступите в сегодняшнем шоу. Вот и все.

— Зачем вам все это делать?

— Вы *будете* нашим Бэби.

Джек сказал это драматично, глядя ей в глаза. Белки его были желтоватыми, как старая бумага.

— Что такого замечательного в этом наряде? Это просто костюм коровы…

— Быка. И он сделан из синей резины.

Патрис пожала плечами. Она все еще стояла в дверях. Джек мечтательно смотрел мимо нее.

— А вы знаете, что нам стоило изготовить этот наряд? Пришлось искать костюмера в Чикаго. Он должен был создать для резины формы. Потом нужно было достать саму резину, натуральную, а не синтетическую. И краску. Трудно найти краситель, который закрепится в резине и останется таким синим — таким блестящим! Очень волнующе. Трудно сделать так, чтобы краска не потекла, пока Бэби устраивает свое шоу. Нам удалось отыскать резину, которая совершенно не выцветает и не растягивается. Такую трудно откопать. Резину, которая не начнет вонять, — вы ведь ничего не почувствовали, не так ли? Вот почему мы используем специальный порошок, чтобы высушивать костюм и защищать от нашествия насекомых, обеспечивая целостность материала. Это совершенно особенный костюм, мисс Дорис Барнс. И вы первая женщина из тех, кого я знаю, которая достойна его надеть после достойнейшей леди, носившей этот костюм до вас.

— Кто была эта леди? — спросила Патрис.

— Хильда Кранц.

— Так почему же ее здесь больше нет? Что с ней случилось?

— Она заболела.

— Ох. Что ж, может быть, ей станет лучше.

— Она заболела очень тяжело, — пояснил Джек.

— Мне очень жаль.

Они вернулись на первый этаж бара.

— Ладно, — сказала Патрис. — Я позволю вам отвезти меня туда, куда мне нужно. Затем наши пути разойдутся.

— Очень хорошо, — отозвался Джек Мэллой. — Наши пути разойдутся, если вы найдете сестру. Если нет, вы вернетесь и выступите. Я возьму ключи у Эрла.

— Он был за рулем вашей машины?

— Он всегда водит мою машину.

— Мне все это не нравится, — высказала свое мнение Патрис.

Ей казалось, будто ее мозги распухли и череп стал для них чересчур тесен. Она не устала, но была сбита с толку. Ей казалось, что за последний час с ней произошло больше нового, чем за всю предыдущую жизнь.

Бритье, помогающее не заснуть

Томас скосил глаза и быстро заморгал. Ущипнул себя за щеку. Она горела, как от укуса змеи. Ему хотелось заговорить вслух. Самый тяжелый час. И даже совы не было, чтобы его услышать.

— Чего еще ты хочешь? Чтобы мы жили на краю носового платка? Сделано. Чтобы мы вымирали как можно быстрее? Сделано. Умирали с приятными улыбками? Есть. Храбрыми улыбками? Есть. Присягали вашему флагу? Есть. Есть. Есть. Сделано.

Фалон, как вспышка, возник в комнате в своей оливковой шинели. Затем прошел сквозь стену, как сквозь туман.

Стена казалась пористой там, где сквозь нее просочился Фалон. Томас подошел, положил руки на крашеный гипсокартон. Покрытый тусклой серо-зеленой краской, он был жестким и холодным.

— Вы забрали лучших из нас, — произнес Томас.

Он отвернулся от стены и взглянул на ленточную пилу. Родерик сидел на ней, безумно

ухмыляясь, как будто хотел укусить доктора за руку.

* * *

Томас встал. Он принес из дома свой бритвенный набор, задумав провести эксперимент. Возможно, если он приставит опасную бритву к собственному горлу, это не даст ему уснуть в последний час перед рассветом. Он побрился так тщательно и идеально, как только мог побриться мужчина. Даже провел языком по внутренней стороне щеки, пытаясь нащупать каждый волосок. Это сработало.

В то утро и каждое последующее утро он встречал утреннюю смену идеально выбритым и причесанным, бодрым и пахнущим одеколоном «Олд спайс».

Старик Ондатра

— Что вы все делали в самом начале? Чтобы сохранить землю?

— У них было так: подписывай или умри.

— Как вам удалось сохранить хоть что-то?

— Сначала они дали нам этот клочок, потом попытались прогнать нас с него. Затем забрали большую его часть. Теперь все сказанное тобой означает, что они хотят забрать у нас последнее.

— Как вы держались?

Бибун ответил хриплым старческим смехом:

— Я был молод. Но я принимал участие. Мы действительно держались. Ногтями. На руках и ногах. И зубами.

— Как вы, в конце концов, заставили их согласиться? Оставить нам хоть какую-то землю? Ту, которую мы имеем сейчас?

— Мы держались вместе. Стояли на своем. Айсенс, Мискобинесс, Ка-йш-па, все они, и Важашк тоже, продолжали цепляться и цепляться. Нам пришлось противостоять поселенцам, когда они появились на наших границах. Мы чуть не начали войну из-за этого, но мы сохраняли

спокойствие. Мы знали, что произойдет, если мы убьем кого-то из них. Мы боролись с ними. Мы держались вместе в этом вопросе. А затем мы отправили делегацию.

— Как вам удалось послать делегацию?

— Мы ходатайствовали об этом. Не забывай, что нам пришлось действовать через главного фермера, занимавшегося этими вопросами, и индейского агента из Девилс-Лейка[52]. Но мы все равно их убедили. Мы написали письмо. Мы попросили грамотного индейца написать письмо. И когда мы отправили делегацию, у нас были, как вы их называете, подписи.

— Петиция.

— Ага.

— Мы могли бы начать с этого. Пусть все в племени ее подпишут.

— Это было бы кое-что.

— Затем нам, возможно, придется выбрать членов делегации.

Томас подул в жестяную кружку с обжигающим чаем, который он только что заварил для них. Бибун сделал глоток.

— Я вынесу идею петиции на совет. Экстренное

---

[52] Сноски: 52
Девилс-Лейк — город в Северной Дакоте.

совещание проведем сегодня же вечером. Тем не менее мы всего лишь консультативный орган. Мы должны отчитываться перед Бюро.

— Послушай, — сказал Бибун. — Теперь все по-другому. Выживание — это постоянно меняющаяся игра. Сколько людей пострадает, если правительство с нами порвет?

Томас уставился на отца. Иногда он говорил очень дельные вещи. Как будто наблюдал за жизнью резервации, не ступая ногой в поселок. Его мысль что-то подсказывала… Люди нуждаются в племени по разным причинам. Соседние города нуждаются в нас. Если племя исчезнет, они не захотят иметь с нами ничего общего. Но если его не станет, на них ляжет бремя заботы о множестве бедных людей, и они могут этого испугаться. Томасу придется все обдумать.

— Мы не пустое место. Мы создаем рабочие места. У нас есть их учителя, медсестры, врачи, бюрократы в офисе суперинтенданта, обделывающие свои делишки. У нас есть разные начальники. У нас есть свои служащие государственной конторы, занимающейся земельными сделками, регистраторы и служители архива.

Все эти должности и посты с легкостью находили названия на языке чиппева. Он гораздо

лучше, чем английский, подходил для изобретения новых слов, а к тому же в нем можно было наделить любое слово иронией, просто представив его иначе.

Бибун продолжал:

— Заставьте вашингтонских политиков понять ситуацию. Мы только начали вставать на ноги. Получается, у нас есть несколько козырей в рукаве. Мы создаем фермы. Становимся школьными знаменитостями, как ты. Все это может пострадать. Оно будет уничтожено. А больные люди, куда они денутся? Белые наградили нас туберкулезом. Он сводит нас в могилу. У нас нет денег, чтобы ездить в их больницы. Они сами дали обещание позаботиться о таких вещах в обмен на нашу землю. И намеревались сдержать его, пока растет трава и текут реки.

— Я все еще вижу траву. И слышу, как текут реки.

— И они все еще пользуются нашей землей, — добавил Бибун.

— Да, все еще пользуются, черт возьми, — подтвердил Томас. — Но пытаются притвориться, что не подписывали контракт, по которому нужно вносить арендную плату.

Теперь чай немного остыл, и его можно было

пить. Горечь казалась успокаивающей.

В племенном центре имелась комната для собраний, и в тот вечер Томас созвал в ней заседание консультативного комитета. Они использовали «Правила регламента Роберта»[53], достаточно вольно переведенные на чиппева. Томас призвал собрание к порядку, и секретарь Джагги Блу зачитала протокол на обоих языках. Некоторые члены комитета говорили на чиппева или на кри. Другие говорили на мичифе[54] — смеси французского и кри. Порой проскальзывали английские слова, которыми индейская речь была приправлена, словно солью. Собравшиеся бестолково продвигались вперед, передавая копию законопроекта из рук в руки, читая вслух отрывки, споря об их значении. Пока они изучали язык законопроекта, в комнату просочилась тревога.

— Похоже, на этот раз они решили отнять все.

— Переместить. То есть прогнать нас отсюда.

---

[53] Сноски: 53

«Правила регламента Роберта» — книга, написанная в США в 1876 году Генри Мартином Робертом и ставшая первым регламентным сборником, предназначенным для широкой публики.

[54] Сноски: 54

Мичиф — смешанный язык канадских метисов. Находится на грани исчезновения.

— Они готовы забрать *ишкониганан*. Даже остатки еды.

— У нас был договор. Они нарушили его. Без предупреждения.

Луис Пайпстоун, чей сын едва пережил Корейскую войну и все еще лечился в военном госпитале, сидел неподвижно, уставившись на тыльную сторону своих рук, лежащих на столе.

Джойс Асиганак сказала:

— Они хотят нас «передислоцировать». На их хитроумном языке это означает «переместить». Сколько раз нас перемещали? Трудно сосчитать. А теперь нас хотят отправить в Города.

Наступила тишина, которую нарушал только шелест бумаги. Затем Мозес прочел эти слова вслух:

> упорядоченная передислокация таких индейцев

Он отложил лист бумаги, не в силах продолжать.

— Таких индейцев. Такие уж мы, индейцы, — произнес Луис Пайпстоун медленным свинцовым голосом. — Такие индейцы, которые могут погибнуть в бою. Сержант махнул моему сыну, приказывая выдвинуться вперед. Он пошел один.

Разведать обстановку.

Все умолкли. Ходил слух, что сын Пайпстоуна сошел с ума от ожогов. Луис отправился его навестить. Вернувшись домой, за пять дней не произнес ни слова. Томас нарушил тишину, предложив подать петицию в знак протеста против законопроекта о прекращении действия договоров. Также предстояло убедить как можно больше членов племени подписать ее.

— Я напечатаю эту петицию, — предложила Джагги. — И нужно подшить чистые страницы с обратной стороны, чтобы люди могли ее подписать. Нам также надо связаться с Милли.

Милли Клауд была дочерью Луиса Пайпстоуна. Она училась в колледже. Может, она смогла бы что-нибудь сделать, предположила Джагги.

— А я, — вызвался Луис, — отнесу петицию каждому члену племени и вернусь с подписями.

— Ты уверен, что хочешь взяться за это? — тихо спросила его Джагги.

Луис был крупным мужчиной, похожим на бизона, с массивной головой и сутулыми плечами. Его ноги были короткими и кривыми, как будто согнулись под тяжестью верхней половины их обладателя. Когда Луис улыбнулся, его щеки надулись, как маленькие круглые яблоки.

Его прозвище было Щеки. Теперь он улыбался Джагги, и его широкое лицо стало более привлекательным.

— Я должен что-то сделать. Не могу просто сидеть сложа руки.

Томас знал, что Луис не сидит сложа руки. У него имелся небольшой участок земли на краю резервации, на пастбище. И у него были помощники. Вместе с ним трудилась младшая дочь, да и Лесистая Гора частенько присоединялся к ним, чтобы внести свой вклад в общее дело, но все-таки работа на столь маленьком ранчо была трудным делом. Они держали двух скаковых лошадей. Собирались продать их в Манитобе[55]. Томас вспомнил, что сын Луиса прислал домой письмо из учебного лагеря. Рассказывал отцу, что армейская дисциплина после Форт-Тоттена показалась легкой. Луис действительно всем говорил, что не выносит сидеть без дела, и целые дни проводил на ногах.

— Хорошо, — одобрил его Томас. — Важно начать дело прямо сейчас. Похоже, что этот законопроект… Впрочем, мы должны называть его по имени, Параллельная резолюция сто восемь

---

[55] Сноски: 55

Манитоба — канадская провинция, расположенная в центре страны в регионе Канадские прерии.

палаты представителей, ПРПП сто восемь, пусть она войдет в позорный список наихудших…

— Слушайте, слушайте, — перебил говорящего Мозес Монтроуз.

— Параллельная резолюция сто восемь палаты представителей, нам сейчас потребуется еще одна ее копия. Так что возьмите с собой ту, которая у нас есть, вместе с петицией. Объясните, что мы из нее узнали, как мы на нее смотрим. Вы точно хотите этим заняться?

Еще секунда, и за внесенное предложение проголосовали единогласно. Все листы передали Луису Пайпстоуну.

— И еще, — продолжил Томас. — Я хочу предложить, чтобы мы ссылались на Параллельную резолюцию сто восемь палаты представителей как на Законопроект о прекращении действия договоров. Такие слова, как «эмансипация» и «свобода», лишь дымовая завеса.

— Слушайте, слушайте, — подхватил Мозес таким величественным тоном, что все рассмеялись.

Следующим делом было собрать группу для встречи с представителями Бюро по делам ин-

дейцев[56] и получения на ней разъяснений по законопроекту. Эта встреча должна была состояться в Фарго. Далекая поездка. У них была в запасе неделя. Требовалось договориться о том, как приехать туда, чтобы присутствовать на встрече.

— Это вряд ли получится! — усомнилась Джагги. — Надо отпрашиваться с работы. Собирать людей вместе. Никто даже не знает, что за штука этот законопроект.

— Люди начнут узнавать это завтра, — пообещал Луис.

[56] Сноски: 56

Бюро по делам индейцев — агентство Федерального правительства США внутри Департамента внутренних дел, основанное в 1824 году.

Водяной бык

Дом 2214 по Блумингтон-авеню представлял собой обшарпанное коричневое трехэтажное здание с облупившейся белой краской на выбитых окнах, закрытых картоном. У входной двери висело множество почтовых ящиков. Рядом с ними виднелось что-то, похожее на список жильцов. Патрис мерила шагами вымерший двор. Джек стоял на тротуаре и курил.

— Я останусь здесь и понаблюдаю, есть ли в доме признаки жизни, — объяснил он.

Ступени парадного входа обвалились, и было непонятно, как взойти на довольно высокое крыльцо. Патрис перетащила кое-какой хлам с замусоренного двора, сложила перед входной дверью, а потом взобралась на эту груду досок и ящиков из-под молока. В списке жильцов имени сестры не было. Патрис постучала в дверь. Один из ржавых жестяных почтовых ящиков сорвался и с грохотом упал на крыльцо, высыпав на него несколько конвертов. Несмотря на громкий шум, никто не появился. На грохот ответило только гулкое эхо. У Патрис внезапно возникло

ощущение, будто дом о чем-то предупредил ее. Она стряхнула с себя это чувство и постучала в окно рядом с дверью. Ей показалось, что она услышала внутри какой-то шорох. Залаяла собака. Лай был хриплым, заливистым, выдающим отчаянное желание жить. Патрис замерла. На ее глазах выступили слезы.

— Джек, — позвала она.

Ответа не последовало. Лай ослабел, а потом вообще прекратился. Патрис ждала. Ничего. Она собрала разлетевшиеся конверты, намереваясь сунуть их обратно в почтовый ящик, но сначала прочла адреса. Одно письмо было прислано Вере Паранто. Оно пришло ей, а не ее мужу, за которым она последовала в Города и который, по всей видимости, так на ней и не женился, поскольку у нее все еще оставалась девичья фамилия. Патрис оставила конверт у себя и осторожно спустилась с крыльца.

Стоя на тротуаре рядом с Джеком, она разорвала конверт.

— Уголовное преступление прямо у меня на глазах, — прокомментировал он.

Взглянув на него, она нахмурилась.

— Вскрытие чужой почты.

Письмо оказалось *последним уведомлением*

(выделено красным шрифтом), сообщающим Вере, что электричество у нее будет отключено, и было датировано июлем, а значит, пришло два месяца назад.

— Каков будет следующий ход? — поинтересовался Джек.

Она посмотрела на дом. Кто-то в нем был. Собаку пытались придушить или что-то в этом роде.

— Джек, — сказала Патрис, — с этой собакой что-то не так.

— Может, ей просто не нравятся люди, стоящие на крыльце.

— Подождите.

Она обошла дом сзади. Из него доносился сильный запах мочи и мусора. Еще два закрытых картоном окна. Но никаких признаков человеческого присутствия.

— Вера! — позвала она. — Вера!

Ничего. Вот только собака снова бешено залаяла, воодушевленная надеждой.

Патрис вернулась к Джеку.

— Мы должны войти в дом, — предложила она.

— Взлом и проникновение, — прокомментировал он. — Я ни в коем случае не собираюсь нарушать закон.

Хриплый собачий лай затих. Она колебалась, ждала. Во всем этом чувствовалось что-то ужасно чуждое и неправильное. Ее кожу покалывало. Все вокруг пыталось ей что-то сказать, но она не могла расшифровать послание. В примятой траве стрекотал сверчок. Наконец она покачала головой и передала второй адрес, на Стивенс-авеню, Джеку. Тот взглянул, и на его лице мелькнула гримаса отвращения. Он возвратил листок.

— Что? — спросила Патрис.

— Я знаю это здание. Если вы найдете ее там, хорошего не ждите.

Они подъехали к нескольким большим квадратным многоквартирным домам из темно-коричневого кирпича. Крошечный клочок травы перед ними был подстрижен. По низким кустам, окружавшим фундаменты, также прошлись ножницы садовника.

— Выглядит не так уж плохо, — отметила Патрис.

— Внешность обманчива, — возразил Джек.

Она стояла на крыльце вместе с Джеком. В списке жителей фамилия Паранто отсутствовала. Они вошли в холл. Маленькие восьмиугольные плитки, обрамленные черно-белыми розетками, были недавно протерты. Патрис снова начала чувство-

вать себя неуверенно. Она не могла проникать сквозь стены и двери. Тем не менее они обошли все квартиры, но ответа не получили. Патрис поднесла руку к лицу. Джек взял ее за локоть.

— Вы…

Она попыталась стряхнуть его руку. Там, в баре, она была сухой и холодной. Теперь она стала влажной и горячей.

— Вам нужно отдохнуть, — прошептал Джек, поглаживая ее запястье. — Эта ситуация, должно быть, морально вас измотала. Мы поставим раскладушку в гримерной.

Она вырвала руку, а затем удивила саму себя, так сильно хлопнув ладонью по его влажному запястью, что он вздрогнул и уставился на нее. Потом он схватил ее другой рукой. Она сбила и ее — рубящим движением, быстрым и злым. Так она колола дрова.

— Есть еще одно место, — сказала Патрис. — Я бы хотела поехать туда. Подруга. Бернадетт Блу.

— Бернадетт. Сокращенно Берни? Берни Блу? Она твоя подруга?

Джек потер свои покрытые синяками руки и пристально, оценивающе оглядел Патрис. Потом он зажег новую сигарету от той, которую

докурил, и они вместе вышли из здания.

— Так, расскажи еще раз. Берни Блу — твоя подруга?

Он пристально посмотрел на нее. Его потное лицо отсвечивало нездоровым блеском. Патрис сдалась.

— Нет, — покачала она головой. Казалось, воздух давил ей на виски. — Я не могу сказать, что мы подруги. Этот адрес дала мне одна знакомая, чтобы я могла остановиться у Бернадетт в крайнем случае.

— Послушай… — Джек казался немного взволнованным, теперь уже всерьез. — Тебе действительно лучше поселиться в гримерке у нас в баре. Клянусь.

На обратном пути в центр города, в машине, Джек заговорил с ней:

— Похоже, ты выросла в другом месте, среди других людей и попала сюда случайно. По крайней мере, ты так говоришь.

Он бросил взгляд в ее сторону.

— Я только что приехала…

— Но ты была здесь раньше?

— Нет.

— Ты здесь чужая.

— Конечно, чужая. Мне хотелось бы уехать

домой прямо сейчас.

— Итак, что может случиться с девушкой в твоей ситуации или в ситуации твоей сестры? С неоплаченными счетами и другими проблемами она сбегает от домовладельца. Это затрудняет поиск нового жилья. Так что, возможно, она меняет имя или, может статься, переезжает к кому-то другому. Скажем так, к другу. Ему она платит деньгами или услугами.

После слова «услуги» он пристально посмотрел на Патрис.

— Моя сестра может выполнять любую работу, — возразила Патрис, не заметив его взгляда. — Правда, с ребенком это не так просто…

— О, еще и ребенок.

— Да, у нее ребенок.

— Это уже другая история. Еще одно осложнение. Мы должны отправиться, скажем, туда, куда обращаются за помощью матери с детьми. Правда, о таких местах я ничего не знаю.

— Мы можем сделать это прямо сейчас?

— Боже, конечно, нет.

— Мы должны поехать немедленно. Мне это необходимо.

— Там уже наверняка закрыто. А кроме того…

— Кроме чего?

— Возможно, тебе понадобится немного отдохнуть перед выступлением.

— Выпустите меня. Выпустите меня немедленно!

— Дорис Барнс, успокойся. Пожалуйста. Это не то, о чем мы договаривались.

— Нет, — возразила Патрис. — У нас не было договоренности. Потому что я никогда не говорила «да». Однако я могла бы подумать. Я не согласна на чаевые через день. Я хочу получать чаевые каждый вечер.

— По рукам, — откликнулся Джек.

На втором этаже бара Джек поставил брезентовую раскладушку, нашел подушку, взбил ее и надел мятую, но чистую наволочку. В шкафу лежало красное шерстяное одеяло, окантованное шелковой лентой. Хильды. Но какое это имело значение? Одеяло и подушка чуть не довели Патрис до слез. Она едва смогла доковылять до раскладушки. Сбросить туфли. Лечь. Жужжащая пленка тьмы опустилась на нее, а затем она уснула.

Патрис проснулась оттого, что кто-то повторял *«Дорис Барнс, Дорис Барнс»* и тряс ее за плечо, распространяя запах крепкого кофе. Она вскрикнула и забилась, не имея понятия, где находится.

На мгновение даже забыв, кто она такая. Затем раздался голос Джека:

— Успокойся! Ты прольешь на себя горячий кофе!

Реальность ее ужаснула.

— Я не могу этого сделать.

— Мы так не договаривались, — произнес Джек. — Выпей кофе. Съешь сладкую булочку. Зайди в ванную комнату дальше по коридору. Затем надень костюм.

Он вышел из ее гримерной, оставив свет включенным. Дверь громко скрипнула. Она съела булочку, которая оказалась вишневой. Выпила черный кофе. Затем открыла чемодан и взяла пригоршню пеммикана. Съела его медленно, беря крошечные кусочки двумя пальцами. Под конец она воспользовалась грязной ванной в конце коридора. Когда она вернулась, перед ней предстал развернутый костюм быка. Он лежал в открытой коробке.

— Пятьдесят долларов, — сказала она костюму. — Плюс чаевые. Каждый вечер.

Она придвинула стул к двери, которая снова скрипнула, и аккуратно сняла одежду. В стенах были вбиты гвозди, на них висели пустые плечики. Она повесила на них блузку, юбку, легкий

свитер. Пальто уже висело на вешалке, и она не могла вспомнить, снимала ли его сама. Чемодан стоял на еще одном стуле. Она была в лифчике и трусиках. Ее деньги хранились в лифчике. Она оглядела комнату, а затем обернула деньги лифчиком и засунула его в пространство за ящиком туалетного столика. Она достала синий резиновый костюм из коробки и подумала, что начать следует с нижней части.

Ее ноги свободно вошли в раскрашенные копыта. Она потянула за теплую, податливую резину. Осторожно разгладила в области лодыжек. Бычьи ноги обхватили ее икры, колени и бедра, заключив их в упругий слой дополнительной плоти. Она подняла костюм выше бедер, закрыв им живот, затем переместила руки в передние ноги. Костюм сидел идеально и застегивался таким образом, чтобы вода не могла проникнуть внутрь. Копыта были раздвоены, чтобы она могла пользоваться большим и указательным пальцами. Капюшон под рогатой шапочкой облегал голову и легко застегивался под подбородком, плотно закрывая уши и приглушая звук. В гримерной имелось зеркало в полный рост, как в универмаге «Ролла». Она встала перед ним и увидела себя чужой и очаровательной. Белые мишени на

ее груди стали другими, как только костюм был надет, и больше ее не беспокоили. Тень между ног была просто игрой света. Волнистый голубой хвост завивался за спиной, на самом его конце свисала кисточка. Она надела шапочку с рожками. Застегнула ремешок под подбородком. Эффект оказался не лишенным очарования.

Джек постучал в дверь. Когда Патрис открыла ее, он вытащил изо рта сигарету, которую собирался прикурить, и на мгновение застыл, зажав ее между пальцами.

— Черт, — тихо проговорил он, широко раскрыв глаза. — Черт.

— Я готова.

— Да, это так, это так, это так. Первое представление начинается через полчаса. Хорошо себя чувствуешь в костюме?

— Он удобный.

— Видишь? Качество.

Он повозился с рогатой шапочкой, поправляя ремешок. Она оттолкнула его руки.

— Предметы на дне аквариума — это грузы. Подними один, чтобы оставаться под водой. Брось его, когда нужно всплыть. О, я забыл узнать, умеешь ли ты плавать.

Патрис бросила на него озадаченный взгляд.

— Просто спрашиваю.

— Просто спрашивать поздно.

— Предположу, что да. А теперь позволь показать стандартные движения водяного быка.

Дым вился и клубился вокруг его головы, когда он зажал сигарету между зубами и согнул руки. Потом он вытянул их, будто осторожно держал поднос с хрустальными рюмками.

— Правое плечо вверх. Правое плечо вниз. Повращать бедрами. Взгляд через плечо. Попка виляет. Пузыри. Поцелуи. Поверхность. Дышать. Снова на дно. Игривое «ку-ку». Повилять задницей. Повертеть копытами. Кулаки вперед. Притворный бой. Сделать «бочку». Быка «корчит». Пузыри. Поцелуи. Поверхность. Дышать. Повторяй в этом духе с вариациями от себя в течение двадцати минут. Я подам сигнал. У тебя будет получасовой перерыв. Затем снова. Четыре шоу.

— Сразу после того, как я получу свои пятьдесят долларов, — напомнила Патрис.

— Я это сказал?

— Плюс чаевые.

— Вот как?

— Это то, о чем мы договорились, Джек. А потом ужин. Плюс, конечно, я сплю в этой гримерной.

Или я ухожу, прямо сейчас.

Джек рассмеялся:

— В костюме быка? Я в этом сомневаюсь.

— Почему бы тебе не проверить?

— Люблю балансировать на грани войны, — примирительно произнес Джек. — На самом деле я пошутил. Конечно, это то, о чем мы договорились.

— Кроме того, я хочу, чтобы на моей двери был засов. И мне нужен ключ от замка. Если я этого не получу, то проделаю дыру в вашем костюме.

— Ты не очень-то доверчива. Уверена, что не бывала здесь раньше?

— Мой отец — пьяница.

— О, тогда я понял, — повеселел Джек. — Мой тоже был таким.

Он снял ключ со своей связки и отдал ей. Она проверила его, вставив в дверной замок. Засов Джек пообещал приделать завтра. Они вышли, и она заперла дверь. Она сунула ключ под синий капюшон, за ухо, и последовала за Джеком в конец коридора.

— Садись, — велел Джек, дотрагиваясь до стула, а затем с трудом открыл люк в полу.

Через него ворвались шум и свет. Колеблющиеся блики, отражающиеся от воды. Звон стекла.

Смех. Обрывки разговоров. Джек ушел. Патрис сидела на стуле одна, ожидая, когда ее опустят в аквариум. Всего день назад, а верней, ночь назад, она смеялась вместе с матерью, наслаждаясь дерзостью своего преображения. Что бы сейчас сказала мать? *Маяги*. Чужая. *Маама кааджииг*. Чужие люди. *Гавиин ингикендизо сиин*. Я чужая сама себе. В нее словно вселился другой человек, более жесткий и смелый, чем обычная Патрис, и завладел ею. Новая Патрис заставила Джека возить ее по городу и торговалась за ключ. На нее снова нахлынули чувства и мысли, которые можно описать только на языке чиппева. Чужеродность на нем овеяна флером юмора, и опасность, связанная с ситуацией, в которой она очутилась, казалась скорее забавной. Над ней вполне можно было посмеяться, хотя на самом деле все могло кончиться плохо. А еще в ее жизни появились тайны и даже отчаяние. Ведь на самом деле после ее ближайщего будущего, которое ей предстояло провести, кувыркаясь в аквариуме, ей было некуда пойти. Ну, разве кроме гримерной в другом конце коридора второго этажа бара «Лесной затор 26».

Хук левой

Барнс ждал, когда Лесистая Гора войдет в ресторан отеля «Пауэрс» в центре Фарго. Угольно-черное стекло. Зеркала. Обильный завтрак. Высокомерная кельнерша с акцентом провинциалки, которая может и не проводить индейского боксера на его место. Он было забеспокоился, но Лесистая Гора сразу увидел пышную шевелюру Барнса, возвышающуюся над всеми посетителями, как большой стог сена, и пошел на нее. Кельнерша даже не последовала за ним. Барнс дважды перечитал все пункты меню. Он любил хорошо позавтракать. Лесистая Гора устроился напротив него в низкой нише.

— Давай возьмем стейк и яичницу, — предложил Барнс. — Плачу я.

Лесистая Гора был почти уверен, что Барнс угощает его роскошным завтраком, потому что бой не состоялся, и, конечно же, так оно и было. Он сжал пальцы в кулаки, скрывая разочарование.

— Зря только ехал.

— Ты сделал все, что мог. Ничего, я познакомлю тебя с ребятами. Теперь, по крайней мере, ты

можешь поесть.

Лесистая Гора вылил половину сливок из стоящего на столе маленького кувшинчика в свой кофе. Он тренировался как дьявол, набрал идеальный вес, подстригся и уложил волосы, и никакого боя. Но зато по дороге в Фарго он сидел рядом с Пикси.

— Вы знаете эту девушку, Пикси?

Барнс насторожился:

— Что с ней?

— Сидел рядом с ней по пути сюда.

— Значит, она здесь, в Фарго?

Барнс попытался спросить небрежно, но Лесистую Гору не обманешь. Он не торопился с ответом.

— Просто проезжала через него. Она едет в Города, чтобы найти сестру, Веру. Ее муж сошел с рельсов. И от нее нет никаких вестей.

— У Пикси там есть где остановиться?

— Волноваться нечего. Она может сама о себе позаботиться.

Барнс критически оглядел своего боксера. Лесистая Гора финтил. Барнс полагал, для всех очевидно: он без ума от Пикси. Ну, а кто бы не был? Зачем притворяться?

— Ты уверен? Потому что там живет мой брат.

— О, я сомневаюсь, что она остановилась бы у вашего брата.

— Во всяком случае, у нее был бы кто-то, кому можно позвонить, если она попадет в беду.

— Поскольку бой не состоялся, я мог бы съездить туда и стать этим «кто-то».

Лесистая Гора очень хорошо понимал, что говорит, но ему было все равно. Ему уже надоело глядеть, как Барнс танцует вокруг Пикси Паранто. И он знал от Поки, что она тоже устала от этого. К тому же Барнс не смог устроить ему бой, и Лесистая Гора чувствовал себя обманутым. Да, можно было работать усерднее, но он никогда не отлынивал от хорошей драки, и, учитывая, что у него теперь оказалось немного свободного времени, а в кармане лежали деньги, вырученные за полевые работы, почему бы не прокатиться на поезде до Миннеаполиса? Почему бы ему не найти Пикси или, еще лучше, ее сестру и не стать героем, каким он явно не выглядел на ринге в бою против Джо Уоббла. Когда она смотрела на него.

— Да, я мог бы запросто сесть на поезд до Миннеаполиса, — произнес он, отрезая ножом кусок стейка. Потом обмакнул его в густой яичный желток, прожевал. Картофельные оладьи были хрустящими сверху, сочными снизу. Он смягчил-

ся. Барнс вкладывал в него всю душу, тренировал бесплатно. Что он делает? Барнс и так достаточно несчастен, сохнет по Пикси безо всякой надежды. Надо дать ему передохнуть.

— Или, возможно, поехать к ней стоит вам, — предложил Лесистая Гора. — У меня есть адреса, которые она собирается посетить. Они могли бы помочь вам ее разыскать.

— Я бы хотел поехать, — медленно произнес Барнс, не кривя душой. — Но у меня есть обязанности в школе.

— Школа… Но с ней можно и повременить, разве не так?

— Конечно, нет, — возразил Барнс, откладывая вилку. Он был суров, оскорблен. — Сейчас начало года. Мы повторяем материал и закладываем надлежащую основу для успешной учебы в течение всего года. Это очень важно. И кстати, ты уже подал заявление в колледж?

— Пока нет.

— Что? Бокс не настоящая работа, не работа на всю жизнь. Мы уже говорили об этом. Ты был моим лучшим учеником и мог бы стать учителем.

Лесистая Гора не хотел становиться учителем. Он не хотел поступать ни в Университет Северной Дакоты, ни в Мурхедский университет,

ни даже в Государственный научный колледж в Уопетоне. Он хотел и дальше работать в поле, наращивать мышцы, продолжать заниматься боксом и выезживать лошадей для Луиса Пайпстоуна. Ему нравилось скакать на этих лошадях с Луисом, сопровождая их до Ассинибойя-Даунса[57] в Виннипеге. Грейс, дочь Луиса, их жокей, пока новичок. Лесистая Гора также хотел присматривать за матерью, хотя Джагги прекрасно справлялась и без него. Он мало говорил об этом, но именно ему приходилось наводить чистоту в ее доме, когда она уезжала в поселок, где работала поваром. А иногда он жил у Луиса. Лесистая Гора, боксер, сын Арчилла, внук человека, который бился бок о бок с Сидящим Быком, хотел остаться дома. Что, в конце концов, было то же самое, чего хотел Сидящий Бык.

— Ну ладно, — проговорил он. — Думаю, я мог бы поехать туда, в Города. Помочь ей оттуда выбраться. Хоть мне и не хочется этого делать.

— Ты сказал, она может сама о себе позаботиться. И у нее есть где остановиться.

---

[57] Сноски: 57

Ассинибойя Даунс — канадский ипподром, расположенный в пригороде Виннипега Сент-Джеймс-Ассинибойя. Управляется жокей-клубом Манитобы и является местом проведения ежегодного дерби Манитобы.

— Она и вправду не из тех девушек, которые попадают в передряги, да?

— Да, — отозвался Барнс, — это так.

— Тогда, наверное, я не поеду в Миннеаполис, а вернусь домой.

Но когда Лесистая Гора пришел на станцию, намереваясь купить билет до Регби, он обнаружил, что его язык произносит совсем другие слова:

— Билет до Миннеаполиса.

— На какой поезд?

— Ближайший.

Луис Пайпстоун

Его отец привез хорошую лошадь из Ред-Лейк и объездил ее еще в тридцать восьмом. Эта лошадь умела бегать. Он заработал на ней немного денег, что послужило причиной появления пикапа «Шевроле» 1947 года, зеленого, как поросшие травою холмы, на котором Луис медленно и неторопливо ехал по главной дороге. Он мысленно представил карту резервации. Он начнет с наиболее отдаленных мест у западной границы, за которой проживало много членов племени. Их земля первоначально принадлежала племени — по договору, нарушенному всего через несколько лет после его заключения. Он мысленно представил себе Авана, Мувса Кэмпа, Гардипи и его друга Титуса Гиизиса. Прямо за границей резервации он припарковал пикап у входа в дом Жаанат, надеясь застать ее, ее мужа и дочь, всех сразу. Но старина Паранто был в очередном загуле, и Жаанат сказала ему, что Пикси отправилась в Города разыскивать сестру. Поки же был слишком мал, чтобы расписываться, но он прислушивался к тому, что говорил Луис на чиппева, и добавил имя

своей матери жирным шрифтом, слегка коснувшись рукой его запястья.

– *Мии'ив,* — сказала Жаанат. — Хочешь перекусить?

— Это было бы неплохо, — ответил Луис.

Жаанат принесла лепешку, небольшую солонку, свежий жир от жареной утки и тарелку нарезанного мяса. На столе уже стояли миска сушеных ягод, холодная вареная репа, пеммикан и горячий чай.

— Старинная еда, — с удовольствием проговорил Луис.

— Я боюсь спать, — призналась Жаанат.

Луис помедлил, не зная, что сказать.

— Боюсь увидеть во сне своих дочерей.

— Я слышал, твой дядя видел Веру живой.

— С ребенком.

Луис кивнул, размышляя.

— Я не сторонник этой «передислокации». Мы потеряем нашу молодежь. Города затянут их.

— Я туда не поеду, — отозвался Поки.

Мать кивнула ему:

— Мой мальчик.

— Пикси может справиться с кем угодно, — добавил Луис, ерзая на стуле. — Никто не станет связываться с Пикси. Она маленькая, но силь-

ная.

— Она рубит дрова, — сообщил Поки. — А потом складывает их в поленницу так, что получаются узоры.

— Если бы этот Барнс ее тренировал, она стала бы чемпионкой в «весе пера», — лукаво продолжил Луис.

— Она не имеет к нему никакого отношения, — возразил Поки.

Луис поднял брови, надул круглые щеки и подмигнул Жаанат.

— Я знаю, в нее влюблен кто-то еще, так что не стал бы сильно беспокоиться, — сказал он.

Луис получил еще семь подписей, а затем поехал по извилистой дорожке, ведущей к дому Томаса Важашка. Резкий ветер срывал желтые листья берез, стройными рядами стоящих на краю широкого луга. Томас ходил по нему, собирал семена ноготков и клал их в жестяную банку. Шарло собирала крошечные высохшие головки столистных розочек, семена которых были мелкими, как пыль. Дочь Томаса была подвижной девушкой с острым взглядом и взрывным характером. И она обожала свою мать.

– *Ааниин*, мистер Пайпстоун, — поздоровалась она. — Где Грейс?

— Где-нибудь на лошади.

— Ну как, люди подписывают? — спросил Томас.

Луис показал ему подписи на обороте петиции. Многие из них были аккуратными, выдававшими выпускников школы-интерната. Другие выглядели замысловатыми, их нацарапали члены племени, которые знали только написание собственных имен. Некоторые, подписанные родственниками, сопровождались, как в старые времена, слабым чернильным отпечатком большого пальца. Подписей было много, их число впечатлило их обоих. Томас порылся в картонном чемодане, служившем ему письменным столом, и нашел большую бежевую папку из плотной бумаги с подходящим к ней по размеру конвертом, который должен был защитить драгоценный документ. Томас указал на подпись Жаанат и спросил о Пикси.

— Она в городе, ищет Веру.

— Мы еще никогда не теряли кого-то из-за переезда туда, я имею в виду, в плохом смысле. Большинство возвращается уже через несколько месяцев.

— Там и сейчас живет кое-кто из наших.

— Да, предприимчивые деляги.

— Тебя никогда не беспокоило, — спросил Луис, — что мы теряем тех, кто готов добиваться успеха? Разве они не пригодились бы здесь, дома?

— Вот почему мы немало протрудились над тем, чтобы построить у нас подшипниковый завод.

— У нее хорошая работа. Пикси вернется.

— Она не бросит Жаанат. Они держатся только потому, что у нее такая хорошая работа.

— Может, мне следует дать Грейс добро на работу там.

— Она хочет этого?

— Нет, — засмеялся Луис. — Она хочет участвовать в скачках.

— Где сейчас лучшие лошади?

— Есть одно место к западу от Виннипега, лошадь по кличке Наличка.

— А какой теперь главный скакун у тебя?

— Раньше это был Гринго. Теперь у нас есть Пикассо и подающая надежды Любимица Учителя.

— Ты сможешь съездить в Фарго на информационную встречу?

— Конечно, — подтвердил Луис. — В мой автомобиль влезет человек восемь.

— О, это хорошая идея. Например, можно

устроить большое шоу с вопящими индейцами, стоящими в кузове пикапа.

— У меня такое чувство, будто ребята из Бюро по делам индейцев, возможно, ожидают чего-то подобного.

— Мы можем взять и мою машину. Я могу втиснуть пятерых. Считая меня, — добавил Томас.

— Джагги тоже может поехать.

— Я слышал, у нее теперь хорошая машина.

— Бернадетт купила ей «ДеСото»[58], — сообщил Луис.

— Как, четырехдверную?

— Разумеется. Четырехдверную. И двухтонную.

— Ее дочь, должно быть, преуспевает.

— Ты понимаешь, что я имею в виду, предприимчивая деляга.

— Джагги всегда была такой же. Никто не мог ее удержать, — заметил Томас.

— И Лесистая Гора. Он той же породы. Когда-нибудь он соберется с силами и победит Джо Уоббла.

— Я очень хочу дожить до этого дня, — признался Томас, после чего сделал паузу. — Знаешь,

---

[58] Сноски: 58

«ДеСото» — марка автомобилей, разработанных Крайслер Корпорэйшн и выпускавшихся в США в период с 1928 по 1961 год. Эмблема была стилизована под изображение испанского конкистадора Эрнандо де Сото.

Луис, нам следует подумать о том, как собрать делегацию.

— Дела обстоят так плохо?

— Думаю, да.

— Вашингтон?

— Как в старые времена.

— Не могу понять этого до конца, — признался Луис, опуская взгляд. — Мой мальчик рисковал своей жизнью.

— Как Фалон, — отозвался Томас.

— И Фалон, — прошептал Луис.

— За законопроектом стоит сенатор Уоткинс.

— Мы должны понять, зачем ему это надо.

— Это как раз то, что я пытаюсь сделать. Говорят, он хочет научить нас стоять на собственных двух ногах.

Оба мужчины уставились на свои ботинки.

— Я насчитал как раз две, — сообщил Луис.

— Иногда я вот о чем думаю… — протянул Томас.

— О чем?

— Вдруг кто-нибудь из них когда-нибудь скажет: «Ну и дела, у этих чертовых индейцев, возможно, была одна-две идеи. Не следовало избавляться от них всех. Может, мы что-то упустили».

Луис расхохотался. Томас последовал его примеру. Они вместе смеялись над этой мыслью.

«Аякс»

Томас и Роуз лежали бок о бок в темноте ночи.

— Сегодня я выпил, — признался Томас.

Все сдерживаемые эмоции этого дня вспыхнули в сознании Роуз, вызвав покалывающее, обжигающее чувство.

— Не вздумай продолжить. Я тебя убью.

Он ничего не сказал, но лежал, зная, что она никогда его не ударит. Он тоже ни за что этого бы не сделал. Они были не такие.

Он повернулся к ней, чувствуя, что проваливается в сон. Это было намного хуже, чем кто-либо мог подумать.

То, что он выпил, удивило его. Он не собирался пить, мысль о выпивке пришла сама собой, и он не стал ей сопротивляться. Просто сел рядом с Эддибоем Норкой и взял стакан. Много лет прошло с тех пор, как он выпивал в последний раз.

— Как ты меня убьешь? Отравишь?

Он наблюдал за ее лицом. Ее глаза сверкнули. Слезы? Нет. Тепло. Затем ее губы дрогнули.

— Ты уже отравлен.

— Уверена?

— Помнишь печенье, которое ты ел утром несколько дней назад?

— Нет.

— Это потому, что ты ел во сне. Печенье испек Уэйд. Он так гордится своими кулинарными способностями. Позже признался, что не смог найти разрыхлитель. «Поэтому я использовал вот это», — объявил он.

— Что именно?

— Он держал в руках банку моего чистящего порошка «Аякс».

— Это же отрава, — пробормотал Томас растерянно.

— Сын использовал всего одну-две щепотки, — смущенно развела руками Роуз. — Я сказала ему, что он мог тебя отравить. С тех пор он пристально за тобой наблюдает. Но, похоже, печенье оказалось не таким уж и ядовитым, а потому я не стала тебе ничего рассказывать.

— Я слишком устал, чтобы умирать, — проговорил Томас, но в душе вскипел от злости.

Что? Неужели его домочадцы просто собирались подождать и посмотреть, не свалится ли он замертво? Он понял, что ему жаль самого себя. И это было облегчением — знать. Так он мог бороться с жалостью к самому себе.

— И все же, — неохотно произнесла Роуз, понизив голос, — больше так не делай. Пожалуйста.

Даже само слово «пожалуйста», казалось, смягчило ее. Она подняла руку и коснулась его щеки своей твердой теплой ладонью. Томас снова стал погружаться в сон, который теперь, однако, обволакивал сияющим комфортом, центром которого была жена.

— Обещаю, не буду.

— Давай скрепим твое обещание печатью, — прошептала она и обхватила его лицо руками. Он коснулся ее рук своими, а потом опустил их и обнял ее.

Железный тюльпан

Веснушчатый и Динки спустили ее на веревке, к которой была подвешена двадцатифунтовая подъемная плита. Патрис стояла на ней. Как раз перед тем, как войти в воду, она глубоко вдохнула и, когда плита опустилась на дно аквариума, взглянула на молочно-белые пятна окружающих ее лиц. Они ничего не выражали. Она крутанулась вокруг веревки, задорно отставив одно копыто. Потом потянулась за своим хвостом, но тот всплыл и следовал за ней, как голубая змея с головой, украшенной накладными волосами. Она принялась подпрыгивать. Затем вспомнила, что на дне есть грузы. Реквизит. Она потянулась к одному из них, розовому, но в последний момент поняла, что этот предмет неприличен. Рядом с ним лежал железный тюльпан, который она подняла и притворилась, что нюхает, время от времени застенчиво оглядываясь через плечо. Внезапно она взбрыкнула, словно от радости, и сделала кувырок назад, изогнувшись дугой. Затем она уронила тюльпан и вынырнула на поверхность. Сделав вдох, она услышала апло-

дисменты и свист. Шум одобрения, казалось, наэлектризовал воду. Она закружилась, окунаясь в новую стихию. Движения она с легкостью находила в самой себе. Позы из журналов плюс реклама холодильников, консервированных персиков, автомобилей, стиральных машин. Палец к губам, поворот бедра, скошенные глазки, медленно раскачивающийся хвост, запущенный, как заправское лассо, в сторону очередного молочно-белого пятна. И, наконец, по ошибке поднятый со дна непослушный топорик. Двадцать минут пролетели легко.

— Ты *сенсация*, — восхищенно произнес Джек, когда она присела обсушиться к маленькому электрообогревателю. — Смотри, не прислонись к этой штуке. Прожжешь дыру.

Она сидела на деревянном табурете. Джек немного покраснел. Сардонические морщинки, прежде возникавшие в уголках губ, когда он улыбался, теперь исчезли. Он сказал, что заметил, как она вздрогнула при виде «орудий удовольствия», и что он прикажет их убрать.

— Нам не нужно быть вульгарными. И, кроме того, городские власти могут нас прикрыть.

— Я бы хотела остановиться на цветах. А еще я, пожалуй, могла бы притвориться, что рублю

дрова вашим топориком, если к нему приделать другую рукоятку.

— Пример вызывающего сожаление вкуса, — отозвался Джек.

— Да, и я бы хотела, чтобы мне заплатили сегодня же вечером.

— А как насчет утра? Мы могли бы выписать чек.

— Я бы хотела наличные.

— Пусть будут наличные, — смиренно произнес Джек.

Он дал ей чашку горячего кофе, но она сделала всего пару глотков, чтобы согреться. Еще три шоу. Все они прошли в тумане новизны. А потом она сняла костюм и аккуратно разложила на козлах, чтобы высушить. Утром ей предстояло посыпать внутреннюю часть специальным порошком, который, по словам Джека, предназначался, чтобы сохранить костюм. Ужин ей принесли на подносе.

Горячий сочный сэндвич с индейкой. Белый хлеб, пропитанный перченым соусом, таял на языке. Еще ей подали бобы с маслом, стручковую фасоль и предложили выпить какой-нибудь коктейль. Но ей не хотелось стать такой, как отец. Коктейлю она предпочла чайник обжига-

ющего чая с сахаром. О, все прошло хорошо. Она снова воспользовалась ванной. Вынесла поднос в коридор. Заперла дверь. Затем достала из чемодана ночную рубашку, накинула ее на плечи, выключила свет и забралась под красное одеяло, прижимая к щеке его атласный край.

* * *

На следующее утро она проснулась поздно и спустилась на первый этаж. Бар казался увядшим и мрачным. Несколько выпивох, которые после закрытия заведения прикорнули на улице, в своих машинах или не легли спать вообще, теперь сидели за столиками, склонившись над фирменными напитками от похмелья. Яйца всмятку стояли перед ними в стопках для виски. Тосты были сложены в пять слоев, сливочным маслом кверху. Патрис съела яйцо, обильно намазав желток на тост с маслом, затем выпила черный кофе и наметила план действий, сообразив, куда ей нужно попасть в первую очередь.

— Я иду на почту, — сообщила она бармену.

— Слышал, вы хорошо поработали прошлой ночью.

Патрис улыбнулась и засунула вилку к себе в сумочку. В ней лежали двадцать долларов,

взятые из тайника. Найдя за углом стоянку такси, она попросила довезти ее до Блумингтон-авеню. Когда она вышла и расплатилась с водителем, ей в голову пришла внезапная мысль. Она показала ему листок бумаги с адресом на Стивенс-авеню.

— С этим местом что-нибудь не так? — спросила она.

— Насколько мне известно, нет, — ответил водитель.

— Вы уверены? Кое-кто сказал, будто там опасно.

— У меня там никогда не было проблем.

— Спасибо.

Возможно, Джек просто пытался увезти ее поскорей в бар. Она подошла к парадной двери дома на Блумингтон-авеню. Те же забитые картоном окна. Всепоглощающее чувство нищеты. Обойдя дом сзади, она обратила внимание, что собака больше не лает. Она достала вилку из сумочки и поднялась по разбитым ступенькам черного хода. Воткнула вилку в гнилое дерево рядом с замком и выдернула его. Затем вошла. В доме было неестественно тихо. Казалось, в доме поселилась смерть. Она направилась вперед, сжимая вилку. Сумочка свисала с левого плеча.

Кухня была пуста, только на подоконнике

стояло несколько отвратительного вида чашек с окурками. Повсюду пятна и подтеки, следы старого жира, покрытые пылью. Листья, занесенные ветром в столовую и гостиную, устилали пол мягким ковром. Патрис осторожно поднялась по центральной лестнице. Многих балясин не хватало, отчего та напоминала щербатый рот. Потом она увидела слегка треснувшее окно, величественное, с витражом из цветного стекла. Красный тюльпан и зеленые стрелы листьев в золотистой оправе с фальшивыми бриллиантами оттенка морской волны. Поднявшись по лестнице, она попала в коридор со стенами, покрытыми белой краской, грязной и местами облупившейся. Патрис оказалась перед пятью закрытыми дверями. Придется открывать их одну за другой. Затаив дыхание, она вошла в первую комнату и увидела собаку. Та сидела на цепи, конец которой был намертво прикреплен к стене.

Исхудавшая, одни кости, она попыталась подняться на лапы, но упала и осталась лежать на полу, слишком измученная, чтобы глубоко вздохнуть. Неподалеку лежала перевернутая миска, а в углу стоял стеклянный кувшин, наполовину наполненный водой. Здесь и там виднелись засохшие фекалии. Окно было открыто. Она

принесла кувшин и присела на корточки рядом с собакой, поливая водой ее распухшую морду. Через некоторое время собака сделала судорожный вдох. Патрис встала и быстро открыла двери в соседние комнаты. В каждой лежал грязный коврик, а к стене была привинчена цепь с пустым ошейником на конце. Плюс скомканные одеяла, иногда собачье дерьмо, запах мочи. Она осмотрела цепи, ошейники. В одной комнате на подоконнике выстроилась шеренга пивных бутылок. За последней дверью оказалась вонючая ванная без воды. Полоски старой простыни. Засохшая кровь. Две скомканные пеленки. Она вернулась к собаке и на этот раз присела возле нее. Влила в пасть еще воды, положила руку на ребра.

— Ты знаешь, где она, — произнесла Патрис. — Не сомневаюсь, что это так. Пожалуйста. Мне очень нужно, чтобы ты помогла ее найти.

— Она умерла на цепи, как и я, — сказала собака.

Рука Патрис ощутила еще четыре вдоха, а затем собака издала громкий хриплый звук и затихла. Патрис сидела, положив пальцы на собачьи ребра, пока тело не остыло и блоха не запрыгала по костяшкам пальцев. Затем Патрис встала,

спустилась по лестнице и вышла из дома.

К входу подъехал Джек:

— Я подумал, что ты, наверное, доберешься сюда сама.

Патрис открыла дверцу и забралась в машину. Мыслями она была не здесь.

— Давайте вернемся на Стивенс-авеню, — попросила она.

— О нет. Нет, нет и нет. Мы туда не пойдем.

— Это не то, о чем мы договаривались, — напомнила Патрис.

Джек настоял на том, чтобы следовать за Патрис по пятам, когда та стучала в каждую дверь. За одной из них появилась блондинка со спутанными волосами и помятым лицом. Она не знала ни супругов Вивье, ни Веры Вивье, ни Веры Паранто, ни просто Веры. Никогда ее не встречала. И не знает никакого другого адреса, по которому ей можно пересылать письма. Дверь закрылась. Патрис направилась к следующей двери. Джек закатил глаза. Везде она получала один и тот же ответ. Никакой Веры. Патрис медленно прошла по коридору, затем метнулась обратно к одной из дверей. Джек уже спускался по лестнице. В первый раз дверь никто не открыл. Она постучала снова, на этот раз тихо.

— Давай, пошли, — позвал Джек с лестницы.

— Кто там? — раздался очень тихий голос по другую сторону двери.

— Водяной бык, — ляпнула Патрис первое, что пришло в голову.

Дверь распахнулась. Стоявшая за ней женщина была худой и лысой. Джек уже бежал по коридору. Но прежде чем дверь захлопнулась, голос из соседней комнаты крикнул:

— Кто там пришел, Хильда?

— Я сказал, поехали!

Джек схватил Патрис за руку и ущипнул. Она оттолкнула его так сильно, что он пошатнулся.

— Это та самая Хильда? Что происходит?

— Она зла на меня, — пояснил Джек.

— Почему?

— Профессиональные стандарты[59].

Патрис оттолкнула его и забарабанила в дверь.

— Сейчас она не откроет, — произнес Джек. — Мы не ладим.

— Тогда отвезите меня к Бернадетт.

— Что за жизнь, — сокрушенно вздохнул Джек.

Скрытое пламя, вырез, обнажающий шею,

---

[59] Сноски: 59

Профессиональный стандарт — официально установленный образец поведения и деятельности в определенной сфере, напр., требования по качеству обслуживания.

белозубая улыбка, острый, как нож, взгляд, брошенный в сторону Джека. А затем, когда Бернадетт узнала Патрис, яростная буря скорби. Этот взрыв заставил девушку похолодеть.

— О, милая! Ох, ох, ох!

— Что? — спросила Патрис. — Что случилось? Где моя сестра?

— Она убежала!

Бернадетт повела Патрис вверх по ступенькам таунхауса, выстроенного из оранжево-розового кирпича. Изогнутая каменная площадка, дверь из темного блестящего дерева с овальным окном из матового стекла. Бернадетт уже не была той застенчивой, неуклюжей девчонкой-сорванцом, предпочитающей мужскую одежду, какой была в старших классах. Теперь она выглядела потрясающе. Красное шелковое кимоно с розовыми цветами. Волосы, выкрашенные хной, блестящие и завитые, как у кинозвезды, губы карминовые, брови, как острые черные крылья, блестящие глаза с застывшей в них тревожною пустотой.

— Твоя сестра подбросила мне ребенка, — сообщила она Патрис. — Ты, верно, здесь из-за него!

— Я здесь из-за Веры, — заявила Патрис.

Бернадетт закрыла рот и бросила на Джека предупреждающий взгляд:

— Что она здесь делает? Она работает на тебя?

Джек проигнорировал ее вопросы.

— Она просто хочет найти сестру.

— Как грустно, что она оставила своего ребенка, — произнесла, вздохнув, Бернадетт уже другим голосом. — Подожди здесь. Я его принесу.

— Я не заберу ребенка, пока ты не возвратишь мне Веру.

— Ты думаешь, я знаю, где она? Я не знаю. Я ничего не знаю. Они мне ничего не говорят. Она куда-то уехала и связалась с какими-то плохими людьми, полагаю. Вот, садись. Я сейчас верну ребенка.

В доме было тихо.

— Верни Веру, — проговорила Патрис.

— Уведи ее отсюда, — велела Бернадетт Джеку.

— Пойдем, — обратился к Патрис Джек. — Берни не знает, где твоя сестра.

— Я думаю, она все-таки знает.

— Она пытается помочь! — возразил Джек.

Схватив Патрис за руку, он попытался оттащить ее к двери, но девушка оттолкнула его.

— Я действительно не знаю, — процедила сквозь зубы Бернадетт, настолько приблизив лицо, что Патрис смогла разглядеть синяки сквозь макияж. — Если ты заткнешься и заберешь ребен-

ка, я попытаюсь выяснить, где она. Этот ребенок меня изматывает.

— Ну, так выясни. За ребенком я вернусь, — пообещала Патрис. — И Вере к тому времени лучше быть здесь. Я думаю, ты знаешь, где она.

На этот раз Джек схватил ее за руку так отчаянно, что Патрис, хотя и могла его оттолкнуть, не сделала этого и позволила утащить себя.

Лесная красавица

Лесистая Гора сошел с поезда и прошагал милю пешком до таунхауса сестры на 17-й авеню. Бернадетт впустила его, раскинула руки и обняла. Мягкий цветочный аромат недавно принятой ванны окутывал ее плечи. Из коридора в прихожую проникал восхитительный аромат жареного мяса. Должно быть, она готовила его для Кэла. В гостиной стояла резная деревянная тележка с хрустальными графинами, наполненными янтарной огненной водой. Он сел на диван, в котором можно было утонуть, и стал смотреть, как его сестра — ну, единоутробная сестра — расхаживает взад и вперед в развевающемся красном кимоно.

— Она здесь была, — сообщила Бернадетт. — Я не могу много рассказать ей о Вере. Но она пообещала вернуться. Кэла, к счастью, в то время здесь не было. Но Джек приходил с ней. Представляешь, сам Джек. И даже как следует со мной не поговорил.

— Джек. Она и вправду последовала моему совету, — пробормотал Лесистая Гора.

— Какому совету?

— Поискать сомнительных личностей.

— О, она так и поступила. Джек!

Бернадетт бросилась рядом с ним на диван.

— Он все еще занимается своим новым заведением. «Лесной затор 26».

— Это реальное место?

— Как и любое другое из тех, за руководство которыми он брался.

— Как он выглядит сейчас?

— Еще сильнее похудел. Спал с лица, стал желтее. Наркоман.

— Наркоман.

— Говорят, уже много лет. Контролируемая привычка.

— Что ж, он может сорваться.

— Такое случается сплошь и рядом. Но из отбросов он, знаешь ли, не самый худший.

— Ты можешь меня приютить?

— У меня и так уже есть ребенок. Верин. Кэлу это не нравится. Сьюз присматривает за ним. Отец сейчас в Чикаго.

— Где Вера?

Бернадетт уставилась на свои ногти и принялась их разглядывать.

— Нашла где-то работу.

— Где?

— Почему ты спрашиваешь у меня? Откуда мне знать.

Лесистая Гора решил сменить тему:

— Ребенок… Мальчик или девочка?

— Мальчик. Совсем малыш. Он меня беспокоит. Не плачет. Но да, ты можешь остаться.

— Спасибо.

— Там есть комнатенка, рядом с кухней. Вот ключ от задней двери. Веди себя очень тихо.

— Он знает, что я твой брат, верно?

— Конечно, я сказала ему в прошлый раз. Но он мне не верит.

— Так что он может со мной сделать? Застрелит?

— Он не станет в тебя стрелять. Не любит шум.

— Понятно. Что ж. Думаю, я остановлюсь где-нибудь в другом месте.

Бернадетт дала ему три двадцатки. Она потянулась, чтобы его обнять, но он отступил, подняв руки.

— Хорошо, сестренка, спасибо. Лучше пойду, пока не получил нож под ребра.

— В почки. Он предпочитает почки.

— О боже. Пока.

* * *

Лесистая Гора шел на запад, пока не добрался до Хеннепин-авеню. Затем он отправился на север и, наконец, оказался на нечетной стороне Хеннепина, напротив «Лесного затора 26». Он принялся изучать его окна и посетителей, которые входили и выходили. В основном это были обыкновенные с виду мужчины, женщин с ними не наблюдалось. В витрине висела вывеска «Выдающийся лесоруб». Снаружи виднелось меню, прикрепленное к пюпитру. Джек серьезно относился к фасаду своего заведения, или, может быть, ему просто нравился ресторанный бизнес, подумал Лесистая Гора, задаваясь вопросом, вкусно ли здесь кормят. Казалось, двадцатки оттягивали его карман. Понаблюдав некоторое время, он двинулся дальше по улице. Вошел в отель «Декейтер». Швейцар поймал его за рукав. «Индейцев не обслуживаем». Он вышел обратно на улицу, пересек ее и снял номер в «Джозен-хаус», по соседству с «Лесным затором 26». Он заплатил за ночь вперед, сунув купюру под толстое стеклянное окно и дважды пересчитав сдачу. Есть или спать? Он решил, что сможет насладиться едой, если будет бодр, а не сонлив, и потому пошел наверх.

Его номер открывался как обычная комната, но когда он вошел, то увидел, что потолок сделан из проволочной сетки. Отель-клетка. Вероятно, было уже слишком поздно спорить и требовать деньги назад. Но он побежал обратно вниз, к стойке. Заявил, что администратор должен был предупредить его заранее. Тот сделал огорченное лицо и зевнул. Лесистая Гора поплелся обратно наверх. По крайней мере, там успокаивающе пахло порошком от блох. Он проверил матрас, понюхал подушку, взял ее двумя пальцами и осторожно положил на пол в другом конце комнаты. Потом скатал куртку и положил под голову.

Когда он проснулся, было уже поздно. Время ужина прошло. Его желудок был болезненно пуст. Он привел себя в порядок в ванной комнате, настолько сильно продезинфицированной, что у него заслезились глаза, и попытался задержать дыхание, когда зачесывал волосы назад перед разбитым зеркалом. Потом он спустился, вышел на улицу и направился в «Лесной затор 26». Оказавшись там, он уставился на светящийся резервуар с водой в центре ресторана. Тот был пуст, если не считать искусственной подводной сосенки. Он уселся в небольшой нише.

В проволочный зажим на столе была вставлена

картонная табличка с рекламой. *Экзотический аттракцион! Лесная красавица! Наш собственный всемирно известный водяной бык*. Лесистая Гора изучил расписание сеансов. Он мог заказать десерт и кофе, как только покончит с едой, и таким образом растянуть свое пребывание в баре, чтобы увидеть выступление. Потом он найдет Джека и допросит его. Найдет зацепку относительно того, где искать Пикси. Плюс посетит имеющиеся у него адреса. Однако время было позднее. Смеркалось, и появляться по незнакомому адресу в качестве незваного гостя, да еще в темноте, возможно, было не самой хорошей идеей. Нет, лучше он начнет поиски утром, на свежую голову. А еще не стоит прерывать тренировки! Он попрыгает со скакалкой в своем номере после ужина. Закажет двойной мясной рулет, без картошки, и выпьет только одну кружку пива. Добродетельный отказ от картошки взял верх над его чувством вины. Официантка, пожилая женщина в блестящей сеточке для волос, улыбнулась ему и наполнила стакан водой. Он притворился, что ему нужно больше времени, чтобы изучить меню. Когда она пришла во второй раз, он, наконец, заказал еду. И добавил, что можно не торопиться.

— Хотите увидеть водяного быка, да?

— Здесь написано, что это «лесная красавица».

— О, такая милая девушка! Но она уже третья. У нас они долго не протягивают.

Лесистая Гора кивнул, думая о таланте и приятной внешности.

— Я полагаю, они находят место получше?

У официантки на лице появилось удивленное выражение.

— Это как сказать. Первая умерла. Вторая на последнем издыхании. Мы, работники ресторана, думаем, что это позор. Но руководству наплевать. Наняли третью. Она только что сошла с поезда.

— Странно, — пробормотал Лесистая Гора.

Он сделал глоток ледяной воды. Официантка удалилась. Он слушал, как молодая пара препирается в нише позади него. Девушка хотела уехать в какое-нибудь другое место, а парень желал остаться. Они не повышали голоса и не передергивали слова друг друга. Она отозвалась об аттракционе с водяным быком как о глупой затее. Он возразил, что выступление быка познавательно. Она назвала его тупицей. Он окрестил ее занудой. И с этого момента все пошло, как обычно бывает в таких случаях. Пока они тупо спорили, официантка принесла ему поднос с за-

кусками.

— Спасибо, — поблагодарил он, счастливый. — Не знал, что особое блюдо идет с закусками!

— Только для особых гостей, — подмигнула официантка, и ее блестки замерцали.

— Люблю хорошие закуски, — искренне заявил Лесистая Гора.

Официантка просияла. Он был прав. Ничто так не говорило об утонченности кухни, как изысканные закуски. Отправляясь на скачки в Виннипеге, они с Луисом условились отужинать в ночном клубе, если выиграют. Лесистая Гора посмотрел на стол, изучая содержимое тарелочек. Белоснежная редиска, нарезанная розочками, морковная соломка, сельдерей. Два вида оливок, булочка с перцем, нарезанная сырокопченая колбаса. Миниатюрные соленые огурчики, сладкие и с укропом. Лесистая Гора съел все это и принялся наблюдать, как Джек, тощий и желтый, руководит толпой. Лесистая Гора буравил его элегантную фигуру пристальным взглядом, пока тот не улыбнулся. Лесистая Гора мог видеть его недобрую кривоватую ухмылку, хотя сидел на другом конце зала. Тонкие черные волосы Джека с несимметричными залысинами были зачесаны назад. На среднем пальце правой руки

сверкало золотое кольцо. Из-под манжеты поблескивали дорогие часы. По мере того как толпа увеличивалась, он обрабатывал ее все усерднее. Лесистая Гора попытался поймать его взгляд, но Джек, казалось, был в каком-то трансе. Несколько раз объявляли имя главной исполнительницы трюков. Дорис Барнс. Имя распространенное. Лесистая Гора подумал, что расскажет о ней Барнсу, просто чтобы его подразнить. Хотя дразнить учителя не так и забавно. К этому времени на столе уже дымилось основное блюдо — большой кусок сильно перченого мяса, политый томатным соусом. Овощной гарнир состоял из восковых бобов, посыпанных зеленой фасолью и кольцами лука. Огромная куча. Он задумчиво протыкал вилкою каждый стручок и, жуя, раздумывал над тем, как ему найти Пикси.

Лесистая Гора совсем забыл о водяном быке, когда, наконец, началось шоу и исполнительница трюков стала плавать в аквариуме. Он заказал еще одно пиво вместо кофе, взглянул на аквариум, и зрелище ему не понравилось. Какое разочарование! Девушка в синем костюме с маленькими рожками. Ну и что? Выставляет себя напоказ. Ну что ж. Хотя, может быть, в ней было что-то такое. Ну ладно. Потом он начал

думать, что, может быть, действительно в этом что-то есть. Второе или третье погружение, и вы уже не могли оторваться от ее странных движений. Тогда… Тогда… Он посмотрел сквозь стекло аквариума и встретился взглядом с Пикси. Он вскочил. Подойдя к резервуару, он понял, что с ее стороны стекло, вероятно, было неровным. Но да, водяного быка с пузырями, вырывающимися из носа и рта, без сомнения, звали Пикси. Девушка ринулась к скрытой от его глаз поверхности резервуара. Пикси Паранто. Дорис Барнс. Он понял. Наверное. Может быть, она вышла замуж за Барнса? Но это было невозможно. Замужем за Барнсом. Плавание в аквариуме. Затем она снова опустилась на дно, и кто-то, вскочивший из-за столика рядом с аквариумом, попытался оттолкнуть Лесистую Гору, но он жестикулировал, обращаясь знаками к Пикси, прыгал вокруг и выкрикивал ее имя. Он поднял было кулак, чтобы постучать по стеклу, но тут его схватили. Его оттаскивали, несли прочь, а он все звал Пикси. Дважды он вырывался и наносил, как герой, удары, отбиваясь от нападавших. Но под конец веснушчатый здоровяк и его помощник, жилистый маленький человечек, крепко обхватили Лесистую Гору и выволокли за дверь.

Находясь внутри резервуара, Патрис заарканила хвостом молочно-белое пятно. Потом она увидела тень темной рыбины позади себя и сделала пируэт, вращая копытами для большего эффекта. В размытом мире за стеклом произошло какое-то движение и началась суматоха, но ей было все равно. Она закончила шоу, и ее подняли к потолку. После того как она сняла костюм водяного быка, официантка принесла ей поднос с едой и сказала:

— У тебя появился поклонник, дорогая, и, должна тебе сказать, довольно страстный. Я была бы осторожна.

— Мне нравятся ваша сеточка для волос и блестки, — отозвалась Патрис.

Официантка посмотрела в оба конца коридора, а затем вытащила из кармана сложенную записку.

— Позволишь дать совет? — Официантка наклонилась и прошептала настойчиво: — Водяные быки не живут долго. Тебе лучше уйти, пока можешь.

— Что с ними происходит?

На лестнице раздались тяжелые шаги Веснушчатого, и официантка крикнула:

— Поставьте поднос за дверь, когда закончите.

Я за ним вернусь.

— Что происходит? — шепнула Патрис. — И какой поклонник? Зачем надо быть осторожной?

Веснушчатый неуклюже шагал по коридору, неся маленький стул из ресторана.

— Водяные быки, как правило, быстро умирают, — пробормотала официантка, выхватывая салфетку из кармана и суя ее в руку Патрис.

— Выметайся отсюда, — велел Веснушчатый.

— Мы просто болтали, — виновато произнесла официантка.

— Джек хочет, чтобы персонал уважал частную жизнь водяного быка, — объявил Веснушчатый. — Я должен следить за незваными гостями, фанатами и прочими личностями.

— Ладно, ухожу, — сказала официантка и добавила: — Ты сегодня отлично поработала.

Ее брови поползли вверх, и она уставилась на Патрис испуганным взглядом.

Веснушчатый поставил стул у двери и сел, развернув газету «Миннеаполис стар». Патрис закрыла дверь. Гидрокостюм был снят, и она посыпала его специальным порошком. Теперь он был почти сухим, но она оставила большой вентилятор работать. Что теперь?

— Мне все равно, отравлена еда или нет! — ска-

зала она, снимая крышку, которой была накрыта тарелка.

Проглотив мясной рулет, она развернула записку.

Это я. Гора. Пытался привлечь твое внимание, но здешние головорезы меня вышвырнули. Я живу по соседству, в «Блоховнике». Найди меня. 328.

Она вспомнила о суматохе за пределами аквариума. Ее поклонник? И приветствие Джека, резкое и сердитое, но явно произнесенное с облегчением, когда он нашел ее в гримерке, готовящейся к шоу. Он как будто держал ее в плену. Как будто? Нет, это было именно так. Он действительно держал ее в плену. Веснушчатый сидел за дверью. А деньги? Их она получила. Сто тридцать шесть долларов. Если бы она проработала еще два вечера, накопила бы уже больше двухсот. И она припрятала деньги. Но, может быть, стоит уйти? Да, она уже решила уйти, разве не так? Но из-за чего? Что-то было. То, что сказала собака. То, что сказала Бернадетт. Ну, почти сказала. Нет, слова не слетели с ее губ, так что, возможно, Патрис просто показалось, будто она услышала что-то, чего явно не слышала. И она не собиралась этого слышать. Хотя, наверное, следует обратить вни-

мание на… Что там сказала официантка? Водяные быки, как правило… но она все равно уходит. Она расспросит Лесистую Гору. Она решила, что ускользнет примерно через час, надев всю одежду и засунув деньги в бюстгальтер. «Сейчас или никогда», — пробормотала она, перекатывая оливку во рту. Сейчас или никогда. С оливок капало масло. Смазать петли. Хотя обидно расставаться с такими хорошими деньгами. И она устала. Так хотелось спать. Требовался внезапный всплеск ясности, яркий образ, чтобы вернуть память.

Она снова была в одной из комнат с цепями. Пустой собачий ошейник. Это был не обычный собачий ошейник. На нем не было пряжки. Его разрезали. И цепь, на которой был закреплен ошейник, — нужны были плоскогубцы, чтобы ее снять. И засохшее дерьмо в углу было человеческим.

Обычная женщина и пустой бензобак

Луис Пайпстоун заботился о петиции, как о своем саде. Он всегда носил ее с собой. В поселке он прищуривал глаза, когда замечал членов племени, еще не подписавших ее. Где бы те ни находились — у бензоколонки, в магазине, в кафе «У Генри», на дороге или на подходе к клинике и больнице, — Луис загонял их в угол и обрабатывал. Если бы они рожали, он и тут заставил бы их подписать. Он сделал бы это вне зависимости от того, смеялись они или спорили. Если они забирали ребенка из школы, они все равно подписывали. Когда все выглядело так, будто кто-то торговался с бутлегером, он заставлял подписать обоих. В нужный момент появлялась его улыбка. Он знал ее силу. «Щеки». Руки твердые, как столбы забора. Невзрачная голова бизона на кривых ножках.

Тем временем возникла проблема. У них имелся лишь один экземпляр законопроекта, и, несмотря на бережное с ним обращение, он все равно испачкался и потрепался. Джагги была

занята тем, что печатала его копию на ротаторной бумаге, чтобы законопроект можно было размножить. Другие могли печатать быстрее, но она делала это особенно точно, вычитывая по ходу дела текст. Она также составляла информационный бюллетень племени. Это была новая идея, пришедшая в голову Томасу, — способ рассказать о деятельности консультативного комитета, чтобы люди для получения новостей могли полагаться на что-то другое, кроме сарафанного радио.

Однажды вечером Джагги печатала информационный бюллетень, когда зашел Томас. У него имелся ключ от административного офиса школы.

— Ну, и как он будет выглядеть?

Джагги показала первую страницу бюллетеня. На ней каждое короткое сообщение было отделено рядом звездочек.

— Не хватает шуток, — пожаловалась она.

— Шуток?

Она подняла пальцы над клавишами и замерла:

— Мне нужна шутка.

Она улыбнулась. Простецкое лицо, проницательные глаза.

— У вас всегда в запасе есть шутка.

Но у него шутки не было. Он открыл рот, закрыл и, нахмурившись, уставился в пол. Потом — на край стола, как будто мог найти шутку там.

— Подожди, — произнес он.

Это было правдой. У него всегда имелась наготове какая-нибудь шутка. Люди ждали его шуток. После минуты-двух разговора Томас всегда рассказывал шутки или анекдоты, которые раньше слышал или которые только что пришли ему в голову. Раздавался взрыв смеха. Тогда можно было продолжать разговор. Но теперь он понял, что не обменивался шутками и не придумывал их уже… Он не мог вспомнить, как долго.

— У меня кончились шутки!

— Очень смешно, — отозвалась Джагги. — Дай мне хотя бы одну строчку.

Он почти повернулся, чтобы уйти, но потом вспомнил об Уэйде, своем маленьком мужчине, пекущем печенье с «Аяксом», и подумал о себе, о своей первой выпивке за многие годы, а под конец — о Роуз.

— Любой обычный мужчина служит доказательством того, что любая обычная женщина способна все превратить в шутку, — подытожил он.

— Подожди, скажи это еще раз, — попросила Джагги, печатая.

* * *

Это была одна из таких ночей. Фи засунула в отворот шапки Томаса кусочек ежевичного леденца. Тот прилип к его голове. Он осторожно отодрал его, тронутый тем, что она пожертвовала ему конфету, которая была в их доме редкостью. Он решил ее сохранить. Мысль о ней не позволит уснуть по дороге домой. Во время дежурства Томас принялся писать отчаянное письмо сенатору Милтону Р. Янгу, пытаясь замаскировать панику сердечностью. Около двух часов ночи голова Томаса упала на стол. Он заставил себя выпрямиться. Будь он проклят, если вырубится, заснув на работе. Он шлепнул себя по лицу, но не разбудил. Пощечина погрузила его в такой сон, какого он никогда не испытывал. Он сделал очередной обход, но большая часть мозга оставалась закрытой — он это чувствовал. Часть его мозга взбунтовалась и заснула. Но крошечная частичка его бодрствующего «я» делала свое дело. Запертые и незапертые двери. Он осмотрел углы с помощью фонарика. Съел ночной ланч. Завернул половину сэндвича в чистую бандану,

в которую его положила Роуз. Сделал еще один обход. Имел долгий разговор с Родериком.

— Как ты это сделал, Родерик?

— Пересел с мотора?

— Да.

— Я поговорил с твоим мозгом. С той его частью, которая спит.

— О, забавно. Почему ты приходишь и пристаешь ко мне, Родерик?

— Я здесь не ради тебя. Дело в Лабатте. Я спас его раньше, помнишь?

— Да, помню. Ты взял на себя его тюремный срок.

— В первый раз они заперли меня внизу, в подвале. Они бросили меня туда. Я признался в том, что сделал Лабатт.

— Разве я не бросил тебе куртку?

— Да, ты передал мне ее, но все равно было холодно.

— Лабатт думает, это тебя и доконало.

— Нет, в первый раз мне это не повредило. Во всяком случае, не сильно. Может быть, во второй. Уверен, что вышел оттуда, кашляя, как черт. Лихорадка. Это не пустяк.

— Мне сказали, что ты должен был поехать в Сак-энд-Фокс.

— Кто тебе сказал! Санаторий. Я ездил туда.

— Ты должен был поправиться.

— Я не был болен, тупица.

— Эта болезнь была у многих мальчиков.

— Давай посмотрим правде в глаза.

— Давай посмотрим правде в глаза.

— Меня постоянно пичкали сливочным маслом, тупая голова. Маслом с овсянкой. Сливками с картофелем. Откармливали. Шестеро умерли, но не я. Я не собирался возвращаться домой ни в каком гробу.

— Подожди. Нет, Родерик.

Томас говорил мягко, словно сообщая неприятную новость.

— Ты умер. Тебя отправили домой в гробу. На поезде.

Родерик покачал головой и раздраженно надул щеки.

— Да, они положили меня в тот гроб, ну, конечно! Отправили его поездом. Но я был жив и смеялся. Представлял себе, как они удивятся, когда выскочу из гроба у них на глазах.

— Мама и папа ездили тебя встречать?

— Никто не забрал меня там, на станции! Нет! Почему? Они знали, что, несмотря на гроб, я не мертв. Я просто шутил.

— Я слышал другое, Родерик.

— Мне нужно было смотаться из санатория.

— Почему тебе хотелось оттуда уехать, если тебя так хорошо кормили?

— Они лишили меня легкого, тупица! Вызвали его коллапс.

— Ты взял на себя вину Лабатта, и тебя наказали вместо него. Он не хотел, чтобы ты умер из-за этого. Он всю жизнь чувствовал себя несчастным.

— Из-за чего? Мне до лампочки. Ведь я дикий индеец!

— Так ты здесь в гостях?

— Как я и сказал, я здесь из-за Лабатта. Он был моим братом там, в Форт-Тоттене. Ты тоже. Никто не смог нас разлучить. Мы были как братья. Я здесь, чтобы его спасти.

— От чего?

— От его собственного тупоголового «я».

— Что он делает?

— Тупоголовые штуки.

— Например?

Родерик озорно кивнул головой и огляделся по сторонам.

— Может, тебе лучше не знать? Вдруг ты захочешь на нас донести?

— Никогда.

— Лабатт ворует.

— Ворует что?

— Все, что в карманы помещается. Все, что не подлежит строгому учету. Скрепки. Степлеры. Писчую бумагу. Рулоны туалетной бумаги. Кофе. Сахар. Черпает его ложкой прямо из мешка. Понемногу зараз. Потом он берет мыло. А еще крадет смазку. Просто переливает ее в банку. Ворует металлолом. И готовится к похищению драгоценных камней.

— Они в сейфе. Ему до них не добраться.

— Почему ты так думаешь?

— Они всегда заперты. Ключа нет. Сейф с кодовым замком, привинченный к стене.

— Код записан, тупица. Он его найдет. Кузнечик его знает. Но пока не выучил наизусть.

— В любом случае Лабатт не вор. Ты все выдумываешь, Родерик. Разве можно говорить такие вещи?

— Уверен, что я дурачок? Не думаю. Ты не знаешь всего, Томас. Иначе зачем бы я здесь оказался? Спроси себя.

— Но тебя здесь нет, — пробормотал Томас, глядя на оставшийся в руке кусочек сэндвича, который не помнил, как съел.

* * *

Как могло случиться, чтобы кто-то, являющийся плодом его воображения, сказал нечто настолько правдивое? Потому что Томас просто-напросто знал, что Родерик прав. Ему предстояло строго поговорить с Лабаттом, прежде чем тот попадет в тюрьму и тем отнимет у других индейцев хорошую работу. В то утро он задержался, зная, что Лабатт должен появиться, чтобы запаять несколько ведер. Когда его школьный друг шел через парковку, Томас шагнул к нему. Он был слишком раздражен, чтобы ходить вокруг да около.

— Видел Родерика прошлой ночью.

Глаза Лабатта округлились. Его коротко подстриженные волосы, казалось, встали дыбом от страха. Он поставил свой ланч-бокс рядом с Томасом на капот его машины.

— Родерик сказал, что явился, желая тебя спасти. Сказал, ты воруешь с завода. Готовишься стянуть драгоценные камни.

Лабатт даже не пытался этого отрицать. Кто может спорить с призраком? Он не выдержал, вытер лицо и признался Томасу, что у него началась полоса невезения. Причем еще до совы.

— Какой совы?

— Твоей совы.

— Совы приносят мне удачу. Особенно белые.

— У меня все наперекосяк, Томас.

— Что не так?

— У меня внутри опять что-то сломалось.

— Но у тебя есть работа.

— Тебе не приходится кормить двадцать ртов. Или тридцать.

Семья Лабатта была разросшимся клубком нужды, и он был единственным, у кого имелась постоянная работа. Томас достал свой мягкий старый бумажник и отдал все деньги Лабатту. Тот взял их, сказав:

— Спасибо, брат. Я шел по дурному пути. Но я знал, что Родерик мне поможет. Я увидел, что ты написал о сове, и подумал, что мне конец.

Лабатт начал всхлипывать, как будто сердце разрывалось в его груди. Томас положил руку на плечо старого друга:

— Бросай воровать. Когда-нибудь видел глаза кузнечика?

Лабатт подавил стон:

— Кузнечик. Наверное, он видит то, что происходит за углом. Не знаю, что сделало меня таким тупицей.

— Как раз это и сказал Родерик.

Томас стряхнул с себя мурашки, пробежавшие от слов Лабатта.

— Тебе лучше покаяться и двигаться дальше.

— Да, — отозвался Лабатт. — На исповеди я признаюсь в краже каждую неделю. Священник злится. «Вот, — сказал я ему в прошлый раз, — мешочек сахара для тебя». Он как заорет: «Украл?» О, черт возьми, он выгнал меня из исповедальни.

— Мне нужно ехать, — сказал Томас. — Я опаздываю на очередную встречу.

Он взял ланч-бокс и убрал его в машину.

Он не хотел знать о том, почему Лабатт так сильно нуждался в деньгах, и не желал слышать подробностей. Они напомнили бы любую другую историю, включая его собственную, хотя с зарплатой в виде драгоценных подшипников все значительно упростилось бы. В резервации не хватало рабочих мест. Не хватало земли, в том числе пригодной для земледелия. В лесах не хватало оленей и на болотах — уток. Если удавалось поймать чересчур много рыбы, тебя мог оштрафовать егерь. Не хватало всего, и если бы он не спасал то немногое, что еще оставалось, от исчезновения, невозможно было бы представить, как людям удается сводить концы с концами. Он

не мог допустить, чтобы они пострадали. Он бы этого не позволил. На обратной дороге в поселок, примерно на полпути, двигатель кашлянул, и машина замедлила ход. Он свернул на обочину. Бензобак был пуст. Он отдал Лабатту деньги, на которые собирался заправиться.

Долгое время Томас сидел в неподвижной машине на пустой дороге, глядя на пустое поле, пустое небо. Ни облачка. Райская синева. А потом мимо него на старом драндулете пронесся Лабатт и не остановился.

Томас наблюдал за исчезающим бампером машины Лабатта, явно принадлежащим другой модели. Казалось, автомобиль оторвался от дороги и скрылся за деревьями. Он потянулся к ланч-боксу. Может, в нем остался тот кусочек сэндвича. Но это оказался непочатый ланч-бокс Лабатта. Сэндвич с мясом и настоящим сливочным маслом. Еще кусок хлеба, на этот раз с маслом и сахаром. Печеная картошка, еще теплая. Яблоки.

— Наелся до отвала, — сообщил он потом Лабатту. — Оставил меня с носом — пришлось прогуляться до поселка за бензином.

Лабатт вздохнул:

— А ты меня — с одной маленькой пыльной

конфеткой.

Миссионеры

Двое молодых людей в белых рубашках и черных брюках, с зачесанными назад каштановыми волосами, шли по грунтовой дороге к дому Важашка. В руках они несли два коричневых бумажных пакета. Стоял довольно теплый для конца сентября день. Томас увидел, как они приближаются, когда шел от старого дома к уборной. Он подумал было о том, чтобы отложить свое посещение этого места, но они продвигались медленно. Казалось, у них возникли разногласия. Один остановился и повернулся, намереваясь уйти, но другой догнал его, и они снова заговорили. Когда Томас вышел из уборной, молодые люди были уже недалеко. Он вошел в дом, вымыл руки и лицо, вытерся полотенцем и вышел, чтобы встретить их во дворе. Они выглядели словно правительственные чиновники, хотя и были молоды.

— Добрый день, — поздоровался Томас и пожал гостям руки. — Чем могу быть полезен?

— Вы когда-нибудь задумывались, почему вы здесь? — обратился к хозяину дома тот, что повы-

ше, пристально глядя на него.

— Нет, — ответил Томас.

Он был поражен вопросом, однако все-таки гости прибыли явно издалека, из Бисмарка, а возможно, из еще более отдаленного места. Может, из Вашингтона. Они тоже, казалось, были ошеломлены его ответом. Один из молодых людей пришел в себя и спросил:

— Почему?

— Потому что мне это известно, — объяснил Томас. — А вам?

Тот, что пониже ростом, повернулся к другому и выпалил:

— Видишь?

Тот, что повыше, опустил голову и попытался ужалить взглядом своего менее рослого спутника.

— Как насчет стакана воды? — предложил Томас.

— Да, — сказал тот, что пониже ростом, который, казалось, теперь обрел контроль над ситуацией.

— Следуйте за мной, — велел Томас.

Он направился к дому, поднялся по трем ступенькам и вошел в дверь. Молодые люди заколебались.

— Мы можем войти? — спросили оба одновременно.

Томас кивнул, и они последовали за ним. Ползавшая по полу малышка при виде вошедших отпрянула, упала на живот и заплакала. Роуз нянчилась с ребенком соседей, живших неподалеку на той же дороге.

— Кто это? — крикнула Ноко, прижимаясь к стене.

Роуз появилась из соседней комнаты, уперев кулаки в бедра. Потом она положила руку на плечо матери.

— Вы напугали ее, — произнесла она зловеще.

— Нам очень жаль, — извинились молодые люди, возясь со своими бумажными пакетами.

Роуз взяла девочку на руки, успокаивающе погладила ее и сверкнула глазами на Томаса.

— Они просто хотят знать, задаемся ли мы вопросом, почему мы здесь, — успокоил всех Томас.

— Вы забрали нашу землю, — вмешалась Ноко. — Куда еще нам было податься?

Роуз посмотрела на пробор в седых волосах матери, впечатленная ее ответом и злобным взглядом.

— Извините, — сказал тот, что пониже ро-

стом. — Возможно, нам удастся начать все сначала. Я старейшина[60] Эльнат, а это старейшина Вернон. Познакомимся?

— Старейшина?

— На самом деле мы спрашивали, задавались ли вы когда-нибудь вопросом, почему вы, как древний народ, находитесь здесь, на этой земле?

— Я старая, а не древняя, — возмутилась Ноко, слух которой внезапно обострился.

Роуз похлопала мать по костлявому плечу.

— Промочите-ка горло, мальчики, — сказал Томас, зачерпывая воды из ведра. Он протянул каждому по стакану прохладной воды. — Итак, есть ли что-то, в чем я могу вам помочь, ребята?

— Старейшина Вернон задал вам не совсем правильный вопрос. В последнее время у нас не получалось выполнять свою миссию, когда мы сразу начинали рассказывать людям, кто мы такие, поэтому он подумал, что будет лучше задать как можно более общий вопрос. Вопрос с наибольшим охватом, как он выразился.

— С наибольшим охватом?

— Да, чтобы объяснить, кто поселил нас на этой земле. И что мы должны на ней делать.

---

[60] Сноски: 60

Старейшина — священник у мормонов. Все мормонские миссионеры имеют звание старейшин.

С охватом такого рода. На самом деле наша задача состоит в том, чтобы просто узнать, хотите ли вы прочитать «Книгу Мормона» и молиться вместе с нами.

— Мормона! — Томас шагнул назад. — Вы, молодые люди, знаете Артура В. Уоткинса?

— Он писатель, — удивленно ответил Эльнат. — Он написал «Нефийского пастуха».

— Это хорошая книга? — спросил Томас.

— Боже мой, да! В «Пробуждении Земнарихи» пастух узнает, что является частью тайного общества. Но он терпит неудачи из-за ламанийцев, которые все еще искупают грехи Ламана своими смуглыми шкурами.

— Это написал Уоткинс?

— Кажется, он наш сенатор, — вспомнил Вернон, более высокий из двух старейшин.

— Вы из Юты.

— Да.

— Почему он хочет покончить с нами?

— Он этого не хочет!

— Он хочет нас истребить.

— Нет, вовсе нет! — голос Эльната зазвучал страстно. — Нам поручено нести вам слово божие! Вы все ламанийцы.

— Мы здесь чиппева, кри и немного францу-

зов.

— Джозефу Смиту[61] было открыто, — серьезно сказал Вернон, — что вы люди из дома Иакова и дети Лихая.

— Никогда не слышал ни о Джозефе Смите, ни о тех людях, — покачал головой Томас.

— Джозеф Смит был пророком.

— У нас здесь бывает много пророков, — дружелюбно подхватил Томас. — И я исповедую свою религию. Меня больше интересует политика. Почему этот сенатор нас преследует? Кто он такой? Что у него на уме? Вот то, что я хочу знать.

— Возможно, вам покажется интересным вот это.

Вернон полез в свой бумажный пакет и вытащил маленькую книжку в черной обложке. Он протянул ее хозяину дома, который взял ее и поблагодарил. Молодые люди допили воду, и Томас проводил их вниз по ступенькам. Он смотрел им вслед, пока они не скрылись за поворотом. Они больше не были похожи друг на друга, но шли совершенно по одной прямой, направляясь к своей загадочной цели.

---

[61] Сноски: 61

Джозеф Филдинг Смит-старший (1838–1918) — американский религиозный лидер, шестой президент Церкви Иисуса Христа Святых последних дней.

Начало

Как он всегда делал при смене времен года, Томас дал отцу щепотку табака и попросил рассказать историю своего имени. Эта история связывала их вместе, так как Томаса назвали в честь деда, чье имя стало семейной фамилией. Первым и настоящим Важашком была маленькая ондатра.

— Сперва, — рассказывал Бибун, — мир был покрыт водой. Создатель выстроил в ряд животных, которые были лучшими ныряльщиками. Сначала Создатель послал Пекана[62], самого сильного. Но Пекан вынырнул, задыхаясь, и не смог найти дна. Следующей нырнула Манг, гагара, ты знаешь, как они это делают.

Бибун изогнул руку:

— Вот так. В общем, гагара тоже попыталась. Но у нее ничего не вышло.

Томас одобрительно кивнул, ему нравились жесты, которые он помнил с детства.

---

[62] Сноски: 62
Пекан — хищное млекопитающее семейства куньих.

— Поганка[63] бросилась в воду, хвастаясь, что у нее все получится. Поганка погружалась все глубже и глубже. Но нет!

Бибун подождал, а потом сделал глубокий вдох:

— Последней была скромная маленькая ондатра. Создатель позвал и ее. Важашк по-индейски. Малышка нырнула. Ей потребовалось много времени, очень много, но вот, наконец, она всплыла на поверхность. Она утонула. Одна ее лапа была сжата. Создатель разжал перепончатую лапу Важашка и увидел, что ондатра подняла совсем немного ила со дна. Из этой крошечной горстки грязи Создатель и сотворил землю. *Миш'ив.* Вот и все, — закончил Бибун.

Они сидели на улице. Бибун уставился на яркие, как лепестки маков, листья, трепещущие на ветру и вспыхивающие, когда они кружились, опадая с веток. Когда-то дикие участки прерий были усеяны костями. Толстые и белые, они валялись повсюду, насколько хватало глаз. Он собирал и таскал кости бизонов вместе с отцом. Восемь долларов за тонну на железнодорожной станции в Девилз-Лейке. Его семья вся нырнула

---

[63] Сноски: 63

Поганковые — водоплавающие птицы, хорошие ныряльщики, распространены на всех континентах, кроме Антарктиды.

на дно, чтобы соскрести с него грязь. Но теперь рядом с ним сидел сын. Спинки их стульев были откинуты назад и прислонены к стене, сложенной из выбеленных непогодой старых бревен. Солнце светило Бибуну в лицо, только свет, никакого тепла, — знак того, что зима, в честь которой его когда-то назвали, уже на пороге.

— Я старый пегий пони, тощий и вечно голодный. Эта зима может меня доконать, — проговорил он.

Его голос звучал легко, весело.

— Нет, — возразил Томас. — Ты должен еще пожить, папа.

— Я лишний груз у тебя на шее, — проворчал Бибун.

— Не говори так. Ты нам нужен.

— Я даже картошку не могу выкопать! Вчера я упал.

— Я пошлю к тебе Уэйда, чтобы он у тебя пожил. Ты, как я уже сказал, нам нужен. Эта напасть, которая надвигается на нас из Вашингтона. Мне необходимо, чтобы ты помог мне с нею бороться.

— Ну ладно, — произнес Бибун, поднимая кулаки.

Нищий у дверей храма

Запершись в своей комнате, Патрис разделась и посмотрела на себя в зеркало. Ей это не показалось. Едва уловимая, но неоспоримая голубизна просочилась в нее. Она коснулась испещренного полосами живота. Подмышки болели и саднили. От ее кожи шел нездоровый дух — химический запах уничтожающего вредителей порошка, которым она посыпала костюм быка. Она пристально посмотрела на себя. Неужели в зеркале перед ней предстала Патрис? Разве эта страдающая от зуда голубая женщина, только что притворявшаяся водяной секс-бомбой, была ее вторым «я»? Пикси. Определенно Пикси. Но это больше не повторится. Никогда, начиная с этого момента.

Патрис снова надела лифчик и положила в него деньги. Она открыла чемодан. Рука была слабой. Внезапно она почувствовала себя такой измученной, что едва могла двигаться. Ей удалось собрать чемодан и разложить одежду, которую она наденет. Затем она выключила свет и завернулась в красное одеяло, отделанное атласной лентой.

Засыпая, она приказала телу проснуться через пару часов. Она велела себе точно вспомнить, где находится, когда это произойдет. Вокруг будет полная темнота. Она должна сбежать, не зажигая света, который может просочиться под дверь. Ей придется положиться на тот факт, что Веснушчатому тоже нужно поспать.

Она действительно проснулась. Огонь струился по ее ногам. Это потрясло ее, но она не закричала. По внутреннему ощущению она поняла, что глубокая ночь настала совсем недавно. Она встала, готовая ко всему, нашла чемодан, туфли, пальто. Деньги, сложенные в пачку, лежали у нее между грудей в маленьком кармашке лифчика. Она сидела на кровати, невидимая, и повторяла инструкции, которые дала себе самой перед сном. Когда Патрис убедилась, что выполнила все указания, она прокралась к двери.

Она отперла ключом замок, отодвинула засов, толкнула дверь. Та бесшумно приоткрылась на смазанных петлях. Шагнув вперед, она увидела Джека, сидящего на полу прямо напротив нее.

Ноги Джека были вытянуты, лодыжки элегантно скрещены. Пиджак был аккуратно свернут и лежал рядом с ним. Набриолиненные пряди волос свисали до подбородка. Кожа на лице то и дело

покрывалась рябью, как поверхность воды. Выражения быстро сменялись, мгновенно переходя от удивления к радости, а потом к ужасу. Он попытался сфокусировать на ней свой мутный взгляд, но глаза тут же закатились, как символы в игровом автомате. С его золотисто-желтой кожей и золотисто-желтыми глазами, с закатанными рукавами рубашки и соединенными в мольбе руками, он походил на фотографию, виденную ей где-то, должно быть, в журнале. Нищий у дверей какого-то храма. Она протянула руку и заправила пряди волос ему за уши.

— Джек?

Он улыбнулся ей, как ребенок, лицо прояснилось, а затем глаза снова закатились. Она скользнула по коридору, спустилась по запасной лестнице и через кухню вышла в переулок. Мужчина в конце проезда рылся в мусорных баках. Он не заметил, как она прошла мимо и свернула на улицу, чтобы найти «Джосен-хаус». Дул резкий ветер, температура падала. Она вошла в отель, переступая через тела мужчин, которые заплатили по десять центов, чтобы переночевать у входа. У окошка администратора никого не было, поэтому она поднялась на три лестничных пролета. Номер 328 находился в дальнем конце коридора,

наполненного звуками, исходящими от спящих людей, — бормочущих, задыхающихся, ерзающих в скрипучих постелях, храпящих, — и топотом крыс по металлической сетке потолков. Ветер, свистя, врывался в треснувшие дребезжащие окна. Время от времени раздавался гулкий раскат грома. В конце коридора она постучала в дверь. Потом услышала, как хозяин номера встал с постели, и дверь открылась.

— Пикси.

Он втащил ее внутрь. Она уронила чемодан на пол. В номере было окно, через которое проникало слабое сияние уличных фонарей и вывесок. Она видела, что его губа распухла, а лицо порезано. Ее кожа все еще горела, но разум был ледяным и ясным. Все, что произошло, она теперь осознавала совершенно четко, и каждое событие живо выделялось в ее воспоминаниях. Она села на кровать. Он расстелил куртку и присел на корточки на полу. Они начали перешептываться.

— Я знаю, *знаю*, они забрали ее, — настаивала Патрис. — Они забрали Веру.

— Она могла умереть, — произнес Лесистая Гора более резко, чем намеревался, но Патрис покачала головой:

— Нет, это не так. Ее куда-то увезли.

— Я сказал, что вернусь за ребенком.

— Да, давай заберем его… ее.

— Его.

— Тогда пойдем отсюда.

— Нам нужно поспать пару часов. Если мы появимся у Бернадетт сейчас, нас могут убить. Ты ляжешь на кровати. А мне хорошо и здесь, на полу.

Она отдала ему жесткое от грязи одеяло и накрылась своим пальто. Она принялась дышать как можно более ровно, погружая себя в состояние, близкое к трансу. Пока они крепко спали, поднялся ветер, и к утру в окно забарабанил холодный дождь. Патрис проснулась, лежа на боку, и посмотрела на закрывающую небо серую пелену. Стены гостиницы были сделаны из кусков картона, фанеры и гибкой жести, которые вибрировали. Она поняла, что гулкие раскаты, раньше воспринимаемые ею как гром, на самом деле — шаги постояльцев. Время от времени кто-то из них, качнувшись, ударялся о стену, и по коридору разносился грохот. Лесистая Гора лежал, распластавшись на полу. Она вспомнила о глазах Джека цвета древнего золота: в дюйме от головы спящего шевелились и ползали клопы медного цвета, очень чуткие существа, замиравшие при каждом

звуке ложного грома. Когда вибрации стихали, они снова начинали свое деловитое копошение.

— Эверетт Блу, — громко произнесла Патрис, и насекомые разбежались. Лесистая Гора закрыл лицо руками, прежде чем открыть глаза, и пробормотал:

— Они мучили меня всю ночь.

— Мы должны сейчас же отправиться к Бернадетт. И мне нужно в…

— Уборную, — подсказал он. — Ты пожалеешь, что она не в саду. Ничего, я пойду с тобой и буду охранять дверь.

Через несколько минут они вышли через черный ход. Шагая по переулку, Лесистая Гора перешагнул через что-то, похожее на груду одежды. Патрис присмотрелась и узнала Джека. Она склонилась над ним и приложила пальцы к его горлу.

— Нет, — возразил Лесистая Гора, — оставь этого человека в покое.

Она постаралась нащупать пульс, чтобы понять, жив лежащий или уже нет. Пульс был, но очень слабый. Казалось, он вот-вот исчезнет. Душа быстро покидала тело.

— Он еще не умер, — сказала Патрис.

— Он совсем плох, Пикси.

Она встала. Грязная лужа у ее ног поблескивала, похожая на последний след сознания Джека. Раздалось тихое бульканье, свидетельствующее о близком конце.

Патрис вернулась в гостиницу и подошла к окошку администратора. Ночной дежурный не шевельнул головой, но глаза посмотрели в ее сторону.

— Там, в переулке, умирает человек, — сообщила она.

Взгляд сфокусировался на ней.

— Это Джек из соседнего дома.

Дежурный кивнул:

— Мы о нем позаботимся.

Она вышла.

Бернадетт выглянула из-за красивого овального окна и открыла дубовую дверь. На ней был белый передник с оборками, и в волосах торчали палочки для еды. В воздухе витал дух лютой депрессии.

— О, хорошо, — сказала она. — Кэл ушел.

— Где Вера?

— У меня ее нет. Пожалуйста, не стойте на крыльце, — проговорила Бернадетт. — У меня могут быть серьезные неприятности.

Она посмотрела куда-то мимо Лесистой Горы

и Патрис и кивком пригласила их войти. Бекон жарился, и от плеч Бернадетт исходил все тот же цветочный аромат.

— Есть хочешь? — спросила она.

— Как и всегда, — ответил Лесистая Гора.

Женщина с медово-коричневой кожей спустилась по лестнице в холл. Бернадетт жестом подозвала ее, и та развернула сверток, который держала в руках, открыв лицо малыша. Он хмурился во сне.

— Отдай ей мальчишку, — велела Бернадетт, и женщина передала ребенка Патрис.

Младенец оказался на удивление плотным, как кирпич. Бернадетт проскользнула на кухню. Через мгновение Лесистая Гора последовал за ней и наклонился к закрытой двери. Кто-то за ней разговаривал с Берни. Он прислушался. Женщина коснулась его плеча и передала Лесистой Горе мешок с детскими вещами. Вошла Бернадетт.

— А теперь убирайтесь к черту, — проговорила она, протягивая им газетный сверток.

После того как они устроились в поезде, Лесистая Гора развернул газету. Стопка блинов и бекон. Он завернул бекон в один из блинов и протянул Патрис получившийся рулет. Она взяла блин в одну руку, а другой принялась ука-

чивать ребенка. Он только что выпил бутылочку молока. Между его бровями пролегла тонкая морщинка, скрывавшая беспокойство за будущее. Патрис провела по ней пальцем и попыталась разгладить. Но морщинка осталась.

— Открой мой чемодан, — попросила она Лесистую Гору. — Достань детское одеяло.

Он проглотил остаток блина, встал, вытащил одеяло и передал ей. Оно было большим и эластичным. Ребенка в него можно было завернуть дважды. Декоративный шов подсказал ей и Лесистой Горе, как это делается. Со стороны могло показаться, что они муж и жена, а мальчик — их сын. Никто не пытался сесть поблизости. Люди предпочитали держаться подальше от потенциально опасного малыша. Патрис хотела было объявить, что она не мать, Лесистая Гора не отец и все не так, как кажется. Но вместо этого только сказала:

— Ты сложишь эту газету? Позже я могла бы ее почитать.

Вряд ли было уместно встать и поведать всем, что она даже не уверена, нравится ли ей Лесистая Гора и сможет ли она ответить на его чувства, если сама пришлась ему по душе. Она хотела сообщить, что она самостоятельная женщина

с очень хорошей работой и что она скоро опять приступит к ней, так как у нее золотые руки. Но говорить подобные вещи не было никакого резона. Не было причин даже забивать голову подобными мыслями. Она откинулась назад, держа ребенка на руках, и попыталась прогнать воспоминания о том, что произошло в Городах. Но ее мысли продолжали путаться. Было ли все то, что произошло, реальным? Собачий ошейник? Слова собаки? Ее отравленный костюм быка? Глаза Джека из древнего золота? Бернадетт с палочками для еды в волосах? Кто бы поверил?

— Я позабочусь о тебе, пока твоя мама не вернется домой, — прошептала Патрис малышу.

Лесистая Гора пристально посмотрел на нее.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

Он отвел взгляд. Спорить было не о чем. Это было не его дело, и он все еще не мог понять, что означают слова, услышанные им из-за кухонной двери. Добро или зло? Он не хотел говорить Пикси, пока не узнает сам.

Достав мешок, она принялась изучать приданое мальчика. Шесть пеленок. Пара крошечных голубых непромокаемых трусиков с резинками на талии и бедрах. Две стеклянные бутылоч-

ки и четыре резиновые соски. Две хлопковые распашонки с боковыми завязками. Теплый серый костюм, закрывающий ребенка с головы до ног. Она получила его завернутым в скатерть, украшенную куполами и башенками. Была еще запасная бутылочка молока, которой должно было хватить на всю поездку на поезде. Малыш быстро осушил первую, и Патрис подумала, что им придется сбегать за добавкой в Фарго. Но он все спал и спал. Похоже, он не хотел доставлять им хлопот, сказал Лесистая Гора, касаясь хохолка на макушке ребенка. Патрис приподняла руку, немного откинула сиденье назад и прижала ребенка к груди. Он прильнул к ней, как теплый вьюнок, и ее сразу же потянуло в сон. Позже, когда он проснулся, с ним случилось нечто вроде припадка. Его оглушительные вопли лишили ее присутствия духа. Лесистая Гора, чтобы ее пропустить, вышел, спотыкаясь, в проход между рядами кресел, и она понесла ребенка в туалет, находившийся в конце вагона. После того как малыш был переодет и накормлен, Патрис еще долго убаюкивала его в качающемся и гремящем тамбуре. Когда мальчик, наконец, замолчал, она почувствовала, что шея у нее стала мокрой от слез. Ее собственных слез. Мать, конечно, поза-

ботится о ребенке. Разве не так? У Патрис это не получалось. У нее ничего не получалось.

Она тихо прошла по проходу и проскользнула мимо Лесистой Горы на свое место, передав ребенка ему. Она была почти разочарована, когда он охотно согласился его взять и прижал к груди, как своего собственного.

— Как ты собираешься его назвать? — спросил он у Патрис.

— Назвать его? Зачем? У него есть имя. Ведь Вера как-то же его назвала.

Лесистая Гора подумал, что ребенок смотрит на него так, будто знает о чем-то.

— Я нравлюсь этому малышу, — сказал он.

— О, ты так думаешь?

Патрис посмотрела на него пристально: нет, это не похоже на способ растопить ее сердце. Лесистая Гора и ребенок смотрели друг другу в глаза, как зачарованные. Они игнорировали ее. Она повернулась к окну, хотя уже стемнело и в черном стекле виднелось лишь ее собственное отражение — девушки, похожей на усталого призрака.

Дикий петух

Небо разверзлось, когда они проехали через Ларимор, направляясь в Фарго. Там представителей племени Черепашьей горы ждала встреча, на которой им предстояло объявить о своем несогласии с законопроектом о прекращении действия договоров. Дорога стала мокрой. С наступлением темноты ударил заморозок, и гудроновое шоссе превратилось в каток. Томас притормозил, и Луис с ревом пронесся мимо в своем двухцветном «ДеСото», на заднее сиденье которого были втиснуты четверо делегатов. Джагги, сидевшая рядом с водителем, помахала рукой из окна.

— Скорее бы эти двое поженились, — заметил Мозес. — Так не годится.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Томас, пытаясь скрыть удивление.

— Эх ты, церковный служка, — рассмеялся Мозес.

Его жена Мэри, сидящая сзади, сказала:

— А не слишком ли ты много знаешь?

— Все, что я знаю, я узнал от тебя, — произнес Мозес фальшиво кротким голосом.

— Оставьте Джагги в покое, — откликнулась Джойс Асигинак, сидевшая посередине.

Эдди Минк сидел сзади, за пассажирским сиденьем. Да, Эдди Минк. Пока не напьется, он был блестящим, умным собеседником, и по этой причине Томас иногда пропускал с ним стаканчик-другой в прежние времена. Он хорошо разобрался в законопроекте, который Томас заставил его изучить. Весь фокус состоял в том, чтобы не дать ему напиться. Эта задача возлагалась на Джойс и Мэри.

— Мне по этому поводу сказать нечего, — заявил Эдди. — Женитьба не имеет для меня никакого смысла. Эту тему я оставляю священникам.

— Речи вероотступника, — осудил его Томас.

— Это чертовски верно. Я здесь дикий петух с этими двумя прелестными курочками. Не оборачивайся, Мозес. Ты можешь увидеть то, что тебя шокирует, мой мальчик.

Джойс и Мэри со смехом начали его колотить, но вскоре так увлеклись этим занятием, что задняя часть машины начала раскачиваться.

— Эй, там! — крикнул Томас.

— Отставить! — приказал Мозес.

— Мы последняя надежда великого народа чиппева, — взвыл Эдди. — Нечего нас останав-

ливать.

— О, заткнись, дурак, — прохрипела Джойс, задыхаясь от смеха.

— Дурак? Нет, я кое в чем знаю толк. Хотите, скажу кое-что мудрое? Вот, слушайте внимательно. Правительство больше похоже на секс, чем многие думают. Когда с сексом у вас все в порядке, вы недостаточно его цените. Когда же у вас с сексом проблемы, вы не можете думать ни о чем другом.

— В этом ты прав, петушок, — отозвался с переднего кресла Мозес.

Они медленно поползли дальше, а потом дорога стала сухой, и они проехали остальную часть пути благополучно. Денег на гостиницу у них не было, а потому Томас развез членов делегации по родственникам и знакомым, живущим недалеко от центра города. Сам он остановился у двоюродной сестры Мозеса Нэнси и ее мужа Джорджа. Они жили в небольшой квартирке с раскладным диваном и детской кроваткой на крошечной кухне. Утром Нэнси, круглая и симпатичная, как медвежонок, удивила Томаса. Он заснул так крепко, словно провалился в яму. Когда он проснулся, все вокруг предстало перед ним как в тумане. На нем не было штанов, поэтому Нэнси подала

ему кофе в постель. Он пил, опершись на локоть, пока она готовила овсянку, а потом объявил, что чувствует себя королем.

— Роуз никогда не предлагала тебе выпить кофе в постели?

— Нет!

— Что ж, попробуй сделать это на ней, и тебе может повезти.

— О, это криминал.

— Я в другом смысле. У тебя извращенный ум!

— Вчера вечером меня назвали церковным служкой.

Нэнси рассмеялась:

— Я знала нескольких грешных церковных служек.

— Можно мне еще кофе?

— Надевай штаны. Может быть, тогда.

Артур В. Уоткинс

Если бы Артур В. Уоткинс был боксером, которым он определенно не был, он слыл бы забиякой и скандалистом. Правда, теперь никто не подумал бы такое о столь идеально выглядящем, респектабельном человеке. Классическая внешность проповедника, большие залысины, добродетельный ореол седеющих волос, очки. Агрессивная смесь чистоты и благочестия — таков был Уоткинс. Темный галстук. Светлый костюм. Он родился в 1886 году, когда Юта еще была территорией, а не штатом, и был крещен Исааком Джейкобсом. В 1906 году его отец, также Артур В. Уоткинс, написал Джозефу Ф. Смиту: «Мы подали заявку на землю в резервации, которая станет нам домом». Это произошло в эпоху раздачи земель, когда у народа юта и у резервации Уинта и Орей, где находилась земля Уоткинса, было отнято 13,8 миллиона акров земли, обладание которой прежде было гарантировано индейцам указами сперва президента Авраама Линкольна,

а затем Честера А. Артура[64].

Артур В. Уоткинс вырос на земле, украденной его отцом. В 1907 году она была выведена из земель резервации. Второе имя — Вернал — он получил по названию города в округе Уинта, штат Юта. После миссионерской деятельности на востоке Соединенных Штатов он вернулся в Юту. Там он занялся политикой, занимал различные ответственные посты и, наконец, стал сенатором Соединенных Штатов. Во время слушаний законопроекта о прекращении действия договоров с индейцами он, как рассказывали, «создавал впечатление добродетельности, которая выглядела почти пугающей». Объясняя, на что направлены его предложения, он «завывал пронзительным голосом». Джозеф Смит и первые мормоны, как могли, старались убить всех индейцев на своем пути, проходившем через бóльшую часть страны, но, в конце концов, не совсем в этом преуспели. Артур В. Уоткинс решил использовать возможности, предоставляемые его постом, чтобы закончить начатое пророком. Ему даже не пришлось пачкать руки в крови.

---

[64] Сноски: 64

Честер Алан Артур (1829–1886) — 21-й президент США с 1881 по 1885 г. и 20-й вице-президент с 4 марта по 19 сентября 1881 г. Сменил на посту президента Джеймса Гарфилда после убийства последнего.

Золотая осень

После поезда они еще ехали на автобусе, и когда сошли с него на шоссе неподалеку от поселка, стоял прохладный, но прекрасный осенний день. То один, то другой порыв ветра срывал с деревьев желтую листву. Они двинулись в путь. На дороге им встречалось мало людей, и никто не направлялся в их сторону. Лесистая Гора шел рядом с Патрис, неся ее чемодан и свой собственный. Она тащила ребенка, молясь на ходу: *«Не дай ему оказаться дома»*. Если отец, изрыгающий рычание и блевотину, окажется дома, она сможет убежать. Обратно в Города. У нее есть деньги! Мысли Лесистой Горы были совсем другими. У него было на примете имя для ребенка. Арчилл — так звали его отца. Вот и все. Он ничего не мог с собой поделать. Переживаемые эмоции бросали его из стороны в сторону, и сотни не имеющих названия ощущений подтверждались только совершаемыми им действиями и внезапно принимаемыми решениями.

— Я придумал ему имя, — сказал Лесистая Гора после того, как они прошли пару миль. Он

приложил руку ко рту, желая приглушить голос, сомневаясь, что ему следует говорить, но был не в силах молчать. Потом украдкой взглянул на ее лицо и добавил: — Временное имя, конечно.

По-прежнему никакого ответа.

— Арчилл, — произнес он, готовый пнуть себя за то, что сказал.

— Арчилл.

Патрис продолжала идти. На каждом шагу она легонько похлопывала малыша по спине. Она хитроумно завязала на себе эластичное одеяло, так что ребенок висел в нем, как в гамаке, крепко прижатый к груди. Ее грудь! Лесистая Гора мотнул головой, словно отмахиваясь от насекомого.

— Когда моя сестра вернется, — проговорила Патрис, — мы скажем ей, что ты назвал ребенка, дав ему имя в честь своего отца. Мой дядя рассказывал, как они с ним в молодости ездили по железной дороге. Твой отец был хорошим человеком.

Она не была лишена сострадания. Но вот, он провожает ее домой, хотя им совершенно не по пути. Она снова сказала ему, что прекрасно может сама добраться до дома. Но он ответил, что нет, он не оставит ее одну с ребенком. Чемодан и ребенок станут казаться тяжелей с каждою ми-

лей, добавил он, а на ней выходные туфли. Совсем не подходящие для долгой ходьбы. Однако он добавил, что туфли прекрасно смотрятся на ней.

— Они чертовски натирают, — возразила Патрис. — Завтра на работе я буду хромать.

Он взял ребенка, пока она снимала обувь на повороте у начала тропы, идущей через лес. Тропинки были повсюду, и эта была одной из многих, ведущих к ее дому. По дороге придется пробираться через небольшое болото, но для нее это было в порядке вещей. Ее босые ноги любили грязь. Она забрала ребенка.

– *Гвиивизенс*, — сказала она, прижимая ребенка к сердцу.

Так ее народ называл новорожденного мальчика, чтобы им не овладели злые духи. Или когда ему грозили болезнь и опасность. Ничего необычного, что могло бы привлечь внимание, просто Мальчик. Хотя Лесистая Гора знал и одобрял этот обычай, он также догадывался: если Патрис не назвала ребенка именем, которое он предложил. Это означало… Он споткнулся на этой мысли, пробираясь через засасывающую болотную грязь… снял башмаки, сполоснул ноги и обулся снова. Поднялся на холм, собирая пукконы в свою шапку. Для нее. Это означало…

Это означало, что она не приняла его предложение всерьез.

О, но цвета вокруг были потрясающими. Золотые и желтые краски леса, охра, вспышки оранжевого и багряного, зеленого и снова зеленого, все оттенки зелени, оттеняющие яркие стрелы и брызги света, льющегося на их волосы, плечи и руки. Их молодые тела были свободны от боли, за исключением ноющей скулы у Лесистой Горы и волдыря на правом пальце ноги у Патрис.

И почему бы ей не захотеть, чтобы кто-то проводил ее до дома? Так они могли стать парой, поскольку он мог бы полюбить ее, как, конечно же, любил ребенка. Он был крепко сложен, красив, имел перспективы в жизни, и ее влекло к нему, несмотря на его глупую улыбку. Которую он больше не рисковал на ней пробовать. Влюбиться в него было в порядке вещей. Не так ли? Тем не менее она не взяла его под руку, которую он предложил, а вместо этого погладила свободной рукой Гвиивизенса.

— Пикси, — произнес он. — О, Пикси.

— Патрис. Сколько тебе говорить?

И она бросила на Лесистую Гору острый, как лезвие, взгляд, способный сбрить бакенбарды, если бы те у него были.

Он замолчал.

Она обнаружила, что ведет себя с ним точно с Барнсом. Говорит вещи, которые, как она знала, должны его обескуражить. Игнорирует намеренно согнутую и подставленную руку, бросает безразличные взгляды, когда от нее ожидается восхищенная улыбка. На последней миле пути она призналась себе, что все это, получавшееся у нее очень легко с Барнсом, теперь, когда дело касалось Лесистой Горы, давалось гораздо трудней.

* * *

Жаанат не была похожа на учителей, монахинь, священников и других взрослых, показывавших Патрис окружающий мир. Ум Жаанат отличался от других. В ее мышлении не было никаких барьеров, или, возможно, эти барьеры не были теми же, что у белых, или, как вариант, они были невидимы. Белые люди смотрели на таких индианок, как она, и считали их *тупыми упрямицами*. Но интеллект Жаанат имел пугающие размеры. Иногда она знала то, чего не должна была знать. Где пропавший человек провалился под лед. Где больная женщина похоронила ребенка, умершего от дифтерии. Почему животное отдалось одному охотнику, а не другому. Почему

болезнь поразила молодого человека и обошла его немощного деда. Почему однажды утром за дверью может появиться странный камень, словно из ниоткуда.

— Звезды послали нам знамение, — сообщила как-то раз Жаанат.

Патрис уставилась на мать, которая, конечно же, никогда не слышала о метеоритах. Поскольку все было живым, по-своему отзывчивым, способным по-своему сострадать либо по-своему наказывать, мышление Жаанат строилось на том, чтобы относиться ко всему, что ее окружало, с большим вниманием.

Жаанат спускалась с холма с фартуком, полным можжевеловых ягод, когда Патрис и Лесистая Гора подошли к дому. Она бросила ягоды и побежала к ним с перекошенным от страха лицом.

— Мы еще не нашли ее! — крикнула Патрис, увидев, как мать бежит к ним в развевающейся юбке, с растрепавшимися косами и раскинутыми руками. Жаанат обняла ее, так что ребенок оказался между ними. Лесистая Гора опустил глаза. Поки вышел из-за угла дома, неся охапку дров. Он так и остался стоять, застыв на месте.

— Я привезла домой только Мальчика, мама.

Патрис положила Гвиивизенса ей на руки,

и Жаанат с опаской взглянула на ребенка, а затем посмотрела критически, выискивая черты Веры. Потом она, не выпуская из рук ребенка, внезапно осела на землю, как будто силы оставили ее. Она молчала, и Патрис знала, что мать будет находиться где-то в другом месте, недоступная, пока не решит вернуться.

— Тебе пора идти, Эверетт, — обратилась она к Лесистой Горе.

Патрис внимательно огляделась по сторонам. Никаких признаков отца.

Лесистая Гора подошел к двери и поставил там ее чемодан. Он многозначительно кивнул Поки, а затем повернулся и зашагал прочь.

Жаанат в конце концов собралась с силами и встала, не выпуская из рук ребенка. Вошла в дом. Первое, что она сделала, — это села и приложила его к груди. Поки этого не заметил, но Патрис стало не по себе. Она спросила мать, почему та это сделала. Неужто она собиралась кормить его грудью? Ведь было очевидно, что у нее не может быть молока. Однако Жаанат сказала, что иногда в старые времена, когда мать ребенка не могла кормить грудью, пожилые женщины могли взять эту заботу на себя.

— И я не настолько стара, — добавила Жаа-

нат. — Мои груди еще не затвердели, как старые высохшие кожаные сумки для трубок[65]. — На чиппева это было всего лишь одно длинное слово. Они обе начали смеяться тем отчаянным высоким смехом, каким смеются люди, когда у них разбиты сердца.

[65] Сноски: 65

Сумка для трубки или сумка для табака — обычный предмет, используемый некоторыми индейскими шаманами. Сумка для трубки может использоваться для ношения священной трубки.

Тор

На следующее утро Патрис вышла на дорогу и стала ждать Дорис и Валентайн. Ей не терпелось поскорей оказаться подальше от ребенка, который был отчаянно голоден. Он вопил на полную мощность, и его крик напоминал струю воды, хлещущую из отвернутого крана. Жаанат все еще пробовала кормить его грудью, но также пыталась заставить его выпить процеженный сок вареной овсянки. Поки ушел к школьному автобусу рано утром. На дороге никого не было. Неужели подруги о ней забыли? Патрис направилась им навстречу. Ее мысли метались, приземляясь то тут, то там, словно мухи, а потом уносились прочь.

— Я знаю, — произнесла она вслух. — Знаю, что, возможно, сошла с ума. Но я должна верить, что моя сестра все еще жива. — Она подняла с земли гладкий кусок полупрозрачного кварца и уставилась на него. — Я схожу с ума, — прошептала она и зашвырнула его в кусты.

Она услышала рычание мотора, затем хруст гравия под шинами машины Дорис и с облегче-

нием закрыла глаза. Машина поравнялась с ней. В течение пяти дней она была другим человеком, поселившимся на другой планете, жившим в иное время.

— Вот те на! Доброго утречка! — воскликнула она, открывая заднюю дверцу машины.

— Мы подбираем бродяг! — крикнула Валентайн. — Залезай!

— Ты нашла Веру?

— Нет, не получилось. Но я привезла домой ее мальчика.

— Мальчика!

Всю дорогу они не говорили ни о чем другом. К концу дня у нее накопилась уйма обещаний помочь. Их было так много. Еще бутылочки. Подгузники на несколько недель. Ведро для кипячения подгузников с крышкой. Детская одежда и одеяло. Все, что нужно ребенку, кроме матери.

— Я знаю кое-кого с остатками детского питания, — сообщила Бетти Пай. — Она хотела денег, но, держу пари, услышав твою историю, отдаст все бесплатно.

— Я могу заплатить, — возразила Патрис, она же водяной бык. — Я могу заплатить столько, сколько она попросит.

Но это было сказано только для поддержания

разговора, потому что она была почти уверена: мешки для трубок у Жаанат в конце концов дадут молоко.

* * *

Если вы вращаете окружность вокруг оси, поверхность вращения будет называться тором. Внутренней трубкой. У вас может получиться полый тор или сплошной тор, который является тором плюс объем внутри тора — своего рода пончик, подшипник, в конструкции которого использованы драгоценные камни. Металлический шпиндель вращается в выложенном драгоценными камнями поворотном отверстии. Отверстие имеет форму тора, и этот механизм делает возможным идеальное движение без трения, практически вечное.

Вы можете не ощущать давления времени. Оно не что иное, как все на свете, а не просто секунды, минуты, часы, дни и годы. Эта невещественная субстанция, это гнутье и фасонирование, эта деформация и есть то, как мы понимаем наш мир.

Жаанат лежала на кровати дочери, в лучах прохладного осеннего солнца, с измученным ребенком на руках. Они дрейфовали в вечном движении без трения, когда вошла Патрис и вы-

скользнула из туфель. Она сняла шляпу и легла рядом с ними, распахнув полу своего синего пальто, словно крыло.

Металлические жалюзи

Большое собрание в Фарго проходило в здании суда — внушительном сооружении с колоннами из светлого гладкого известняка. Коридоры, украшенные латунными бра и полированными дубовыми панелями, вели в величественные залы судебных заседаний, комнаты судей, совещательные комнаты для присяжных и множество других небольших помещений и кабинетов. Комната, в которую вошли Томас и его соплеменники, тоже была отделана красивыми деревянными панелями. Верхняя часть стен была недавно выкрашена в тускло-белый цвет. Сквозь выходящие на север окна, закрытые гибкими металлическими жалюзи, едва просачивался мягкий серый свет. Маленькая женщина в черной юбке и туфлях на каблуках подошла и раздвинула жалюзи.

Приглушенный свет падал полосами на стоящий у окна полированный стол. Четверо расположившихся за ним мужчин в костюмах различных оттенков коричневого и серого и галстуках с разнообразными узорами поднялись, когда Томас и другие члены племени вошли

в комнату. Чиновники приехали из офиса Бюро по делам индейцев в Абердине, Южная Дакота. Они по очереди выходили вперед, чтобы пожать руку Томасу, другим членам комитета и адвокату племени Джону Хейлу, а затем садились обратно за стол.

Томас поставил портфель на стул в первом ряду, между Джоном Хейлом и Мозесом Монтроузом. Остальные заняли места справа, слева и сзади, всего более сорока пяти членов племени. Томас провел рукой по глазам и опустил взгляд, пытаясь скрыть, как он тронут тем, что так много людей совершили столь трудное путешествие.

— Добро пожаловать, — начал региональный директор Джон Купер. — Позвольте отметить в протоколе, что наша встреча началась девятнадцатого октября тысяча девятьсот пятьдесят третьего года, время — час дня.

Пальцы секретарши быстро застучали по клавишам пишущей машинки.

— Спасибо, — поблагодарил Томас. — Мы собрались здесь, чтобы обсудить цель предлагаемого законопроекта, а именно Резолюции номер сто восемь палаты представителей, которая прекратит федеральное признание и поддержку племени со стороны Агентства Черепашьей

горы.

Он сделал глубокий вдох в попытке ослабить охватившее его напряжение. В животе урчало. Из-за волнения он очень скудно позавтракал. Он спросил Джона Купера, нельзя ли огласить законопроект, чтобы с ним могли ознакомиться все приехавшие члены племени, а затем сел. Мистер Купер передал пачку бумаг адвокату Бюро по делам индейцев Гэри Холмсу, который начал по очереди зачитывать все разделы.

После первых страниц Томас почувствовал, что в комнате не хватает воздуха. Короткие фразы привлекали к себе внимание, но уже следующее сложное предложение отвлекало его. Голос читающего был спокойным и скрипучим. Он часто останавливался, чтобы откашляться или произнести продолжительное «м-м-м-м-м».

…распоряжение имуществом, находящимся в федеральной собственности,

…имеющим отношение к индейцами, может быть прекращено,

…поскольку в этом больше нет необходимости,

…такие земли должны быть проданы, и доходы от продажи депонированы,

…трастовые отношения с делами Общины и ее

членов

…прекратились

…прекращение

…прекращаются

Хуже, чем слушание самого законопроекта, было молчаливое оцепенение, которое он ощущал позади себя. Томас опасался повернуться, не желая выказать неуважение к чтецу, но ему все же ужасно хотелось обменяться взглядами с Джагги и Луисом, с Джойс и Мэри, со всеми, кто жил здесь, в Фарго, или приехал сюда из Гранд-Форкса. Они узнали о грозящей беде и просочились в этот незнакомый для них офис. Мартин Кросс проехал через весь штат, чтобы их поддержать. Около десятка присутствующих не говорили по-английски или понимали язык очень плохо, но все-таки приложили огромные усилия и потратили немалые средства, чтобы прийти на эту встречу. Пока слова законопроекта сухо трещали, словно маленькие молоточки, Томас думал о местах, где жил его народ. Джон Саммер, старый Гиизис, Клотильда Флери, Ангус Уотч, Багги Моррисси, Анаквад обитали в глинобитных хижинах, затерянных в болотах и укрывшихся от ветра у подножий холмов. Они брали воду из болот или крошечных источников, освещали жи-

лье керосином. И тем не менее они были здесь, все как один, в поношенной, но безукоризненно чистой одежде. Как делали многие индейцы из поколения в поколение, они и теперь пытались понять белого человека, читающего бесконечную стопку бумаг.

Холмс остановился, чтобы перемолвиться с мистером Купером, и Томас обернулся. На лицах сидящих он увидел выражение глубокой сосредоточенности. Теперь, когда мистер Холмс перестал читать, они все смотрели на своего вожака. Он в свою очередь посмотрел на них пристально, обведя глазами каждого человека. Никто не отвел взгляда, как это обычно делают люди. Мысли всех были устремлены к Томасу, и он принимал серьезность их отношения к нему. Опять повернувшись к мистеру Холмсу, он почувствовал, что получил некое послание. Он ощущал его значимость, и в глазах его стояли невыплаканные слезы. Холмс продолжил с того места, на котором остановился.

Когда, наконец, чтение законопроекта было закончено, Томас встал и снова обернулся, чтобы посмотреть на своих друзей и родственников. Потом он попросил комментариев у аудитории.

Луис Пайпстоун: Спасибо. А теперь не могли

бы вы объяснить законопроект так, чтобы плохо слышащий старый фермер мог понять его суть?

Мистер Холмс: Если говорить вкратце, то он предусматривает, что теперь, раз и навсегда, для Черепашьих гор больше не будет существовать никакой Индейской службы. Теперь вы будете равны с белыми во всем, что касается отношений с правительством.

Джойс Асигинак: Ну, равенство совсем не то, чего мы ищем. Наши права ущемляются. Так что этот законопроект меня никоим образом не устраивает. Правительство отказывается от заключенного им соглашения. Вы оставили нам крошечные земельные наделы, и большая их часть не годится для возделывания. Правительство должно вернуть отнятую землю, а не выгонять с оставшейся.

Мистер Холмс: О, я готов сообщить вам хорошую весть! Вас переселят в районы, где вы будете иметь равные возможности. В законопроекте так прямо и сказано.

В комнате сперва воцарилась полная тишина. Затем послышался настойчивый ропот, когда люди принялись повторять и истолковывать то, что им было сказано.

Джагги Блу: Мы не хотим покидать свои дома. Мы бедны, но даже бедные люди могут любить свою землю. Для того чтобы любить свой дом, не нужны деньги.

Анаквад: Гавиин нинисидотоосиноон.

Луис Пайпстоун: Анаквад говорит, что не понял прочитанного текста, как и многие другие, кто пришел в это место, чтобы узнать свою судьбу. Он просит перевести законопроект на его язык, чтобы он мог понять.

Мистер Холмс, повернувшись к своим коллегам, поднял брови и улыбнулся. Они тоже снисходительно улыбнулись и с некоторым раздражением покачали головами.

Клотильда Флери: Я сяду рядом с говорящими только на индейском языке и стану переводить.

Члены индейской делегации расселись по-новому, и Клотильда тихо заговорила о чем-то с Томасом. Все с нетерпением ждали.

Гиизис (перевод Клотильды): Я хотел бы попросить глубокоуважаемого мистера Холмса еще раз прочитать законопроект. Половина присутствующих его не поняла.

Холмс открыл рот, закрыл. Кашлянул. Затем он

посовещался со своими коллегами. Демонстративно налив воды в стакан, он сделал большой глоток и начал читать. Через несколько минут его остановил мистер Купер.

Мистер Купер: Предлагаю сделать небольшой перерыв.

Томас Важашк: Сэр, при всем уважении должен заметить: у нас есть всего один день, чтобы понять законопроект, который призван отнять у нас все. Не могли бы те, кому нужен перерыв, сделать его незаметно, пока остальные продолжат работу? Я также предлагаю мистеру Холмсу изложить повторно лишь суть законопроекта. Похоже, он уловил его смысл и сможет озвучить всего в нескольких предложениях.

Томас был удивлен собственной смелостью, но говорил твердо. Работа собрания пошла своим чередом, люди уходили по мере необходимости и возвращались, не привлекая к себе особого внимания.

Мэри Монтроуз: Это переселение не то, чего я хочу. Как насчет того, чтобы переселить некоторых наших соседей, которые не являются индейцами? Они занимают наши лучшие земли.

Мистер Купер (непродолжительный смех): Ни

о чем подобном не идет речи. Мы готовы действовать от вашего имени, но этого мы сделать не можем.

Мистер Хейл: Насколько мы знаем, Департамент по делам индейцев не инициировал включение индейцев чиппева Черепашьей горы и их резервации в сферу действия обсуждаемого законопроекта. Это был акт конгресса. Некоторые его члены слышали или, похоже, считают, что чиппева Черепашьей горы настолько успешны, что правительство должно отказаться от их поддержки.

Мозес Монтроуз: Да, в некоторых отношениях мы достигли успеха. Это правда. В этой комнате присутствует много умных индейцев. Но большинство из нас разорено. Мы работаем, но даже если бы мы действительно разбогатели, это не имело бы никакого отношения к нашему соглашению с правительством. Ничто в договоре с ним не говорит о том, что если мы станем совершеннее, то потеряем нашу землю.

Томас Важашк: Не знаю, на каком исследовании основана информация о нашем успехе с финансовой точки зрения. Но скажу вам, что оно было проведено неправильно. Большинство наших людей живут в домах с земляными

полами, без электричества, без водопровода. Я сам таскаю воду, как и большинство индейцев в этой комнате. Я считаю себя успешным только потому, что читаю и пишу. Разве мне следует перестать быть индейцем только потому, что я читаю и пишу?

Мистер Купер: Нет никакого намерения лишить вас вашей идентичности как индейца.

Джойс Асигинак: Это именно то, что сейчас происходит.

Джон Саммер: Мы все равно остаемся самими собой, даже если добиваемся успеха. Но что касается меня, то я успеха еще не добился.

Мистер Хейл: Конгресс пытается отказаться от своих обязательств по заключенным с индейцами договорам, действие которых рассчитано на неопределенно долгое время. Вы слышали фразу «пока растет трава и текут реки». Я представляю здесь людей, которые пережили многое и нуждаются в помощи, чтобы встать на ноги.

Мистер Холмс: Мы не придумывали этот законопроект.

Эдди Минк (стоит неподвижно, поглаживая свой мягкий шелковый галстук): Я хотел бы сказать несколько слов. Вы мне позволите? Спасибо. Как я вижу, великому штату Северная Дакота

понадобится взять на себя обслуживание нашего отдаленного района, обеспечить там образование и так далее. Округу придется начать заботиться о наших мостах, содержать в порядке дороги. Им также необходимо будет усилить правоохранительную деятельность и все такое прочее. Интересно, готовы ли наши замечательные округ и штат воспользоваться такими заманчивыми возможностями?

Мистер Купер: Я не уверен, что…

Эдди Минк: Конечно, если правительство переселит нас с нашей земли и бросит здесь и там — извините, произведет нашу релокацию, — мы в конечном счете в основном окажемся в Городах. И если Бюро по делам индейцев продаст нашу землю, проблема будет решена.

Анаквад (перевод): Вы видите здесь богатых людей? Я не знаю ни единого человека, у кого водились бы настоящие деньги. У меня, например, в кармане пара центов. Это все, что у меня есть. С тех пор как в 1492 году пришел белый человек, индейцев начали грабить, отнимая их богатства.

Джагги Блу: Они просто собираются отобрать у нас землю. Через пять лет все участки в резервации перейдут в руки белых, а мы будем странствовать с нашими детьми по дорогам,

пытаясь найти место под солнцем.

Гиизис (перевод): Мы не желаем иметь ничего общего с этим законопроектом. Мы собираемся с ним бороться. Вот как обстоит дело. Мы хотим, чтобы все оставалось таким, каково оно есть в настоящее время, и было таким, как есть, пока не появится нечто новое, что будет лучше, нежели то, что есть теперь.

Мистер Холмс: Теперь мы, наконец, можем сделать перерыв? Становится жарковато.

(Смех)

Багги Моррисси: Я случайно оказался в Вашингтоне несколько лет назад. Разговаривал с министром внутренних дел и комиссаром по делам индейцев. Они сказали, индейцам потребуется несколько десятилетий, чтобы стать независимыми. Так что я не понимаю этого законопроекта. Может, будущее покажет, что мы можем этого достичь.

Мозес Монтроуз: В нашем первоначальном соглашении с правительством такого положения не было. Предполагалось, что оно будет длиться вечно. Даже если мы захотим стать независимыми, это все равно должно быть отражено в договоре.

Эдди Минк: Услуги, которые правительство

предоставляет индейцам, можно сравнить с арендой. Арендной платой за пользование страной, известной как Соединенные Штаты.

* * *

Чиновники, сидящие во главе стола, выглядели немного ошеломленными таким заявлением Эдди. Потом встреча продолжалась еще два часа, но никто не сказал ничего нового.

Под занавес заседания Мозес Монтроуз внезапно взял слово.

Мозес Монтроуз: А теперь я хочу спросить о том, что меня очень интересует. Каким образом вы собираетесь представить результат нынешнего собрания, когда станете докладывать конгрессу о его проведении?

Мистер Холмс: Различные заявления, сделанные по его ходу, были записаны.

Джагги Блу: Тогда, пожалуйста, запишите и это. Мы все до единого выступаем против этого законопроекта.

Томас провел голосование.

За законопроект — 0 голосов.

Против законопроекта — 47.

Заседание было закрыто. Все пожали друг дру-

гу руки и направились к выходу. Когда Томас оказался за дверью, Луис шагнул следом за ним и произнес:

— Помнишь мою дочь Милли? — Томас, должно быть, выглядел озадаченным, потому что Луис продолжил: — Ну, она же Клетчатая, помнишь, как мы ее прозвали?

— О, Клетчатая, да, конечно.

— Моя дочь от моей первой девушки. Ее фамилия Клауд, и она не из наших краев. Милли училась в университете. Помнишь, как она приезжала и задавала разные вопросы? Это она собирала информацию, которая помогла ей получить несколько букв, следующих за ее именем?[66]

— О, конечно, — отозвался Томас. — Наша ученая, и при том чиппева.

— Может, она могла бы помочь нам добытыми ею сведениями?

— Да, — сказал Томас, стараясь не показывать отчаяния. — Давай пустим в дело все, что у нас есть. Они прижали нас к стенке.

Солнечный свет, проходящий через сплош-

---

[66] Сноски: 66

Буквы, следующие за именем, — сокращенные обозначения научных званий и прочих титулов.

ную пелену облаков, напоминающую хлопковое одеяло, был настолько тускл, что невозможно было определить время суток. Томас подумал, что, наверное, уже довольно поздно. Он слышал, как Эдди пытался уговорить Джойс и Мэри зайти к нему выпить.

— Эдди хочет промочить горло, — заметил Мозес.

— Я тоже, — вставил Томас. — Но я лучше ограничусь рутбиром[67] за ужином.

— Тогда так же поступит и ваш племенной судья.

Мозес мог время от времени глотнуть виски, но никогда не напивался настолько, чтобы это кто-нибудь заметил. Это была одна из причин, по которой он был судьей. Он был верен данной Томасу клятве, не пил, и Томас это знал. А в душе ему очень хотелось выпить. Это походило на боль в мозгу. И его мысли крутились вокруг этой боли. Его охватило тревожное беспокойство, как в самом начале болезни. По мере того как он шагал по улице, ему становилось все хуже и хуже. Он

---

[67] Сноски: 67

Рутбир (корневое пиво) — североамериканский напиток, традиционно приготовляемый с использованием коры корня дерева сассафрас или виноградной лозы в качестве основного аромата. Рутбир обычно, но не исключительно, безалкогольный, без кофеина, сладкий и газированный.

был то ли очень большим, то ли очень маленьким и не мог решить, каким именно. Отсутствие теней, плоские поверхности зданий и тротуаров Фарго не помогали. Он чувствовал, что *это* приближается. Хотелось пригнуться. Съежиться. Его охватило странное ощущение. Так он себя чувствовал, когда его отчитывали в школе. То же самое возникало, например, когда он заходил в банк или покупал что-то дорогое в магазине, не находящемся на территории резервации. Взгляды окружающих давили на него сверху вниз. Их слова расплющивали его. Взгляды сжимали. Слово *«исе»*, обозначавшее стыд. Его употребляла мать. Но по-английски слово *«стыд»* звучало намного хуже. Оно заставило его внутренне сжаться. Но то, что сжалось, превратилось во что-то твердое и кислое. Оно превратилось в черный осадок в желудке. Или в мысль, пронзившую так сильно, что он способен был отбросить ее при внезапной вспышке гнева. Это могло оставаться в нем, затвердевая все больше, пока не доберется до мозга и не убьет.

Ах, эти чинуши с довольными мягкими лицами.

Он ненавидел их одобрение так же сильно, как и снисходительность. И все же эта истина была

похоронена внутри него так глубоко, что прорывалась наружу в их присутствии лишь под видом дружелюбной улыбки.

Позже они вышли из выбранного ими ресторана, недорогого итальянского заведения, где наелись спагетти с фрикадельками, что всех взбодрило. Вдруг Томас увидел Паранто. Он шел по другой стороне улицы, борясь с гравитацией, шатаясь из стороны в сторону. Каждые несколько футов он останавливался, чтобы не упасть, хватаясь то за столб, то за подоконник, то за почтовый ящик. Пальто обвисло и вздымалось вокруг ног. Томас послал остальных вперед и пересек проезжую часть.

— Привет, *ниджи*, — поздоровался Томас.

Паранто смотрел вперед, в конец улицы, и при этом щурился, словно прицеливался, прежде чем тронуться с места. Он не заметил Томаса и вместо того, чтобы ответить на приветствие, собрался с духом и внезапно рванулся вперед неуклюжим галопом. Он добрался до следующего железного фонарного столба и вцепился в него, как человек, попавший в центр торнадо. Томас последовал за ним, обошел шаткое тело Паранто, встал перед ним и схватил за плечо. Какое зрелище! Растрепанные волосы прилипли к голове. Губа, толстая,

как мокрая сигара, выпятилась, щеки обвисли. Слезящиеся красные глаза выпучились, полные страдания.

— Друг, кузен, это я, Томас.

Паранто начал раскачиваться, как лошадь, готовящаяся тащить слишком тяжелый груз. Его ноги пытались отойти от фонарного столба, но руки не разжимались.

— Нет, — прошептал он. — Еще нет.

— Да, — сказал Томас. — Ты пьян. Мы отвезем тебя домой.

— Нет, нет, нет. Еще нет.

Томас попытался оторвать пальцы Паранто от фонарного столба. Но ничего не вышло. Паранто принялся яростно пыхтеть и тяжело задышал. Он напрягся. Выпучил глаза с таким отчаянием, что Томасу пришлось отвести взгляд. Паранто не мог разжать пальцы. Казалось, они приварены к металлическому столбу.

— О *ниидж*и, — причитал Паранто. — Посмотри, как она меня любит! Моя милая! Она не отпускает меня!

Он хрипло засмеялся:

— О боже! О боже! Она поймала меня, кузен!

— Ты можешь уйти, — возразил Томас. — Просто сделай глубокий вдох, позволь себе рассла-

биться, и она тебя отпустит.

— А, вот оно как, — пробормотал Паранто.

Через секунду Томас увидел, как под левой манжетой брюк Паранто появилась струйка мочи. Ручей потек в водосток, и Паранто заплакал:

— Я был первым в команде. Приносил очки. Никто не мог меня превзойти, кузен. Не мог остановить меня, когда я совершал прорыв. А трехочковые броски? Я был вашим всею душой, старик. И прыжки? Все звали меня Пружинкой. Помнишь?

— Да.

Их баскетбольная команда в тот год попала на первенство штата. Класс Б. И почти добралась до финала.

— Ты сделал последний бросок. Чуть не выиграл эту встречу, — напомнил Томас.

— Это верно. О, мой кузен, я сейчас болен. Я умираю. Все, конец тропы.

Томас снова принялся за пальцы Паранто, но это было бесполезно. И они были горячими, словно вся жизненная сила сосредоточилась в руках, наполненных духом противоречия. Наконец Томасу удалось приподнять один мизинец. Все пальцы немедленно разогнулись, как будто он привел в действие волшебный рычаг. Паранто

отскочил в сторону, подпрыгнув так, как он, бывало, делал в прежние времена. Паранто по прозвищу Пружинка. А потом он совладал с ногами, рванул, как олень, с места в карьер и понесся по улице в развевающемся пальто, яростно подгоняемый своими страданиями.

«Ну и ладно, — подумал Томас, идя назад. — Пускай бежит». Возвращение Паранто домой стало бы адом для всех членов его семьи. Лучше позволить ему затеряться в Фарго и надеяться, что он выживет.

X =?

Барнс почувствовал, как его руки замелькали с убийственной скоростью, превратившись в сплошное смазанное пятно. Он наносил удары так быстро, что легкий ветерок, повеявший от кулаков, откинул назад его волосы, и только сияющие голубые глаза, устремленные на мешок, заменяющий боксерскую грушу, сохраняли стальную невозмутимость. Он видел себя как бы сверху. Затем словно на киноэкране. Потом будто через телескоп, если в него смотреть не с того конца. Как он должен относиться к этому предательству? Этому пренебрежению доверием? Он узнал от Поки, что Лесистая Гора помог Патрис привезти ребенка на поезде в резервацию, прямо к ним домой. Прямо на их двор. Если его можно было назвать двором. На прогалину наполовину расчищенного леса.

Он помедлил, поскольку пот заливал глаза, а затем принялся сыпать ударами снова. И это после всего того времени, которое Барнс пожертвовал Лесистой Горе! После всех секретов бокса, которыми Барнс щедро поделился с этим маль-

чишкой. После поездок на матчи и тренировки, одалживания рубашек, халатов и снаряжения! После того как он, тренер, называл его своей гордостью и надеждой! После всего этого, не считая множества привезенных ему блюд, приготовленных Джагги или купленных в кафе «У Генри», или того проклятого судьбоносного завтрака с Лесистой Горой в отеле «Пауэрс» в Фарго? И как у него хватило наглости? И что должен теперь сделать Барнс, когда этот похотливый мальчишка опять появился, чтобы тренироваться со своим большим туповатым и добросердечным тренером, эдаким стогом сена?

— О, скажите пожалуйста!

Барнс отступил и сердито посмотрел на вибрирующий мешок.

— Эй, привет, тренер! И быстро же у вас получается!

Барнс обернулся. У него зачесались руки. Не было никакой необходимости задаваться вопросом, что он намеревается делать, потому что он просто сказал:

— Слышал, ты отправился в Города, чтобы вмешаться в дела Пикси Паранто?

— Она хочет, чтобы ее звали Патрис.

Барнс вскипел от ярости:

— Ах вот как?

— Да. Но опустите кулаки. Ей нет и до меня никакого дела.

Барнс пристально посмотрел на Лесистую Гору.

— Не то чтобы я к ней приставал. Я просто… Ну, не знаю. Просто мне пришло в голову, что у нее могут быть неприятности. И я знаю, как они подцепляют девушек в Городах, потому что моя сестра связана с этой компанией.

— Какой компанией?

— Кэл Строски и остальные.

— Чем они занимаются?

Лесистая Гора посмотрел себе под ноги.

— Я поехал за ней только потому, что моя сестра кое-что мне рассказала.

— Пикси попала в беду?

— Она выкрутилась сама. Ее одевали быком.

— Кем?

— Неважно. Она искала сестру, но нашла только ее ребенка и вернулась домой. Я просто ехал с ней. Ничего особенного. Но я хочу, чтобы вы знали: у меня такое чувство, что, даже если бы я к ней подвалил, чего я не делал, у нее не возникло бы ко мне ни малейшего интереса.

— Ха!

— О’кей.

— Да уж.

— Именно так.

— Так ты думаешь, у меня есть шанс? — спросил Барнс тихим голосом, а затем слова застряли у него в горле, как всхлип или икота. — Что, черт возьми, со мной не так? — прохрипел он, ударяя кулаком по мешку.

Лесистая Гора развел руками, словно желая помочь. Под ложечкой у него слегка засосало. Наконец он заговорил:

— С вами все в порядке. Она…

— Я знаю, — выпалил Барнс. — Хорошенькая.

— Нет, — возразил Лесистая Гора, приходя в себя. — Сущий дьявол — вот что она такое.

* * *

Позже, когда Барнс пытался помочь своим начинающим изучать алгебру ученикам найти значение таинственного *x* в уравнении *x* + 12 = 23, его разум переключился на составление совершенно другого уравнения. Его можно было назвать уравнением любви. Он попытался беспристрастно взглянуть на себя и сопоставить свои плюсы и минусы. Он обдумал свои шансы в жизни, подсчитал, насколько привлекатель-

ной и приятной была внешность Лесистой Горы по сравнению с его собственной привлекательностью и приятностью, хорошо оплачиваемой работой и другими материальными и нематериальными стимулами. Что его удивило при построении уравнения, так это невозможность определить: является ли то, что он не индеец, плюсом или минусом в ее представлении. Таким образом, уравнение все время изменялось, отказываясь оставаться равным с обеих сторон. Появлялось чересчур большое количество новых *x* и множество других неизвестных, чтобы его можно было решить.

Он вырвался вперед, когда постулировал принадлежность к индейцам как отрицательную величину, и придал своим волосам то же численное преимущество, что и волосам Лесистой Горы. Однако, проснувшись на следующее утро, он обнаружил на своей подушке несколько волосков. В ужасе он представил себе венчик из остатков волос на голове своего отца и изменил уравнение, чтобы сузить свое окно возможностей и расширить его у Лесистой Горы. Как он мог позабыть о возрасте? А выпадение волос? Имело ли все это значение? Разве то, что он не был индейцем, не приплюсовало ему, скажем, полдесятка

лет и полголовы волос? Или, наоборот, отняло их? Он снова пересмотрел уравнение. И, пытаясь его решить, задался вопросом, участвует ли в нем ребенок. Он уронил карандаш и подпер кулаком подбородок. Ему также стало интересно, действительно ли он слышал, как Лесистая Гора сказал, будто Пикси была одета быком.

— На этом пути тебя ждет безумие, — заявил Джарвис, войдя в класс Барнса и обнаружив, что учитель сидит, уставившись на полную чисел невидимую движущуюся плоскость, которая выглядит словно космос.

* * *

Лесистая Гора наблюдал за Пикассо. Яркий пегий конь с белыми пятнами, напоминающими карту Северной Америки, раскинувшуюся по его спине и холке. Хотя он планировал упомянуть об этом умном наблюдении Пикси (извините, но он не мог думать о ней как о Патрис), конь принадлежал не ему, а Грейс. Гибкой, сильной, упрямой Грейс. Она изучала географию. Она любила этого коня даже больше, чем свою новую молодую кобылку. Она говорила, что ездить на нем — все равно что покорять вершину мира. Отец этого красавца, возможно, был чистокров-

ным скакуном с юга, из страны блюграсса[68]. Как появились пятна, было неясно, ибо у жеребенка их совсем не было. Вместе с его боксом и вместе с ценным белым конем по кличке Гринго пегий конь стал ставкой Лесистой Горы на будущее. С тех пор как он ехал в поезде рядом с Пикси и смотрел, как малыш Арчилл спит у нее на руках, он начал думать о своем будущем. Грейс, объезжавшая пегого, подала ему идею. Он начал тренироваться как боксер в два раза усердней.

Во время очередной тренировки он переговорил с Поки. После ее окончания Поки запрыгнул на спину Лесистой Горы, и боксер рванул с места, как скаковая лошадь. Барнсу это не понравилось. Но ему бы не понравилось еще больше, если бы он знал, что Лесистая Гора решил пробежать так всю дорогу до дома своего наездника. Чтобы увидеть Пикси, или ребенка, или их обоих. Честно говоря, в то утро он проснулся, горя от нетерпения узнать, как дела у малыша.

Ему дважды пришлось отпускать Поки, и к тому времени, когда он вбежал во двор с Поки на спине, уже стемнело. Он попытался удержать

[68] Сноски: 68

Блюграсс — жанр американской сельской музыки кантри, происходящий из региона Аппалачей, в первую очередь штата Кентукки («штат мятлика»), которому обязан своим названием (bluegrass — мятлик).

Поки, поджидая, когда Пикси выйдет за дверь. Он хотел увидеть ее лицо, когда она поймет, что он пробежал всю дорогу до ее дома с Поки на спине. Но Поки простился с ним, подбежал к двери, и из нее вышла только Жаанат. Он старался не спрашивать ее о Пикси, но, конечно, слова вырвались сами собой.

— Заснула после работы, — проворчала Жаанат, покачивая ребенка, который выглядел испуганным, увидев незнакомца. Но тут у Лесистой Горы остановилось дыхание: во взгляде малыша читалось узнавание.

Лесистая Гора подошел к нему и заговорил по-дакотски, отчего глаза Жаанат вспыхнули, ибо та имела с дакотами давние счеты. Он перешел на чиппева, и она расслабилась. Она даже улыбнулась тому, как увлеченно болтал он с ребенком. Гора оживился, вытаращил глаза, замахал руками, и ребенок следил за ним, пока, наконец, удивленный, не издал булькающий смех. Лесистая Гора повторил вызвавшее такую реакцию дурацкое движение. Малыш снова засмеялся. От этого смеха у Лесистой Горы так закружилась голова, что образ Пикси переселился на периферию его сердца. Малыш удержался в его центре и снова засмеялся. К тому времени, как Пикси,

протирая глаза, встала и огляделась, Лесистая Гора уже был в доме и сидел за столом. Ребенок у него на руках сосал из бутылочки толокняный сок и, пока сосал, с силой ударил Лесистую Гору по лицу и вцепился в его нос. Тот издал тихий гудок, от которого малыш завизжал от счастья. Это продолжалось до тех пор, пока ребенок не залепетал что-то и не задремал. Лесистая Гора поднялся, чтобы уйти, но Жаанат заставила его сесть и полакомиться картофелем, обжаренным в оленьем жире, пропитанном мясным соусом. Он посмотрел на висящее над дверью древнее ружье:

— Неужели Поки убил оленя из этого старого ружья?

Оно походило на винтовку его деда времен Сидящего Быка.

— Поки? — Жаанат улыбнулась, указывая глазами на Патрис. — Это она завалила летом того оленя. Остался лишь жир. Мясо я высушила.

Его мысли переключились с ребенка на Пикси. Черт. Конечно, она должна быть хорошим стрелком.

Лесистая Гора вспомнил нежный пеммикан и сказал Жаанат, что они ели его в поезде и тот был очень вкусным. Пока он делал комплименты

ее матери, Патрис унесла ребенка за одеяло, в другой угол. Лесистая Гора не стал задерживаться надолго и вскоре ушел.

* * *

Барнс отвез Уэйда домой и хорошо провел время, разговаривая с его отцом о встрече в Фарго. Томас отпросился с работы, чтобы туда съездить, и ему все еще нужна была помощь, чтобы управиться с картошкой. Он вкладывал всю свою энергию в работу вилами, перелопачивая один склон за другим. Уэйд и девочки мыли картошку и переносили ее в песчаный погреб. Он оставил их выполнять эту работу и пригласил Барнса на чай.

— Не понимаю, чем плох законопроект, — начал разговор Барнс. — Похоже, вы становитесь обычными американцами.

Они расположились там, где всегда сидел Барнс, когда привозил своих боксеров домой. В таких случаях его неизменно приглашали в гости и усаживали за стол, занимающий центральное место. На нем готовили пищу, консервировали, сушили и обрабатывали продукты, а также

играли в пинокль[69] и криббидж[70], купали младенцев в лоханках для мытья посуды. За ним также ели и принимали гостей. Чай в тяжелых старых белых кружках был приятным на вкус и горячим. Томас был таким вдумчивым, спокойным человеком, что Барнс иногда приберегал для него сложные вопросы, потому что знал: Томас тщательно обдумает и взвесит ответы.

— Многие люди здесь думали так же, как вы, — проговорил Томас. — Но потом мы поняли, что продержались… Сколько лет прошло с тех пор, как Колумб высадился в Америке?

Барнс занялся любимым делом. Мысленным вычитанием.

— Четыреста шестьдесят один год, — без запинки ответил он.

— Что ж, это близко к пяти векам, — продолжил Томас. — Мы продержались благодаря тому, что избегали общих дел с вашими предками. Почему избегали? Потому что мы не можем просто превратиться в обычных американцев. Иногда мы

---

[69] Сноски: 69

Пинокль — карточная игра, широко распространена в Северной Америке. Иногда название произносится как «тинокле» или «пинакль».

[70] Сноски: 70

Криббидж (криббедж, крибедж) — карточная игра для двух игроков, популярная в Англии и США.

можем выглядеть похоже. Иногда ведем себя так же. Но в душе мы не белые. Мы индейцы.

— Но послушайте, — возразил Барнс. — Во мне намешано много различных кровей. Я немец, норвежец, ирландец, англичанин. Но в целом я американец. Что в этом такого особенного?

Томас окинул его спокойным и оценивающим взглядом:

— Все эти страны — в Европе. Там был мой брат. На Второй мировой.

— Да, но это разные страны. Я все еще не понимаю, в чем дело.

— Мы здешние, — пояснил Томас. Потом он немного подумал, отхлебнул еще чая. — Подумайте об этом. Если бы мы, индейцы, взяли и отправились к вам за океан, убили большинство из вас и захватили вашу землю, как насчет этого? Допустим, у вашей семьи есть большая ферма в Англии. Мы разобьем там лагерь и вышвырнем ее оттуда. Что скажете на это?

Барнс был поражен таким оборотом дела. Он поднял брови так быстро, что его волосы взметнулись вверх.

— Я скажу, что мы были здесь первыми!

— О'кей, — отозвался Томас. — Тогда продолжим. Вы должны сказать, что вам все равно.

После того как вы прошли через весь этот бардак, мы скажем, что вы можете оставить себе небольшой клочок своей земли. Вы можете жить там, скажем мы, но вы должны понимать наш язык и вести себя так же, как мы. Допустим, что мы индейцы прежних времен. Тогда вы должны превратиться в индейца старого образца и заговорить на чиппева.

Барнс усмехнулся, подумав о Жаанат.

— Я не смог бы этого сделать, — признался он.

— Это естественно, — сказал Томас. — Хорошо, что вам не нужно этого делать. Я тоже не могу полностью превратиться в белого человека. Вот как это бывает. Я могу говорить по-английски, копать картошку, брать в руки деньги, покупать машину, но даже если бы моя кожа была белой, это не сделало бы меня белым. И я не хочу отказываться от кусочка родной земли. Это мой дом, и я его люблю.

— Понятно, — проговорил Барнс и подумал о сказанном. — Но я слышал, вы будете гражданами. Как насчет того, чтобы стать гражданином США?

— Что? — спросил Томас. — Мы и без того граждане.

— Вы голосуете? Вы уже можете голосовать?

— Конечно, ведь мы получили право голоса еще в тысяча девятьсот двадцать четвертом. После чернокожих мужчин и после женщин, но все-таки получили.

— Ох. И за кого вы голосовали в прошлом году?

— Только не за Эйзенхауэра[71]. Но все равно республиканцы повсюду. В обеих палатах. Вот почему они хотят протащить этот законопроект. Это бесчестно по отношению к индейцам.

Барнс выпалил:

— Это потому, что вы не хотите начинать платить налоги?

— Нет, — терпеливо объяснил Томас, — мы платим налоги так же, как вы. Если мы зарабатываем достаточно денег за год, мы платим налоги. Единственная разница состоит в том, что облагаются только суммы, заработанные не на нашей земле. Вы же не собираетесь взимать с нас налоги за то, что мы живем на ишкониганской[72] земле, оставшейся нам после того, как ваши люди украли остальную ее часть, не так ли?

---

[71] Сноски: 71

Дуайт Дэвид Эйзенхауэр (1890–1969) — американский государственный и военный деятель, генерал армии (1944), 34-й президент США от Республиканской партии (1953–1961).

[72] Сноски: 72

На земле резервации.

Барнсу пришлось с этим согласиться.

— Видите ли, этот законопроект покончит с индейским землевладением, — продолжил Томас. — Теперь у нас земля общая. Вот как это работает. Мы можем продавать ее друг другу, но она все равно останется у племени. Таким образом, этот законопроект разделит нашу землю на клочки и позволит Бюро по делам индейцев ее распродать. Они, верно, получат за это центов по пять с доллара. Потом нас хотят переселить. Отправить в Города. Вот где мы окажемся в конечном итоге. Будем жить в этих домах с маленькими клетушками… Как вы их называете?

— Многоквартирные дома.

— Вот именно. Я бывал в тех комнатках. Улицы с фонарями. Я был там. Роуз и мне такое не понравилось бы. Мы бы из-за этого очень расстроились. Жизнь в Городах какая-то мрачная.

— Я вас хорошо понимаю, — согласился Барнс.

Он сидел в маленьком домике с угасающим огнем в дровяной печи, отдающей ровно столько тепла, сколько нужно. Перед ним на отполированном и обильно усеянном царапинами деревянном столе стояла кружка остывающего чая. Пара голубей нежно ворковала на сосне за окном. Он почувствовал, как и его настроение

мрачнеет.

— Если бы я женился на индианке, — проговорил Барнс, — это сделало бы меня индейцем? Смог бы я стать членом племени?

Он ощутил восторг от возможной жертвы, которую мог принести.

Томас посмотрел на большого, похожего на ребенка мужчину с буйными светлыми вихрами и водянистыми голубыми глазами. Ему стало жаль этого белого парня. Впрочем, такие чувства к белым возникали у него и раньше. В некоторых из них было что-то особенное. Взять, например, внезапную мысль о том, что, если стать индейцем, это сможет помочь. Помочь в чем? Томасу хотелось быть великодушным. Но он также сопротивлялся мысли, что бесконечная работа, тепло семьи и индейская кровь, из-за которой его провожали косыми взглядами в магазинах и прогоняли из ресторанов и кинотеатров, все то, кем он был, хорошим или дурным, являлось просто еще одним добром, которое белый человек мог присвоить.

— Нет, — мягко произнес он, — вы не смогли бы стать индейцем. Но вы все равно могли бы нам понравиться.

Плечи Барнса поникли, но то, что сказал Томас,

его утешило. Он бы им все равно понравился. Его бы признали, полюбили, и это было важно, потому что его сердце не было свободно. В нем не было места ни для одной другой женщины в этом мире, кроме Пикси. О, это была Пикси, и только Пикси. Ему каждый день стоило больших сил, чтобы убедить себя: она еще сможет каким-то образом, вопреки всем очевидным достоинствам Лесистой Горы, остановить на нем свой роскошный тающий взгляд и наградить такой улыбкой, с которой она еще никогда на него не смотрела. Эту улыбку он однажды подсмотрел, когда она рассмеялась, высоко оценив что-то, сделанное Поки.

«Оцени меня своим взглядом, — думал он, когда ехал домой, и образ любимой всплывал перед ним в темноте. — О, Пикси, только один раз, просто посмотри на меня так».

Светящиеся цифры на приборной панели горели одинокими огоньками. Уравнение любви, представшее перед его мысленным взором, колебалось, словно качели-балансир на детской площадке, наклоняясь то вправо, то влево. Мог ли он положить на свою сторону лучшие качества? Скромные изменения в гардеробе? Изысканный завиток в волосах, призванный скрыть редеющие

участки? И подарки. Какой женщине не понравится подарок? Ну, пожалуй, Патрис. Подарок мог бы возбудить ее подозрения. Но как насчет подарка младшему брату, Поки? Свидетельство щедрости Барнса, но без всяких условий. Что в этом плохого?

Сны-близнецы

Женские тела иногда творят такие чудеса. После недели интенсивного кормления грудью струйка молока появилась. Патрис верила матери, но все равно была удивлена. Жаанат с долей уверенности рассказала ей, что в голодные времена, как известно, молоко приходило даже у мужчин, и настаивала на том, что к смене фазы луны у нее будет нормальное его количество.

— Только до тех пор, пока Вера не вернется, — отметила она.

На улице становилось все холоднее, и теперь каждый вечер Патрис занималась тем, что утепляла дом. Она заполняла промежутки между жердями глиной, выкопанной возле болота, и затыкала крошечные щели между створками оконных рам сухою травой. На деньги, вырученные за работу быком, она купила несколько упаковок штукатурки, побелку, рулоны толя, гвозди и молоток. Толь она закрепила на крыше. Она также использовала вязкую смесь глины и травы, чтобы залепить свесы. После школы и бокса Поки приходил домой и помогал ей

наносить штукатурку на внутреннюю поверхность стен. В углу, где он спал, они использовали кроликовый клей[73], чтобы приклеить к стене фотографии и вырезки из газет. Рокки Грациано, Тони Зейл, Джерси Джо Уолкотт, Шугар Рэй Робинсон и Арчи Мур[74] смотрели поверх своих округлых перчаток, уставившись в серые сумерки. Эти фотографии и статьи были не из журналов, которые Валентайн дарила Патрис, а из журналов о боксе, которые Поки давал Барнс, сначала целую стопку, а затем еще и еще. Хотя Барнс намекнул, что уже прочитал эти журналы, обложки и страницы были жесткими и новыми. Кроме того, он подарил Поки зимнюю куртку. Причем не старую, подержанную, переданную «по наследству», а совершенно новую зимнюю

---

[73] Сноски: 73

Кроликовый клей — животный клей, получаемый из обрезков кожи кроликов.

[74] Сноски: 74

Рокки Грациано (1919–1990) — американский боксер-профессионал, чемпион мира в среднем весе. Тони Зэйл (урожденный Энтони Флориан Залески; 1913–1997) — американский боксер польского происхождения. Чемпион мира в средней весовой категории. Джерси Джо Уолкотт (настоящее имя Арнольд Рэймонд Крим; 1914–1994) — американский боксер-профессионал, чемпион мира в супертяжелом весе. Шугар Рэй Робинсон (настоящее имя Уолкер Смит-младший (1921–1989) — американский боксер-профессионал. Чемпион мира в полусредней и средней весовых категориях. Арчи Мур (полное имя Арчибальд Ли Райт; 1916–1998) — американский боксер, чемпион мира в полутяжелой весовой категории.

куртку в красно-черную клетку, которая неприятно напомнила Патрис лесорубную тему в «Лесном заторе 26». У куртки были вязаные манжеты и толстый ворсистый воротник на кнопках. Барнс утверждал, что кто-то дал ему эту куртку и он просто нашел для нее хорошего хозяина. Патрис было очевидно, что Барнс ее купил, и девушку это разозлило. Как будто она сама не могла купить куртку собственному брату. Как будто она не сделала бы этого, если бы старая куртка Поки действительно износилась. Но ею еще вполне можно было пользоваться. Кроме того, она сама могла бы купить ему коричневую шерстяную шапку с козырьком и откидными ушами.

— Ее дал тебе Барнс?

— Да.

Поки просиял, погладил куртку и провел пальцами по ворсистому воротнику.

— О, это действительно мило, — сказала Патрис, но таким тоном, что Поки пристально на нее посмотрел.

— Вернуть обратно?

— Нет, — ответила Патрис.

В конце концов, как она могла растоптать самолюбие брата? Однако, с другой стороны, когда дети узнают, откуда у Поки берутся хорошие

вещи, у него наступят тяжелые времена.

— Поки, смотри, не хвастай, что Барнс делает тебе подарки, хорошо?

— Я и не собирался!

— И не бери больше ничего, что он станет тебе давать, ладно?

— О'кей, — согласился Поки.

Он посмотрел на свои ботинки. Это были совершенно новые красивые кожаные ботинки с черно-белыми шнурками. Он думал, Патрис еще что-нибудь скажет, но она только шлепнула клеем по фотографии Зэйла, нанеся этому «Человеку из стали» самый сокрушительный удар в его жизни.

* * *

Перед восходом солнца Вера всегда возвращалась. Когда Патрис выплывала из сна, на грани между ним и бодрствованием появлялась сестра. Не такая, какой она была, когда уезжала в Города: в туфлях на высоких каблуках, в чулках, с розовым картонным чемоданом. Не с такими горящими глазами. Не ухмыляясь скептически чему-то, что сказала Патрис, и не останавливаясь, чтобы сдержать смех. Нет, Вера, которая приходила, была не такой. Однажды утром Патрис

вернулась в переулок, где, вероятно, умер Джек, и снова остановилась у лужи, рядом с его телом, напоминающим кучу тряпья. Она снова оттянула воротник его пиджака. Только вместо лица Джека со страшной, как у скелета, улыбкой она увидела перекошенное лицо Веры с разинутым окровавленным ртом. На другое утро она стояла в пыльной комнате, совершенно пустой, если не считать стула, разрезанного кожаного ошейника и испачканной скомканной простыни. Послышались чьи-то шаги, и Патрис резко обернулась. В комнате кто-то был, у стены что-то зашуршало, и голос Веры произнес ее имя.

Вот уже которое утро она была водяным быком, плавая голая в резервуаре. Белесые пятна лиц посетителей дрейфовали мимо нее. Одним из них было лицо Веры, с любопытством прижимающееся к стеклу. Это были не сны, а яркие образы, заполонившие ее сознание. Как будто все, что случилось с ней в городе, должно было повторяться снова и снова, но только с Верой, всегда находящейся рядом, не найденной ею, но каким-то образом нашедшей ее.

— Мама, мне снятся сны, — однажды утром поделилась с матерью все еще взволнованная Патрис.

Они ели овсянку, ребенок спал на коленях у Жаанат. В овсянке было немного изюма, и потому они не торопились, следя за тем, чтобы в каждой ложке было только по одной изюминке, чтобы хватило на всю миску.

— *Виндамовиш гаа-паваадаман.*

Патрис рассказала матери о своих снах. Сделав это, она увидела, как лицо матери ожесточилось и окаменело.

— Было бы хорошо заручиться помощью Джеральда, но сейчас он так занят своими обрядами, — посетовала Жаанат. — Но, так или иначе, нам придется с этим разобраться.

— Разобраться со снами?

Жаанат уставилась на стол, поглаживая его край рукой. Внезапно та обмякла и упала ей на колени. Казалось, жизнь на глазах утекает из матери.

— Тебе снится Вера? — спросила Патрис.

— Мне снятся точно такие же сны, как тебе.

— Точно такие же сны, как и мне?

Жаанат тяжело кивнула, хмуро глядя в глаза дочери. Патрис знала, что это означает. Дрожь пронизала ее тело, начавшись где-то за сердцем, а затем пробравшись под кожу. Она задрожала, как стрела, только что попавшая в цель. Наконец

мать сказала:

— Она пытается связаться с нами.

Звездное пау-вау[75]

Никто не видел и не слышал, как они подошли к дому. Вместо того чтобы, как обычно, предупреждающе залаять, Курильщик вышел на дорогу их встретить. Жаанат несла ребенка — не привязанного к заспинной доске[76], а завернутого в серебристую вязаную шаль, окутывающую складки детского одеяльца, как мешок из-под сахара. Патрис шла рядом, одетая в джинсы с отворотами, двухцветные кожаные туфли и зеленый свитер. На Жаанат было темно-зеленое ситцевое платье с крошечными золотистыми цветочками. Они постучали в дверь Томаса, и на пороге появилась Роуз.

— А, это вы!

Лицо Роуз расплылось от удовольствия. Она любила их обеих, особенно Жаанат, и хотела увидеть ребенка. Она высвободила его из пенной пряжи и обняла, внимательно изучая личико

---

[75] Сноски: 75

Пау-вау — собрание североамериканских индейцев. На нем встречаются родственники, исполняются танцы под барабан и рассказываются различные истории.

[76] Сноски: 76

Заспинная доска применяется у индианок для ношения младенцев.

и уговаривая улыбнуться. Томас сидел за кухонным столом и писал. Дети сновали туда и сюда, а Ноко ругала дочь. Томас закрыл ручку колпачком. Он опять сочинял письма. Сначала он написал Милтону Янгу и двум другим конгрессменам. Затем ему потребовалось договориться о встрече между Арнольдом Зеффом, лидером местного отделения Американского легиона[77], и Луисом Пайпстоуном. Луис собирался представить Арнольду Зеффу безрадостную перспективу: индейцы, верно служившие своей стране, будут принуждены просить милостыню. И произойдет это за пределами резервации, на улицах, где живут Зефф и его соседи. Он надеялся, что Легион подпишется под петицией, направленной против законопроекта. Кроме того, у Томаса была намечена утренняя встреча с управляющим школьным округом. Он предложит ему взять на себя финансирование школы резервации, как только федеральное правительство откажется от ее поддержки. Эти идеи были результатом

[77] Сноски: 77

Американский легион — организация участников различных войн; основана в 1919 г. участниками Первой мировой войны; узаконена актом конгресса; штаб-квартира находится в г. Индианаполисе; влияет на деятельность молодежных и различных военизированных обществ и союзов, обучение будущих военнослужащих, набор в Вооруженные силы США.

замечаний Бибуна и Эдди Минка о том, как прекращение действия договоров может повлиять на окружающие резервацию сообщества белых.

Патрис и Жаанат сели за кухонный стол. Шарло убрала свои тетради по арифметике, а Фи отнесла в другую комнату книгу, которую читала. Из своего угла сверкнула глазами Ноко. На ней была серая шерстяная шаль, ощетинившаяся жесткими белыми нитями. Ноко скрестила на груди напряженные руки, едва сдерживая ярость. Ребенок зашевелился. Он явно был голоден. Без тени смущения Жаанат поднесла его к груди и принялась кормить. Роуз сварила кофе. Голова Ноко откинулась назад, пряди волос взметнулись вверх, глаза выпучились, так что она стала похожа на обезумевшую белую цаплю. Томас не выказал ни малейшего удивления, и Роуз поставила перед гостями тяжелые поцарапанные кружки, полные обжигающего кофе, а затем опустилась на стул рядом с Томасом.

— Нам нужен ваш совет, — начала Патрис, протягивая Томасу щепотку табака.

Затем она поведала о собаке, о том, что та сказала, о пустых комнатах с цепями, прикрепленными к стенам, и разрезанными кожаными ошейниками на полу. Она рассказала только то,

что касалось Веры. Может быть, она вообще никогда никому не расскажет о своей недолгой работе водяным быком. Под конец она описала обратную поездку на поезде, а затем замолчала. Томас наконец заговорил. От потрясения слезы навернулись у него на глаза, но он не дал им пролиться. Такого он никогда себе не позволял.

— Мы должны обратиться в полицию, — подытожил он.

Его голос был полон эмоций, но то, что он сказал, было для Патрис и Жаанат одновременно и разочаровывающим, и немыслимым. Обратиться за помощью в полицию для индианки означало почти наверняка оказаться под обвинением в чем-то дурном. Что бы ни случилось, она будет осуждена и наказана. По этой причине идти в полицию было немыслимо, и предложение разочаровывало, потому что Томас доверял врагам.

— Ни один полицейский нам не поможет, — наконец произнесла Жаанат.

— Нам придется найти другой способ, — сказала Патрис.

— Я еще подумаю над этим, посплю и приму решение на свежую голову, утро вечера мудрее, — проговорил Томас, хотя хорошо знал, что

спать сегодня ему не придется.

Они переменили тему и постарались говорить о другом, например о работе на заводе, о вещах нейтральных, которые могли бы помочь какое-то время не ощущать одолевавший их таинственный ужас.

Когда Томас в тот вечер пошел на работу, он не взял с собой портфель. Он знал, что не сможет сосредоточиться на многочисленных письмах с просьбами и объяснениями, которые ему требовалось послать. Он не смог бы планировать информационные встречи, которые должны были состояться в племенном центре. Для них нужно было как следует разобраться в законопроекте, чтобы правильно его истолковать. Но он знал, что не сможет найти нужных слов после того, что ему рассказала Патрис. Поездка на работу обещала стать наполненной страхом. Страхом, что он не сможет бодрствовать. С другой стороны, он боялся, что может больше никогда не заснуть. Ужас перед ситуацией, непостижимой по масштабам. Одиночество. Силы, с которыми он столкнулся, были неумолимы и далеки. Но и с неблизкого расстояния они могли дотянуться до них и смести целый народ.

А теперь еще это.

То, что сказала ему Патрис, являлось злом крайним, подрывающим все его представления о мироустройстве. Даже столкнувшись с ненавистью или пьяным дебошем, он всегда искренне верил, что люди совершают дурные поступки лишь по невежеству, по слабости или из пристрастия к алкоголю. Он ничего не знал и не ведал о том зле, о котором говорила Патрис. Ему казалась дикостью история о цепях, ввинченных в стены, об ошейниках и о собаке, рассказывающей о судьбе сестры Патрис. Мозес Монтроуз был прав. В глубине души он так и остался маленьким мальчиком, прислуживающим в алтаре. Его вырастил Бибун, который тоже был по-своему невинен. Сознание Томаса не могло совершить скачок, который позволил бы понять все, что означало существование той страшной комнаты. Его мысли путались всякий раз, когда он пытался представить, что оно подразумевало. Он приехал на подшипниковый завод, отпер дверь. Подошел к своему столу, но не сел, а принялся расхаживать взад и вперед. В перерывах между обходами он вглядывался в темные углы.

Томас, должно быть, все же уснул — или так устал, что впал в транс. Слабые барабанящие звуки привели его в сознание. «Это снова сова», —

подумал он в замешательстве. Сова вернулась. Она стучала в окна, сражаясь с собственным отражением. Он резко вскочил, инстинктивно пробил табельную карточку, а затем рванул с места. Он вышел из здания на пронизывающий холод, и дверь за ним захлопнулась. Он бросился обратно к входу. Слишком поздно. Дверь была заперта, и шум повторился. У него не было ни куртки, ни фонарика, ни ключей. Ничего, кроме, как всегда, лежащих в кармане брюк ключей от машины на брелке из расшитой бисером кожи. Ветер дул из Альберты[78], проносился над Манитобой[79], замораживая все, что попадалось на пути. Теперь ветер взялся за него. Несмотря на то что Томас был закален годами, проведенными на этом ветру, он начал дрожать. Принялся хлопать себя по рукам, груди, бедрам. Совы не было, но стук продолжался. Почему он бросился на улицу? Требовалось вернуться в здание, и как можно быстрее. Но, конечно, прежде он повторил то, что делал каждую ночь, то есть проверил каждый

[78] Сноски: 78

Альберта — самая северная из трех провинций Канады, формирующих Канадские прерии.

[79] Сноски: 79

Манитоба — канадская провинция, расположенная в центре страны в регионе Канадские прерии.

замок, подергал дверные ручки, убедился, что все в порядке. Не было никакого другого способа проникнуть внутрь, кроме как взломать замок, а Томас никогда в жизни не проникал в здание таким образом.

За исключением одного случая, когда он открыл для Родерика окно цокольного этажа, но это было не в счет. Родерика практически убили в подвале. В тот раз Томасу удалось открыть окно с помощью провода, украденного из механической мастерской Форт-Тоттена. Он загнул конец провода крючком, просунул в щель и отодвинул деревянную защелку — это было не слишком-то хитрым делом, все получилось легко. Затем он бросил другу куртку, яблоки, хлебную корку и носовой платок, в который был завернут комок овсянки. Еще он крикнул Родерику, что его «засекли». Это было неправдой, но ему требовалось поскорее уйти. Родерик так сильно рыдал. Томаса ужасал этот доносящийся из темноты звук рыданий.

Если бы у него сейчас был провод, он мог бы просунуть его в щель разбитого матового стекла в окне женского туалета на высоте примерно в шесть футов. Ему понадобится лестница… Хотя нет, он может подъехать на машине и встать

на ее крышу. Он направился к машине, хлопая руками по туловищу. В салоне он потер руки и завел двигатель. Через несколько долгих минут обогреватель с ревом ожил. Несколько мгновений Томас грел руки. Затем он наклонил голову и сунул ее под струю горячего воздуха от вентилятора, чтобы разогреть мозг. К сожалению, внутри автомобиля у него царили чистота и порядок. Ах, если бы в нем завалялось какое-нибудь одеяло! Но его не было. И запасной куртки тоже. Но как насчет провода? В электрической системе? Нет, он скорее проведет ночь в своей машине, чем выдернет из нее провод. Тепло было чудесным. Он боялся выйти наружу. Потом он начал беспокоиться. Если его найдут дремлющим в машине возле заводского здания, за охрану которого ему платили, Волд может подумать, что такая работа ему не по силам. Решит, будто должность председателя племени связана с чересчур большим стрессом, чтобы взять ее на себя и при этом оставаться эффективным ночным сторожем.

Снаружи барабанящие звуки были слышны лучше. Томас посмотрел сквозь ветровое стекло. Казалось, они доносились откуда-то издалека. При таком ветре обычно бывают облака. Но небо оставалось ясным. Звезды висели низко и све-

тили ярко. Барабанный бой доносился оттуда. Томасу показалось, что звезды барабанят в своей безлунной глубине. Приятно проводят время, как в старые добрые времена. Подождите. Внезапно он выскочил, обошел машину, открыл багажник. В багажнике лежал старый тряпичный коврик, который он нашел в миссионерских пакетах. Он накинул его на плечи. Под ковриком лежал моток проволоки. Дешевая тонкая проволока, которую он в последний раз, когда был в поселке, купил для силков. Она была мягкая, легко гнулась, но он подумал, что и такая может подойти. Он запрыгнул обратно в машину и, развернув, подогнал ее прямо к стене здания. Конечно, все будет в порядке. Все будет хорошо. Он направил воздушную струю обогревателя на себя, думая об источнике барабанящих звуков. Он все еще слышал их, слабое гудение, доносящееся откуда-то сверху. Барабанный бой вселил в него надежду, и вскоре ему удалось открутить кусок проволоки. Думая о том, как работает оконная задвижка, он сделал на конце проволоки петлю. Он подденет маленькую ручку, удерживающую окно в опущенном положении, затянет петлю и поднимет раму. Чтобы сделать это, он вышел из машины.

Двадцать минут спустя, с замерзшими руками,

он слез вниз. «Нужно согреться и попробовать снова», — подумал он, но на этот раз, когда он включил зажигание, ничего не произошло. Снова и снова. Ничего. Он подождал. Попробовал еще раз. Ничего. Ничего. Ничего. Ему становилось очень холодно. Так холодно, что течение мыслей в мозгу замедлилось. Даже подмышки онемели и не согревали пальцы. Ему было так холодно, что он понял: придется сдаться и идти на огни поселка. Нет, даже не идти, а бежать, если ему дорога жизнь.

Он вышел из машины на открытое место, свернув с гравийной дороги на кочковатое пастбище, поблескивающее инеем. Он упал, тяжело рухнув на землю, и лежал, оглушенный. Словно его швырнули, как игрушку. Без предупреждения. Вот каково с ними жить. О, не то слово! Томас хорошо их изучил. Он всеми силами стремился быть похожим на своих учителей. Походить на боссов. Он пытался подражать им во всем. Даже если их обычаи ему не нравились, он к этому стремился. Он пытался зарабатывать деньги, как они. Томас думал, что, если он будет работать достаточно усердно и следовать их правилам, это будет означать, что он сможет защитить свою семью, своих людей от худшего вреда, но все это

оказалось неправдой. В его мозг просочилось, словно зловонная жижа, осознание того, что люди сделали с Верой.

Он не мог прогнать из головы стоящие перед его мысленным взором картины. Знание того, что произошло в Городах, будоражило разум. То, что с ней сделали, было невыносимо. Как и то, что с ней еще сделают, если она до сих пор жива и находится во власти этих мерзавцев. Он закричал и почувствовал, что теперь прикован холодом к траве, как бедняга Паранто — к железному столбу.

Барабанный бой становился все громче и громче. Подняв глаза, он увидел призрачных существ. Прозрачных, ярких, расплывчатых. Как милостиво с их стороны спуститься теперь к нему с небес. Они выглядели как обычные люди и были одеты в обычную одежду — рубашки, брюки, платья из светящейся ткани. Хотя он мог видеть сквозь них, они были не совсем прозрачными. И они выглядели так, словно усердно трудились. У него было ощущение, что звезды всегда усердно трудятся, ведь сиять там, наверху, конечно же, нелегко. Одним из сияющих людей был Иисус Христос, но он выглядел точно так же, как и другие. Они странно кивнули Томасу, понимая его удивление, и вне-

запно боль исчезла. Сияние наполнило его, и он поднялся на ноги, зная, что небесные барабанщики хотят, чтобы он танцевал. Высоко в облаках и внизу, на земле, они плясали, поворачиваясь в танце против часовой стрелки, как это делают духи в стране мертвых, и хотели, чтобы он присоединился к ним. Поэтому он принялся танцевать. Каждый раз, когда он ступал по жесткой траве, его ноги поднимали в воздух брызги яркого света. На нем был воображаемый индейский головной убор, с которого проливался свет всякий раз, когда он наклонял голову. Он посмотрел вниз и увидел, что держит танцевальную палочку[80] из подрагивающего северного сияния. Кровь прилила к кончикам его пальцев. Сверкая глазами, с бешено колотящимся сердцем, он начал петь песню, которую они ему подарили.

Когда барабанный бой прекратился, Томас забрался на крышу машины, вытащил из кармана проволоку и открыл задвижку на окне туалета. Он влез в него и зашагал по лежащему на полу зеленому линолеуму. Затем вышел из туалета, направился к своему столу, схватил ключи, про-

[80] Сноски: 80

Танцевальные палочки используются знахарями как инструменты молитвы и исцеления. Обычно изготавливаются из длинного деревянного стержня с участком из оленьего рога на одном или на обоих концах.

бил время на карточке и помчался к машине. Она завелась с пол-оборота. Томас заехал на свое парковочное место и побежал обратно к заводскому зданию. Вошел. Сел. Он опоздал отметить обход всего на две минуты. Томас налил себе кофе из термоса и приветствовал наступление рассвета.

Агония – ее имя

От мужчин пахло маслом, алкоголем и потом, а еще тухлым мясом и миллионами выкуренных сигарет, и говорили они на диалекте, который в ходу у жителей Мичигана. Их бороды терлись о ее лицо, пока щеки не начинало саднить. Если бы она хотела сбежать, ей пришлось бы пройти через их ножи. Если бы она прошла через ножи, у нее не осталось бы кожи, чтобы ее защитить. Она стала бы сырой плотью. Она стала бы чем-то особенным. Она стала бы агонией. За стеной скрежетали гигантские двигатели. Время от времени, словно удары гулкого гонга, она слышала звуки своего имени. Ее звала мать.

Школьный бал

Листья, золото на зелени, такие яркие под проливным дождем, устилали в лесу все тропинки. Все Важашки усердно трудились. На болотах их маленькие тезки запасали зеленые веточки. На полях люди выкапывали вилами последнюю морковь. Груды тыкв, бородавчато-зеленых, оранжевых, светло-коричневых, твердых и маленьких, заполнили подвал и выстроились по бокам дома. Косы из лука. Бледные кочаны капусты. Ящики с кремовой и фиолетовой репой. Бушели картофеля. Томас едва успевал перевозить урожай. Уэйд и Мартин, споря о чем-то, устроились позади него, зарывшись в овощи. Все еще споря, они выгружали их в кафе, в школе и, наконец, в столовой для учителей. Джагги Блу распоряжалась, указывая им, где что сваливать в кучи или складывать штабелями. Завтра должны были состояться парад, общинный обед, футбольный матч и коронация короля с королевой бала. Шарло была в школе, готовилась к празднику.

— Участвуешь в параде? — спросила Джагги

у Томаса.

— Не в этот раз. Мой старик будет сидеть в машине и смотреть оттуда. Я собираюсь посидеть рядом с ним.

— А Роуз?

— Она шьет платье Шарло.

— О! И какое оно?

Лицо Джагги осветилось улыбкой. Она любила платья, хотя в жизни предпочитала комбинезоны.

— Длинное, я думаю. Может быть… голубое?

Джагги прищурилась:

— Длинное и, может быть, голубое? И это все, что ты можешь сказать?

— На нем где-то есть оборка.

— Ты безнадежен!

Томас внимательно наблюдал за Джагги, пока они разговаривали. Когда он уходил, ее недовольство его успокоило. Похоже, она не относилась к нему так, будто с ним произошло что-то странное. Он также внимательно наблюдал за Роуз. Не изменился ли он после случившегося на морозном поле? Не вел ли себя неестественно накануне? Мог ли человек судить, ведет он себя странно или нет? Томас никому не рассказал о случившемся, ни словом не обмолвился о сия-

ющих людях. Он откроется Бибуну, когда придет время, но больше рассказать о посетившем его видении Томас не посмел бы никому. Что именно он поведал бы тому, кто не был его отцом? Я был на звездном пау-вау? Я встретил Иисуса Христа, и он оказался хорошим парнем? Все бы смеялись, думали, будто он слетел с катушек, беспокоились, что его разум отказывает от непосильного напряжения. И еще, может быть, самое главное: Томас не хотел, чтобы кто-то нарушал покой, который снизошел на него после того визита. Хотя он все еще был усталым и встревоженным, его страх отступил. Призрачные гости оставили в нем частичку своего успокаивающего присутствия.

Каждый вечер, дважды проверив, есть ли у него ключи, он выходил на улицу и смотрел в небеса. Он тихо напевал, пытаясь вспомнить песню, под которую они танцевали. Что касается Иисуса Христа, он подумал, что слишком давно не был на святой мессе.

Дождь прекратился, субботнее утро выдалось ясным и прохладным. Все участники парада собрались около церкви, затем беспорядочным строем двинулись по поселку. Шествие закончилось у ступеней средней школы. Шарло, приколовшая к пальто букет желтых бархатцев,

сидела с подругами на заднем сиденье кабриолета, принадлежащего учителю английского языка. Фи участвовала в параде в качестве трубача. Поки тоже присутствовал. Он прыгал в боксерской стойке в кузове грузовика, оформленном так, чтобы походить на ринг, и хмурился, притворяясь, что ведет тренировочный бой с другими парнями. Младшие хотели снять рубашки, но Барнс заставил их надеть куртки. Зато он разрешил им надеть новые боксерские перчатки, а еще у них был колокол для оповещения о начале и окончании раундов, позаимствованный из почтового отделения. Три старика, исполнители традиционных танцев, щеголявшие в расшитых бисером черных бархатных одеждах, ехали в кузове пикапа Луиса. Молодые танцоры следовали за ним. Уэйд, позаимствовавший танцевальный костюм у своего деда, подпрыгивал и рыскал по земле глазами. Несколько девушек были одеты в коричневые хлопчатобумажные платья с бахромой, имитирующие одежду из оленьей кожи. Женщины с короткими стрижками носили накладные косы, сделанные из нейлоновых чулок, набитых конским волосом. На головах у них были повязки из бисера и блестящие медальоны.

Два исполнителя фэнси-данса[81] были одеты в костюмы из красных длинных нижних рубах с расшитыми бисером набедренными повязками и носили украшенные перьями головные уборы. Они подныривали и кружились, ходили и смеялись, размахивали руками и шутили с толпой. Танцоры раздавали карандаши, по одному на несколько детей, благоговейно вытаскиваемые из матерчатого мешка.

Грейс Пайпстоун, в ковбойской шляпе, в юбке с бахромой и ковбойских сапогах из тисненой кожи, ехала на новой кобылке, Любимице Учителя. Лошадь была поразительно красивой чалой[82] масти. Ее глаза были очерчены темными кругами, а черные голени делали ее быструю рысь точеной и филигранной. В параде участвовали и другие верховые лошади, но никто из всадников не был одет так броско, как суперинтендант Тоск, на котором были куртка из настоящей оленьей кожи с бирюзовой бахромой и головной убор из орли-

[81] Сноски: 81

Фэнси-данс — стиль индейского танца, который, вероятно, был первоначально создан членами племени понка в 1920-х и 1930-х годах в попытке сохранить свою культуру и религию. Он в значительной степени основан на военном танце.

[82] Сноски: 82

Чалый — масть лошади с белыми вкраплениями в шерсти основной окраски (обычно серой).

ных перьев. Этот головной убор надевался для особых мероприятий и фотографий. Великолепные перья щетинились на голове и спускались по спине. Тоск гарцевал на одном из самых ценных коней Луиса, на Гринго, который променял на любовь свои прежние выдающиеся достижения в скачках и был оставлен на племя. Гринго был светло-чалым, почти белорожденным[83], с нежными кроличьими ушками и розоватой мордой. Его грива, тщательно расчесанная, намоченная и заплетенная накануне вечером, теперь была расплетена и белыми волнами струилась по изгибу шеи. Грейс точно так же обошлась с хвостом, и его блестящие завитки почти касались гравийной дороги. Он был действительно очарователен и заслуживал лучшего имени. Лесистая Гора часто так говорил. Он вел бело-зеленый «ДеСото» Джагги, тащивший прицепчик с тюками сена, на которых сидели Джагги и Дианна, одетые как бродяги. Джагги держала табличку с надписью «Разорена прекращением действия договоров». Мистер Волд ехал на большом ко-

[83] Сноски: 83

Белорожденная масть (кремелло) — белая шерсть, карие или голубые глаза и розовая кожа. В отличие от светло-серых, сразу рождается с белой шерстью. Чрезвычайно редка. Бытует ошибочное мнение, что белорожденные лошади являются альбиносами, но это не так.

ричневом универсале, задрапированном золотой гофрированной бумагой, удерживаемой через равные промежутки картонными драгоценными камнями. На крыше машины были прикреплены большие наручные часы и ракета, сооруженные Бетти Пай.

Другой машиной, представляющей подшипниковый завод, был семейный автомобиль Дорис Лаудер. На окнах висели нарисованные украшения. Валентайн, конечно, ехала на переднем сиденье. Она болтала с Дорис о том, как соединить клетки шотландки, разрезанные по косой, в юбке-солнце. Патрис ехала на заднем сиденье вместе с Бетти Пай. Они держали маленькие пакетики с домашними ирисками, каждый квадратик которых был завернут в вощеную бумагу. Время от времени они бросали несколько ирисок жадным до сладостей детям, которые смотрели парад. Два года назад Патрис участвовала в параде вместе с Валентайн. Тогда они обе учились в последнем классе школы и присутствовали на балу. В тот раз они сделали шарики из попкорна, склеенные сиропом, чтобы бросать в толпу, но вощеная бумага, когда те летели по воздуху, то и дело сваливалась, и они разбивались, падая на дорогу.

На полпути к школе у дороги неловко стояли Вернон и Эльнат. Раньше они были незнакомцами в черных костюмах (сейчас на них были еще и черные пальто), но теперь все знали, что они «те самые мормоны».

Патрис бросила им пару конфет. Вернон наклонился, поднял их и сунул одну в рот. Эльнат скрестил руки на груди и нахмурился. Его глаза гневно сверкали.

— Ты видела тех двух парней? — спросила Патрис у Бетти.

Бетти повернулась:

— О, это миссионеры. Но Грейс Пайпстоун обращает одного из них.

— Что?

— Луис позволил им спать в своем сарае. И тот, с набитым конфетою ртом, влюблен в Грейс. Но она сказала, что даже не посмотрит на него, пока он не станет католиком. Он теперь молится об этом.

— Я бы не стала ставить на Грейс, — внезапно сказала Валентайн с переднего сиденья. — У нее есть дела поважней. Я случайно узнала, что Лесистая Гора положил на нее глаз.

— Ей даже шестнадцати нет, — возмутилась Патрис.

— Зеленые глаза глядят, зеленые глаза ворожат, — пропела Валентайн самодовольным голосом.

— И что это значит?

Валентайн повернулась к Дорис Лаудер, и обе засмеялись.

Парад двигался медленно, но затем быстро закончился. Машины, пешеходы и танцоры прибыли на школьную стоянку. Почетные гости вышли из машин и поднялись по ступенькам крыльца, чтобы расположиться на широкой бетонной площадке перед двойными дверями. Томас уже припарковал свой «нэш» неподалеку, так что Бибун мог выйти, сесть на капот и оттуда наблюдать за коронацией короля и королевы. Теперь он, уже дряхлый старик, выжидающе грелся в слабых лучах солнца, завернувшись в армейское одеяло, и наслаждался царящим вокруг волнением. Толпа постепенно затихла.

Сбоку от нервничающих кандидатов на пост короля и королевы стояли миссис Эджес, учительница домоводства, и мистер Джарвис. Они держали сделанные из проволоки и олова короны, покрытые серебристой блестящей краской. Другие учителя держали красные плащи и скипетры, которые должны были быть вручены

каждому монарху. Сначала мистер Джарвис шагнул вперед и быстро короновал Калберта Сен-Пьера, одного из самых опытных боксеров Барнса. Раздались аплодисменты, одобрительные возгласы и несколько добродушных насмешек, когда на Калберта надели королевский плащ. Затем толпа снова затихла. Лошади, щипавшие побеги травы на краю дороги, ржали и фыркали. Миссис Эджес вышла вперед, дразняще подняла корону над головами нескольких девочек, а потом, наконец, опустила ее на взбитые каштановые кудри Шарло, пушистым ореолом обрамляющие ее сияющее лицо. Толпа ахнула. Глаза Шарло расширились от удивления, затем ее черты исказились от внезапно нахлынувших эмоций. Прежде чем она пришла в себя и начала улыбаться, некоторые из присутствующих успели погрузиться в воспоминания.

Томас видел в ней свою четырехлетнюю дочь, крикнувшую ему что-то с высокого стога сена, прежде чем спрыгнуть вниз. Он развернулся в самый последний момент и бросился к месту ее предполагаемого падения. Вилы, которые он небрежно прислонил к стогу, упали одновременно с ней и воткнулись в землю совсем рядом. Когда он увидел это, из его груди вырвался крик

ужаса. Шарло похлопала его по щекам. Тогда на ее лице было то же таинственное выражение прерванного полета, что и сейчас, когда ее короновали.

Роуз увидела, как ее сверкающий утюг гордо стоит на комоде.

Патрис унеслась мыслями в тот день, когда она была объявлена королевой бала на тех же самых ступенях. Тогда, надев красную накидку и держа фальшивый скипетр, она смотрела вниз, на толпу, и та казалась такой далекой. Ее сердце сжалось, словно камень в груди. Она вспомнила многое. Например, как все смеялись над ней, когда она была маленькой и такой бедной, что приходила в школу в туфлях с обрезанными мысками, чтобы пальцы ног торчали наружу. Как она ходила без пальто, пока учитель не раздобыл ей поношенное. Ее нижнее белье было сшито из мешка для муки, а волосы заплетены в длинные индейские косы. Все называли ее «скво». Даже другие девочки. Они называли ее грязной. Но потом, когда Вера стала достаточно взрослой, чтобы находить одежду в баках с мусором или шить новую, когда у Патрис появилась грудь, а ее лицо из хищного и эльфийского превратилось в очаровательное, все стали смотреть на нее по-другому.

Теперь она была королевой. Но она не забыла. Она никогда не забудет. Когда она почувствовала тяжесть короны на голове, ей неожиданно захотелось, чтобы все ей поклонились. Она желала, чтобы мальчики, которые называли ее «скво», да, особенно они, опустились перед ней на колени, как в церкви. Как перед статуей совершенной, сияющей, благословенной, ухмыляющейся девы. Да, на колени! О, она хотела, чтобы они в страхе склонили головы, как будто ее маленький крошечный скипетр был мечом. Патрис хотела увидеть, как ей поклонятся учителя, а потом, может быть, взглянут на нее с благоговением. Она хотела, чтобы их головы быстро опустились в страхе, что она заметит, как они осмелились украдкой взглянуть на нее.

А дамам, которые о ней сплетничали или высмеивали руки ее матери, она хотела пожелать, чтобы они ее боялись. И мужчины, высокомерные и оглядывающие ее с ног до головы, подмигивающие. Эти мужчины. Они отворачивали головы, как будто она дала им пощечину. И Баки. Он мог упасть, как подстреленный.

Патрис начала спускаться по ступенькам школы, находясь в состоянии транса. Никто не поклонился. Не произошло ничего подобного. Лю-

ди кричали и хлопали, и все были милы. Кроме Валентайн. Которая с того дня стала ненадежной подругой. Да, подумала Патрис, ей следовало заставить Валентайн поклониться, оставить в таком положении и больше не пытаться ее смутить.

Когда король с королевой пробрались через толпу и люди, повернувшись друг к другу, принялись строить дальнейшие планы, Гринго, тот самый конь, на котором сидел столь великолепно выглядевший Тоск, издал громкое ржание и бросился к Любимице Учителя. Тоск ухватился за поводья. Лошадь под Грейс Пайпстоун соблазнительно заржала. Они находились в самом центре толпы, окруженные людьми и машинами.

Любимица Учителя отпрянула назад, остановилась и бросила на Гринго призывный взгляд. Грейс пришпорила кобылку, сделала быстрый маневр уклонения и подъехала к «ДеСото» Джагги с другой стороны. Джагги, все еще одетая в лохмотья бродяги, подскочила и попыталась схватить Гринго за повод, но промахнулась. Любимица Учителя развернулась, и Джагги увидела: у кобылы началась течка, ее вульва выпятилась и трепетала.

Барнс, проходивший позади лошади, остано-

вился и в страхе замер. Учитель математики никогда не видел ничего подобного. Он взмахнул руками и бросился искать Лесистую Гору. Джагги подбежала к лошади и закричала всаднице:

— Грейс, слезай! Она не в себе!

Скорее всего, Грейс не разобрала ее слов, а может, услышала их, но захотела увести лошадь подальше от людей. Грейс покинула толпу и направилась к школьному двору или, во всяком случае, попыталась это сделать. Любимица Учителя заупрямилась. Она плавно двигалась, подманивая Гринго своей вульвой. Она не побежала бы, если бы Грейс не использовала декоративные колесики своих шпор. Взятая в шенкеля, Любимица Учителя шарахнулась в сторону, и уши Гринго встали торчком. Суперинтендант Тоск, с тревогой округлив глаза, дернул Гринго за поводья, но жеребец вскинул голову, возмущенно всхрапнул и бросился вслед за Любимицей Учителя, которая теперь неслась во весь опор к качелям на школьном дворе — толстым деревянным доскам, подвешенным на стальных цепях к железной перекладине, находящейся на высоте пятнадцати футов. Грейс направила кобылу прямо между качелями, но Тоск, с резкими криками раскачивающийся из

стороны в сторону, послал своего жеребца прямо на одну из качелей. Гринго налетел на нее. Одна из цепей обмотала основание его благородной шеи, словно большой силок. Жеребец встал на дыбы, закрутил цепь вокруг себя, чуть не повиснув на ней, и сбросил суперинтенданта Тоска, сломав его орлиные перья. Луис накинул одеяло на голову Гринго и быстро поставил на ноги суперинтенданта. Грейс соскользнула с Любимицы Учителя. Как только его выпутали из цепи, Гринго вскочил, одним прыжком перепрыгнул через доску и поскакал по краю беговой дорожки вслед за Любимицей Учителя, которая неторопливо направилась в лесные заросли, отделяющие территорию школы от сенокосных лугов.

Позже, в тот же вечер, были устроены гуляние и танцы. Все пары, как можно более нарядно одетые, стояли в очереди, чтобы обойти затемненный спортзал. Каждая входящая пара выхватывалась из мрака прожектором мистера Джарвиса. На танцы мог прийти любой желающий, они были не только для старшеклассников. Люди приходили, чтобы посидеть за столиками, полакомиться пирогами с иргой, булочками, желе и кусками фирменного карамельного торта от Джагги Блу. Все пили пунш из чаш, расставлен-

ных рядом с десертами, и наблюдали за парадом пар.

Томас и Роуз стояли у стены, потягивая смесь соков, дополненную безалкогольным имбирным элем. Когда король с королевой открывали бал, два скрипача сыграли зажигательный марш канадских метисов. Луч прожектора отбрасывал колеблющийся круг там, где появилась Шарло. Ее корона, увенчанная серебряной звездой, отражала весь свет, который был в зале, и когда девушка шла, казалось, будто она плывет. Возможно, она даже не касалась пола. Вот о чем думал сбитый с толку Томас, наблюдая, как дочь волшебным образом движется сквозь мрак. Она была одною из звездных сущностей, получивших, на срок пребывания на земле, человеческие облик и форму.

Затем Ангус и Эдди заиграли музыку, под которую нельзя было устоять, и пары распались. Все принялись размахивать руками и ногами, перемещаться влево и вправо, хватать друг дружку то за одну, то за другую руку и даже на мгновение обниматься, выплясывая ча-ча-ча, у всех на виду. В перерывах между танцами Грейс Пайпстоун взяла свою гитару, а Лесистая Гора — свою. Старики сидели за задними столиками, наблюдая за происходящим, то и дело беря лакомые кусочки

со стола с пирогами и попивая кофе. Музыканты играли то бешеный рил, то боп. Наконец, к удивлению стариков, мистер Джарвис объявил, что попробует использовать систему громкоговорителей, способных воспроизводить грамзаписи достаточно громко, чтобы под них танцевать, и в спортзале зазвучала заезженная пластинка с «Ночным поездом»[84] Джимми Форреста[85]. Она была безумно популярна, ее ставили снова и снова. Вскоре Ангус и Эдди подхватили мелодию и принялись исполнять ее вживую с затейливыми вариациями. Никто не хотел танцевать ни подо что другое до конца вечера.

Когда танцы закончились, мистер Джарвис протер свою пластинку и положил в картонный конверт. Он благоговейно подул на иглу звукоснимателя, закрепил его, вынул вилку из розетки и аккуратно закрыл футляр проигрывателя, а потом поднял его и вынес. Прожектор он купил на свои собственные деньги и отправился домой вместе с ним.

---

[84] Сноски: 84

«Ночной поезд» — инструментальный блюзовый стандарт, впервые записанный Джимми Форрестом в 1951 году.

[85] Сноски: 85

Джеймс Роберт Форрест-младший (1920–1980) — американский джазовый музыкант, игравший на тенор-саксо– фоне.

Барнс вышел из школы последним. Он задержался без всякой причины, все еще немного расстроенный тем, что Патрис не пришла на танцы. Слезы начали жечь его глаза, когда он понял, что она не появится. Снова слезы! Разве это по-мужски? Что с ним происходит? Барнс быстро подошел к Валентайн, подруге Патрис, и пригласил ее на танец. У нее была тонкая талия, и она соглашалась со всем, что он говорил.

Пройдя через парадную дверь, он сразу увидел, что Валентайн еще никуда не ушла.

— Почему бы нам тебя не подвезти? — воскликнула она, беря его под руку.

От нее немного пахло виски. Они весело спустились по ступенькам. Он огляделся, но никого не увидел. Она села на переднее сиденье машины Дорис Лаудер.

— Я живу как раз через дорогу, — сказал он. — Спасибо. Я могу дойти пешком.

— Нет, не можешь! — воскликнула Валентайн. — Давай с нами. Мы направляемся на буш-данс!

Он всегда хотел побывать на одной из таких вечеринок — быстрая музыка, дикие танцы, домашнее пиво, вино и, может быть, Пикси. Поэтому он забрался на заднее сиденье и сел

посередине. Через мгновение он вытянул руки вперед. Он не привык, чтобы его куда-то везла женщина, и ему казалось, он должен занять как можно больше пространства.

Буш-данс

Закончив заниматься любовью, они заскучали и почувствовали раздражение. А еще в лесу нечего было есть. Они не совсем расстались, но им удавалось игнорировать друг друга, когда они бродили в поисках сочной травы. За лесом тянулись луга, но они были скошены, а стерня засохла. Поэтому они повернули назад и снова прошли через лес. Там Любимица Учителя услышала голос своей наездницы, зовущей ее, но тот уже не действовал на нее так, как час назад. Она продолжила идти рядом с Гринго, который игнорировал производимые людьми звуки, все еще наслаждаясь совершенством своих ощущений. Они миновали дубовую рощу, затем березовый лес, потом еще один не удовлетворивший их сенокосный луг, после чего нашли заброшенный загон, где жадно набросились на траву и принялись выплескивать напряжение, накопившееся за время парада.

Они пили из болота, катались в грязи, и постепенно мир вокруг погрузился во тьму. Они могли бы еще отдохнуть, но дул холодный ветер,

и им захотелось оказаться в тепле рядом с утомительными существами, которые, правда, иногда предлагали им одно-два удовольствия. Кривое яблоко, морковину, корку лепешки. Ах, это! Гринго рванул с места и припустил рысью туда, откуда шел долетавший до него запах, прежде чем ему успели преподнести корку, морковку, яблоко. Они были рядом с чьим-то домом.

Из дома доносились звуки других существ, — возможно, одного с ними вида, или близких к их виду, или совершенно другого вида, — ржание и фырканье, сопение и вздохи, пронзительный рев и прочие шумы. Они приблизились, пересекли гравийную дорогу, вспаханное поле, а затем остановились посреди вытоптанных безвкусных сорняков, ожидая, когда их накормят настоящей едой. Зерно пошло бы легко. Но топот и визг в этом знакомом теплом месте продолжались, не прекращаясь ни на минуту. Иногда один-два человека с криками выходили на улицу или спаривались на задних сиденьях вонючих машин. Никого с подходящим запахом. Никого с едой. Наконец, повесив головы, они побрели к дороге и прошли несколько миль, прежде чем попали на травянистую дорожку, которая вела к их собственному загону. Им было слишком жалко себя,

чтобы перепрыгнуть через забор, и они стояли снаружи, ожидая, когда их впустят. Порыв ветра распахнул ворота настежь. Гринго грубо лягнул Любимицу Учителя, когда она проходила через ворота, и внезапно та почувствовала к нему крайнее отвращение. Мелькнуло хорошенькое копытце, и на розовато-золотистом подбрюшье жеребца появилась ужасная рана. Это было его единственное уязвимое место.

Стог Сена

Ему было больно, у него саднила душа, поэтому он пошел в церковь и сел на жесткую деревянную скамью. Буш-данс продолжался всю ночь. Барнс танцевал неуклюже, в основном подражая шаркающим боксерским движениям на ринге. И пил виски. Как всегда, алкоголь ударил ему в голову. Его шарканье превратилось в несуразную джигу, и он, спотыкаясь, вышел за дверь. Во время неоднократных посещений леса, сперва с Дорис, а затем с Валентайн, он столкнулся с пугающим нарастанием страстности их ответных поцелуев. А кроме того, укусов. Валентайн оставила особо чувствительные следы. Эти отметины все еще ощущались. Он был почти уверен, что все могло зайти гораздо дальше. Но ведь его чувства были устремлены к Пикси! Не так ли? Похоже, он становился неразборчивым в связях. Как он мог дальше преподавать, заниматься боксом и тренировать других боксеров, а в особенности своего протеже, если теперь его влекло к трем разным женщинам сразу, которых, насколько ему представлялось, связывали дружеские узы?

Правда, он с облегчением, хотя и с некоторым огорчением, понял: теперь его мысли связаны не с одной только Пикси Паранто.

Воздух в церкви действовал успокаивающе. Слегка пахло специями. Хотя нет, скорей всего, ладаном. Он не был католиком. Он не знал, как перекреститься, но умоляющим жестом провел рукой по груди и поднял глаза на статую Божьей Матери. Она была закреплена внутри овальной ниши с заостренными концами. Неизвестно почему он вспомнил о кобыле на параде. Эта мысль смутила его. Овал по краям был выкрашен в красный цвет и украшен золотыми остриями, направленными внутрь. Богоматерь парила в центре. Когда свет менялся, ее взгляд начинал блуждать, что создавало жутковатый эффект. Казалось, она не спускает с него глаз. Похоже, она не одобряла его. А порой у него даже создавалось впечатление, будто она намекает, что ему следует перенести их мимолетную встречу. Просто идти своей дорогой, оставив здешних людей жить своей жизнью без вмешательства мистера Барнса. Стог Сена Барнс. Ему эта кличка не нравилась, но здесь у всех было прозвище. Могло быть и хуже.

Но вот он сидел здесь, в церкви, и намеревался встретиться со своими проблемами лицом

к лицу.

Во-первых, конечно, была Пикси. О, он прошел через все это. Не было ни одного ее видимого дюйма, которого бы он не взалкал, не пожелал, не занес в каталог, хотя, конечно, оставалось и много неизвестного.

Во-вторых, была Валентайн. Какое идеальное имя для женщины. Казалось, оно имеет форму сердца. В отличие от ее лица. Узкое, худое личико, скользкие глазки. Валентайн была хитроватой, как лисица. Да, изящная лисичка, бегущая рысью по лесу с мертвым кроликом, свисающим из пасти. Ну, не совсем такая, но…

Он надавил на яремную вену рядом с плечом, на то место, где она пустила его кровь. Это что, нормально?

В-третьих, как ни странно, была Дорис Лаудер с кожей влажной и белой, как очищенное яблоко. А этот маленький намек на детский жирок под ее подбородком и в области талии был просто восхитителен. Округлые руки и крепкие ноги. Медово-каштаново-рыжие волны волос. Заколотые на затылке, они не производили особого впечатления, но когда она распустила их по плечам! О, она была розовым персиком. И такой же приятной на вкус соблазнительницей. При

всем том она, не будучи индианкой, была известной величиной, хотя это и делало ее менее экзотичной и очаровательной. Но, может быть, ему надоело подобное очарование. Может быть, ему просто нужна милая девушка, на которую не требуется производить впечатление. Может быть, просто женщина, с которой бы он знал, что к чему, и которая знала бы, что к чему, имея дело с ним.

* * *

— Вот вы где, — произнес Томас Важашк, проскользнув на место рядом с Барнсом и снимая перчатки. Он был одет по-зимнему: тяжелое пальто, вязаный шарф. — Мне было холодно, — добавил он.

— Я просто немного помолился, — отозвался Барнс.

— Вот и я пришел за тем же самым, — подхватил Томас. — И помолился. Немного поговорил с Иисусом вон там, в дальнем углу. Сидел там и ждал, когда вы встанете и выйдете на улицу, где мы смогли бы зацепиться языками. Но мне нужно сейчас уйти, поэтому я решил вас побеспокоить. Простите, что потревожил ради пустой болтовни.

— Нет, все в порядке, — сказал Барнс, польщенный тем, что в его уединение кто-то захотел вторгнуться. — В чем дело? Я уже помолился.

— Речь идет о том, чтобы провести боксерский бой, — объяснил Томас. — Нам придется собирать средства, чтобы отправить делегацию.

— Это связано с законопроектом, верно?

Томас кивнул.

— Похоже, власти не собираются раскошелиться, чтобы мы смогли поехать в Вашингтон и дать там показания против их затеи. Так что нам придется самим собирать деньги. Они назначили срок для слушаний. Мы внесены в мартовскую повестку. К тому времени мы должны быть готовы ко всему.

— Вы имеете в виду, — Барнс помолчал, подыскивая правильные слова, — что вы будете давать показания? Нечто в этом роде?

— Да, множество показаний против законопроекта. Все верно. Мы связываемся с женщиной из нашего племени, работающей в университете. Она ученая и может стать нашим секретным оружием. А нам предстоит заплатить за билеты на поезд и за жилье.

— Итак, боксерский поединок.

— С платой за вход. Думаю, если мы снова

выставим Лесистую Гору против Джо Уоббла, заполнится весь зал.

— Думаю, вы правы. Но, может быть, Джо или, кто знает, Гора не заинтересованы в этом поединке. В прошлый раз бой оказался не очень честным. У меня остались вопросы.

— Вы в этом не одиноки. Вот почему повторный бой привлечет массу людей.

— Да, — согласился Барнс, — понимаю. Можно будет устроить его в общинном центре. Я попрошу мистера Джарвиса установить какой-нибудь громкоговоритель. А еще мы можем купить настоящий колокол, а не брать его на почте.

— И настоящие канаты для ринга.

— Нужно привлечь красивых девушек. Они будут выносить таблички с номерами раундов, — с надеждой предложил Барнс.

— Нет, — отрезал Томас.

— Ну, я просто подумал…

Томас кивнул. Он не хотел видеть, как Шарло ходит с номером, поднятым высоко над головой, а всякие грубияны свистят ей вслед и глядят на нее с вожделением. Нет, это будет чистый бой и большое событие.

— Если ему опять предстоит схлестнуться с Джо Уоббом, — пробормотал Барнс, — мне лучше

заняться им прямо сейчас.

Это развязало ему руки, подумал он позже, выходя из церкви. Если Лесистую Гору надо тренировать ради блага жителей резервации, то ничто — ни его восхитительные, хоть и печальные чувства ко всем трем девушкам, ни даже тайное соперничество со своим звездным боксером — не перевесит простое желание привести Лесистую Гору в хорошую бойцовскую форму и победить Джо Воблешински.

* * *

Иногда случаются забавные совпадения. Так уж вышло, что на той же неделе не кто иной, как сам Джо Воблешински зашел в ресторан «Четыре пчелы», предвкушая фермерский завтрак. И там уже сидел Барнс, волосы которого, предварительно смоченные водой, были расчесаны и уложены так, что напоминали теперь один из тех золотых блинов, которые он по одному снимал вилкой с лежащей перед ним стопки. Барнс поздоровался с Джо, когда тот проходил мимо, пожал ему руку и пригласил сесть за свой стол, так как он был один. Джо не стал заказывать еду и сказал, что должен встретиться с другом, но готов посидеть с Барнсом за чашечкой кофе. Так что все

обошлось без обид, сердиться было не на кого и не из-за чего. Во всяком случае, с Джо Уобблом все обстояло именно так. Он не собирался уничтожать тренера своего противника или даже самого противника за пределами ринга.

— Вы бы согласились на еще одну встречу? — спросил Барнс, описав место проведения и причину боя.

— Получу ли я проценты?

— Деньги пойдут на поездку в Вашингтон, где нужно дать показания, как я уже сказал. Так что обогатиться на этом деле не удастся. Но бой поможет укрепить вашу репутацию, если вы окончательно победите моего парня.

— Да, мне самому не нравится вся эта история с хронометристом. Могло создаться впечатление, будто я проиграл.

— Вы хороший человек, — сказал Барнс.

— Может быть. Но я не понимаю, отчего меня должно волновать, поедет ли кто-то в Вашингтон.

— Вы что, не знаете никого из индейцев?

— А как вы думаете? Они же у нас работают, черт возьми.

— На вашей ферме, верно?

— Ну да. Семья Стоун-Боев, без них нам не обой-

тись. Они хорошие индейцы. Знаете, я начал спарринговать с Ревардом.

— Он никогда не говорил! Парень совершенствует технику. Теперь я знаю причину, — восхитился Барнс, проявив стратегическую щедрость.

— Он сильный боксер, — отозвался Джо, улыбаясь своему кофе.

— Из вас вышел бы хороший тренер, — серьезно проговорил Барнс. — Послушайте. Я кое-что узнал. Если этот законопроект о прекращении договоров пройдет, проиграем мы все. Я останусь без работы. Из этой резервации начнут переселять людей. Ее больше не будет. Семья Стоун-Боев окажется в Городах. Да здешние места уже пустеют.

— Вижу, — подхватил Джо. — Мой брат уехал в Фарго и говорит, что ему там нравится.

— Я не большой любитель Городов, — признался Барнс. — И не прочь жить здесь.

Джо посмотрел на него серьезно:

— Нам придется подыскать вам подружку.

Барнс невесело махнул рукой:

— Не беспокойтесь. Об этом я уже позаботился.

«Да уж, позаботился», — подумал Барнс, когда Джо поднялся навстречу своему другу. Барнс наблюдал за ним. Джо был широкоплечим, прак-

тически квадратным, как кирпичный дом, но немного клонился влево, что стало заметно, когда он уселся в другой нише со своим другом. Барнс еще несколько минут понаблюдал за спиной Джо, отметив, что его левое плечо определенно ниже правого. Приятно было это знать.

— Уоббл кривобок, — сообщил Барнс Лесистой Горе. — Не знаю, что это значит, но такая информация может нам пригодиться.

Барнс не выдержал и на свои деньги купил боксерскую грушу для отработки быстрых ударов. Лесистая Гора заставил его приняться за дело всерьез.

— Он прошел вот так, сел вот так, — пояснил Барнс, изображая походку с наклоном влево и опущенное плечо. Может, он получил травму. Или, возможно, в его тренировках есть какое-то слабое место. В общем, здесь что-то не так. И мы должны иметь это в виду.

— Хорошо, — сказал Лесистая Гора. — Но, может быть, он просто в тот день был немного не в форме. Или, может быть, он притворялся.

— Притворялся? Неужели правда?

Барнс был поражен такой возможностью.

— Ну, не знаю. Но в этом есть смысл. Кто-то может попробовать и такую тактику.

— Например, мы, — подхватил Барнс. — Дай-ка подумать.

— В этом нам никто не мешает, — сказал Лесистая Гора.

— Решено, — объявил Барнс. — Ты будешь носить фальшивую гипсовую повязку на правой руке до самого запястья. Всего пару недель. Снимай ее только во время тренировок. Никто не должен видеть тебя без нее. Я попрошу Джарвиса ее наложить. Театральный реквизит, это по его части.

— План попахивает одноруким бандитом, — покачал головой Лесистая Гора.

— Ха-ха!

— Что «ха-ха»? А, то, что бандит однорукий! Хорошая идея!

В течение следующего получаса они возвращались к этой шутке снова и снова, находя в ней с каждым разом все больше поводов для веселья. Потом они пришли к единому мнению: очень жаль, что ее нельзя пересказать другим людям.

— Она звучала бы классно, — произнес Лесистая Гора немного задумчиво. Ему еще никогда не удавалось пошутить так удачно.

— Классной станет твоя победа. Так что давай держать рот на замке, — подытожил Барнс.

Удары

Лесистая Гора начал беспокоиться. Звук топора, которым она рубила дрова, в прошлый раз возбудил его. Совсем чуть-чуть. Чистая нота раскалываемого полена, уверенность удара, твердость, звон металла, входящего в дерево. Каждый удар был точным и мощным. В нем было что-то такое, чего он не мог описать. Что-то, делающее с ним невыразимые вещи. Дрожь внутри. Вибрирующий трепет. Теплый поток ощущений, который он скрыл, резко сев на стул и наклонившись к столу, рядом с ребенком, который внимательно смотрел на него, улыбаясь беззубой улыбкой. Кто, черт возьми, мог устоять? Жаанат отвернулась от своей маленькой печки и поставила на стол походную миску. Она подала ему овсянку — без изюма, без сахара, пустую. Должно быть, на той неделе они доедали остатки еды. Сегодня был четверг[86].

Жаанат увидела, как он уставился на овсянку.

— Не волнуйся, — сказала она. — У нашей девочки завтра получка.

---

[86] Сноски: 86
Обычно в США жалованье выплачивают через неделю по пятницам.

Она взяла ребенка и начала его кормить, поддевая на кончик ложки по нескольку капель детской смеси. Малыш, казалось, думал, что это роскошное угощение, а потому Лесистая Гора тоже принялся есть овсянку, медленно, под повторяющиеся звуки колки дров. Удар. Удар. Черт возьми. В его груди образуются трещины, и через них начинает сочиться вся его нежность. Удар. Удар. Как она могла так с ним поступить? Он внезапно вспомнил о том, как она изображала водяного быка. Ему захотелось ударить себя.

* * *

Барнс попросил своего дядю приехать и поделиться с Лесистой Горой опытом. Он прибыл на следующий день, тощий, азартный, с волосами точь-в-точь как у Барнса, торчащими над ушами в разные стороны, точно лопнувший тюк сена. Его не зря прозвали Музыкой. Он действительно использовал настоящую музыку на тренировках. Привез с собой электрический проигрыватель и крутил на нем пластинки, самые последние, на максимальной громкости, звучащие в быстром и яростном темпе, чтобы вдохновлять на прыжки через скакалку, обычные, перекрестные и двойные. Он работал над ритмом комбинаций

Лесистой Горы, используя ускоренные версии песен «*El Negro Zumbón*» и «*Crazy Man, Crazy*» в исполнении группы «Билл Хейли энд хиз Кометс»[87]. Эти песни застревали в мозгу Лесистой Горы и оставались единственными звуками, которые он мог слышать. Они расцвечивали его мир. Его кулаки начинали двигаться сами по себе.

[87] Сноски: 87

«*El Negro Zumbón*» (известна также как «Анна») — бразильская песня, написанная Армандо Троваджоли в 1951 году для фильма режиссера Альберто Латтуады с Сильваной Мангано в главной роли. «*Crazy Man, Crazy*» — ранняя рок-н-ролльная песня, написанная и впервые записанная группой «Билл Хейли энд хиз Кометс» в апреле 1953 года. «Билл Хейли энд хиз кометс» — американская рок-н-ролльная группа, существовавшая с 1952 до 1981 год.

Миндалины

После выходных по случаю школьного бала, а также того, о чем Валентайн и Дорис любили, как они выражались, «пощебетать» и что имело, по всей видимости, какое-то отношение к бушдансу, езда на заднем сиденье стала еще сильнее раздражать Патрис. Дело выглядело так, будто они говорили, сидя впереди, на своем тайном языке, обозначая случившееся с ними непонятными, бессмысленными словами. Но кого это волновало? А потом, что они знали? Ее подруги казались такими молодыми, что она им завидовала, и такими несведущими, что она их презирала. Слова презрения так и просились слететь с языка, когда она сидела на заднем сиденье и смотрела в окно с безмятежным выражением лица. Одного этого было более чем достаточно, чтобы занять ее мысли. Дома Гвиивизенс уже начинал выходить из бездумной апатии, характерной для новорожденных. Наряду с очаровательным булькающим смехом он научился использовать пристальный взгляд. Нервирующий. Не нежный, как у других младенцев, а какой-то тяжелый. Когда малыш

останавливал его на Патрис, взгляд проникал прямо в душу. Как будто мальчику было что сказать. Неужели Вера оставила ему сообщение? Что в нем заключено? Указание места, где ее держат? Требование помочь? Вспомнит ли он о нем, когда научится говорить? Ее сердце забилось быстрее. К тому времени будет уже слишком поздно. До сих пор не поступало никаких известий от людей, с которыми Томас связывался в Городах. Ни слова от тех, кто мог знать. Бернадетт наверняка в курсе. Если Патрис вернется, если подождет у дома Бернадетт, если насядет на нее, сможет ли она узнать, что стало с сестрой?

На работе она внимательно рассматривала своих товарок оценивающим взглядом. Найдется ли среди них хоть одна, способная отказаться ради нее от своих больничных дней? Как Валентайн отказалась от своих? И не говорить потом об этом на каждом шагу, как Валентайн трубит о своем великодушном поступке? Единственная подруга, к которой она могла бы обратиться, Бетти Пай, уже потратила свои дни на удаление миндалин. Пожалуй, с ними она немного переборщила. Она принесла их на завод.

Бетти достала свой ланч-бокс, который представлял собой картонную коробку, покрытую

фольгой. Затем поставила рядом с коробкой стеклянную банку. В ней лежало несколько темных зеленовато-коричневых закорючек.

— Есть здесь еще кто-то, кроме меня, у кого не хватает миндалин?

— Мне их удалили, когда я училась в школе-интернате, — сказала Кудряшка Джей.

Она сидела на другом конце стола. На том его конце, где сидела Бетти со своими миндалинами в банке, воцарилась тишина.

— Я сохранила свои, потому что, по отзывам, они такие необычные. А кроме того, они мои! — объявила Бетти.

Она откусила кусок сэндвича с яйцом и принялась жевать, ласково оглядывая своих подруг. Все отодвинулись от нее. Дорис что-то сказала, и Валентайн, как обычно, рассмеялась. Одна только Патрис не отвела от Бетти Пай взгляд, хотя и старалась не слишком пялиться на миндалины. Увы, их вряд ли можно было не заметить. Они походили на пару пиявок. Патрис была голодна и принесла на обед только печеную картошку. Ей доводилось разделывать и готовить кролика, оленя, дикобраза, всевозможных диких птиц, ондатру, бобра — так что ее почти не смутила пара миндалин.

— На параде ты раздала все ириски? — спросила она у Бетти.

— Нет, — ответила та, полезла в свою коробку и бросила Патрис через стол завернутое в бумагу лакомство.

Неожиданно! Патрис положила ириску в ведерко. Глаза Жаанат загорятся, когда она принесет ее домой. Сделать Жаанат счастливой, хотя бы на секунду или две, было в эти дни одной из главных задач, для нее и для Поки. При этом даже ребенок старался изо всех сил. Своей беззубой легкой улыбкой он заставлял Жаанат улыбнуться. Но он никогда не улыбался, когда смотрел на Патрис.

В столовую с самодовольным видом вошел мистер Волд. Он сообщил, что скоро прибудет начальство — инспектировать завод. Все должно быть идеально. Кроме того, теперь больше не будет послеобеденных перерывов на кофе. Он попытался придать своим слабым глазам стальной блеск, а затем исчез. Женщины переглянулись, убрали все до последней крошки и вернулись к работе. Через некоторое время они начали роптать. Никакого перерыва на кофе во второй половине дня? Разве так можно? Как раз в тот момент, когда ты чувствуешь, что больше не выдержишь, когда зрение притупляется,

а шея мучительно ноет, мысль о перерыве на кофе — единственное, что способно тебя поддержать. Жить без этого? Это будет коллапс. Патрис по-прежнему работала бок о бок с Валентайн, и когда Дорис не было рядом, Валентайн иногда с ней разговаривала, как раньше. По части перерыва на кофе они держались единого мнения. Затем тон Валентайн изменился.

— Тебе, наверное, интересно, что у нас припрятано в рукавах, — сказала она жеманным шепотом.

— В рукавах?

— Так говорят. Ну, он нас целовал. Целовал нас двоих.

— Одновременно?

— Ох, что ты. Нет.

— А тебе не хочется узнать, кто это был? — спросила Валентайн через некоторое время.

— Барнс?

Валентайн ахнула:

— Он тебе сказал?

Что-то злое в Патрис заставило ее ответить:

— Да.

И после этого наступила окончательная тишина.

* * *

Но подруги заговорили с ней по дороге домой, и ни о «щебетании», ни о Барнсе речь больше не заходила. Все это было так странно. Вот она, здесь, и у нее на уме нет никаких мужчин, кроме тех, безликих, которые похитили сестру или, может быть, сделали с ней что-то похуже. У нее на уме были только эти ужасные мужчины. Патрис, конечно, не думала о Барнсе, если только он не находился прямо перед ней. О Лесистой Горе она тоже не думала, хотя это было сложнее, потому что он регулярно заходил повидаться с ребенком. И тот улыбался ему! Да! Лесистая Гора получал улыбки, которые должны были адресоваться Патрис. Если она и ощущала ревность, то не к Валентайн или Дорис, а к Лесистой Горе.

Когда она подошла к дому по заросшей дороге, то увидела, что он снова пришел в гости. Белый конь, на котором он любил ездить, был привязан к колышку и мирно пасся посреди зарослей травы, которые Вера всегда хотела превратить в лужайку. Патрис остановилась, чтобы погладить его по морде и почесать за ушами. В любом случае это было лучше, чем вернувшийся домой отец. Во сто крат лучше. Внутри дома ребенок пил

из бутылочки укрепляющий настой шиповника, приготовленный Жаанат. Лесистая Гора держал и ребенка, и бутылочку. Больше в доме никого не было.

— Лучше не класть в него сахар, — сказала Патрис.

— Почему?

— Сахар для детей вреден.

— Это всего лишь детский чай. Не волнуйся. Я думаю, твоя мама пошла за можжевельником, чтобы приготовить ребенку ванну.

Патрис промолчала.

— От него ребенок становится сильнее, — продолжил Лесистая Гора, как будто она не знала.

Патрис зашла за занавеску и переоделась в джинсы. Когда она вышла, то раздула огонь в печи и поставила чайник.

— Подержишь его еще немного? Пока я хожу за дровами?

Лесистая Гора кивнул, не отрывая глаз от ребенка.

Патрис вышла, наточила топор, а затем наколола немного дров, чтобы размять спину и плечи, изгнать накопившуюся в них боль. Лесистая Гора чувствовал каждый удар. Когда она вернулась, он держал ребенка, прижав к плечу, и ходил по

комнате, слегка приседая и подпрыгивая. Считалось, что такая походка усыпляет младенцев. Он легонько похлопывал малыша и напевал старую колыбельную, одну из песенок Джагги. Он мгновенно предстал перед Патрис не просто боксером, а человеком, знающим, как управляться с детьми. Еще он умел объезжать лошадей. Но это не означало, что он должен ей нравиться, хотя, может быть, подумала она, почему бы и нет? Он мог стать другом.

— Пикси? То есть Патрис?

Ну и ну. Наконец-то он назвал ее Патрис.

— Как насчет чая? Джагги прислала несколько свежеиспеченных белых булочек.

— Конечно. Патрис?

— Что ты хочешь сказать?

— Тебе не кажется, что ребенку может скоро понадобиться теплый зимний конверт для прогулок? И заспинная доска?

Патрис уже обсуждала это с матерью.

— Ему действительно нужен конверт. Мы думали о том, как его смастерить, только вчера.

— Его нужно сшить из двух слоев одеяла и проложить между ними рогоз. Так Джагги бы сделала. И заспинная доска. Я… я могу ее сделать.

Последнее он произнес просто, без обиняков,

но это было важное дело — сделать заспинную доску. Во всяком случае, в их племени ее всегда делал отец.

— Хорошо, ты займешься доской, — сказала Патрис, как будто это была просто какая-то безделица. — Мы для нее раздобудем одеяло. В противном случае нам придется разрезать одно из наших пополам.

— У вас есть только по одному одеялу на каждого?

— Да, — сказала Патрис, — именно так.

— Только одно?

Она поняла, к чему он клонит. Какими бедными они, должно быть, ему кажутся. Но девушка была готова к этому и демонстративно достала из своей сумки несколько пакетов. Немного муки и бекона, моркови и лука. Сахар в скрученном кульке. Чай.

— Вот получу на следующей неделе зарплату, и у нас будет по два одеяла на каждого и еще одно для ребенка. Я коплю деньги.

— Вы всегда можете бесплатно получить армейские одеяла в миссии…

— Я знаю, — отрезала Патрис. — Но Жаанат они не нравятся. Она говорит, через них передаются болезни.

— Так думают многие старики.

— Моя мать не старая.

— Но она из древних времен.

— Так и есть, — согласилась Патрис, разливая чай.

Эти слова так же подходили, чтобы описать ее мать, как и любые другие. Из древних времен. Ребенок спал, но Лесистая Гора продолжал прижимать его к себе, прикрыв полой куртки и положив его голову себе на плечо.

— Кроме того, — произнесла Патрис, дотрагиваясь до лица ребенка, — мама разошьет бисером его верхнее одеяло, когда у нее появится такая возможность.

— Патрис, я хочу спросить. Как ты думаешь, Вера вернется?

Патрис повернулась, взяла чашку с чаем и отдала ее Лесистой Горе. Ее рука дрожала. Ночью ей снился еще один сон, а точнее, вернулся тот самый, старый. Маленькая комната. Подземелье.

— Да, и я в этом уверена.

— Откуда ты знаешь?

— Я продолжаю видеть ее во сне. Я хочу вернуться за ней. Но не знаю, где ее искать. Тебе что-нибудь известно? Может, слышал от Бернадетт?

— Нет, но пара-тройка слов, сказанных ею, не дают мне покоя.

— Каких?

— В последний раз, когда мы у нее были, я слышал, как моя сестра разговаривала с кем-то на кухне, и она произнесла что-то вроде «она в лесу» или «она в стене». Я долго не мог вспомнить, что именно. Я даже какое-то время думал, будто она действительно в стене. Но это невозможно.

Патрис вспомнила голоса. Тишину в доме. Свое чувство, что Вера находится очень близко. У нее пересохло во рту, и она подумала, что больше не хочет услышать ни одного слова. Она зажала уши руками.

— Нет, подожди. — Лесистая Гора осторожно взял ее за руки и отнял их от ушей. — Послушай, я потом вспомнил. Это было слово «трюм». Сестра сказала: «Она в трюме».

— В трюме?

— Вот именно. Но это слово не имело для меня смысла, пока Луис не стал болтать со своим приятелем, который служил на флоте, и он не сказал что-то о трюме корабля. И тогда я подумал о том, что сказала Бернадетт. «Она в трюме».

— Но поблизости нет кораблей, ни здесь, ни там, в Городах.

— Там река Миссисипи, Патрис. И дальше, на наших старых племенных землях, находятся *Гитчи-Гюми*, Великие озера. Там есть все виды кораблей.

Патрис села, держа на весу чашку с чаем, и невозмутимо уставилась на Лесистую Гору. Для нее сказанное не имело никакого смысла.

— Корабли. Они полны мужчин.

Лесистая Гора отвернулся и сделал глоток чая. Потом продолжил гладить спящего ребенка. Наконец он поставил чашку и сказал тихо, как будто не хотел будить малыша:

— Да, Патрис. В том-то и дело.

Но она отказалась понимать услышанное и вышла на улицу.

Письмо в Университет Миннесоты

Уважаемая Милли Клауд!

Возможно, вы удивитесь, получив письмо от старого друга вашего отца, но Луис сам предложил мне его написать. Зная, что вы недавно провели исследование экономических условий здесь, в резервации, я обращаюсь к вам, чтобы заручиться вашей помощью. Как вы, возможно, знаете, до нас дошли серьезные известия из конгресса. В соответствии с Резолюцией 108, принятой обеими палатами конгресса по инициативе палаты представителей, наше племя запланировано к ликвидации. Это, пожалуй, самое худшее, что может случиться с индейцами. Я твердо верю, что этот законопроект означает катастрофу для нашего народа.

Я пишу, чтобы попросить вас о помощи при даче показаний в Комитете сената Соединенных Штатов по делам индейцев. Нам говорят, что слушания состоятся в марте, но точной даты пока нет. Если ваша информация поступит в кратчайшие сроки и вы окажете помощь в ее

представлении, это будет иметь первостепенное значение.

Искренне ваш,

Томас Важашк

Член Племенного комитета и его председатель

Гордость чиппева

У Милли Клауд был любимый столик в справочном зале библиотеки им. Уолтера в Университете Миннесоты. Ей нравилось сидеть спиной к винно-красным переплетам ежегодников «Болезни и статистика Миннеаполиса и Сент-Пола». Ей нравилось, что слева от нее высились большие прямоугольные окна, затененные летом густой листвой росших под ними деревьев, но такие светлые теперь, когда на фоне неба виднелись только голые ветви. Справа от нее стояли картотечные шкафы, стол библиотекаря и глобус с синими океанами. Перед ней была дверь. Она никогда не сидела в комнате, где не могла видеть дверь, и никогда не выбирала стул, который не стоял бы у книжного шкафа или стены. Она не любила, когда люди проходили мимо нее или случайно к ней прикасались.

Не вызывало сомнений, что Милли любила геометрические узоры. Сегодня на ней была блузка из ткани с клетчатым узором типа «двойной бриллиант». Она была черно-белой, а юбка ярко-бирюзовой. На шее повязан набивной шарф,

украшенный хаотично расположенными серыми и золотыми квадратами. Вне поля зрения, в крошечном шкафу ее комнаты висели пять полосатых блузок и два вязаных свитера, украшенных замысловатыми витыми орнаментами разных цветов. Имелись также три юбки в клетку из шотландки и одна пара необычных сине-желтых брюк. На ней были коричнево-белые кожаные туфли, которые ей постоянно хотелось украсить тонкими черными линиями. День выдался холодный, и она пожалела, что не надела полосатые брюки. Милли сидела, поджав ноги под стул, чтобы согреться. Работая, она накинула на плечи легкое шерстяное пальто. Пальто было холодным не по сезону. Тем не менее ей оно нравилось, потому что его рисунок можно было увидеть двумя способами, и она была ходячей оптической иллюзией. К сожалению, ветер пронизывал его пушистые волокна насквозь. Ей придется купить новое, а еще она копила на зимние сапоги.

Милли трудилась на нескольких работах. Во-первых, она обслуживала линию раздачи завтрака в столовой, во-вторых, печатала названия

и коды по десятичной классификации Дьюи[88] для карточного каталога, чем занималась днем с часу до трех в подвале этой самой библиотеки, а по выходным еще подавала напитки в баре под названием «Фиолетовый попугай». У нее было широкое приятное лицо, и она носила очки в черной оправе, слегка заостренной на концах. Помимо необходимости, очки были модным аксессуаром, который должен был отвлечь внимание от ее короткой, мощной шеи и толстых плеч, похожих на отцовские, и, как она надеялась, зрительно их уменьшить. Она была выше Луиса Пайпстоуна, так что туловище буйвола, которое она от него унаследовала, подпирали длинные неуклюжие ноги. Она позаимствовала от него руки, большие и сильные, но сжимающие теперь ручку вместо поводьев. Ей не хватало добродушного отношения Луиса к людям. Она была раздражительной и напористой. Милли, казалось, рвалась вперед, когда шла. Милли всегда четко излагала свое мнение. Милли тратила большую часть энергии на поиск модных комбинаций узоров — она ненавидела покупать что-либо

[88] Сноски: 88

Десятичная классификация Дьюи — система классификации книг, разработанная в XIX веке американским библиотекарем Мелвилом Дьюи.

однотонное и зачастую оказывалась в затруднительном положении. Она предпочитала носить короткий боб и закалывала волосы с одной стороны тонкой маленькой заколкой. Милли не пользовалась никакой косметикой, кроме губной помады, яркой, карминово-красной, которая подчеркивала все, что она говорила.

Она даже какое-то время думала, не стать ли ей адвокатом. Возможно, эта работа у нее получалась бы хорошо, потому что она никогда ни от чего не отступала.

Но, возможно, она стала бы плохим адвокатом — по той же самой причине.

Людям она не нравилась. Мужчины были отложены на потом. Они совсем, совсем ее не волновали. Она была единственным ребенком у матери. Время от времени она виделась с отцом и даже жила у него, когда проводила свое экономическое обследование резервации, ходя от одного дома к другому.

Милли отмечала конструкцию каждого дома, состояние крыши и окон, если окна были. Она записывала, как дом отапливается и сколько людей в нем живет. Часто ее звали внутрь, потому что, несмотря на резкий характер, она знала, как быть дружелюбной с незнакомыми людьми.

Свою роль играло и то, что ее отца все любили. Если ее приглашали войти, Милли задавала ряд вопросов о деньгах и делала несколько дополнительных наблюдений. Во время этой работы она познакомилась с множеством родственников, о которых раньше даже не слышала. Это исследование и сделанные выводы стали основой магистерской диссертации, вот почему тот длительный визит в резервацию был для нее так важен. Выросшая в Миннеаполисе, она прежде ничего о ней не знала. Теперь же она изведала, каково быть индейцем Черепашьей горы, и решила, что жизнь в таких условиях стала бы для нее настоящим испытанием.

Начать с того, что там были лошади. На них ездили все в ее семье — точно так же, как она в городе ездила на велосипеде. Обычно она садилась на него и катила по тротуару или проезжей части. В резервации же люди вскакивали на коней и галопом носились туда-сюда, даже если им нужно было, к примеру, в магазин или в гости, причем с совершенно индифферентным видом. Увидев это, она долго не могла прийти в себя. Потом она попыталась сесть на самую спокойную кобылу. Проблема возникла тотчас: она не знала, как заставить лошадь двинуться с места.

— Просто ударь ее по бокам каблуками, — посоветовала Грейс.

Милли послушалась, но сделала это как-то не так. Лошадь понеслась галопом как сумасшедшая и попыталась размазать всадницу по забору. Когда же Милли снова ударила лошадь каблуками, та принялась кружиться на месте, пытаясь укусить ее длинными зелеными зубами. Нет уж, гораздо лучше сидеть здесь, в библиотеке, ища и сравнивая данные, и видеть, как луч безучастного ко всему солнца падает на длинный широкий деревянный стол. А когда рано стемнело, она с радостью включила настольную лампу с зеленым стеклянным абажуром. Еще некоторое время она игнорировала чувство голода. Наконец, вспомнив о холодной картофельной запеканке с мясом, которую купила вчера и оставила на подоконнике, она решила вернуться в свою комнату. Милли закутала в пальто толстое туловище и худые бедра, повязала голову тяжелым шерстяным шарфом с бахромой и надела оранжевые варежки. Она попросила мать связать варежки именно такого цвета, чтобы ее было легко увидеть, когда она станет переходить улицу. Они были плотными и теплыми. Она вышла, прижав к груди книги. Варежки и тяжелые

тома служили защитой от ветра. По дороге в комнату она зашла в почтовое отделение кампуса и открыла свой ящик. Там лежала пара писем, которые она сунула в статистический сборник. Она помедлила с минуту у двери студенческого союза, сделав несколько глубоких вдохов, прежде чем выйти на ветер.

Как только Милли оказалась в своей комнате, она тут же включила электрический обогреватель, купленный на стипендиальные деньги. Он действовал на нее успокаивающе и был ее самым любимым зимним имуществом, точно так же как электрический вентилятор был ее самым любимым летним имуществом. Она была чувствительна к колебаниям температуры и в такой холодный день, как этот, с особой любовью смотрела на золотистый металлический корпус, заключавший раскаленную спираль. Не снимая пальто и варежек, она поставила чайник. У нее была газовая плита с двумя конфорками, и, прежде чем лечь спать, она всегда тщательно проверяла, чтобы конфорки были выключены. И она всегда приоткрывала окно, оставляя крошечную щелочку, даже в самый сильный мороз. Поговаривали, что в самые холодные ночи она ложится в постель в пальто поверх свитера

и теплых кальсон, а однажды, при минус сорока, даже в паре зимних бот. Сегодня вечером электрический обогреватель сразу согрел ее после уличной стужи. Она взяла запеканку с подоконника и поставила ее перед обогревателем. Она налила горячую воду в заварочный чайник поверх заварки, а когда чай настоялся, наполнила чашку и размешала в ней пол-ложки сахара. Она сидела на своем единственном стуле, старом деревянном кухонном стуле. Ноги в носках она положила на низкий табурет, придвинутый поближе к обогревателю. Запеканка постепенно оттаивала на блюдце, стоящем рядом с ногами. Когда еда достаточно разогрелась, она разожгла газовую плиту, поставила сковородку и положила на нее запеканку, добавив немного сливочного масла, чтобы подрумянить корочку. Ветер на улице не утихал. Снег царапал окно, но не мог до нее достать. У Милли Энн Клауд дела обстояли как нельзя лучше. Она сидела в своей теплой комнате, пока снег наметал сугробы, и поджаривала ноги у раскаленного обогревателя. Ужин был практически готов. Оставались два письма, которые предстояло вскрыть.

Первое было совершенно обычным. Оно пришло от матери, которая теперь жила в Брейнер-

де[89]. Она всегда писала подробно, в основном о проделках ее собаки, кошки и бездельниц подруг, новости были утешительные, но никогда не представляли особого интереса. Второе письмо было от Томаса Важашка, и это письмо Милли очень заинтересовало. На самом деле письмо было действительно потрясающее. Во-первых, обнаружилось, что помимо отца ее помнят и знают все люди в племени. Во-вторых, что ее выводы сочтены полезными. В-третьих, вся эта история с прекращением действия договоров. Как бы там ни было, она не думала, что повлияет на нее лично. Но то, что соплеменники отца считают ее полезной, согревало даже лучше, чем обогреватель.

[89] Сноски: 89
Брейнерд — город в штате Миннесота, США.

Что ей было нужно

Веру тошнило — столько времени, сколько она помнила. Дело заключалось не только в постоянном движении, покачивании, в вонючем маленьком пространстве, где ее держали и куда мужчины, пользовавшиеся ее телом, входили днем и ночью (хотя она не могла отличить день от ночи). Помощник повара, который, как предполагалось, должен был о ней заботиться, принимал предназначавшиеся ей снадобья сам, из-за чего агония Веры была постоянной. Ее выворачивало наизнанку. Мозг едва умещался в черепе. Помощник повара попытался улучшить ее состояние, давая ей меньшие дозы. А потом то, в чем они оба нуждались, исчезло. Вера чесалась, визжала, стонала, как демон, кидалась на стены. Но становилось лишь хуже. Она извергала пену, ходила под себя и вела себя так устрашающе, что однажды ночью ее одели в поношенную одежду и перенесли с корабля на причал. Мужчина, который использовал то, что ей было нужно, знал, каково это — не иметь того, что требовалось им обоим. Он посоветовал другим не бросать ее в озе-

ро, которое было холодным, анаэробным в своих глубинах и хорошо сохранило бы тело, которым они пользовались. Поэтому двое из них бросили ее лежать без сознания на грязном одеяле в конце переулка в Дулуте[90].

[90] Сноски: 90

Дулут — город в штате Миннесота, порт на берегу озера Верхнего (самого крупного из системы Великих озер).

Старик Зима

Иногда Бибуну казалось, что его дух будет перелетать с дерева на дерево, как любопытная птица. Он представлял, что будет наблюдать за живыми, звать их и петь им. Но если он слишком увлекался этой мыслью, то не мог избавиться от чувства одиночества. Живые перестали бы его узнавать. Нет, он отправится в свое четырехдневное путешествие в город мертвых пешком. Там идет пир, вечный пир, и все его любимые блюда разложены на широком столе из желтого камня. Все в этом городе будет золотистого цвета, за исключением, пожалуй, еды, которая сохранит свои земные краски — синие и фиолетовые ягоды, жареное коричневое мясо, красное желе, хлеб и лепешки. Он будет есть и есть. Едой он поделится со всеми людьми, которых потерял, по которым скучал. Когда он увидит свою дорогую *нишимоше*, что она сделает? Свистнет ему? Раньше они окликали друг друга весенним свистом синицы. Да, ему следует сразу направиться к ней. К чему болтаться среди живых? Пускай делают то, что должны.

Но пока уходить было трудно.

Красота листьев снова исчезла — великое колесо года сделало еще четверть поворота. Изящные ветви резко выделялись на фоне неба. Ему нравилось, когда открывались истинные очертания деревьев. Он спал и спал. Мог проспать целый день и всю ночь. Ему казалось странным, что, имея в запасе так мало времени, он проводит его в таком восхитительном забытьи. Он все еще жаждал насладиться величием этого мира. Когда в теплые дни он укутывался и сидел на улице в своем маленьком кресле, он чувствовал, как корни деревьев гудят под землей. Деревья в последний раз пили перед сном из великих вод, текущих там, внизу. Как и он пил перед отходом ко сну. Под этим слоем воды он чувствовал присутствие неких существ. Они двигались так медленно, что люди обычно не подозревали об их существовании. Но он действительно ощущал их движение под землей. А еще глубже, гораздо глубже, под этими существами, полыхало пламя творения, погребенное в центре земли звездами.

Бибун подбросил в печку еще дров. Подвинул свою раскладушку поближе к теплу. Затем лег на спину и закрыл глаза. Под одеялом ему было тепло, даже ногам. Потом он принялся наблюдать за

хороводом серебристых женщин, танцующих на покрытом льдом поле. Одна из них повернулась к нему и взмахнула маленьким веером из перьев пестрого дятла. Это была Джулия.

«Скоро увидимся», — подумал он. Но на следующее утро проснулся в своей провисшей постели. Было тепло, хотя огонь в печке погас. С большим трудом он заставил его вспыхнуть опять. Скоро придет Уэйд и будет топить печку весь день. Большую часть ночей Уэйд тоже присматривал за ним, оставшись в его доме. Но Бибуну было о чем подумать, и он не возражал против одиночества. Он помочился в предназначенное для этого ведро. Вскипятил воду, приготовил чай и овсянку. Пока Бибун ел и прихлебывал чай, он насвистывал и думал.

Когда они сели вместе и его дядя коснулся колена Бибуна, это был знак того, что Бибун должен запомнить, что он скажет. Звезды были безлики. Но они приняли человеческий облик и расположились в порядке, который передавал указания для следующей жизни. Там, куда он направлялся, не было времени. Он всегда считал это непостижимым. Однако уже много лет понимал, что время течет одновременно взад и вперед, сверху вниз. Подобно животным, под-

чиняющимся законам земли, мы думаем, что время — это полученный опыт. Но время — это скорее субстанция, как воздух, только, конечно, не воздух. На самом деле это священная стихия. Однажды к Бибуну прилетел золотой жук, *манидунс*, — маленький дух, которого он достал, расколов скорлупу. Это случилось, когда он был крошечным мальчиком, стоявшим в прерии на краю косогора. С этого места он увидел бизона, бредущего из-за горизонта на противоположной стороне мира. Их пути пересеклись у него на глазах, и они исчезли на другом конце мира, слившись в одну непрерывную линию бытия. Это и было время. Все произошло одновременно, и маленький золотой дух летал взад и вперед, вверх и вниз по священной стихии.

Заспинная доска

Лесистая Гора тренировался с Барнсом наедине, тайно, потому что никто не должен был видеть, как он боксирует без фальшивого гипса. Он обещал никому не рассказывать, но чувствовал себя неловко из-за этой хитрости, когда держал на руках Арчилла. Это было сродни лжи ребенку, и потому в какой-то момент он прошептал: «Не волнуйся, гипс ненастоящий». Гринго нужно было пройтись, и он провел его по тропе, а потом привязал на краю двора, накрыл одеялом. Луис зарабатывал хорошие деньги, время от времени отдавая Гринго на конный завод в качестве племенного жеребца. Люди приезжали из Канады, из самой Монтаны, чтобы скрестить своих кобыл с жеребцом такого необычного окраса. Гринго был хорошо знаком с краем угодий Паранто, началом леса и длинными замерзшими травами, которые он любил рвать губами и пережевывать.

В глубине души Поки очень тревожился по поводу предстоящего матча. Все покупали билеты, и все знали о травме Лесистой Горы. Возможно,

тот пострадал, счищая грязь с копыта Гринго. Может быть, конь укусил его, или наступил ему на руку, или умудрился жестоко защемить запястье, или, может быть, сбросил его, когда он сел верхом? Лесистая Гора ничего никому не говорил — не потому, что предполагаемую травму было трудно описать, а потому, что хорошо знал: он не умеет лгать и никакие слова ему не помогут. Лицо выдаст его с головой. Поэтому он только кивал в сторону лошади или называл жеребца по имени и качал головой всякий раз, когда кто-нибудь спрашивал. Всегда кто-нибудь спрашивал.

— Как ты повредил руку?

— Гринго, — отвечал он, морщась.

— Ох уж эта чертова лошадь, — возмущался Поки.

— Ты потише, — шикал на него Лесистая Гора. — Нельзя ругаться при младшем брате.

Позже в конюшне Лесистая Гора сделал Гринго массаж и дал немного зерна. Потом он затопил маленькую печурку в углу, где спал. Он сел на низенький табурет и начал строгать кусок дерева, который собирался использовать для заспинной доски. Он купил кедровую доску у друга в Миннесоте. Он также расщепил длинное ясеневое

полено и теперь замачивал его, чтобы использовать в качестве изогнутой защиты головы. Может быть, он поместит плоский его кусок в нижней части колыбели. Таким образом, зашнурованный ребенок сможет опираться на него своими маленькими ножками, когда подрастет.

Грейс вошла в сарай и увидела, как Лесистая Гора строгает кедр ручным рубанком.

— Эй, — сказала она, — с твоей рукой теперь все в порядке?

Лесистая Гора посмотрел непонимающе, но затем скривил лицо.

— Ой, — произнес он, опуская рубанок. — Мне не следовало этого делать.

— Похоже, с рукой только что все было хорошо, — с подозрением сказала Грейс. — Она у тебя действительно болит? Я никому не скажу.

— А ты действительно флиртуешь с этим мормоном? Я тоже никому не скажу.

— Нет, — вздохнула Грейс. — Он в прошлом.

— Навсегда?

— Кажется, да. Он становился каким-то… ну, я не знаю.

— Безумноглазым, — предположил Лесистая Гора.

— Может быть.

— Что случилось?

— Я его не соблазняла, ничего такого.

— О, конечно.

— Нет, в самом деле! Мы просто чистили лошадей вместе, и вдруг он говорит, что если возляжет на женщину ламанийцев и отдаст ей свое семя, то будет проклят и предан безжалостному огню, но все равно готов пострадать. Я сказала: «Будь спокоен, нет никаких шансов, что твое семя здесь кому-нибудь понадобится». Но потом мне стало любопытно, и я спрашиваю: «А кто такие ламанийцы?» — «Разве ты не знаешь?» — спрашивает он, и я отвечаю: «Нет». Он говорит, что я женщина ламанийцев, а я отвечаю, что нет, я чиппева. Он говорит, чиппева то же самое, что ламанийцы. Но если я решу стать мормонкой, я буду становиться все белее и белее, пока не стану сиять в темноте.

— Трудно улизнуть от твоего отца, если ты светишься в темноте.

— Откуда ты знаешь, что я это делаю?

— Иногда, когда я слишком устаю, чтобы идти домой, я ложусь вздремнуть здесь. Вот так я и увидел, как твой парень шел на цыпочках на встречу с тобой прошлой ночью. Он держал в руках свои ботинки и задирал колени. Выглядел

очень глупо.

— В ту ночь он и говорил о своем драгоценном семени.

— Он вышел за рамки дозволенного. Думаю, мне стоит за это хорошенько его проучить.

— Как, сломанной рукой? Той рукой, которой ты сейчас отвинчиваешь крышку с банки олифы?

— Ой!

— Ты притворяешься!

— Ты никому не скажешь? Об этом нельзя знать ни единой живой душе. Я пытаюсь перехитрить Джо Уоббла.

Грейс начала смеяться так сильно, что ей пришлось сесть.

— Да ладно тебе.

— Как, ты разве не знаешь? — наконец проговорила она. — Он тоже пытается тебя обмануть. Ходит такой кривобокий. Иногда забывает, в какую сторону ему кособочиться. Все наши девчонки это видят.

Лесистая Гора разинул рот:

— Что ты говоришь?

— Я думала, ты в курсе. Это знают все.

— А он знает, что и я притворяюсь?

— Насколько мне известно, нет. У тебя хорошо получается. Даже я верила тебе до тех пор, пока

не увидела, как ты строгаешь эту деревяшку.

— Я делаю заспинную доску.

Грейс отступила назад, нахмурившись:

— Это что-то, о чем должна знать твоя мама?

— Нет, не то. Это для ребенка Веры.

— Ну, тебе следует быть осторожным. Люди разное болтают.

— Например, что?

— Будто этот ребенок не из Городов. Будто он твой и Пикси. Будто ты пытаешься скрыть это от священника.

— Какая мне разница, что люди плетут? Нет, это ребенок Веры.

— Тогда почему ты все время болтаешься там?

— Разве мужчине не может понравиться ребенок?

— Конечно, может. Но обычно ему нравится собственный ребенок.

— Я даже не вижу там Пикси. Ну, почти не вижу, — сказал Лесистая Гора.

— О, конечно, — сказала Грейс.

— Я ей безразличен.

— И у тебя действительно сломана рука. Мужчины такие глупые.

Взмахнув волосами, она ушла, хлопая ладонями по кормушкам для лошадей, но остановилась,

чтобы почесать Любимицу Учителя.

— Смотри, никому не говори! — крикнул он.

— О твоей руке или о Пикси Паранто?

— Прекрати! — разозлился Лесистая Гора.

Он бросил тряпку, которой втирал олифу в дерево, и снова начал строгать кедровую доску, слишком усердно снимая стружку с промасленной поверхности. Грейс оглянулась и собралась снова рассмеяться. Но что-то в его сосредоточенности и в том, как он моргал и косился на доску, заставило пожалеть его. А потом еще больше пожалеть себя. Она наклонилась ближе к Любимице Учителя, почесала ее мягкие уши, заглянула в черные влажные глаза и прошептала:

— Влюбился по уши и сам этого не знает.

«Пикси сдерет с него шкуру», — подумала Грейс, идя через двор. Она представила живот Гринго, его розоватую кожу, разошедшиеся края яркой раны, прежде чем отец ее зашил. Они знали, ее раскроила Любимица Учителя: к ее копыту прилипла полоска шкуры Гринго. Но кого это волновало. Пусть Лесистая Гора узнает, каково это, на себе. Воздух был тяжелым и холодным. Она почувствовала запах снега и подняла глаза. Луна казалась кривобокой, как Джо Уоббл. На земле ветра не было, но она увидела, как с запада,

стирая звезды, несутся облака, стремительно приближаясь. Она подумала о том, чтобы вернуться и рассказать Лесистой Горе о близящейся буре. Нет, пусть ему об этом скажут лошади. Пускай спит в сарае. Она всегда знала, что он для нее слишком стар. Она с ним покончила. Может идти прямо к Пикси.

Генеральное сражение

Что это будет? Генеральное сражение, Лютое побоище, Незабываемый поединок? Томас обдумывал надпись на афише, пока готовил ее к печати. Волнение через край. Или это звучит нелепо? Они с Барнсом подобрали старших парней в местных боксерских клубах плюс, конечно, главное событие — Лесистая Гора против Джо Воблешински. Томас вложил собственные деньги в рекламные листовки, которые можно было расклеивать повсюду — в крошечных придорожных магазинчиках, в школах, в барах за пределеми резервации, в кафе и на заправках. В нижней части листовок Томас указал плату за вход в размере «рекомендуемых двух долларов». Он знал: они возьмут все, что толпа — он надеялся, что соберется толпа, — сможет дать. Наконец он остановился на варианте «Генеральное сражение — Бенефис», а внизу приписал: «Приходите, приходите все. Насладитесь незабываемым вечером. Волнение через край! Сделайте все возможное, чтобы отправить своих представителей в Вашингтон». Шарло нарисовала пухлую пару боксерских пер-

чаток перед американским флагом. Он заставил ее переделать рисунок, чтобы перчатки выглядели более угрожающими. Сидя за своим рабочим столом, он приклеил рисунок к тексту, закончил около трех часов ночи и сдал листовку в печать утром после работы.

После очередной встречи с Мозесом Монтроузом он отправился прямо домой. Пошатываясь, вошел в спальню, снял обувь и, как обычно, положил отутюженные брюки и аккуратно сложенную рубашку на маленький табурет рядом с супружеским ложем. Он скользнул под одеяло в майке и трусах, накинул еще одну майку на глаза и начал делать глубокие медленные вдохи. Но сердцебиение отдавалось в ушах. Мысли понеслись вскачь в тот момент, когда он положил голову на старую сплющенную подушку, ревниво припасенную для одного себя. Вспыхнули картины, такие четкие, как будто все произошло только вчера. Взгляд Родерика, когда его поднимали по лестнице, моргающего, испуганного, дрожащего, кашляющего. Уже наполовину мертвого. Несколько недель спустя он пришел будить Родерика в общую спальню. Его друг был неподвижен, его кожа посерела. Он едва дышал на окровавленных простынях. О, Родерик. Пре-

кратятся ли когда-нибудь эти электрические разряды памяти? Хуже всего было то, что он помнил, как дразнил Родерика, подначивал, втягивал в неприятности, а Лабатт показывал на приятеля пальцем.

Кто это сделал?

Родерик, сэр.

Он выспался не так хорошо, как хотелось бы. На самом деле он все еще был уставшим, когда проснулся четыре часа спустя. Курильщик залаял во все горло, когда Ноко отошла от дома. А во второй половине дня к ним пришла гостья, искавшая Роуз, чтобы спросить, не сможет ли та посидеть с ее неистово и яростно орущим ребенком. Он попытался улучить для отдыха несколько часов вечером, когда остальные члены семьи легли спать, но его сердце снова бешено колотилось, а тело было так напряжено, что он не мог расслабиться. И ребенок оказался ужасным крикуном. Томас то видел Родерика сквозь опущенные веки, то переживал, соберет ли боксерский поединок достаточно денег, то переносился в Вашингтон. Он беспокоился, как будет проходить слушание в конгрессе, раздумывал, что скажет, боялся, что с ним могут обойтись слишком сурово, и спрашивал себя, не подавится ли своими словами. Он

хорошо знал, что заглядывать так далеко вперед бесполезно и нелепо, но его разум выбрал свой собственный иррациональный путь и не поддавался логике. Он не мог уговорить себя поспать.

Когда Томас, наконец, перестал бороться с мыслями и встал, чтобы идти на работу, он, как обычно, оделся в темноте и прокрался на кухню. Там, за столом, в слабом свете керосиновой лампы, сидела Шарло, накинув на плечи одеяло. Она склонилась над книгой, сосредоточившись так сильно, что едва обратила на него внимание. Он вышел в уборную, а когда вернулся, вымыл лицо, руки и шею холодной водой, чтобы проснуться. Шарло едва подняла на него глаза. Он надел куртку, шапку, взял портфель, ланч-бокс и термос с кофе. Когда он повернулся у двери, чтобы попрощаться и сказать дочери, чтобы та ложилась спать, Шарло вздохнула, покачала кудрявой головой и закрыла книгу. Потом потянулась, зевая.

— Интересная попалась.

— Не дала тебе уснуть.

Томас коснулся ее волос.

— Возьми, ты должен прочесть.

Это был детективный роман. Но Томасу предстояло написать еще слишком много писем, к тому же он был полон решимости изучить кни-

гу, которую оставили миссионеры.

Закончив первый обход, Томас налил себе кофе и достал маленькую темную книжечку. Он полагал, что ему следует ее прочитать. Она поможет лучше понять Артура В. Уоткинса. В конце концов, когда Бибун отправил его в школу-интернат, он сказал: «Учись усердно, потому что нам нужно знать врага». За прошедшие годы он осознал всю мудрость этих слов. Зная, с какими людьми он имел дело, Томас смог убедить власть имущих построить завод по производству драгоценных подшипников рядом с резервацией. Используя их логику, он добился улучшения работы местной школы. Использовал полученное образование ради прогресса своего народа — он часто забывал, что в этом и состоял смысл его учебы, о котором некогда толковал ему Бибун, но дело обстояло именно так. Тем не менее со временем слово «враг» стало сбивать с толку. Начальники из Бюро по делам индейцев, с которыми он встречался в Фарго, могли быть врагами, но они скорее были встревожены законопроектом, чем горели желанием поскорее исполнить его директивы. Джон Хейл, городской адвокат, был другом. Да и Волд был не совсем врагом. Он даже не стоял на противоположной стороне. Но Артур В. Уоткинс был

явно врагом — причем самым опасным. Врагом принципиальным, считающим, будто его деяния служат благу. «Но мне лучше не называть его врагом, — решил Томас. — Я буду думать об Уоткинсе как о противнике. Враг должен быть побежден в бою, но противник — другое дело. Противника нужно перехитрить. Поэтому требуется знать его очень хорошо». По опыту Томаса, любой, кто пытался быстро решить то, что всегда называлось «бедственным положением» или «проблемой» индейцев, был лично заинтересован в этом деле. Он задавался вопросом, каков интерес у Артура В. Уоткинса.

Первой любопытной неожиданностью в «Книге Мормона» оказалось то, что Джозефа Смита, их пророка, также посещали чрезвычайно яркие существа, которые были полупрозрачными. Томас отложил книгу и прислушался к своим чувствам. Сначала он был смущен и, возможно, даже задет: описание существ во многом совпадало с его опытом в ту ночь, когда он чуть не замерз. Но как только Томас справился с эмоциями, ему стало немного легче. Эти существа, по-видимому, являлись другими. Они пришли рассказать Джозефу Смиту о неких древних табличках, захороненных в разных местах. В книге были элементы таин-

ственности. Например, внутренняя аргументация человека по имени Нефий, который не горел желанием пронзить пьяного человека его собственным мечом, но которого убедил совершить убийство глас Господень. Затем Нефий выдал себя за человека, которого убил, обманул его слугу и украл все его сокровища — медные таблички с выгравированными на них историями. Глаза Томаса начали слипаться. В книге были пустыня, женщины, евреи. Главным образом там был этот Нефий. Составит ли повествование Нефия всю эту книгу? Томас заглянул вперед. Его глаза снова начало жечь, а затем он почувствовал, как голова наклонилась, дернулся и проснулся. Эта ночь обещала быть очень трудной.

Томас стойко продержался еще один час и начал читать об иноверцах, приезжавших в Америку. Это его удивило. Он не думал, что повествование будет развиваться так быстро. Но все же книга, несмотря на архаичную страстность и сконцентрированность на грехе, была написана в Америке, а потому он попытался привыкнуть к ее стилю. В книге было много праведного гнева. Была какая-то ярость по поводу великой и отвратительной церкви, которую Томас не мог определить. Много говорилось

о нечистоплотности других людей и о чистоте народа Нефия. Добравшись до падения дочерей Сиона, Томас почувствовал острую боль за этих женщин. Очевидно, дочери были гордыми и надменными. Но их наказание было чрезмерным, подумал Томас. Ему понравилось, что они издавали звенящие звуки при ходьбе, как индейские женщины, танцующие в платьях с нашитыми побрякушками. Но настал день, и Господь отнял наглость у дочерей, гремящих ножными браслетами и головными уборами, а также медальонами в форме полумесяца. Господь забрал все. Цепи, браслеты и чадры. Капоры, и украшения на ногах, и головные повязки, и сосуды с духами, и серьги. Перстни и кольца в носу. Переменные одежды, мантии, плащи и накидки, кошельки. Зеркала, и тонкое полотно, и капюшоны, и вуали. И вместо благовония они получили зловоние. Вместо пояса — веревку. Вместо хорошо уложенных волос — плешь. Да, плешь! Вместо широкой епанчи, что бы это ни значило, они получили узкое вретище и, что хуже всего, вместо красоты — клеймо.

Томас, который любил красивую одежду и обожал, когда Роуз распускала длинные волосы, а потом надевала платье цвета пламени и чер-

ные туфли на изогнутых каблуках, закрыл книгу в подавленном состоянии.

* * *

Первое, что он записал об Артуре В. Уоткинсе, было то, что ему, вероятно, нравилась простая одежда у женщин и сам он, похоже, одевался просто и неприметно. Никаких колокольчиков на лодыжках. Никакого кричащего галстука, двухцветных туфель или широкополой фетровой шляпы. Он определенно был праведным человеком. Как с таким лучше всего бороться?

Написав отзывы на несколько газетных статей и заполнив заявку на новый ротатор, предназначенный для использования исключительно племенным советом, Томас вспомнил кое-что из своих школьных дней. Тогда он разработал такую стратегию. Единственный способ бороться с праведником состоит в том, чтобы в противостоянии с ним привести аргумент, согласно которому предоставление Томасу того, что он хочет, является единственно праведным поступком.

Двухдневное путешествие

Вера поняла, что идет. На ней было теплое пальто, шапка и ботинки. Она шла по дороге. Она знала, как и все вокруг, что душа после смерти отправляется в путешествие в следующую жизнь. Отправляется в путь по дороге, похожей на ту, по которой она шла сейчас, темной и одинокой, но четко выделяющейся в лунном свете. Быть мертвой, возможно, было облегчением. Пока шла, Вера пыталась вспомнить приметы дороги — ее будут проверять несколько раз. На этот счет существовали определенные инструкции. Она услышит голоса живых, зовущие назад, но не должна оборачиваться. Следует продолжать двигаться на запад. Имелись определенные продукты, которые она не должна была есть, и другие продукты, которые она есть могла. Возможно, там был, хотя она не могла полностью этого вспомнить, мост или змея, а может, тролль под мостом, или она слышала об этом где-то еще в своей жизни? Если она зайдет достаточно далеко, то услышит, как ее зовут мертвые, подбадривая, потому что через три дня пути она устанет. Она

боялась, что из города мертвых может услышать плач своего ребенка. Она не хотела, чтобы он умер. Она побежала бы к нему, где бы он ни находился. По крайней мере, он не останется один. Через некоторое время воздух стал бледно-серым, и она увидела указатель «Шоссе 2». Затем ей встретилась вывеска, написанная от руки черными штрихами: «Продаются дрова». Вера начала сомневаться, находится ли на правильном пути, и задалась вопросом, мертва ли она вообще. Хотя она умерла еще тогда, когда была жива. Может быть, надолго. В этом она была уверена.

Бокс ради свободы

Снегопад прекратился, и дороги были чисты. Подержанный автомат для приготовления попкорна, купленный школой для спортивных мероприятий, настроили и доставили в зал общинного центра. Запах горячего масла и звук лопающихся зерен кукурузы согревали толпу. Шарло насыпала попкорн в пакеты, а Фи брала монеты. Джагги продавала билеты у входа. Мозес считал деньги. Томас раздавал листовки с расписанием боев и радушно приветствовал гостей у дверей большого зала, где был ринг. Рядом с туалетами, в специальных выгородках, ожидали изолированные друг от друга боксеры. Были повешены занавеси, чтобы они могли выйти из-за них под радостные возгласы толпы. Ринг и столбы с канатами возвышались на платформе, построенной Луисом из пожертвованных досок, и выглядели достаточно убедительно. Судья Бен Фернанс, который также являлся окружным комиссаром, носил нарукавные повязки и держал в руках маленький белый мегафон. Он делал объявления и приветствовал толпу, в то время

как мистер Джарвис возился с неисправным громкоговорителем.

Патрис и Валентайн пришли пораньше и стояли близко к рингу за стульями, предназначавшимися только для пожилых людей. Толпа быстро росла, и вскоре появился мистер Джарвис с микрофоном и гонгом. Когда он ударил в гонг, раздался диковинный звук. Он хотел установить прожектора, но это оказалось невозможным. Тогда ему пришла идея использовать звук, чтобы направлять толпу. Это сработало. Когда гул затих, все находились в предвкушении схватки, а затем под бурные аплодисменты вышли боксеры. Каждый был представлен с упоминанием имени его противника. Хотя большинство собравшихся были индейцами из Форт-Тоттена и Девилс-Лейка, приехало также много соседей с близлежащих ферм и даже из городков и поселков в радиусе ста миль. Однако место проведения матча изменило баланс сил, и враждебности к индейцам практически не ощущалось. Даже семья и сторонники Джо Уоббла были добродушны, пожимали руки Стоун-Боям, подбадривали Реварда и его соперника Мелвина Лаудера.

Мистер Джарвис всегда хотел комментировать бои и считал своим долгом представить возни-

кающие между бойцами конфликты как можно более захватывающими. В конце концов, парни занимались этим видом спорта, чтобы закалять характер, а не забивать друг друга до полусмерти. Так что не мешало несколько подогреть их боевой дух.

— Стоун-Бой принимает удар, не дрогнув, оправдывая свое имя[91]. Лаудер продолжает давить, горя желанием навалять противнику. Но Стоун-Бой порхает вокруг него, как бальный танцор! Прямой в торс. Левый в челюсть! У Лаудера стальной подбородок. Лаудер отмахивается от удара. Стоун-Бой оценивает его. Стоун-Бой сходит с ума от яростного шквала ударов! Но Лаудер лупит изо всех сил! Отбивается от него! И-и-и гонг!

В зал набилось еще больше людей, заполняя его все плотнее и плотнее, когда схватки между молодыми бойцами были выиграны или проиграны. Джон Скиннер, боксер из Сент-Майкла, хорошо выступил против Тека Толверсона. Веселое настроение преобладало, Джарвис превращал каждый матч в сенсацию. Бои, все выигранные по очкам, в конце концов, не были такими уж захватывающими. Только один раз пошла кровь

---

[91] Сноски: 91
Камень (*англ.*).

из носа. Джарвис рассказывал об этом, словно о прорыве плотины. Даже когда был объявлен грандиозный финальный бой, на который все пришли посмотреть, в зале чувствовалась доброжелательность. Помог тот факт, что мероприятие было благотворительным. Джарвис все время объявлял об этом и благодарил собравшихся.

— Вот оно, ребята! Главное событие! — наконец провозгласил он.

К тому времени все уже знали, что Лесистая Гора и Джо Уоббл симулировали свои травмы. Поэтому они ради смеха решили сыграть в прежнюю игру. Джо, прихрамывая, вышел из раздевалки и наклонился влево так сильно, что пошатнулся. Лесистая Гора вообще появился в гипсовой повязке.

— Вот они, мои друзья! Давайте протянем им руку помощи, когда они приблизятся к рингу! Они готовы пройти это расстояние, несмотря на то, что борются с ужасной болью от травм. Что? Что это? Уоббл выпрямляется! Гора бросает свою гипсовую повязку в толпу! Он отшвыривает удерживавший ее платок, и Пикси Паранто ловит этот драгоценный сувенир! О, говорю вам, ребята, это чудо. То, что вы видите, настоящее диво. Два бойца, сражающиеся ради свободы, выздоравли-

вают прямо на ваших глазах!

В течение первых двух раундов они проверяли готовность друг друга к бою, нанося дальние удары и отражая их. Лесистая Гора был более предсказуем и все время наступал на Уоббла, не давая тому возможности эффективно контратаковать. Но Джо Воблешински был потенциально более опасен, он мог нанести очень сильный удар и, возможно, теперь осознал, что в последнем бою его несколько подвело отсутствие стратегии. К третьему раунду, когда сильные удары Уоббла стали встречать на своем пути по большей части один только воздух, стало ясно, что Лесистая Гора намеревается измотать противника и деморализовать его, если сможет.

Джо Уоббл был немного легче, нежели в последнем бою, в то время как Лесистая Гора прибавил пару фунтов, ничуть не потеряв скорости. Барнс и его дядя позаботились об этом. Во время тренировок он отрабатывал скорость и еще раз скорость. Ему было свойственно врожденное коварство. Сам Джарвис обучил его одному трюку, который он применил в четвертом раунде. Лесистая Гора сделал вид, что оступился, спровоцировав Уоббла на сокрушительный правый удар. Но Лесистая Гора молниеносным движе-

нием парировал его и сам нанес левой удар в нижнюю челюсть Уоббла. Он сумел провести точный удар, причем достаточно сильно, и отступить, когда Джо вознамерился отомстить, но сумел лишь загнать Лесистую Гору в угол ринга, чтобы нанести там несколько поверхностных ударов, которые не причинили противнику особого вреда, хотя выглядели жестокими и вызвали вздохи среди публики. И снова, благодаря наставничеству Джарвиса, Лесистая Гора вспомнил, что нужно вовремя отпрянуть под натиском врага, и Джо, пошатываясь, пошел в свой угол с таким ощущением, будто он на подъеме.

— Будь терпелив. Включи «музыку», когда придет время, — наставлял своего подопечного Барнс, прикладывая пригоршню снега к левой скуле Лесистой Горы.

«Музыка» представляла собой ускоренную версию канкана, под которую Лесистая Гора репетировал серию молниеносных ударов. Он должен был ее применить, когда наступит срок. Их шквал на одной скорости затем переключался на более высокую и превращал его из обычного боксера

в настоящего свормера[92]. Именно так Джейк Ламотта[93] победил французского бойца Лорана Дотиля[94] в последнем раунде чемпионата мира в супертяжелом весе в пятидесятом году. Для всех наблюдателей, кроме Музыки, это выглядело так, будто переключение скорости ударов произошло вдруг, в результате наступательного порыва, из какого-то потайного резерва организма, но блестящий сдвиг в темпе боя задумывался с самого начала и, в чем он не сомневался, был хорошо отрепетированным.

— Они кружат, как пантеры! Но никаких кошачьих лапок, ребята. Уоббл наносит удары, как медведь гризли! Гора отвечает ему тем же! Все это грубая сила. Они под стать друг другу. И вы только посмотрите на причудливую работу ног!

До сих пор боксеры выглядели довольно свежими и представляли собой великолепное зрелище. Джо походил на призового быка с мо-

---

[92] Сноски: 92

Свормер — стиль боксирования, когда боксер предпочитает ведение боя на близкой дистанции, нанося подряд несколько комбинаций ударов.

[93] Сноски: 93

Джакоббе «Джейк» Ламотта (1922–2017) — американский боксер, экс-чемпион мира в среднем весе. Получил прозвища «Бык из Бронкса» и «Бешеный Бык» за неукротимый бойцовский дух и бешеный нрав.

[94] Сноски: 94

Лоран Дотиль (1924–1971) — чемпион Франции.

лочной кожей, а Лесистая Гора, мускулистый и лоснящийся, метал яростные взгляды из-под блестящей копны волос. Но это должно было чем-то закончиться. В шестом раунде Джо Уоббл устал гоняться за Лесистой Горой и нанес сильный удар, от которого нос у того сместился.

— И Гора получает страшный удар в нос!

Патрис услышала треск, и ее колени подогнулись. Валентайн стала бледной, как привидение. Подруги вцепились друг в дружку, когда матч прекратился. Барнс подбежал к Лесистой Горе, и вскоре тот вернулся на ринг со скошенными набок ноздрями, набитыми ватой. Не успел прозвенеть гонг, как Лесистая Гора с поразительным хладнокровием провел против Уоббла правый хук, заставивший Джо опуститься на колени. Он встал, но стало ясно, что теперь боем движет не гнев, а истинная жестокость, и следующие два раунда прошли под знаком желания наказать обидчика. Тем не менее эти двое были почти равны. Лесистая Гора немного опережал по очкам, но полной определенности не было.

— Прекратите бой! — крикнула Патрис.

Но вокруг царил хаос, потому что один из старейшин случайно ударил другого ивовой тростью и их семьи пытались разобраться, в чем

дело. К тому же родственники Джо не знали, что делать, а потому просто орали что было мочи. Сторонники же Лесистой Горы не были уверены, что бой следует прекратить, и вопили от ярости. Джарвису пришлось снова ударить в гонг.

— Друзья, успокойтесь. Боксеры говорят, что отказываются уходить с ринга. Они хотят выложиться полностью. Судья согласился. Они утверждают, что чувствуют себя хорошо, чувствуют себя прекрасно и хотят довести бой до конца.

Очередной раунд начался, но толпа притихла. Джо сильно рассек бровь Лесистой Горе. Лесистая Гора нанес Джо сильный удар по корпусу, заставивший того споткнуться. В последние мгновения они просто лупили друг друга, двигаясь как в тумане. Даже Джарвис хранил молчание. В начавшейся потасовке не было ни стратегии, ни замысла.

— Это просто мерзко, — произнесла Патрис, отводя взгляд от ринга.

Когда, наконец, прозвучал гонг, люди опять закричали, но на сей раз от облегчения. Они в отчаянии захлопали в ладоши и ушли, разбившись на небольшие группы. Лесистая Гора выиграл по очкам, но победа уже не имела значения. Джо Воблешински тупо сидел на стуле. Глаза боксеров

заплыли, губы были разбиты, носы сломаны, брови заклеены пластырями, в ушах звенело, в головах стучало, каждые кость и мышца болели. Это было чудесно, это было ужасно, это было запредельно. Это был последний раз, когда кто-то из них бился на ринге.

Повышение

Несправедливо, это было так несправедливо. Валентайн перевели в цех промывки подшипников кислотой, где ей выдали защитные очки, перчатки, белую повязку на волосы и резиновый фартук. Совершенно несправедливо, потому что Патрис была быстрее, точнее, сосредоточеннее и всегда выдавала продукцию высшего качества. Вот как она была хороша. Не то чтобы Валентайн плохо справлялась со своей работой, совсем нет, но она не была так хороша, как Патрис. Это был просто общеизвестный факт. Но, по-видимому, для мистера Волда Патрис была недостаточно хороша, чтобы ее повысить.

— Отличная работа, отличная работа, — проговорил он, стоя теперь позади Патрис.

Сегодня в его дыхании чувствовался запах тунца. Патрис страстно хотелось врезать ему, как Лесистая Гора — Джо Уоббл у на ринге. Левый джеб, а затем правый кросс. Классическая комбинация. Не то чтобы это имело значение. Она представила, как закатываются глаза мистера Волда, когда он, пошатываясь, в растерянности

идет по коридору. Но, конечно, это привело бы к ее увольнению. Она попыталась сосредоточиться. Страдание для этого хорошо подходило.

Нет, она не будет несчастна. Это был первый день, когда Валентайн работала в цеху кислотной промывки, и да, Патрис ревновала, но она также скучала по Валентайн, сидящей у ее локтя, скучала по общению условными знаками, которые они придумали. Это заставляло часы работы пролетать быстрее. Не то что сегодня, когда они тащились еле-еле. И никакого перерыва на кофе. Волд отменил его, готовясь к визиту представителей часовой компании «Булова» и генерала Омара Брэдли[95], да так и не восстановил. От напряжения у нее заболела шея. Она сосредоточилась и продолжала работать, не обращая внимания ни на что. Затем наступило время обеда. Патрис сначала пошла в туалет, потому что боялась услышать, как Валентайн станет говорить о том, какая у нее замечательная работа. И о прибавке. Сперва Валентайн заявит, что ничего не скажет, а потом сдастся и назовет сумму.

---

[95] Сноски: 95

Омар Нельсон Брэдли (1893–1981) — американский военачальник, генерал армии, один из главных командиров Армии США в Северной Африке и Европе во время Второй мировой войны, первый председатель Объединенного комитета начальников штабов.

— Взбодрись, — сказала себе Патрис. — То, что ее повысили, еще не значит, что она королева.

Она вошла в столовую и села рядом с Бетти Пай, хотя рядом с Валентайн тоже было свободное место. Как бы то ни было, ее подруга была поглощена рассказом о том, какой резиновый фартук тяжелый и как странно все утро носить резиновые перчатки.

— Вся кожа на руках сморщилась! Вы только посмотрите!

«Я могла бы рассказать ей кое-что о том, как носить резиновый костюм и как кожа после него сморщивается и синеет», — подумала Патрис, но отбросила эту мысль. Ее обед состоял из овсяной лепешки, обжаренной в оленьем жире, и горстки изюма. Она ела медленно, смакуя каждый кусочек. Она была так голодна, что, когда закончила обед, ее желудок все еще чувствовал болезненную пустоту. Или, может быть, Валентайн вызвала у нее боль в животе разговорами о своем повышении. Тем не менее прибавка к ее зарплате оказалась куда меньше, чем Патрис изначально себе представляла, всего 90 центов вместо 85 в час, и намного меньше, чем Патрис зарабатывала, будучи водяным быком. Гвоздь программы. Все взгляды были прикованы к ней,

когда она плавала и ныряла в стеклянном резервуаре. Правда, люди вокруг казались размытыми пятнами, но их взгляды были прикованы к ней. Ею восхищались, не так ли? А может, и нет. Она отбросила эту мысль. Выкинула из головы. Валентайн о чем-то ее спросила. Все повернулись к ней, ожидая ответа.

— Послушай, Пикси…

— Патрис.

— Плачу пенни, если скажешь, о чем думаешь!

— Мои мысли стоят намного дороже, — возразила девушка.

— О-о-о, — вырвалось у пары женщин.

— Тогда сколько? — настаивала Валентайн. — Вот, я плачу.

Она положила долларовую купюру на стол и подтолкнула ее к Патрис.

Патрис подняла долларовую купюру, подбросила ее в воздух, положила на стол и подтолкнула обратно к подруге.

— Все еще недостаточно.

— Ну ладно, — сказала Дорис. — Тогда, думаю, мы никогда не узнаем, кто нравится Пикси.

— Меня зовут Патрис. И мне не нравится ни один из двоих. Можешь забрать их себе.

— Я могла бы взять одного, — сказала Дорис. —

Короче, я иду с Барнсом в кино.

— Это мило. А когда? — спросила Патрис.

— Когда-нибудь, — ответила Дорис.

— Что это значит? — тут же откликнулась заинтригованная Валентайн.

— Это значит, что я ответила «да», когда он предложил когда-нибудь сходить в кино.

— Так все-таки кто предложил сходить в кино, он или ты? — настаивала Валентайн.

— Хорошо, — согласилась Дорис. — Все было действительно наоборот. Но он сказал «да».

— Я рада за тебя, — объявила Патрис. — Расскажешь, когда сходите.

— Немного самонадеянно, Дорис, — заметила Валентайн и встала, чтобы надеть защитную спецодежду.

— Вы трое должны прекратить ссориться, — спокойно произнесла Бетти Пай. — Гораздо приятнее быть в хороших отношениях.

— Знаю, — отозвалась Патрис. — И самое глупое, что все это из-за мужчин. Валентайн и Дорис не будут счастливы, пока меня не запрут в башне с кольцом на пальце.

— Не смеши. Где ты найдешь башню в наших краях?

— Может, подойдет зерновой элеватор?

— Мне повезло, что у меня есть мой старый добрый Норберт, — призналась Бетти. — Мы с ним все-таки как-то продвигаемся вперед.

— Ты собираешься выйти за него замуж?

— О, если я забеременею, мы убежим и сделаем это тайком, — вздохнула Бетти Пай.

Патрис не могла вымолвить ни слова, так она была поражена ответом Бетти. Они возвращались в цех, надевая халаты. Патрис пожалела, что Бетти работает не рядом с ней. Она хотела узнать побольше о «если я забеременею» и надеялась, что Бетти ей расскажет.

Едва Патрис вышла из машины Дорис, она поняла, что у них в гостях Томас Важашк. Его машина была аккуратно припаркована у главной дороги. Когда она вошла в дом, Томас держал на руках Гвиивизенса. Похоже, это было суждено делать всем мужчинам.

— Вы что-нибудь узнали о Вере? — спросила Патрис.

— И да, и нет.

— Как это?

— Мы не знаем, где она сейчас, но ее видели. В Дулуте. Ее задержали за бродяжничество, а потом отпустили.

— Она назвала свое имя и исчезла, — уточнила

Жаанат. — Но она жива. Я знала, что она жива. Она пыталась поговорить с нами.

— Поговорить? — удивился Томас, хорошо знавший, что на многие мили вокруг нет ни одного телефона.

— В ее снах. В наших снах, понимаете?

— Конечно. Я просто устал. Что она сейчас делает? — спросил Томас.

— Не знаю, — ответила Жаанат. — Какое-то время она носила зеленые туфли на высоких каблуках. Тогда на ней была мужская одежда. Она шла по дороге. Но мои сны прекратились.

— Мои тоже, — смущенно произнесла Патрис. — Прошлой ночью мне приснилось…

Она что-то пробормотала и отвернулась. Прошлой ночью ей действительно привиделось, что ее целует мужчина из рекламного объявления в журнале. Он сошел со страницы, отложил сигарету, наклонился и…

— Сколько денег вы собрали? — быстро спросила она.

— Больше половины. Мы почти у цели, если найдем человека, который сможет приютить нас в Вашингтоне. Отели там реально дорогие.

— Реально дорогие, — рассмеялась Патрис.

Томас подробно объяснил Жаанат ситуацию

с законопроектом, и она забеспокоилась, потому что, если в результате ей придется платить налоги за землю, она будет вынуждена от нее отказаться. Им стало бы негде жить. Как сказала Джагги, они отправятся странствовать, пытаясь найти место под солнцем. Хотя, конечно, подумала Патрис, с ее работой она, вероятно, смогла бы позволить себе снять где-нибудь жилье для семьи. У них было бы место получше, если бы Валентайн не украла ее повышение. Она в шутку обвинила в этом подругу по дороге домой, и Валентайн просто сказала: «Ты вся посинела от зависти!»

Между тем Томас принялся рассказывать о намеченной им стратегии:

— У меня есть туз в рукаве. Дочь Луиса Пайпстоуна от девушки, на которой он так и не женился. Хотя, по правде сказать, все произошло наоборот. Ее родители были недовольны помолвкой дочери с Луисом. Сказали, что в нем слишком уж много индейского. Они все испортили.

— Это печально!

— Да, Луис так расстроился. Правда, это было давным-давно. Теперь эта девочка выросла и поступила в колледж. Она даже работает над тем, чтобы получить более высокую степень. Мы

собираемся посмотреть, можно ли использовать все, что она узнала о нашей жизни. Конгрессмены думают, мы успешные, купаемся в деньгах, но мы-то знаем, что это не так. У нас нет способа это доказать. Мы не можем просто пойти и пожаловаться. Нам нужны неопровержимые факты. Нам нужно исследование.

— Исследование!

Для Патрис это звучало так профессионально. Женщина из ее племени проводит исследование. Она и сама бы хотела сделать нечто подобное. Пойти в колледж. Провести исследование. Она была достаточно умна, неплохо разбиралась в математике и писала сочинения лучше всех в классе. Но она думала о себе как о единственной кормилице. Без Патрис семья бы пропала. Патрис не смогла бы посылать деньги домой, если бы продолжила учиться. И ребенку нужен коврик, чтобы на нем играть. Пол ужасно холодный. Но даже этот пол и этот маленький клочок земли исчезнут, если им придется продать свой участок. Этого ни за что нельзя делать. Все должно оставаться таким, как раньше. Об этом нельзя забывать.

Патрис зашла за одеяло, в свою комнату. Она не осмелилась совершить набег на тайник под

линолеумом, но открыла банку из-под специй. Внутри лежало пять долларов мелочью. Она высыпала ее на кровать, отсчитала четыре доллара и принесла матери. Сунула монеты ей в руку. Жаанат положила деньги на стол.

— На Вашингтон, — пояснила она.

Томас, явно тронутый, сказал:

— Спасибо, сестра.

Это случилось на следующий день. Мистер Волд велел Бетти Пай занять рабочее место рядом с Патрис. Он дал соответствующее указание за обедом, и Бетти сразу перенесла свои вещи. Такое облегчение. Некоторое время они работали молча. Патрис пообещала себе, что не произнесет ни слова. Пускай Бетти заговорит первой. Она не хотела рисковать, ведь у Бетти могли быть неприятности в случае, если она попадет мистеру Волду под раздачу. Но через час Бетти сама поинтересовалась, что Патрис собирается делать в ближайшие выходные, и девушка пробормотала, что не знает. Затем Патрис спросила Бетти, что в эти выходные будет делать она, и Бетти сообщила, что отправится к Норберту, а что произойдет потом, она отлично понимает.

— Послушай, Бетти, — произнесла Патрис тихим-претихим голосом, — я знаю только в общих

чертах, что в таких случаях происходит. Но я бы хотела, чтобы кто-нибудь рассказал мне подробности.

— Ты хочешь сказать, что никогда этого не делала?

Голос Бетти прозвучал слишком громко, но, к счастью, Кудряшка Джей в этот момент громко чихнула, заглушив ее слова.

— Ш-ш-ш.

— Извини, я просто не могла в это поверить.

— Я боюсь, потому что, ну, ты понимаешь… По той причине, по которой ты говорила, что вы можете сбежать и тайком пожениться.

— Давай пойдем куда-нибудь, выпьем по чашечке кофе, и я все тебе объясню.

— Правда?

— Боже мой, кому-то ведь нужно это сделать.

В субботу Патрис отправилась в поселок вместе с Поки. Он пошел в общинный центр, чтобы помолотить по боксерской груше, а она заглянула в кафе «У Генри», чтобы встретиться с Бетти. Та уже пила там кофе.

На темных завитых кудрях Бетти изящно сидела бежевая фетровая шляпа с милым пером, похожая на пышный пирог. Ее пальто было розового цвета с отделкой из белого кроличьего меха.

Бросалось в глаза. На широком круглом веселом лице застыло жадное выражение. Она вытянула губы трубочкой и жеманно дула на кофе, чтобы его остудить. Патрис попросила чаю. Она не пила кофе по выходным. Когда подворачивалась возможность, она днем дремала.

— Итак, — приступила Бетти. — Тебе никто никогда не рассказывал?

— Нет, — призналась Патрис.

Это было не совсем так. На самом деле она всегда знала, как это происходит. Она жила среди диких и домашних животных. Однажды она наблюдала, как в камышах у болота спариваются норки. Она повидала всякое. Например, оказалась заперта в машине с Баки и его дружками и знала, что они пытались сделать. Мать говорила с ней об этих вещах, преимущественно на чиппева, так что она имела хорошее представление о том, откуда берутся дети, и могла сама рассказать об этом на родном языке. Но ей хотелось узнать, как *это* можно описать по-английски, ибо ей требовались слова для обозначения того, что может произойти, если *это* случится с кем-то, не говорящим по-индейски. Она понимала, что *это* можно делать несколькими способами, но не знала, как его обсуждать. Казалось странным,

что она побывала водяным быком и не знала таких вещей. Но Патрис догадывалась: то, что она о них не знала, могло быть очевидным для Джека Мэллоя. Возможно, это и послужило причиной, по которой он ее нанял. Иногда она подозревала, что, возможно, Джек нарочно дразнил ее, но он вздрогнул, когда она ударила его по руке. Она была слишком сильной.

Бетти внимательно огляделась. В кафе было много посетителей, но свободные места еще оставались. Они сидели в углу. Никто не мог услышать, что она скажет. И она поведала Патрис, что такое эрекция. Патрис уже знала. Только она старалась не думать о Баки и его дружках. Бетти открыла, как убежать от мужчин, которые ей не нравятся, но у которых случилась эрекция. Опять же, в этом не было ничего нового. Потом она посоветовала Патрис, как притвориться, будто что-то уронила, и «случайно» задеть мужчину, если он действительно нравится и хочешь понять, нравишься ли ты ему.

— Прикинься, будто тебе что-то попало в глаз, и ты не видишь, где шарит твоя рука. Или наклонись, якобы поднимая что-то, лежащее у его ног. Проведи по нему рукой, когда будешь вставать. Упс! Затем ты улыбаешься ему, если тебе нра-

вится то, что ты нащупала. Он поймет. Но если тебе не понравилось то, что ты почувствовала, убирайся от него к черту.

— Хорошо, — сказала Патрис и вспомнила о Баки с его теперь единственным косым глазом.

— Как только ты прикоснешься к нему, даже случайно, он может тебя схватить. Так что ты должна быть к этому готова. Затем, если тебе этого действительно хочется и ты не прочь попробовать, найдите уединенное место. Осенью или ранней весной, в лесу. Летом на вас могут напасть клещи. Не очень-то интересно ловить на себе клещей, чтобы заняться сексом.

— Конечно.

— Так что будет лучше, если вы найдете сарай. Или комнату с кроватью. Машина тоже подойдет, если она у него есть.

— Только не машина, — пробормотала Патрис, но Бетти ничего не заметила и заговорила с почти медицинской практичностью, описывая различные позы, что заставило Патрис закрыть лицо руками и рассмеяться.

— Не смейся! Это лучший способ ублажить твою киску.

— Что?

— Киску.

— Я никогда о таком не слышала.

— Это заставляет почувствовать, будто ты куда-то уплываешь. Боже мой, да ты просто ребенок.

Бетти принялась рассказывать о киске, да так подробно, что лицо у Патрис зарделось. Ее мать ни словом не обмолвилась об этом, даже на чиппева. И «штучка». Какая штучка? Должно быть, та, что ниже пупка. Видишь, подумала она, вот почему мне нужно было поговорить с Бетти.

— Что бы ни случилось, я не хочу заводить детей. Как это можно предотвратить?

— Почему бы не использовать презик? Правда, они не нравятся мужчинам. Или, может, у вас его не будет под рукой, а вам приспичит. Все будет в порядке, если вы занимаетесь сексом меньше чем через неделю после окончания месячных. Только на этой неделе ты в безопасности. Это как раз то, чем мы занимаемся с Норбертом. И, конечно, у нас есть его старый драндулет. Мы ездим по выходным на парковку. Или отправляемся на заброшенный проселок. А с кем ты собираешься заняться сексом?

— Я просто хотела получить информацию на всякий случай, плана у меня нет.

— Твои подруги так не считают.

— Они такие противные.

— Ну, мне все равно. Похоже, ты могла бы попробовать с любым парнем. Единственное, что нужно сделать, так это избавиться от него после, если тебе не понравится.

Патрис выглядела совершенно озадаченной.

— Я знаю. Предполагается, что вы делаете *это* лишь в том случае, если планируете вечно жить вместе. Пожениться. Но моя тетя сказала, что, если я всерьез настроена на свадьбу, лучше попробовать до нее. Нет никакого смысла заниматься любовью с одним человеком всю жизнь, если не находишь в этом никакого удовольствия. Вот что сказала моя тетя. Зачем связываться с никчемным человеком?

— Твоя правда!

Бетти произвела на Патрис большое впечатление. Она спросила, не хочет ли та пирожного, и Бетти согласилась. Они обе взяли по эклеру с глазурью из кленового сиропа. Когда Бетти обхватила его губами, чтобы откусить кусочек, она встретилась взглядом с Патрис и начала смеяться так сильно, что чуть не поперхнулась. Она отложила эклер.

— О боже, это кое-что мне напомнило!

— Что именно? Ох…

Бетти принялась слизывать глазурь с пирож-

ного. Ее язык был толстым и бледно-розовым.

Патрис встревоженно огляделась вокруг. То, на что, казалось, намекала Бетти, никогда не приходило ей в голову.

— И мужчины могут делать с женщинами то же самое. Это все равно как вылизывать крем из берлинера, прямое попадание в киску.

— Откуда ты все это знаешь? Тебе это рассказала тетя?

— Нет, — скромно ответила Бетти. — Опыт.

Патрис испытала легкое отвращение, а затем полный благоговейный трепет.

— А теперь пообещай никому не говорить, что я тебе сказала.

— Ни за что не расскажу.

Бетти подняла глаза и улыбнулась кому-то, стоящему позади Патрис.

— Привет, Стог Сена. Ой, извините, я хотела сказать, мистер Барнс.

— Привет, Бетти. Здравствуй, Патрис.

Патрис повернулась на стуле. То, как Барнс с ней поздоровался, заставило ее почувствовать себя неловко, как будто на нее давил столб воздуха. Она была смущена. Что, если он слышал их разговор? Что, если бы она попробовала заняться с ним любовью, а он оказался никчемным? Это

было бы еще хуже.

— Здравствуйте, мистер Барнс, — произнесла она безразличным голосом.

Он сделал шаг назад, слабо улыбнулся и отвернулся.

После того как он ушел, они выпили еще по чашке кофе и чая.

— Дело вот еще в чем, — едва шевеля губами, измазанными глазурью, прошептала Бетти, наклонясь поближе к Патрис, и странно уставилась на нее. — Мужчины хотят этого так сильно, что готовы платить. Понимаешь, о чем я говорю?

— Не совсем…

— Всякие проходимцы являются сюда и говорят женщинам, что женятся на них в Городах. А уже там бросают женщину и продают ее кому-то, кто отправляет их заниматься сексом.

— Отправляет?..

— На улицу, они там зарабатывают, мужчины платят им за секс. Но потом они отдают деньги сутенеру.

— А это кто?

— Ты ничего не знаешь! Сутенер — это тот, кто владеет женщиной. Берет деньги, которые ей заплатили за секс, понимаешь?

— Нет, не понимаю, — решительно заявила

Патрис.

Но на самом деле она поняла. Джек мог слегка навредить ей, ровно настолько, чтобы, когда появится кто-то другой, она совершила постыдную вещь, потом еще более постыдную и так далее, еще и еще, пока не позабыла бы стыд и не перестала быть собой.

— Ладно, — сказала Бетти, чувствуя себя неловко. — Я это выдумала.

— Понятно, — отозвалась Патрис и отодвинулась от Бетти, не желая, чтобы ее чересчур волновали. Дело зашло слишком далеко. Она захотела вернуться к началу разговора, к тому месту, когда речь шла о том, чтобы попробовать заниматься сексом и при необходимости избавиться от мужчины.

— Ты разыгрывала меня, говоря насчет киски и сама-знаешь-чего?

— Нет. Я это не выдумала.

— Хорошо, — сказала Патрис.

Она разломала эклер на куски и не смогла доесть. Заварной крем вытек на тарелку. Ей пришлось прикрыть его салфеткой для того, чтобы допить чай.

Эдит, собака с экстрасенсорными способностями

Рассвело всего какой-нибудь час назад. Гарри Рой, армейский медик в отставке, участник Второй мировой и Корейской войн, увидел человека, спящего у шоссе, и нажал на тормоза. Его старый «Студебеккер» с грохотом остановился. Спящий лежал на краю неглубокой канавы, в покрытом инеем бурьяне. Гарри подошел к скрюченному телу, наклонился и поправил шерстяную морскую шапочку на голове. Индеец с обветренными щеками и острым женственным подбородком. Когда он взял человека за руку, то сразу понял, что это женщина. Тонкие кости, сломанные ногти, кусочки красного лака. Пульс был слабым и учащенным. Он подумал, не отезти ли ее в больницу. Но он слишком хорошо знал эти больницы. Там станут обращаться с ней как с пьяницей, а после того, как она согреется, просто вышвырнут на улицу. Он осторожно приподнял женщине голову, просунул руку ей под колени и поднял. Одни кости, как перышко легкие. Она дышала нормально, и от нее не пахло спиртным. Гарри отнес

ее к машине, ухитрившись поддержать одной рукой, когда открывал заднюю дверь. Он попытался запихнуть ее внутрь. Он обошелся с ней не слишком-то деликатно: пришлось тянуть и толкать. Потом она обмякла, и он забеспокоился. Но пульс казался даже ровнее, чем раньше, и она все еще дышала. Он решил отвезти ее к себе домой.

Гарри жил с невзрачной, но очень умной собакой коричневого окраса по кличке Эдит. Как бывает, когда одинокий человек живет вдвоем с собакой, та со временем приобретает способности экстрасенса. К тому времени, как Гарри остановил машину, Эдит уже знала, что он кого-то подобрал на дороге. Она молча ждала, насторожившись, на подъездной дорожке. Подошла совсем близко и встала рядом с ним, когда он наклонился над задним сиденьем. Он вытащил женщину, немного пошатнулся, когда брал ее на руки, выпрямился и пошел. По тому, как Гарри держал свою ношу, Эдит поняла, что ее нужно охранять, и уткнулась носом в ногу незнакомки. Та носила одежду мужчины, который готовил жирную пищу, спала в снегу посреди зарослей дикой мяты, рядом с тушкой скунса, недавно побывала в городе, а до того жила на воде. В ней не было ничего дурного, но она была в замешатель-

стве, в отчаянии и могла заснуть навсегда. Эдит приняла все это. Когда Гарри понес женщину в дом, Эдит последовала за ним. Собака сделала стойку, навострив уши, когда хозяин укладывал женщину на диван, на который Эдит частенько сама укладывалась после того, как Гарри засыпал. Этот диван был мягкий и длинный, а женщина была невысокой. Эдит не возражала против того, чтобы потесниться.

Еще до того как открыть глаза, Вера определила, что рядом с ней мужчина. Она держала глаза закрытыми, стараясь, чтобы сердце не вырвалось из груди. До нее доносился запах еды. Она повернула голову в направлении запаха.

— Открой рот.

Мужской голос заставил ее задрожать, но голос был добрым.

— Я медик. Может, съешь немного супа?

Она не должна была открывать глаза, но не смогла удержаться от того, чтобы открыть рот. Ее накормили чудесным супом с кусочками нежного мяса, морковью, луком и ячменем. Мужчина влил ей в рот немного воды и вложил кусок хлеба в руку. Она держала глаза закрытыми, но принялась медленно есть хлеб. Постепенно, по мере того как еда проникала в ее тело, она все сильней

чувствовала странность своего пребывания по другую сторону вещей. Как будто она пролетела сквозь чрево торнадо. Она все еще была потрясена до мозга костей. После еды ее тело жаждало сна, поэтому она спала и спала. Каждый раз, просыпаясь, она оставляла глаза закрытыми. Она не хотела знать, что там снаружи.

Гарри повел ее в ванную комнату, потому что она все еще не открывала глаза.

— Вот, — сказал он, когда они пришли. — Это раковина. — Он положил ее руку на фаянсовый край. — Рядом с ней находится унитаз. А за ним — ванна.

Он опустил в воду кончики ее пальцев.

— А вот и запор, — продолжил он, подведя гостью обратно к двери, и положил ее руку на маленькую металлическую задвижку.

Он закрыл за собой дверь. Вера заперлась и ощупью добралась до унитаза. Она писала целую минуту, затем сняла одежду, ощупью добралась до ванны и скользнула в горячую воду. Красота ощущения была настолько сильной, что страх отступил. Это было похоже на второе рождение. Она открыла глаза. Солнечные лучи проникали сквозь запотевшее окно. Горшок с каким-то зеленым растением стоял на полке. Тусклый

восхитительный осенний свет. Она была новорожденным ребенком — кожа тонкая, как бумага, руки слабые, мозг учится формировать мысли.

На следующее утро она услышала, как мужчина смеется:

— Эдит, ты знаешь свое дело. Она позволила тебе согреть ее ноги.

Эдит знала свое дело прекрасно. Она повсюду следовала за женщиной. Устраивалась полежать рядом с ней. По запаху понимала, что с ней случились ужасные вещи и могут произойти снова. Страх этой женщины не имел ничего общего с Эдит, но относился непосредственно к Гарри. Гостью начинало трясти, когда он входил в комнату, и она пыталась скрыть дрожь, засовывая руки под одеяло.

Это было плохо, но Гарри не усматривал в ее состоянии ничего такого, чего не видел бы раньше. Нервозность, дрожь, дергающиеся глаза, дурные сны, внезапные, хотя без рыданий, слезы, попытки скрыть страх. Он сидел с ней в комнате, читал детективные романы из своей библиотеки, проигрывал пластинки. Она не говорила, какие песни ей нравятся. Ему нравилась ковбойская музыка, но он подумал, что лучше придерживаться музыки без слов. Спокойной музыки. Никакой

Китти Уэллс. Никакого Хэнка. И никаких жизнерадостных сестер Эндрюс[96], а также другой музыки биг-бэндов военного времени. У него было несколько старых пластинок, которые слушала его мать, ритмичная музыка, успокаивающая. Иногда ее глаза закатывались, и она начинала плавно махать руками, как будто отталкивала кого-то. Прикосновение к ней делало все еще хуже. Тут даже Эдит не могла помочь. Он поставил на проигрыватель пластинку Дебюсси и стал ждать.

[96] Сноски: 96

Китти Уэллс (полное имя Эллен Мюриэл Дисон; 1919–2012) — американская певица в стиле кантри, лауреат премии Грэмми за музыкальные достижения всей жизни (1991). Хэнк Уильямс (полное имя Хайрам «Хэнк» Уильямс;1923–1953) — американский автор-исполнитель, «отец» современной музыки кантри. Сестры Эндрюс — американское вокальное трио, состоявшее из трех сестер: Лаверн Софи Эндрюс (1911–1967), Максин Анджелин Эндрюс (1916–1995), Патриция Мари (Патти) Эндрюс (1918–2013).

Утешение голодного мужчины

Ночью выпал обильный снег, покрывший все вокруг. Милли поняла это в ту секунду, когда открыла глаза. Воздух в комнате изменился, наполнившись холодным сиянием. С трудом она заставила себя встать с кровати, стоящей рядом с радиатором. Да, она будет скучать по утешительной близости горячего чайника, но ей нужно собираться. Она должна уйти. Ей пришлось надеть зимние боты на молнии с войлочной подкладкой и меховой отделкой. Такие невзрачные. Тяжелое пальто, которое мать уговорила купить по сходной цене, вызывало разочарование. Но, увы, только такое она и могла себе позволить. Это было твидовое пальто со стеганой коричневой подкладкой. Теплое, хотя окраска шерстяного тканого твида, усеянного хаотично расположенными красными крапинами, вызывала у нее тревожное чувство. Они так не шли к ее новому наряду с узором из строгих черно-белых линий.

Она вспомнила, что в прошлый раз жители резервации прозвали ее Клетчатой. Будут ли они теперь именовать ее Полосатой?

Мать еще купила Милли комплект шерстяных кальсон. Но Милли не думала, что их наденет. Тем не менее перед самым уходом она засунула их в чемодан.

Улица встретила ее ослепительной белизной, и она пожалела, что не надела солнцезащитные очки. Они защитили бы от яркого света. Звуки казались приглушенными. Сначала ей почудилось, что она находится на глубине нескольких миль под толстым слоем прозрачной воды. Затем шуршанье колес и скрип шагов по снегу зазвучали обычно. Первый снег всегда поднимал настроение Милли — даже несмотря на то, что означал в скором времени все большие и большие сугробы. В автобусе она почувствовала облегчение — там было тепло и почти пусто. Пока она шла от остановки, глаза привыкли к яркому миру. Когда она вошла в здание железнодорожного вокзала, ей показалось, будто перед ней опустилась зеленая блестящая пелена. Ослепленная, она была вынуждена остановиться прямо у вращающейся двери, но прежде, чем ее глаза привыкли к новому освещению, кто-то налетел на нее. Милли очень не любила, когда ее толкали прохожие. Придя в себя, она постаралась идти с особой осторожностью, заранее уклоняясь

от людей, но сохраняя ровный темп, пока не дошла до окошка билетной кассы. По крайней мере, покупка билета прошла гладко. Это был один из тех дней, когда ей не нравилось даже спускаться по лестнице на перрон, потому что в процессе посадки в поезд было почти невозможно кого-нибудь не коснуться. Она крепко вцепилась в свой чемодан и сосредоточилась на том, что в нем находилось. В чемодане лежал экземпляр ее исследования в кожаном переплете. Другой — хранился у консультанта. На исследование ушло несколько лет напряженного труда, но у нее так и не нашлось времени заказать еще несколько экземпляров в административном блоке. Сама ненадежность существования этой работы заставляла Милли напрягаться. Отец встретит ее в Регби, как и раньше. Она знала, что почувствует себя лучше, если рядом будет кто-то, уважающий важность ее исследования. Кто сможет его охранять. По этой причине она попросила отца привезти с собой Томаса Важашка.

Милли не подозревала, что, пока она путешествовала, снегопад следовал за ней по пятам, как огромный кружащийся плащ. Ветер усилился, когда поезд приблизился к плоской долине Ред-Ривер и продолжил путь через Фарго. Сила

снегопада возросла, и он вызвал заносы, которые паровоз легко преодолевал, в отличие от автомобилей. Так что когда Милли, наконец, добралась до места назначения, ей пришлось ждать, пока вокзал почти совсем не опустел, прежде чем появились Луис и Томас. Отец тут же обнял ее, повергнув в замешательство.

— О, Клетчатая, — сказал он. — Я так рад, что ты приехала нам помогать!

Томас пожал ей руку, и это было обнадеживающе. Мужчины были измучены, так как по дороге им несколько раз пришлось выходить из машины и браться за лопаты. Поскольку в тот вечер уехать было невозможно, начальник станции разрешил им поспать на скамейках вместе с другими застрявшими путешественниками. Милли попыталась устроиться поудобней, используя чемодан в качестве подушки.

— С виду класть на него голову неудобно, — заметил отец. — Возьми лучше мою куртку.

— Я не хочу, чтобы отчет о проделанной работе, лежащий в чемодане, потерялся, — возразила Милли. — Или оказался украден, или что-то еще. Внутри мой единственный экземпляр.

— Как насчет того, чтобы я взял из машины веревку и привязал чемодан к нам с Милли? —

предложил Томас.

«Да, он действительно относится к этому документу с должным уважением», — с облегчением подумала Милли.

Томас и Милли заснули с чемоданом между ними, веревка была дважды пропущена через прочную ручку, а затем туго привязана к их запястьям.

Луис подумал, что веревка свидетельствует о наличии в чемодане чего-то ценного и это может соблазнить похитителя. Но никто из их собратьев, ищущих убежища, даже отдаленно не выглядел вороватым.

Утром они позавтракали в ресторане, который рекламировал в витрине фирменное блюдо «Утешение голодного мужчины». Каждый из них заказал это специальное блюдо, и шутка в том, что голодная Милли съела и свою порцию, и все, что осталось на тарелках ее спутников, а она вовсе не была мужчиной.

— Иногда мне снится, что я мужчина, — призналась Милли, и на это заявление ни один из них не смог найти ответа.

— Хорошо, что снег прекратился, — проговорил Луис, щурясь и глядя в окно.

— Надеюсь, нам не придется пользоваться бук-

сирным тросом, — отозвался Томас.

— В любом случае небо проясняется.

— Никак не могу себя простить за то, что не надел цепи на шины.

— Может, стоит заказать Милли еще один завтрак? — пошутил Луис. — Не мешало бы повременить. Пусть солнце хотя бы немного осветит дорогу.

— Я возьму еще кофе, — решила Милли. — Но вам, возможно, придется остановиться из-за меня по дороге и подождать, пока я не сбегаю за деревья.

Луи забыл, что разговоры с дочерью почти всегда сопровождались именно такими неловкими заявлениями. Оба мужчины ответили утвердительно официантке, когда та спросила, нельзя ли забрать их тарелки, и замолчали, не зная, о чем безопасно говорить с Милли.

— Одна *М*, две *Л*, две *И*, — произнесла Милли ни с того ни с сего. — Так меня зовут. — Потом она улыбнулась и добавила: — Пока мы здесь ждем, давайте поговорим о результатах моего исследования.

Хорошие новости / плохие новости

Томас размышлял над составленным Милли подробным отчетом о положении дел в резервации.

Хорошая новость заключается в том, думал он, что мы достаточно бедны, чтобы требовать от правительства сохранения и даже улучшения статус-кво.

Плохая новость в том, что мы просто бедны.

Хорошая новость — округ, штат и наши соседи в окрестных городках, находящихся за пределами резервации, не хотят, чтобы мы навязались на их шею.

Плохая — это происходит не только потому, что мы бедны. Мы им не нравимся.

Хорошая новость — у нас есть крыши над головой.

Плохая — на 97 процентов они сделаны из толя.

Хорошая новость — у нас есть школы.

Плохая — очень многие из нас неграмотны.

Хорошая новость — найдено лекарство от

последнего поразившего нас бедствия — туберкулеза.

Плохая новость — много родителей умерло, а их дети выросли в школах-интернатах.

Хорошая новость — у нас есть этот отчет.

Плохая новость — содержание этого отчета.

Полет над снегом

Патрис медленно вытирала пыль со своего рабочего места маленькой мягкой щеточкой. Снег ложился на землю тяжелыми пластами. Теперь у нее не будет возможности проверить на практике то, что она узнала от Бетти Пай, до весны. Она выбрала для пробы Лесистую Гору, потому что, если все пройдет плохо, он будет менее «прилипчив», чем Барнс. Она представляла себе учителя математики похожим на колючки репейника, цепляющиеся за брюки или пальто. Прилипчивые. Похоже, у Лесистой Горы имелось много поклонниц. Возможно, он даже положил глаз на какую-то из них. Это делало его уже не таким «прилипчивым» по отношению к ней. Кроме того, если что-то пойдет не так, чего она не ожидала, она сможет отдать ему ребенка на воспитание. Да, это была странная мысль! Она никогда не слышала, чтобы хоть одна женщина это сделала. Но посмотрите, как хорошо он обращается с детьми. Единственное место, которое она могла придумать, чтобы попробовать заняться сексом, находилось в лесу, на открытом воздухе,

но теперь, когда повалил такой густой снег, оно не годилось. Разве только она что-то придумает. Она поправила оборудование и приступила к своей скрупулезной работе. Вчера Бетти Пай чихнула прямо на свое увеличительное стекло, что вынудило мистера Волда применить специальное средство для чистки, а затем полировки мягкой тканью. Сегодня Бетти слегла с ужасной простудой, так что отвлекаться было не на кого. Как она скучала по Валентайн! И по перерывам на кофе. А еще по свету. В это время года темнота наступала так рано.

* * *

Дорис и Валентайн уже сидели в машине, когда она вышла из заводского здания.

— Извините, — пробормотала она, садясь на заднее сиденье.

— Мы тебя чуть не бросили, — упрекнула подругу Валентайн. — Дорис не терпится отправиться в путь.

— Нет, мы бы этого не сделали, — миролюбиво произнесла Дорис. — Мне все равно пришлось прогревать машину. Валентайн, ты всегда преувеличиваешь.

— Вовсе нет!

Патрис откинулась назад. Она почувствовала, как жар медленно приближается к ее ногам, которые успели онеметь в тонких ботинках. Ей были нужны носки потолще. И свитер под пальто. Ее так удачно купленное голубое пальто годилось только до октября. Она вспомнила о том, что Поки теперь тепло одет благодаря Барнсу, и снова почувствовала укол совести за то, что предпочла ему Лесистую Гору, хотя выбор и казался бессмысленным, учитывая глубину снега. По крайней мере, дорога была достаточно хорошо наезжена, и езда не была затруднена. Спор, завязавшийся было на переднем сиденье, перешел в безобидное подтрунивание и смех, так что Патрис позволила собственным мыслям свободно плыть в интересующем ее направлении. Что, если она посетит дом Лесистой Горы, когда Джагги там не будет? Или что, если они одолжат машину Джагги? Что, если… О, что, если… Что, если они отправятся в старую заброшенную лачугу на холме, над которой так потрудилась Вера, думая, что когда-нибудь та сможет стать ее собственным домом? Нет, это нелепо. В ней так же холодно, как и на улице. Возможно, сквозь стены даже проросли ветки. Но там все еще стоит маленькая ржавая печка, подумала она, и туда можно при-

нести одеяла. Однако это означало бы, что она все спланировала. От этой мысли у нее закружилась голова. Она закрыла глаза. Сильная грудь Лесистой Горы, обнаженная, блестящая от пота и жары. Выражение его лица, как в тот первый раз, когда он с обожанием смотрел на ребенка, но теперь этот обожающий взгляд направлен на нее — хотя нет, подождите, она этого не хотела. Лесистая Гора был ее личным экспериментом. Она всего-то планировала испытать, что значит заниматься сексом, а не становиться обожаемой, любимой. Это могло сделать его прилипчивым, как Барнс. Но разве он все равно не был немного прилипчивым? Разве он приходил в ее дом лишь для того, чтобы посмотреть на ребенка?

Нет, он не был прилипчивым. Он даже больше не смотрел на нее. И теперь, когда выпал снег, он не приедет к ней верхом на Гринго. Эта лошадь была слишком ценной, чтобы оставлять ее на морозе. На самом деле она вообще никогда его не увидит. За этой вспышкой разочарования снова возникла мысль о старом домике Веры и о машине Джагги. О той шикарной машине, которую купила для нее Берни Блу. На деньги, которые Берни каким-то образом заработала. Мысли Патрис потекли по другому руслу.

Как Берни заработала деньги? Дурными способами, это точно. Берни жила с сомнительным, жестоким мужчиной, который, возможно, давал ей деньги. По какой-то причине. Может быть, любовь… Но разве сомнительный, жестокий мужчина дал бы женщине столько денег из любви? Патрис понятия не имела. Она заработала в городе кучу денег в качестве водяного быка, так что, возможно, были и другие вещи, которые Берни сделала, чтобы заработать кучу денег. Например, секс. Такой, о котором Патрис даже не подозревала. Он мог быть работой. Ведь и она когда-то не знала, что плавание в аквариуме в костюме синего быка — тоже работа. Или, может быть, подумала она, дело было в наркотиках, которые явно принимал Джек? Они должны стоить денег, как стоит денег спиртное. Ее мысли опять изменили направление. Может, Берни имела какое-то отношение к ошейникам, цепям и угрозе, исходившей от того заколоченного дома? Может, Берни имела какое-то отношение к тому, куда поехала Вера, и, может быть, деньги, на которые была куплена машина, имели какое-то отношение к тому, куда Вера подевалась? То, о чем Бетти пыталась ей рассказать, было правдой и, возможно, имело отношение к тому, куда Вера пропала.

И вдруг то, что Лесистая Гора пытался рассказать ей в поезде и позже о лодках — таких больших, что она не могла их себе представить, — было также связано с тем, о чем говорила Бетти Пай, и имело отношение к тому, куда отправилась Вера?

Обо всем этом, как она теперь понимала, догадывались или всегда знали другие люди. Это были вещи, о которых она, Патрис, старалась не думать. Но теперь понимание их всей тяжестью обрушилось на нее, и она пронзительно вскрикнула на заднем сиденье. Она думала, что Валентайн обернется, но нет, девушка была поглощена страстным разговором о том, что шитье салфеток и вышивание наволочек для сундука с приданым — дело невообразимо скучное и раздражающее и что она никогда больше не станет этим заниматься. Этому рукоделию ее пытались научить монахини. Она больше никогда к ним не пойдет! Ни за что. Никакого сундука с приданым. Она выйдет замуж и без него. Дорис горячо с ней согласилась. Валентайн тряхнула головой и сердито посмотрела в окно. Она умолкла. Ее лицо отражалось в стекле, и с заднего сиденья Патрис видела, как глаза у Валентайн бегают, поблескивая печалью. Валентайн никогда не вы-

шивала для сундука с приданым. Она вышивала для монахинь в школе-интернате, когда была маленькой девочкой. Она колола себе пальцы и с трудом подбирала нужные узоры. Ее мать чуть не умерла от туберкулеза, а Валентайн в те годы чуть не умерла от одиночества.

* * *

Патрис надела теплое нижнее белье, утепленный комбинезон, две пары шерстяных носков, отцовские ботинки и сняла с гвоздя у двери моток проволоки. Сегодня у нее был выходной, однако она не собиралась идти в поселок или ехать туда на попутке. За прошедшую безветренную ночь выпало еще больше снега, и теперь он лежал на деревьях, очерчивая каждую ветку и каждый сучок. В лесу воцарилась волшебная тишина. Как раз в такие дни Патрис любила ловить кроликов.

Жаанат сделала дочери пару снегоступов из гнутого ясеня и сухожилий. Надев их, Патрис могла отправиться куда угодно, не проваливаясь в холодный снег. У замерзшего болота она завязала узлами длинные стебли тростника, обозначив так кроличьи тропы. Там и предстояло поставить силки. Вокруг талии у нее была обвязана большая

матерчатая сумка. Пересекая болото, она срывала пух рогоза с одревесневших стеблей и наполняла им сумку. Она расставила силки в подлеске, ведущем к хижине Веры. Кусты можжевельника, которые Жаанат посадила во влажных местах, казались почти черными, уснувшими на морозе. В это время года их лечебная сила дремала. Наконец она пробралась сквозь заросли малинника и молодого березняка и вышла на поляну, где стояла хижина Веры. Вот она, крошечная лачужка из жердей, обмазанных глиной, заваленная снегом. В ней все еще были дверь и узкие окна, стекла на которых чудесным образом остались целыми. Несколько осин росли на крыше. Они были покрыты снегом и добавляли очарования этому месту. Было так тихо. Так дорого сердцу. О, Вера. Как Патрис могла вообразить, что приведет сюда Лесистую Гору ради грубой любви, из чистого интереса?

«Мне просто любопытно или я похожа на Бетти? Есть ли что-то плохое в том, чтобы быть такой, как Бетти? Нет, я не лучше», — подумала она. Обморочное, влажное, голодное ощущение охватило ее. «Нет, я не лучше любой другой женщины». Но эта мысль не уняла ее страстного желания, какой бы стыд она сейчас ни испыты-

вала. Она подумала о том, как холодно, как темно будет в хижине, даже если развести в ней огонь. Вероятно, там какое-то время жили скунсы. Патрис повернулась и пошла обратно, но другой тропой. Она хотела, чтобы медленно опадающий с веток снег скрыл ее запах, оставшийся вокруг силков. Она выбрала более трудный путь домой, двигаясь вдоль оврага, где было много снега и опора для ног была ненадежной. На полпути домой она ступила на коварный снежный наст, который провалился в углубление, выстланное листьями.

Это произошло так внезапно, что после того, как Патрис упала, она еще некоторое время сидела на листьях, сбитая с толку, но чувствуя себя комфортно и не желая двигаться. Она сняла снегоступы. Наверху, на вершине оврага, она слышала шуршание маленьких птичек — пухленьких, серых. Они прилетели большой стаей и теперь копошились в снегу в поисках пищи. Ее падение лишь ненадолго их потревожило. Она повернула голову. Позади открывался узкий проход между заваленными листьями корнями деревьев, а в его глубине царила глубокая и дружелюбная тьма. Это ложе из листьев, меж изгибов сухих голых корней, казалось таким

уютным. «Оно вполне могло бы стать моим любовным гнездышком, — подумала Патрис. — Если бы мужчине здесь понравилось, он мог бы и мне прийтись по душе».

Но нет. Место выглядело обжитым, это касалось и склона оврага, и пещеры, выстланной листьями. Здесь чувствовалось присутствие другой жизни. Она безошибочно уловила медвежий запах, но это был тихий запах, просачивающийся из-под густых дубовых листьев. Она подумала, что должна испугаться, но не испугалась. Она знала, медведь крепко спит. Теперь она пожалела, что не взяла с собою ружье, старое охотничье ружье, которым владела ее семья. Пустить его в ход, это был лучший способ убить медведя — на самом деле единственный. Но тогда пришлось бы упасть с ружьем, перекинутым через плечо. Ей и так повезло, что она приземлилась невредимой в своих снегоступах. Она поерзала, устраиваясь поудобней. Снаружи снег все падал с веток деревьев, хлопья за хлопьями. Наблюдение за тем, как снег соскальзывает с них, ввело Патрис в транс. Теперь она чувствовала, как легкие медведя медленно раздуваются и опадают, что делало ее еще более сонной. Возможно, листья были согреты массивной тушей медведя и его медленным

дыханием. Патрис свернулась калачиком и закрыла глаза. В любом случае сегодня выходной день, и ей давно пора вздремнуть, Ну, как часто современной работающей женщине доводится поспать бок о бок с живым медведем?

Она проснулась в пещерке из листьев с покалывающим чувством: что-то хорошее то ли произошло, то ли может произойти. Потом она вспомнила, что спала всего в нескольких футах от медведя. Она снова надела снегоступы и тихо ушла, сначала идя тихим шагом, потом вприпрыжку, высоко поднимая колени, чтобы снегоступы не слишком зарывались в глубокий снег, скопившийся по всему дну оврага. Холодный воздух, наполнявший горло, казалось, придавал сил. Сон тоже оживил ее, сделав гибкой и жизнерадостной. Она была намного сильнее, чем думала. И бесстрашней. Спускаясь с холма, она чуть не летела над снегом.

— Твой отец, он близко, — огорошила Жаанат, едва Патрис вошла в дверь.

— Откуда ты знаешь?

— Сегодня утром я нашла его следы. Учуяла его там, снаружи. Он оставил кое-какие знаки.

— Его удача вот-вот иссякнет.

И то сказать, он уже должен был объявиться. Время тому пришло. После двух-трех месяцев блужданий Паранто обычно, шатаясь, появлялся на дворе, выкрикивая что-то бессвязное и беснуясь.

— Я буду нашим ночным сторожем, — решила Патрис и вышла за топором.

Ночь выдалась ясной, но ветер переменился.

Патрис принесла топор и положила его на стол. Она запаслась керосином и могла держать лампу зажженной всю ночь. Она взяла книгу, немного бумаги и карандаш. Поки свернулся калачиком на своем матрасе. Жаанат легла спать с ребенком.

Посреди ночи Патрис поняла, что ни разу не вспомнила о Лесистой Горе с тех пор, как проснулась в пещерке из листьев. Может быть, она даже потеряла к нему интерес. Напряженная сосредоточенность мыслей о нем и построенные планы казались далеким прошлым. Зачем тратить время на выяснение отношений с мужчинами, когда она лежала с живым медведем? Теперь Патрис полностью взбодрилась, потому что днем немного вздремнула. Она сохранила силы, которых набралась за те минуты, что спала. Ей требовались более масштабные идеи. Почему

что-то должно быть невозможным?

Позже, уже глубокой ночью, Патрис затопила печь и надела ботинки и пальто, защищаясь от холода, проникающего в дом. Дрова потрескивали, отдавая все больше тепла. Затем расколотые поленья превратились в угли. Все прекратилось. Она внимательно слушала. Ничего, ничего, ничего. Но она ощущала спокойное дыхание ночи. Она надела материнские рукавицы, взяла топор и вышла за дверь. Снаружи царила оглушительная тишина. Черное небо было стихотворением за гранью смысла. *Мир этот не в конце, / Он за предел стремится, / Как музыка — незрим, / Как звук — дрожит и длится*[97].

[97] Сноски: 97

Э. Дикинсон «This World is not Conclusion» (пер. Сергея Долгова).

Силки

— Ну, разве Дорис и Валентайн не захотели бы посмотреть, как я здесь расставляю силки? — сказала Патрис младшему брату на следующий день. — Вот, видишь место, где кролик прыгнул? Поставь силок прямо над ним.

— Я все знаю! Перестань мной командовать!

Поки сделал петлю из проволоки и прикрепил ее к ветке, которая низко нависала над указанным местом.

— Все мои друзья ловят кроликов и охотятся, — проворчал он. — А твои подруги совершенно бесполезны.

— Зато у них есть работа. И они посещают Клуб домохозяек. Они шьют, работают в огороде и разводят кур.

— Жаль, что у нас нет цыплят, — посетовал Поки. — Я мог бы приспособить наш сарайчик под курятник.

— Они бы там замерзли насмерть.

— Может, тебе стоит покончить с этим, Пикси?

Поки был единственным, кому она позволяла называть себя Пикси.

— Покончить с чем?

— Ты знаешь.

Патрис опять стала той, какой была до того, как ее начали посещать грязные мысли. Она чувствовала себя гораздо выше той девицы, еще не переспавшей с медведем. А потому она одарила Поки улыбкой:

— Я полагаю, ты имеешь в виду Стог Сена?

— Он ко мне добр. Но я знаю почему. Значит, не он.

— Лесистая Гора?

— Было бы не так уж и плохо. Он наполовину хорош.

— Значит, на пятьдесят процентов ужасен. Нет, я стремлюсь к чему-то большему, — Патрис легонько толкнула брата в плечо. — Например, к девяностопроцентному уровню достоинств.

Поки замахнулся на нее.

— Он говорит, ты крутая.

— Да неужто?

— Он говорит, что ты, наверное, для него даже слишком крутая.

— Наверное, он прав.

Поки посмотрел скептически, затем — удрученно:

— *Гего бабааменденген, нисимен,* не волнуйся.

Давай проверим силки, которые я вчера поставила на нашем старом месте.

Патрис рассказала матери о медведе, но на языке чиппева, который Поки не очень хорошо понимал. Она использовала самые сложные слова, какие только могла придумать, чтобы брат не догадался, о чем она говорит, и не решил сам застрелить хозяина леса. Жаанат слушала с сияющими глазами, а ребенок мирно спал у нее на груди.

На пути к хижине Веры они прошли по краю замерзшего болота, тщательно осматривая силки близ следов, оставленных Патрис. Они нашли большого зайца-беляка, намертво замерзшего, и одного кролика поменьше. Потом они поднялись в гору, продираясь сквозь кустарник, и увидели хижину. Безмятежное спокойствие этого места сделало Патрис такой одинокой, что она сказала «нет», когда Поки предложил зайти внутрь.

— Это дом Веры, — пояснила она.

— Тогда я просто посмотрю в окно.

— Нет, — сказала Патрис, но он все равно подошел к хижине и встал у окна, прикрыв глаза ладонями.

— Там кто-то спит, — сообщил он. — Свернулся

калачиком у печи.

— Отойди, — велела Патрис.

Она знала: тот, в доме, не спит. Вчера здесь не было никаких следов. Да и сегодня следы Поки были единственными, ведущими к дому. По тому, как вытянулось лицо Поки, когда он вернулся, она догадалась: он тоже все понял.

— Пойдем домой. И не говори маме.

— Думаю, ты права, — согласился Поки. — Что собираешься делать?

— Поеду в поселок. Позову Мозеса Монтроуза. Или дядю Томаса. Но маме пока не говори.

— Не скажу. Боюсь даже подумать, кто это может быть.

— Я тоже. Ты не разглядел, мужчина это или женщина?

— Тело завернуто в одеяло.

— Думаю, лучше все же позвать дядю Томаса, — решила Патрис.

Мороз сжимал и обжигал легкие, когда Томас, Патрис и Лесистая Гора шли к хижине. Лесистая Гора тащил сани, которыми Жаанат и Патрис пользовались, когда тащили с охоты подстреленную добычу и на которых Поки любил кататься с горы. Поки тоже хотел пойти с ними, но они заставили его остаться с матерью, которая рас-

сеянно сидела у печи, укачивая ребенка. Жаанат все-таки рассказали о находке в доме на холме. Она покачнулась и упала на стол, как будто ее чем-то сильно ударили.

Они отгребли ногами снег, чтобы можно было открыть дверь хижины, и вошли. Патрис поняла, кто перед ней, еще до того, как Томас откинул одеяло. Она узнала туфли — перед тем как он на мгновение открыл лицо.

Тонкие туфли с дырками, сквозь которые виднелись картонные стельки. Такие он обычно вкладывал внутрь. Туфли ее отца. И бутылки от виски. Пустые, шесть или больше. Его смерть, похоже, была безболезненной.

Мужчины отступили и поднесли руки к толстым шерстяным шапкам-ушанкам, завязанным под подбородком.

— Не беспокойтесь о пустых условностях, — остановила их Патрис голосом, полным ярости. — Давайте просто спустим его с холма.

Повинуясь, мужчины погрузили тело на сани и тронулись в путь, а она двинулась впереди. Тот факт, что отец решил вернуться и умереть в доме Веры, так разозлил ее, что она разгорячилась, пока шла. Теперь дом Веры был запятнан смертью, случившейся в его стенах. Глаза Патрис

продолжали слезиться. Но она не плакала. Виною был холод. И ужас от того, что на месте отца могла быть Вера. Все, о чем она могла думать, когда думала о Паранто, относилось к тем временам, когда он заваливался домой нетрезвым и втягивал их всех в свое пьяное безобразие. Когда он мог толкнуть Поки с такой силой, что тот отлетал к стене. Она знала, что были и другие времена, но не могла их вспомнить. Скатертью дорога, подумала она. Никто не произнес ни слова. Все были на снегоступах и спустились к их дому до наступления темноты. Поки вышел на улицу. Его лицо не изменилось, когда он узнал, кого привезли. Он помог перенести отца в шалаш. Мужчины остались снаружи, а Патрис вошла внутрь. Ее мать отвела взгляд, когда Патрис сказала ей, кого нашли в лесу. Патрис знала: она не хочет, чтобы дочь увидела на ее лице облегчение.

Теперь членом семьи, вкладывающим все свои эмоции в колку дров, стал Поки. Может быть, он любил отца. Или, возможно, думал, что должен его любить. Прежде чем мужчины ушли, они притащили из леса поваленное дерево и распилили его на чурбаки. Поки и остальные поддерживали огонь для Паранто. Они не могли сказать, как давно он умер. Но его дух все равно будет блуж-

дать где-то поблизости, рассудила Жаанат. Им требовалось направить его по верному пути. Она хотела, чтобы его похоронили на расчищенном месте за домом. «Там я смогу за ним присматривать», — сказала она. Лесистая Гора подъехал в ту же ночь с повозкой дров. Он развел несколько костров на могильнике. Было необходимо, чтобы земля оттаяла и стала мягкой. Тогда можно будет выкопать могилу. Лесистая Гора принес ледоруб, лопату и большую кастрюлю супа Джагги, с фрикадельками, картофелем и морковью с перцем, плавающими в бульоне, загущенном мукой.

Той ночью Патрис проснулась от звука, который начался низко, набирал силу и превратился в пронзительный визг. Он доносился из глубины дома, с того места, где спала ее мать. Или из-за стены, где лежал ее замерзший отец? Патрис безучастно нырнула в сон. В какой-то момент она поняла, что Поки забрался к ней в постель и свернулся калачиком, прижавшись к ее спине.

На следующее утро ей было трудно встать, чтобы идти на работу. Выходя из дома, Патрис заглянула в шалаш. Тело отца все еще лежало там, завернутое в одеяло, на раскладушке, где он обычно отсыпался после запоев. Его смерть должна была бы ее огорчить, подумала Патрис,

но почему-то не вызывала грусти. Что ее действительно огорчало, так это ее радость от того, что он не вернулся к жизни. Как странно было не печалиться об умершем.

Когда машина подъехала, Патрис увидела, что Валентайн сердито смотрит в окно заднего сиденья. Она открыла заднюю дверь.

— Почему ты здесь сидишь?

— Так мне велела Дорис.

Валентайн сложила руки на груди и уставилась прямо перед собой.

— Садись на переднее сиденье, — предложила Патрис.

— Нет, — вздохнула Валентайн. — Я делаю так, как распорядилась Дорис.

Дорис притворялась, будто ничего не произошло. Она не хотела говорить о случившейся размолвке. О чем бы они с Дорис ни спорили, это было глупо, подумала Патрис, но вспомнила печаль в глазах Валентайн, когда та смотрела в окно машины, и сказала:

— Пожалуйста, сядь на переднее сиденье. Из-за чего бы вы ни поругались, оно того не стоит. Вы обе лучшие подруги.

— Моя лучшая подруга ты, — произнесла Валентайн тихо, но так, чтобы Дорис ее услышала.

— Мы трое лучшие подруги, — сказала Патрис. — И, может быть, раз уж на то пошло, нам следует добавить в нашу компанию Бетти. Давай, садись на переднее сиденье. Мы опаздываем.

— Да, — добавила Дорис, — мы опоздаем. Давай.

— Скажи, что ты сожалеешь! — крикнула Валентайн.

— Я сейчас выйду из себя, — грозно заявила Патрис, удивляя саму себя, такая властность прозвучала в ее голосе. — Валентайн, садись на переднее сиденье.

Валентайн вышла из машины и села на переднее сиденье, держась словно раненая птица. На ней было узкое коричневое пальто с плюшевым воротником. Оно ей очень шло. Усевшись на заднее сиденье, Патрис закрыла глаза. В один прекрасный день у нее будет собственная машина. И пальто, как у Валентайн. Сейчас может случиться все, что угодно. Патрис вспомнила, как проснулась в листве, — тогда она ощутила покалывающее чувство, будто скоро произойдет что-то хорошее. Интересно, это было связано с отцом? Была ли его смерть тем хорошим событием?

Патрис, ты жесткая. Он был таким жалким,

таким жалким. Почему она не чувствовала этого больше? Он, вероятно, умер, пока она спала в пещере из листьев. Странное ощущение радости жизни, испытанное в тот день, вернулось к ней. Она видела себя скачущей по дну оврага. Она не знала, что тащила на своих плечах такой груз. Затем его не стало. Возможность появления пьяного отца висела над ней большую часть жизни. Теперь страх исчез. Пропал, когда отец умер. Она и не подозревала, что эта ноша была такой тяжелой.

Она целый день проработала на заводе. Не в силах изобразить печаль, она никому не рассказала о смерти отца.

От заспинной доски до могилы

Томас работал над деревянным погребальным домом, пока Лесистая Гора заканчивал заспинную доску. Они работали в сарае Луиса, потому что у него были все инструменты — пилы, рубанки, рашпили, тиски, молоток и шлифовальные круги. Ни один из них не произнес ни слова. Томас использовал острое долото, чтобы плотно прилаживать концы досок. Ему не нравилось использовать гвозди для постройки погребального дома. Он сделал несколько небольших стропил для крыши, а затем выстругал необходимую дранку. Ему доводилось видеть погребальные дома, крытые толем и покупной черепицей, но во время работы он чувствовал близость к Жаанат — она попросила смастерить погребальный дом именно его, ибо знала, что он сделает это по-старому. За исключением того, подумал Томас, что он не уверен, действительно ли обычай хоронить мертвецов в таких домах — старый. Бибун рассказывал, что его отец помнил времена, когда мертвеца тщательно заворачивали в бересту, а затем закрепляли высоко на дереве. Такой

способ казался ему лучше. Тебя съедали вороны и стервятники, а не черви. Тело как бы летело над землей, вместо того чтобы распадаться в земле среди крошечных существ, живущих в ней. Обычай строить погребальные дома, вероятно, возник после того, как они были вынуждены жить на одном месте, в резервациях. В основном у них были католические захоронения. Он хотел спросить Лесистую Гору, что, по его мнению, было лучше: дерево или грязь. А между тем Лесистая Гора заканчивал заспинную доску для младенца.

— Полагаю, нам не следует говорить Жаанат, что мы делали погребальный дом и заспинную доску одновременно, — сказал он Лесистой Горе.

— Думаете, это может навредить ребенку?

— Я не суеверный человек, — сказал Томас, хотя он, безусловно, был им. Просто у него дело не зашло так далеко, как у Лабатта с его страхом перед совами и готовностью видеть зловещие предзнаменования во всем, что его окружает.

Лесистая Гора сказал, что зажжет пучок шалфея и окурит дымом заспинную доску, чтобы снять с нее порчу.

— Это сработает, — согласился с ним Томас.

Для верхней части колыбели Лесистая Гора использовал лучший шлифовальный инструмент

Жаанат — стебель лесного хвоща, расщепленный и приклеенный к обрезку доски. Он прочерчивал на белом кедре узкие линии. У него была банка чая и банка уксуса, в которую он на неделю положил несколько мелких монет. После того как он отшлифовал дерево, сделав его гладким, он покрасил нижнюю часть колыбели чаем, который придал ей мягкий коричневый цвет. Верхнюю часть колыбели, включая защиту головы, он промазал уксусом, окрасившим ее в бледно-голубой цвет. К головному щитку он привязал несколько сухожилий. Иногда, работая в поле, он находил маленькие океанские ракушки. Некоторые были завитыми, другие представляли собой крошечные рифленые гребешки. Он просверлил в них отверстия и подвесил на отрезках сухожилий.

— Барнс говорит, здесь когда-то был океан, — сказал он Томасу.

— В бесконечно далекие времена.

— Вот это да! Ребенок Веры станет играть с этими маленькими штуковинами со дна моря, которое раньше здесь было. Кто бы мог подумать?

— Мы связаны с людьми, давным-давно жившими здесь, во многих отношениях. Может, кто-нибудь из далекого прошлого прикасался

к этим раковинам. Может, маленькие существа, жившие в них, разложились и попали в землю. Может, какая-то крошечная их частичка сейчас находится внутри нас. Подобные вещи нам неведомы.

— То, что мы жили здесь так давно и так сильно связаны с нашей землей, вселяет в меня чувство умиротворения, — признался Лесистая Гора.

— То-то и оно, — подытожил Томас. — А теперь мы отправляем в землю еще одного человека. Может быть, он и пьяница, но не всегда же им был.

— Иногда, когда я брожу здесь, — задумчиво произнес Лесистая Гора, — мне кажется, будто они со мной, те люди из далекого прошлого. Я никому не говорю об этом. Но они окружают нас. Я никогда не смогу покинуть это место.

Ночная стража

Рядом с домом они оставили дерево с крепкими ветвями. На них можно было подвесить оленя и освежевать его. Или медведя. Чем и занималась Жаанат, когда Патрис вернулась с работы. Конечно, она не поленилась за ним сходить. Медведь был ходячей аптекой. Когда медведя убивали во время зимней спячки, его мясо было мягче и слаще. Патрис пришлось рассказать о нем матери, но она надеялась, что та не убьет его. Теперь Жаанат и Томас тщательно очищали шкуру. Освежеванный медведь казался Патрис слишком похожим на человека, и она поспешила к дому. Войдя внутрь, она услышала, как собравшиеся тихими голосами поют медведю положенную песню. В комнате было тепло и тесно. Люди сидели вокруг печки и за столом. Ребенок был спрятан от посторонних глаз на руках у Джагги, а Роуз жарила баннок[98]. Люди сидели на кровати По-

[98] Сноски: 98

Баннок (также известен как жареный хлеб) — национальное блюдо индейской кухни, в настоящее время широко распространенное среди многих племен индейцев США. Представляет собой плоский кусок дрожжевого теста (лепешку), обжаренную или глубоко прожаренную в масле или жире.

ки и на низком матрасе ее матери. Некоторые принесли свои одеяла, перекинутые через плечо, чтобы спать на полу. Патрис знала всех или почти всех. Ее занавеска была отдернута, и единственная женщина, которую она не знала, сидела на кровати Патрис в одиночестве, держа чашку чая. Она была, возможно, на несколько лет старше Патрис, и у нее были прямые темные волосы и «кошачьи» очки[99]. На ней был сбивающий с толку свитер с черно-белыми полосами. Одеяло Патрис тоже было черно-белым. Кем она была?

Кто-то повесил в углу одеяло, отгородив им небольшое пространство. Там Патрис смогла уединиться, чтобы переодеться. Она надела рейтузы, комбинезон и старый свитер из миссии. Потом сняла с полки свои меховые рукавицы. Она также надела вязаную шапку. Когда она вышла из-за одеяла, незнакомая женщина с удивлением посмотрела на нее, пораженная преображением.

— Привет, — поздоровалась женщина. — Я Милли Клауд.

Она не подала руки, а потому Патрис протянула свою. Милли осмотрела руку Патрис, как будто

[99] Сноски: 99

Очки «кошачьи глаза» — форма оправы, для которой характерно наличие выступа на внешних краях. Были популярны среди женщин в 1950-х и 1960-х годах.

та была необычной, как рука Жаанат, но затем пожала ее почти с отчаянием. Хватка у Милли была крепкой, как у белого человека.

— У вас на руке мозоли, — отметила Милли.

— Мне нравится колоть дрова, — сказала Патрис. — И я как раз собралась на двор, чтобы их нарубить.

— Я никогда не колола дрова, — призналась Милли. — А когда был построен ваш дом?

— Не знаю.

— Я заметила, что для крыши вы использовали толь. Его настилал отец?

— Он-то? Вот это был бы номер, залезь он на крышу. Он ведь был пьяницей, — пояснила Патрис.

— Вы очень откровенны, — отозвалась Милли.

— Вообще-то кровать, на которой вы сидите, моя, — нахмурилась Патрис.

— Я так и подумала. Заметила стопку журналов. Вы не возражаете, если я здесь посижу?

— Что я могу с этим поделать? — пожала плечами Патрис.

Потом ей показалось, что она слишком сурова с гостьей, и, решив сказать что-нибудь приятное, пробормотала, что Милли может почитать ее журналы. С этими словами она ушла. Она бы

предпочла похоронить отца в присутствии всего нескольких человек. К чему эта толпа, а тем более кто-то, кого она не знает, но о ком слышала, потому что гостья — настоящая ученая, гордость народа чиппева. Ей следовало быть повежливее. Она вспомнила, что ей нужно узнать, как поступить в колледж. Патрис поговорила еще с несколькими людьми, приняла несколько объятий, съела кусок баннока и миску супа Джагги. Затем она вышла на улицу. Поки все еще рубил дрова.

— Ты можешь на время передохнуть, — предложила Патрис. — Похоже, ты колол дрова весь день.

— Не совсем так. Приходится все время останавливаться и греть руки.

Патрис сбросила рукавицы и взяла топор. Топорище было теплым. Пока она рубила дрова, прошло много времени, прежде чем руки начали замерзать. Поки собирал поленья в охапки и относил в дом. Патрис вошла в ритм, и все остальное стало неважным. Она забыла о странной женщине, сливающейся с рисунком на ее одеяле. Забыла о путанице в своих чувствах или выплеснула их наружу. Казалось, они срывались с топора и улетали в лес. Она забыла о доброте

медведя и о том, как она его предала, хотя, возможно, как верила Жаанат, медведь намеренно подставился ей. Патрис падение все еще казалось случайным. Спящий медведь просто смирился с присутствием девушки, а может, вообще его не заметил. Вполне могло быть, она приснилась медведю, ведь тот, несомненно, учуял ее во сне и знал, что она рядом. Каково это было — сниться медведю?

Конечно, ничего подобного не случалось с большинством королев школьного бала, подумала Патрис, или с большинством водяных быков. И уж, разумеется, такого не случалось ни с кем из работниц завода.

Лесистая Гора стоял на месте могилы, долбя киркой мерзлую землю. Пока она рубила дрова, могилу начали рыть. Доносящиеся звуки мерных ударов действовали на нее утешительно. Они придавали ей сил. Они означали, что работа была сделана. Ее отец скоро будет в безопасности, и она сможет больше не бояться его. Так всем будет легче. Никогда больше матери не придется ложиться спать с ножом под подушкой и топором в ногах. Никогда больше Поки не придется съеживаться и втягивать голову в плечи. Никогда больше Патрис не придется вытирать в углу

мочу и дерьмо отца. Или слышать, как он плачет в шалаше, взывая к ним, словно прóклятая душа. Хотя она услышала его еще один раз.

Первая ночная стража

Поработав некоторое время, Патрис вернулась в дом и съела еще одну миску супа, сваренного Джагги. Священный огонь горел с тех пор, как был найден отец. Она подошла к огню, держа в руках жестяную кружку с материнским чаем. Брызнула несколько капель в огонь. Чай был приготовлен из ароматной можжевеловой хвои и талой воды. Это был ее любимый вид чая. Было что-то в воде, которая кружилась в поднебесье, превращалась в хлопья снега, опускалась на землю, а потом таяла в чайнике и кипела с можжевеловыми иголками. Трудно было подобрать подходящее слово. Но горячий чай, приготовленный из ингредиентов, в которых соединились земля и небо, излучал всепроникающую силу, наполнявшую ее тело. Кончики пальцев защипало, а в животе потеплело. Она чувствовала, как кровь пробуждается к новой жизни. Она села с мужчинами у огня. Они обращались с ней по-другому теперь, когда она надела отцовские ботинки, просторное пальто и комбинезон. Она слушала, как они рассказывали о баскетбольных подвигах отца.

Паранто по прозвищу Пружинка. Она слышала все это сотни раз. Иногда, когда один из его прежних товарищей по команде имитировал жестом характерный прыжок, она даже смеялась.

Вторая ночная стража

Томас ушел доделывать погребальный дом, надеясь закончить его до утра. Остальные мужчины по очереди орудовали киркой и лопатой, выкапывая могилу в глинистой земле среди тесно переплетенных корней. На заднем плане всегда слышались звуки кирки. Удары были тонкими, странными, они раздавались в лесу и отражались от деревьев. Постепенно, по мере того как копатели погружались в землю, звук становился все глуше. Наконец мужчины отошли от костра и принялись за еду. Патрис осталась одна. Один раз у нее по спине пробежали мурашки. Она огляделась вокруг, но ничего не увидела. Она снова повернулась к костру и, уставившись на него, впала в своего рода транс, глядя на то, как поленья белеют по краям, пока огонь поедает их середину. Вдруг где-то сбоку, почти вне поля зрения, что-то опять шевельнулось. Она огляделась. На опушке, у самого начала лесной тропы, какая-то неясная тень скользнула между деревьями. Патрис видела, как та промелькнула среди

ветвей и исчезла.

Третья ночная стража

И снова, в самую глухую часть ночи, Патрис осталась у костра одна. Мужчины закончили рыть могилу. Воцарилась глубокая тишина. Она положила полено в самое пламя. Затем, наблюдая, как угли втягивают воздух, а языки пламени жадно хватаются за новую пищу, она впала в состояние такого глубокого изнеможения, что ее тело завибрировало. Ее разум прояснился. И снова она заметила, как в лесу что-то шевельнулось. Она вгляделась. Видимое ускользнуло куда-то, и появилось невидимое. Существо низко наклонилось и осторожно выглянуло из кустов. Это был ее отец, глаза которого блестели в черных глазницах. Он был одет в ту же бесцветную рваную одежду, в которой его нашли. Он увидел ее. Казалось, он чего-то от нее хотел. Паранто открыл красный, скривленный в беззвучном плаче рот, словно умоляя о чем-то. Может быть, он хотел пить. Или наесться досыта. И все же было что-то неимоверно жалкое и тоскливое в том, как он смотрел на нее, теперь мертвый, внимающий зову других мертвых людей, нарушая законы потусторонней жизни так, как нарушал законы жизни земной, когда был живым человеком. Да,

он хотел взять ее с собой — ведь и в реальной жизни отец всегда нуждался в ее помощи.

Патрис привстала, думая, что он может уйти, если она пошевелится, и, конечно же, он снова бросился через лес, сквозь густые черные деревья — туда, где его ждала могила. Со своего места она могла видеть эту черную щель в земле. Рядом с ней он остановился и постоял на краю тьмы, глядя вниз. Вот тогда-то и зазвучал его голос, сначала низкий, а затем становившийся все выше, пока не превратился в пронзительный фальцет. В скулящий голос, похожий на свист и приводящий воздух в движение. Она стояла, пока его струя раздувала огонь, вдруг прорезавший темноту высокими языками пламени. Их отсветы хлестали по голым ветвям и гнали облака, которые неслись, как серый дым, сквозь черноту неба. Голос пытался вытянуть из нее жизнь. Она дрожала, сердце колотилось в горле. Когда ветер закружился вокруг Патрис, сжимая ее тело, обдирая лицо, она почувствовала, что начинает парить в воздухе. Тогда она перенесла весь свой вес на ноги и начала смеяться.

— Тебе нас не достать! Сейчас тебе до нас не добраться! — взвизгнула она.

Кто-то подошел к ней сзади, и у нее перехвати-

ло дыхание. Но она медленно повернула голову и осмелилась взглянуть. Это была мать, уставившаяся на то место, где отец спускался в могилу. На мгновение лицо Жаанат озарилось яростью, но затем она медленно перевела взгляд на дочь, и Патрис показалось, что она видит свое собственное лицо, освещенное отражающим свет костра зеркалом облаков и воды. Мать всего-навсего протягивала ей миску супа, крепкого, с медвежатиной, и такого горячего, что от него шел пар.

Рассвет

Лесистая Гора помог перенести погребальный дом. Томас немного поспит, а потом они проведут похороны. Жаанат и Поки завернули Паранто в одеяло и накрыли его оттаявшей и обвитой вокруг тела корой. Джеральд прибыл ночью, и его люди расположились на полу, похожие на укрытые одеялами части огромного пазла. Три женщины спали на кровати Патрис вместе со своими детьми, поэтому она забилась в угол, натянув на себя тяжелое пальто. Милли уже спала, голова ее была замотана шарфом, из-под одеяла торчали ноги в отороченных мехом зимних ботах, странных и трогательных, почти детских.

Начали прибывать и другие люди. Целые семьи. Некоторые приносили еду, другие приходили, чтобы поесть. Появились Лабатты, каждый со своей миской, чтобы отнести домой остатки еды. Лабатт заплакал. Несколько ночей назад он пил с Паранто и Эдди, но ничего не сказал, хотя и сообщил мистеру Волду от имени Патрис, что ей нужно уйти с работы на похороны. Было все еще очень холодно. Пришел Баки, одетый в пальто и завернувшийся поверх него в одеяло. Патрис видела его с того места, где стояла. Его волосы были спутаны и свалялись, как шкура мертвого животного. Когда он вошел в дом Жаанат, волоча ногу, все замолчали. Баки с усилием подошел к Жаанат и указал на свое лицо, щеку и кожу, свисающую с одной стороны. Его рот был искривлен, не мог закрыться полностью, слюна замерзла на шее, единственный глаз сильно косил.

Баки наклонился и достал из кармана пару туфель, которые украл у Патрис. Он опустился на колени, поставил их на пол и стонуще пробормотал нечто, похожее на «снимите с меня порчу».

Жаанат посмотрела на обувь, вгляделась в него внимательно, однако без злобы.

— Твои дела довели тебя до такого состояния, так что я тут ни при чем, — сказала она.

Баки рухнул на пол:

— Тогда вылечи меня, пожалуйста, вылечи меня.

В бессвязной мешанине его слов ничего не осталось от прежнего Баки.

Он беспомощен, подумала Патрис. Такой же беспомощный, какой была я. Но если к нему вернутся силы, он причинит нам боль.

Позже, когда Джеральд стоял рядом с телом Паранто и рассказывал умершему, чего искать и что делать, когда он окажется на другой стороне, Милли подошла и встала рядом с Патрис. Когда Джеральд сделал паузу, Милли спросила, что он сказал, и кивнула, когда Патрис тихо ответила ей. На лице Милли застыло ошеломленное, восхищенное выражение. Наконец мужчины с помощью веревок опустили Паранто в могилу.

Два месяца

Томас

Дата определилась. Слушания были назначены на первую неделю марта. Это давало консультативному комитету Черепашьей горы около двух месяцев, чтобы спасти племя от исчезновения.

Милли

Милли Клауд сидела на полу в зимнем пальто. Она склонилась над тетрадью, крепко прижатой к бедру, и быстро писала заметки о своем посещении похорон Паранто. Она никогда не была на таком мероприятии, как похороны, никогда не слышала таких странно приятных, чуждых ее слуху и повторяющихся песен. Не слышала она и такого количества слов, сказанных на языке чиппева. В доме Пайпстоуна в ее присутствии на нем практически не говорили. Когда она проводила опрос, к ней почти всегда обращались по-английски. Теперь она понимала, что английский предназначался для нее одной, тогда как в реальной жизни большинство окружающих людей, включая Луиса и Грейс, говорили на оджибве. Все это очаровывало Милли, и хо-

тя она с трудом могла делать заметки во время церемонии, она внимательно наблюдала за происходящим. Она как можно скорее взяла свою тетрадь и села в углу спальни, которую делила с Грейс Пайпстоун. Она ужасно замерзла и с трудом выводила буквы, в то время как Грейс спала на кровати под двумя тяжелыми одеялами. Как только все детали, которые она могла вспомнить, были записаны, Милли сняла пальто. Надев свои самые теплые носки и кальсоны, которые, хоть и верилось с трудом, она почти было решила не брать с собой, Милли на цыпочках пересекла комнату и скользнула под одеяло рядом с Грейс.

Барнс

В помещении, которое он привык считать своей монашеской кельей, стоял квадратный деревянный стол. На этот стол Барнс положил ранний рождественский подарок от дяди, похожий на маленький чемоданчик из отбеленной кожи аллигатора. Но, разумеется, кожа была искусственной. Он открыл крышку, и под ней взгляду открылись вертушка проигрывателя для пластинок, ручка звукоснимателя, игла и круговая шкала настройки. Он подключил электрический шнур к единственной розетке в комнате, достал из конверта пластинку, поставил ее на проиг-

рыватель, а затем лег на продавленную кровать и закрыл глаза. Бессмертный голос Слима Уитмена[100] заполнил комнату. Эти три женщины были его богатством. Как сложится жизнь? Барнс перевернулся на другой бок, уткнулся головой в подушку. Каждая из трех кружилась у него в голове, оставляя за собой аромат и улыбку. Барнс откинулся назад и обнял вторую подушку. Для утешения ему нужны были обе. Одна для головы, другая, чтобы обнимать ее всю ночь. *Какая из этих женщин создана для меня? О боже, мое сердце разбито на три части.*

Джагги

Разве ее мальчик ничего не понимает? Его лицо все в ссадинах и уже никогда не будет прежним. Никто больше, кажется, этого не замечает. Это дело матери, сравнивать, каким он был и каким стал. Ее сердце сжалось. Идеальный человек, которого она родила, испорчен глупыми драками. В чем заключается смысл? Во всяком случае, какое-то мгновение в жизни он был красив, как его отец. И умен. Теперь он, похоже, утратил даже ту малую толику здравого смысла, которой обла-

[100] Сноски: 100

Отис Дьюи Уитман-младший (более известный как Слим Уитман; 1923–2013) — американский исполнитель кантри– и фолк-музыки.

дает большинство молодых людей. Он принес ей заспинную доску, чтобы она могла на нее полюбоваться! Заставил ее прикоснуться к дереву.

— Гладкая, как шелк, — произнес он.

О, так оно и было.

Что, черт возьми, она должна была сказать?

Бетти Пай

Норберт, Норб, о, Норби! Дверная ручка впилась ей в спину, а шея болела оттого, что она пыталась держать голову ровно. В противном случае она билась затылком о заднее стекло — это было больно. Все началось, как всегда: она словно вылетает из своего тела. Но эту часть ощущений она могла принять или оставить. Когда, о, о, о, Норберт, Норб, когда, Норби, о, он собирался кончить? Через его плечо она могла видеть противоположное окно. В толстом стекле появилось чье-то лицо, размытое и голодное. Бетти открыла рот. Ее крик был заглушен жадным поцелуем. Норберт снова опустил голову, и она решила не кричать. Дверь была заперта. Если бы она прервала Норба, ему пришлось бы начинать все сначала. Как бы то ни было, лицо исчезло. Кто бы это мог быть, во многих милях от любого жилья? Они так далеко заехали по проселочной дороге, что на горизонте она видела только один

тусклый и сиротливый огонек. Кто бы мог разгуливать здесь ночью в одиночестве? О, о, о! Норби! Наконец-то. Холод словно колол ножом в спину. Она знала это лицо. Она разгладила свою одежду, поправила волосы, использовала изящную салфетку, чтобы снять *биинда'уджиган*, и еще пару салфеток, чтобы завернуть его и положить в боковой карман сумочки. Каким-то образом, да, она узнала это лицо. Она использовала еще несколько салфеток и забралась на переднее сиденье. «О, милая, о, милая», — повторял Норберт. *Ниинимоше*. «О, милый, о, *ниинимоше*», — ворковала Бетти ему в ответ. Она положила свои мягкие ладони ему на щеки и обняла его лицо. Нежный поцелуй. А теперь поедем домой. Верни машину своему дяде. Там все убрано? Здесь все убрано. *Миш'ив*. Ей нужно подумать. Кто это был? Она знала это лицо.

Луис

Это стало для него священной миссией — получить подписи всех людей, населяющих резервацию. Были и такие, кто жил в другом месте, но выследить их было выше его сил. Его зеленый пикап видели повсюду. Джагги был нужен ее «ДеСото», чтобы ездить на работу. Вот как? Может, она хотела сказать, что он должен

оседлать одну из своих лошадей и ездить верхом по проселочным дорогам? Выглянуло солнце, и он решил пойти пешком. На снегоступах по тропинкам. Милли вышла из маленькой комнаты, где спала вместе с Грейс. Конечно, Грейс присматривала за лошадьми. Милли определенно не была одета для холодной погоды. Чего стоили одни ее ботильоны! Он подарил ей пару своих носков. Удивительно, но она спросила, можно ли ей поездить верхом. Милли хотела отправиться к Жаанат. А ведь она боялась лошадей с тех самых пор, как неудачно прокатилась в прошлый раз. Он сказал, что поедет с ней, а затем продолжит собирать подписи. Он прикинул, какая лошадь достаточно спокойна для Милли. По правде сказать, ни одна из них не отличалась тихим нравом. Они были раздражительны — либо из-за того, что стояли взаперти в стойлах, либо стремились укрыться от непогоды и поскорей вернуться в конюшню. Даже старая Дейзи Чейн была пугливой, а кроме того, давно находилась на пенсии. Но Милли решительно повторила просьбу, и он понял, что, когда она настроена бескомпромиссно, ему лучше немедленно сдаться и не сталкиваться лбами с дочерью, так напоминавшей его самого в молодости.

Томас

Всего два месяца и еще несколько дней, чтобы спасти родину и свой народ. Так почему же, когда у него почти не осталось времени, Томас обнаружил, что на работе часто сидит, слепо уставившись в пространство, или пишет длинные бессвязные письма, но не людям, важным для дела, а друзьям и родственникам? Почему он теперь полюбил машинально чертить какие-то каракули или читать детективные романы Шарло, которые так хорошо помогали ему не спать? Почему он не мог успокоиться и сосредоточиться? Потому что он был напуган, вот почему. Что, черт возьми, он станет делать в Вашингтоне? Как они туда доберутся? Где остановятся? Что, если Артур В. Уоткинс разнесет его в пух и прах? Это будет похоже на Уоткинса. Он разделывал индейцев под орех своими речами и всей своей деятельностью. Что, если Томас потерпит неудачу? Если он не сможет высказаться? Если не сможет оспорить это дело? Если договора расторгнут, все потеряют землю, людям придется переехать в Города, а ему самому понадобится оставить свой дом? А как же его семья? И что будет с Бибуном?

Патрис

Как раз перед Рождеством ее глаза начали

сильно болеть. Может быть, она заработала снежную слепоту, осматривая силки в слишком солнечный день. А может, начинала сказываться работа на заводе, во время которой зрение находилось в состоянии постоянного напряжения. Поначалу дело обстояло неплохо, пока она сопротивлялась желанию потереть веки. Она все еще могла — моргая, щурясь — сосредоточиться на том, что делает. Она могла собирать подшипники, правильно наклеивая драгоценные камни, и успешно завершать работу. Но слишком медленно. Кузнечик топтался у нее за спиной. Боль начала усиливаться. Гной склеивал глаза, когда она спала. Придя домой с работы, измученная, она ложилась на кровать, укрывшись одеялами, а Жаанат промывала ей глаза травяными настоями.

Это помогало, и она всегда была готова к работе, но жжение возвращалось. Жаанат готовила настой впрок, и Патрис приносила на завод маленькую бутылочку с лекарством. Каждый день во время обеда она промывала им глаза. Она проделывала это в кабинке женского туалета, чтобы никто не мог увидеть и донести. Она боялась, что может потерять работу.

Слова

Слово, используемое для обозначения семяизвержения — *баашкизиге,* — также обозначает стрельбу из ружья. Слово, используемое для обозначения презерватива — *биинда'уджиган,* — означает также футляр для оружия. Милли записала эти слова в свою тетрадь. Потрясающе.

Вера

Однажды днем, когда Эдит наблюдала за происходящим, старый добрый Гарри опустился на колени рядом с диваном с кольцом в руке. Он попросил ее выйти за него замуж. Она закрыла глаза. Она только что проснулась, но все еще чувствовала усталость. Прежде чем она смогла ему ответить, она снова заснула. Позже, вечером, он снова стоял на коленях. На этот раз она позволила глазам открыться. Это казалось выходом из ее ужасного положения. Она взяла кольцо и надела на палец. Затем спрятала лицо. Он обещал, что даже не поцелует ее. Он сказал, что никакой ночи любви не будет еще долго. Никогда, подумала она. Несколько ночей спустя он стоял в дверях и занимался онанизмом. Ее разбудила вибрация. Отвратительный звук.

— Святой боже! — выкрикнула она, садясь. — Какого черта, что, черт возьми, ты делаешь?

Гарри включил свет. Он держал бутылку мо-

лока. Он встряхивал ее, потому что в верхней части, у горлышка, молоко замерзло. Он не мог уснуть и собирался выпить теплого молока. Не присоединится ли она к нему?

Лабатт

Не успел он завязать, как все началось сначала. Фрэнсис Бойд попросил потихоньку стянуть для него немного кофе из жестяной банки. Хотя бы одну чашку. Он сказал, что ему не впервой. Лилия Сноу попросила туалетную бумагу. Она устала пользоваться страницами из каталога «Сирс»[101]. Они царапают ее маленький персик. Младшая Бижики хотела стеклянный мерный стакан, похожий на тот, какой она видела на кухне у своей подруги. «Я больше ничего подобного не принесу, — ответил он ей встревоженно. — Я все равно такого бы не нашел. Я вообще представления не имею, о чем ты говоришь!» Гордон Флери сказал, что будет признателен, если Лабатт поможет достать ему инструменты. Любые инструменты. Лабатт на этот раз был возмущен. Он оскорбился. Хлопнул дверью своего ветхого дома, чуть не сорвав ее с петель. Что ж, разве вы не хлопали

[101] Сноски: 101

«Сирс, Роубак энд Ко», более известная как «Сирс», — американская компания, управляющая несколькими международными сетями розничной торговли.

дверями в этой резервации? Вы не захлопывали двери перед самым носом у человека? С тех пор и пошло. Он получил прозвище Текила-бум[102]. Что было не таким уж плохим прозвищем. Он воспринял кличку с благосклонностью. Она была лучше, чем несколько других, которые он пережил. И уж всяко получше, чем Пальчики, или Карман, или Дед Мороз, или другое имечко, которое он боялся получить, Сглаз. Ему грозила опасность его заработать, потому что он употреблял это слово слишком часто. Но он использовал его, так как знал то, что знал. Например, он знал, что Пикси кто-то сглазил. Он мог сказать это по ее взгляду.

[102] Сноски: 102

«Текила-бум» — коктейль из текилы, смешанной с любым шипучим напитком; стопку с приготовленным коктейлем накрывают салфеткой или ладонью, ударяют ею о твердую поверхность, и напиток залпом выпивается.

Новогодний суп

О, как он хорош. Наполнил живот. Заставил улыбнуться. Вылечил похмелье. Заставил двигаться на морозе. Его приготовили с луком, фрикадельками, которые на мичифе называют *булетами*, и картофелем, очищенным и отварным. Потом бульон загустили мукой. Поперчили и посолили. Вот и все. А еще можно добавить туда нарезанное мясо. Тоже получится хорошо. Такую еду трудно испортить. Главное, подать ее горячей. А еще неплохо испечь к супу хлеб, если у вас есть мука, обжарить, если у вас есть жир, в виде лепешек, которые на мичифе называют *гуле*, в форме маленьких пышных квадратиков или пончиков, которые люди называют *бэнгами*. Такой едой можно наслаждаться бесконечно. Жаанат приготовила суп из медвежатины. Он вылечивает обычную простуду. Вылечивает и необычную. Но трахому[103] не вылечивает. Нельзя закапать суп себе в глаза.

— Тебе следует пойти к медсестре, — посо-

[103] Сноски: 103

Трахома — хроническое инфекционное заболевание глаз, вызываемое хламидиями.

ветовал Лесистая Гора. — Давай я отвезу тебя в поселок. Ты можешь ехать на Дейзи Чейн, а я побегу рядом. Я все еще тренируюсь, хотя мать велела мне больше не драться.

— Отвези ее, — попросила Жаанат. — Мои снадобья не лечат болезнь, а просто сдерживают ее.

Патрис ехала в поселок на крепкой старой лошади. Та была невероятно медлительна. Лесистая Гора пробежал полмили вперед, потом пробежал чуть поменьше назад и некоторое время шел рядом, а затем снова выбежал вперед. Больница была построена из кирпича. В приемном покое было пусто, стулья жесткие. Патрис была вакцинирована от оспы еще в школе. Даже Жаанат была вакцинирована. «Болезни белых людей нуждаются в лечении белыми людьми», — пояснила она. Но для лечения всего остального Патрис полагалась на травы Жаанат. Это был первый раз, когда средства ее матери не подействовали. Она никогда не видела ни врача, ни медсестру и никогда не ждала приема в этой зловещей маленькой комнатке.

Медсестра была худой и седой, волосы собраны в пучок. На ней было длинное серое платье с накрахмаленным белым воротничком, и она держалась как настоящая монахиня.

— Что привело вас сюда, юная мисс? — спросила она.

Ее голос был тонким и сухим. Патрис моргнула, глядя на нее.

Медсестра попросила Патрис встать поближе к яркой лампе, велела ей открыть рот и прижала язык тонкой деревянной палочкой.

— У вас хорошие зубы, — отметила она.

Потом заглянула Патрис в уши, пощупала пульс. Наконец она осмотрела глаза Патрис, сосредоточившись сначала на одном, затем на другом. Затем она положила свои чистые прохладные пальцы ниже и выше слезящихся глаз Патрис. Вблизи кожа на лице медсестры была тонкая, как бумага, изрезанная крошечными морщинками, почти прозрачная. Даже сквозь слезы Патрис видела это. Медсестра опустила нижние веки и подняла верхние.

— Хорошо, что вы пришли вовремя. Вы могли ослепнуть, — сказала она.

Медсестра оставила Патрис сидеть в крошечной комнате, выкрашенной в характерный зеленый цвет. На полках стояли стеклянные банки, полные ватных шариков и тонких деревянных палочек. Ослепнуть! Ослепнуть! В ушах Патрис продолжали звучать слова медсестры.

Вернувшись, та дала Патрис маленькую баночку с лечебной мазью.

— Это нужно понемногу втирать в глаза.

После Патрис должна тщательно вымыть руки, объяснила медсестра. Она должна также следить за членами семьи, не появятся ли у них похожие симптомы. Ее голос был суров.

— Слепота возникает из-за плохой гигиены. Где вы живете?

— В Миннеаполисе, — солгала Патрис.

Плохая гигиена, подумала она. Почему бы медсестре не прийти в наш дом, не провести официальную оценку гигиены и не сообщить обо всем, чем наша жизнь не соответствует ее стандартам? Она вполне может это сделать. Чиновники из службы здравоохранения даже могут попытаться забрать нашего ребенка. Такое случалось с другими детьми. И все же, слава богу, слава богу, я не стану слепой! У нее зачесалась шея — верный признак того, что ей лучше убираться восвояси. Она поблагодарила медсестру.

Перед уходом Патрис медсестра предложила ей вернуться, когда будет принимать окулист, и назвала дату посещения глазного кабинета.

— Зачем? — удивилась Патрис.

Медсестра взяла с нее слово, что она придет.

Снаружи Лесистая Гора все еще ждал ее с Дейзи Чейн.

— Тебе не обязательно провожать меня домой, — сказала Патрис. — Я могу пройти к магазину и поймать там попутку.

— Мы вернемся домой тем же путем, каким пришли, — принялся настаивать Лесистая Гора. — Тебе вылечили глаза?

— Я не ослепну, — успокоила его Патрис.

— Не ослепнешь! — повторил за ней Лесистая Гора. — Моя бабушка ослепла.

— Это ужасно. Я бы потеряла работу. Не смогла бы колоть дрова. Я не знаю, что еще бы произошло. Я бы так скучала по всему… на свете.

Патрис не решалась даже подумать о том, чтобы сказать ему, что именно имела в виду.

— По всей красоте мира, — продолжила она.

— Я думаю, ты имеешь в виду не меня, — проворчал Лесистая Гора. — Вся красота мира.

Но его слова прозвучали так, будто он надеялся, что она имела в виду и его.

— Конечно, я имела в виду и тебя тоже, — сказала Патрис, все еще потрясенная этой мыслью.

Потерять все… Она по-настоящему не задумывалась об этом раньше, а потом узнала, что это могло случиться.

— Моя бабушка научилась очень хорошо ориентироваться, — пожал плечами Лесистая Гора. — Она утверждала, что у нее открылись другие чувства. Она могла слышать все и везде, понимаешь? И даже распознавать запахи. Она чувствовала мой запах, даже если я не издавал ни звука.

Он говорил быстро, пытаясь скрыть удовольствие, которое доставили ее слова.

— Я этого не знала, — сказала Патрис.

Ее глаза уже не так жгло, а свет казался более мягким. Холодный свежий воздух взбудоражил ее. «Я не ослепну», — думала она. Солнце стояло на небе низко, бросая на землю косые лучи царственного света. По мере того как они продвигались вперед, золотое сияние усиливалось, пока, казалось, не стало исходить от каждой детали местности. Деревья, кустарник, снег, холмы. Она не могла насмотреться. Дорога вела мимо замерзших болот, поросших опаленным морозами тростником. Горели ветви красного ивняка. Причудливые сплетения ветвей светились как живые. Зимние облака образовывали узоры на фоне сурового серого неба. Чешуя, петли, рыбьи кости. Мир был наполнен значимыми образами.

– *Онижишин*, как красиво, — пробормотала

Патрис.

Она спешилась и пошла рядом с лошадью. Лесистая Гора наклонился и поцеловал ее. Он не хотел этого и совершенно растерялся, когда она вскочила на лошадь, хлопнула ее по крупу и ускакала вперед. Он стоял и смотрел, как лошадь несется по дороге. Нет, Дейзи Чейн долго не выдержит такого аллюра. Вскоре кобыла перешла на шаг, достаточно медленный, чтобы он мог догнать ее без особых усилий. На самом деле он старался не догонять Патрис, но они двигались в одном и том же темпе, так что это было неизбежно. Некоторое время никто не произносил ни слова.

— Я бы хотел забрать поцелуй обратно, — сказал, наконец, Лесистая Гора.

— Все в порядке, — отозвалась Патрис. — Я просто была удивлена.

— Как ты могла удивиться? Я все время торчу у тебя дома. Люди говорят, что мы пара.

— Они даже считают, что ребенок, живущий у меня дома, наш, — сообщила Патрис.

Она рассмеялась, хотя смех прозвучал тревожно.

— Хотел бы я, чтобы он и на самом деле был нашим, — выпалил Лесистая Гора во внезапном

порыве откровенности. — Я бы хотел, чтобы ты была со мной.

Как только он произнес это, он почувствовал, что, сказав правду, снял груз с души. Он нуждался в ней. Хотел ее. Для него все было ясно. Она была его единственной и неповторимой любовью. В безумном порыве уверенности он схватил Дейзи Чейн за поводья, останавливая ее, и почти в исступлении выкрикнул:

— Ты создана для меня! Моя единственная и неповторимая! Ты нужна мне, о Пикси! В смысле, Патрис! Пожалуйста, ради бога, выходи за меня замуж!

Он смотрел на нее снизу вверх безумными глазами. Ее лицо плыло перед ним на фоне облаков. Она посмотрела вниз, мягкий взгляд ее больных глаз наполнял его душу самыми восхитительными ощущениями, хотя она ничего не ответила. Они продолжили медленный путь домой, думая каждый о своем. Она испытывала облегчение, потому что ничего не пообещала, а он испытывал облегчение, потому что она не сказала «нет».

На самом деле в тот момент Патрис хотела выкрикнуть: «Я тоже хочу тебя, ты мой мужчина! Ты тоже мне нужен, мой дорогой! Да!» Она не хотела говорить «Я тебя люблю». Он тоже этого не ска-

зал. Даже в самый критический момент, когда он объяснялся так чудесно, от всего сердца, какая-то часть Патрис это заметила. Часть ее мозга думала, даже почти вслух, о ней самой: «Она чувствует это, ее сердце бьется так быстро, что у нее кружится голова, смотри, она так счастлива, она так безумно счастлива, она влюблена, она влюблена в него, влюблена». Как только Патрис вернулась домой, она сразу направилась к поленнице дров и принялась за работу, но все тот же голос продолжал разговаривать с ней. Некоторые из прежних подруг, с которыми она ходила в школу, были замужем уже много лет. Некоторые из них имели по трое, четверо, пятеро детей. Они выглядели как женщины средних лет. Стирка одежды в талой воде для всей семьи, сушка ее на морозе, простыни, развевающиеся на солнце. И ее мать никогда не делала ни малейшего намека на то, что она может выйти замуж за Лесистую Гору. Так почему же Патрис должна выходить замуж? В голову пришла неутешительная мысль. Теперь, когда Лесистая Гора рассказал ей о своих тайных чувствах, он тоже стал «прилипчивым». Она не сможет попробовать с ним, каково заниматься сексом. Она пошла бы против одной из немногих вещей, которые мать говорила о любви: «Нико-

гда не играй с сердцем мужчины. Ты не знаешь, каков он на самом деле». Жаанат имела в виду, что он может владеть колдовской силой, которая может причинить вред, если он полюбил ее и был отвергнут. И Патрис подумала, что еще одна вещь, которую сказала мать, определенно была правдой — ты никогда не узнаешь по-настоящему, что представляет собой мужчина, пока не скажешь ему, что не любишь его. Вот тогда его истинное уродство, скрытое, чтобы очаровать тебя, может всплыть на поверхность. В конце концов, это произошло с Баки.

Названия

По мнению Жаанат, все пошло наперекосяк, когда места повсюду стали называть в честь людей — политических деятелей, священников, исследователей, — а не в честь реальных событий, которые происходили в этих краях, — таких как сновидения, еда, смерть, появление животных. Эта неразбериха, царящая в мозгах *чимукомаанег*, то есть белых людей, не способных понять разницу между безвременьем земли и коротким сроком пребывания на ней смертных, была типичной для их высокомерия. Но Жаанат казалось, что такое поведение белых вызывало разлад в жизни земного края. Животные не приходили в места, запятнанные именами людей. Травы начинали тянуться ввысь судорожно, урывками. Самые чувствительные из ее растительных лекарств вымирали или, возможно, вырывали себя с корнем, чтобы утащить свои плоды и листья в укромные уголки, где Жаанат не могла их найти. А теперь даже эти разоренные места, носящие имена святых, хозяев ферм и священников, собирались занять. По ее опыту,

как только белые люди заговаривали о захвате индейской земли, пиши пропало.

Эльнат и Вернон

Их тошнило от общества друг друга. Поэтому, когда Милда Хансон предложила каждому из них по комнате в своем фермерском доме, да, именно по отдельной комнате, слезы тоски навернулись на глаза Эльната. Его горло сжалось так сильно, что он не мог вымолвить ни слова. Вернону пришлось собрать в кулак всю волю, чтобы отказаться от предложения. Миссионерские правила и президент всегда настаивали на общей комнате. Они не могли покидать компанию друг друга на срок больший, чем того требовало пребывание в туалете. Ибо, если бы один из них поддался искушению, другой оказался бы рядом, чтобы засвидетельствовать проступок, а затем написать о нем президенту своего района или даже позвонить ему в случае экстренной ситуации.

Тем не менее в одной из комнат стояло две кровати, и местоположение дома было идеальным — он находился вне резервации и всего в миле от поселка. Господь предусмотрел кровати, стоящие не рядом, а в разных концах комнаты. Миссис Хансон была вдовой, которая

сдавала свои поля в аренду и теперь жила одна. Она сказала, что накормит их. При этих словах оба склонили головы. Помимо того, что они испытывали благодарность, у них кружилась голова от голода. В тот вечер на их тарелках оказались блины, а рядом с ними бекон. Миссис Хансон, с головой, сидящей на плечах практически без шеи, излучающая благородное сияние и гордая собой, наблюдала, как они едят. Они едва дышали. Они были так голодны, что чуть не задохнулись от нетерпения. В ее взгляде читалась жалость, и она медленно покачала головой. Ее волосы были собраны в маленький пучок, заколотый в форме вопросительного знака. В любом случае что они вообще такое? И что у них за религия? Она бы их выслушала.

В ту ночь Эльнат лежал поперек маленькой комнаты, по крайней мере, в десяти футах от Вернона. Это было чудесно. Милда разрешила им взять по два стеганых одеяла каждому, а поверх одеял они накинули свои зимние пальто. Им было тепло, пожалуй, даже слишком тепло, но они знали, что к утру от дров, которыми Милда щедро кормила печь, останется лишь пепел и едва тлеющие угли, и холод пронзит их.

Несмотря на усталость и, что еще более важно,

на изнуряющее негодование, Эльнат не спал. Он боролся с желанием сделать судьбоносный звонок епископу Дину Пейву. Он не хотел доносить на своего брата в Господе, но не мог допустить, чтобы его моральное падение продолжалось. Во время очередного миссионерского посещения ранчо Пайпстоунов — он посещал его несколько раз — Вернон, извинившись, сказал, что ему надо сходить в уборную.

Внутри дома Эльнат продолжил приводить Луису Пайпстоуну множество замечательных доказательств своего знания Священного Писания и интересных преимуществ своей религии. Он прекратил беседу только после того, как заявил, что его религия единственная, возникшая в Америке. Обычно, говоря это, он получал в ответ одобрительную улыбку независимо от того, соглашался просвещаемый принять крещение или нет. Но обладающий бычьим телосложением мужчина крепко сжал губы и наклонился вперед, сердито глядя исподлобья, как будто собирался наброситься на собеседника. Эльнат, заикаясь, что-то промямлил и умолк. После долгого молчания лицо Луиса подобрело, и он одарил Эльната удивительной улыбкой херувима.

— У нас здесь своя религия, — сказал он. — Да-

же есть наши собственные Писания. Только они больше походят на разные истории.

— Конечно, — скривился Эльнат. — Мы знаем, какой хваткой вцепился в эти края папа римский.

— Конечно, здесь все католики, но я не это имел в виду, — пожал плечами Луис.

— Ну тогда…

Эльнат смутился. Ему пришло в голову, не добрался ли сюда первым какой-нибудь сумасшедший святоша из числа евангелистов, выражающих свой религиозный пыл бешеным возбуждением и вхождением в транс.

— Как я уже сказал, у нашего племени есть собственная религия, — продолжил Луис. — Мы благодарны за наше место в мире, но мы не поклоняемся никому выше, чем…

С этими словами Луис указал в окно на тускнеющее небо, на застывшие облака, на солнце, растворяющееся в пелене слоистых облаков. Сарай тоже попал в поле зрения, и именно тогда Эльнат увидела Вернона, выходящего из сарая вместо уборной.

Отсутствие Вернона было недолгим. Ему едва ли хватило времени, чтобы совершить наихудший грех, хотя Эльнат был почти уверен, что

целью Вернона была именно девушка, которую они видели верхом во время парада. Он начал смеяться, отчасти от удивления проделкой Вернона, а отчасти потому, что подумал, будто Луис шутит насчет своей собственной религии. Во что бы там ни верили индейцы, Эльнат был почти уверен, что религией это назвать нельзя. Он думал, что Луис тоже начнет смеяться и будет впечатлен тем, что на этот раз Эльнат уловил его невозмутимый юмор. Но вместо этого глаза Луиса загорелись мрачным огнем, и он одарил собеседника зловещим взглядом. Последовала тишина. Даже сейчас у Эльната еще посасывало под ложечкой. И он подумал, что люди в этой резервации были теми самыми ламанийцами давних времен, которые затем превратились в цивилизованных нефийцев, как утверждал Вернон. Тишина царила до тех пор, пока Вернон не вернулся.

— Нам лучше уйти, старейшина Вернон, — произнес Эльнат резким от волнения голосом.

Теперь, словно для того, чтобы помучить его, раздалось царапание мышей и какие-то шорох и писк, а потом снова царапание. Звуки казались воплощением мыслей, запертых в его мозгу. Они метались из стороны в сторону за стенками его

черепа. Он боролся изо всех сил. С одной стороны, он был почти уверен, что если бы ситуация изменилась на противоположную, — а этого не могло произойти никогда, — Вернон бы его выдал. Он не стал бы сомневаться. Он испытывал к Эльнату еще большую ненависть, чем та, которую Эльнат испытывал к нему. Хотя нет, не совсем ненависть — это слово, как его учили, было порочным. Что угодно, только не ненависть. Просто у него не было любви. Да, ему не хватало любви. Но именно по этой причине он не мог решиться. Действительно ли он, Эльнат, беспокоится о душе Вернона? Или он просто хочет избавиться от Вернона, чтобы получить нового компаньона? И пойдет ли донос на пользу Вернону? Его компаньон будет опозорен. Деньги, которые сэкономили родители Вернона, и деньги, которые сэкономил сам Вернон, чтобы отправиться в эту миссию, будут потрачены впустую. Не так-то просто пережить проваленную миссию. Отправка домой может серьезно повредить репутации Вернона в обществе, возможно, на всю жизнь. Но если душа Вернона действительно в опасности, она будет страдать целую вечность. Мысли Эльната путались, кружились, а затем застревали между различными предполагаемыми вариан-

тами. Потом к нему подкралась идея, облеченная в чувство.

Эльнату захотелось прогнать неприятное ощущение, вызванное этой идеей. Он не хотел, чтобы она его волновала, но ее присутствие продолжало будоражить. Это казалось невероятным. Но наконец, когда он погрузился в беспамятство, слова все-таки сформировались. Предложения, написанные на меловой доске, постоянно стирались. Но одно предложение задержалось.

Поговори об этом с Верноном.

Эльнат вздрогнул, пробуждаясь. Обращение к епископу было четким правилом. И ни одно из существующих правил не предлагало: «Поговори со своим компаньоном». С другой стороны, никакое правило этого не запрещало. И все же сделанное Верноном носило столь личный характер, что к нему невозможно было отнестись однозначно. Какие слова использовал бы Эльнат, чтобы заговорить с Верноном на эту тему? Как это можно, говорить так прямо? Никто никогда не учил его, что беседовать с другим человеком о личных делах — грех, но это казалось ему грехом. Ощущения, которые он испытывал, были похожи на симптомы болезни, называемой душевным волнением. Ему и Вернону придется

признать это унизительное состояние. Эльнату прежде доводилось давать показания, но теперь дело обстояло совсем иначе. Он никогда не разговаривал так ни в своей семейной, ни в церковной жизни, а тем более с немногочисленными друзьями. Он разговаривал с Господом в наглухо запертой комнате своей души, глубоко сокрытый свет которой был окружен крепостными стенами его сердца. Душа была местом, куда был закрыт доступ другим человеческим существам, в особенности имеющим облик Вернона.

Ночная птица

Она училась вместе с Баки с первого класса, и то, что он пригласил ее прокатиться, было так приятно. Лето. Окно на заднем сиденье опустилось. Пожалуйста, садись. Ну же. И эта улыбка. Он всегда был с ней милым, иногда даже милее, чем обычно, что могло бы вызвать тревогу. Но до того дня она не была подозрительным человеком. Трое парней сидели спереди, и только один Баки — сзади. Она села на заднее сиденье, и один из парней, Майрон Пелт, скользнул на заднее сиденье рядом с ней. Это было неприятно, и позже она пожалела, что не подняла шум прямо тогда. Как только они тронулись с места и сразу набрали немалую скорость, Баки сделал свой ход. Патрис оттолкнула его, и Баки снова набросился на нее. Майрон держал ее за руки. Она, изогнувшись, попыталась лягнуть обидчика. Руки Баки лезли ей под рубашку, его ногти впились в ее тело. Затем он попытался раздвинуть ее колени своими, одновременно возясь со штанами. Несвежее дыхание ударяло ей в нос. Слюни капали с его губ. «Это не очень весело», — сказала она. Все парни

в машине засмеялись. Она застыла. Затем она повторила, на этот раз громче: «Это не очень весело для вас, ребята». Она почувствовала, что ее слова слегка привлекли их внимание. «Давайте пойдем к озеру. В кусты. Я знаю подходящее место. Тогда я покажу вам всем, что значит хорошо провести время». Откуда что взялось, она так и не узнала. Но это было все, что они запомнили. Майрон позволил ей сесть поудобней. Однажды, когда он ей подвернется, она убьет и его. Они поехали по ухабистой дороге к озеру. Она показала им, где остановиться, прямо у воды. Баки забрал ее туфли. «Так она не сможет убежать». Дурак. Она могла убежать. Черт побери, она могла бежать быстрей ветра. И она это сделала. Она нырнула в озеро. Они побежали за ней, но, может быть, им пришлось снять обувь, или, возможно, они не умели плавать, но она-то плавать умела, потому что именно так поддерживала летом чистоту тела. Ей нравилось плавать с Верой. Вот и сейчас, выбрасывая руки вперед, она поплыла изо всех сил, пока не оказалась вне досягаемости. Ее платье было легким. Она не стала его снимать. Ничто не сковывало ее движений. Парни на берегу казались ей крошечными, и все же она продолжала плыть. Когда она увидела лодку своего дяди, она

свернула к ней.

В ту ночь она унесла лампу за висящее одеяло и рассмотрела свои царапины, синяки. На плече у нее даже остался след от укуса. В машине, а потом в лесу она ничего этого не чувствовала. Но она все еще ощущала, куда лезли его руки. Ее трясло, она зажмурилась и забралась под одеяло. На следующий день под кожей проявилось еще больше синяков. Она вспомнила выражение: «проникли под кожу». Она показала эти отметины матери и рассказала Жаанат обо всем, что случилось. А кроме того, они забрали ее единственную пару туфель. Мать два раза резко выдохнула. Затем положила ладонь на руку дочери. Ни одна из них не произнесла ни слова. Они чувствовали одно и то же, и обе это знали. Позже, когда Патрис услышала о перекошенном рте Баки, она посмотрела на лицо матери, безмятежное и суровое, в поисках подсказки. Но Патрис и сама знала, что произошло. Ее ненависть была такой сильной, что вырвалась из нее, как ночная птица. Она подлетела прямо к Баки и вонзила клюв ему в лицо.

Служба по делам индейцев

— Какие у тебя сигареты?

— «Лаки страйк».

— О, хорошо. То есть, черт возьми.

Джагги протянула Барнсу сигарету, и они сели на кухне за стол с белой эмалевой столешницей, на которой Джагги обычно сразу после ужина месила тесто. Ранним вечером она принялась протягивать дрожжевое тесто между большим и указательным пальцами, сомкнутыми в кольцо, и делить его на порции, все время напевая под музыку, доносящуюся из радио. Теперь все булочки испеклись и лежали на противнях под чистыми кухонными полотенцами на стойке для выпечки. Воздух благоухал запахами свежего хлеба и табачного дыма. Она сделала радио потише, но все еще могла слышать одну из песенок Джонни Рэя[104].

— Вот это жизнь, — произнесла она довольным голосом.

— Вот это жизнь, — грустно промямлил Барнс.

---

[104] Сноски: 104

Джон Элвин Рэй (Джонни Рэй; 1927–1990) — популярный в 1950-е годы американский певец.

— Да что с табой такое?

— Это ни для кого не секрет.

Уголки его рта опустились.

Черт возьми, все в этом человеке, похоже, поникло, подумала Джагги. Хорошо, что у моего парнишки нет этой проблемы. Потом ей стало стыдно за свои мысли. И она отнеслась к Барнсу так, как, верно, хотелось и ему самому: она его пожалела.

— Просто выкинь из головы, — посоветовала она.

— Тебе легко говорить. Ведь это твой сын увел у меня Пикси.

— Знаешь, Стог Сена, ты должен меня сейчас выслушать. Никто не в силах украсть сердце девушки, особенно такой, как Пикси. Она выбрала мужчину, которому захотела отдать сердце, вот и все. Просто выкинь из головы.

— От тебя никакой помощи.

— Оглянись вокруг. Черепашьи горы славятся красивыми женщинами.

— Так мне говорили.

— О, перестань нести чушь. «Мне так говорили!» Это правда, и ты это знаешь. Просто позволь взгляду поблуждать по сторонам. Ты начинаешь выглядеть круглым дураком.

— Мне все равно.

— Ты встречался с Валентайн?

— Я ее боюсь. Она кусается. А еще она пару раз смеялась надо мной после буш-данса.

— Она, между прочим, наполовину моя племянница.

— Что?

— Не бери в голову. Просто сходи с ней на свидание.

— Она слишком остра на язык. Она бы меня отбрила.

— Я попрошу ее за тебя.

— Скажи ей, чтобы она не кусалась.

— И этого боится такой большой мужчина, как ты? Настоящий цыпленок.

— Я заболею бешенством.

Он улыбнулся. Может быть, укус такой девушки был не так уж плох. Барнс затушил сигарету в правительственной пепельнице. Джагги взяла тяжелую стальную ложку с надписью «СДИ». Служба по делам индейцев. Она помешивала чай этой гигантской ложкой, ожидая ответа. Он больше ничего не сказал, и она восприняла это как согласие.

Валентайн жила вне резервации, на главной дороге. У ее семьи был небольшой бизнес по

ремонту автомобилей, так что машины стояли повсюду, готовые к разборке на запчасти. Джагги подъехала и припарковалась рядом со старым, но до сих пор элегантным фордом «Модель Т»[105], стоявшим без колес на паре бревен. Лемон, ее брат по отцу, вышел из дверей симпатичного дома, покрытого облупившейся краской.

— У тебя славный табун машин, — сказала Джагги.

— По крайней мере, они остаются на месте, — отозвался Лемон. — Не то что Гринго прошлой осенью.

Джагги рассмеялась.

— Старина Гринго вечно выкинет какое-нибудь коленце. Где Валентайн?

— Зачем тебе понадобилась Валентайн? Она вот-вот вернется домой.

— Мне нужно ее кое о чем спросить. Я подожду.

Когда они шли по утоптанному серому снегу двора, послышался звук двигателя и Дорис Лаудер свернула на подъездную дорожку. Ва-

---

[105] Сноски: 105

Форд «Модель Т», также известный как «Жестяная Лиззи», — автомобиль, выпускавшийся «Форд мотор компани» с 1908 по 1927 год. Был первым в мире автомобилем, выпускавшимся миллионными сериями.

лентайн, смеясь, вышла из машины и помахала подруге рукой, чтобы та уезжала.

— Ты по какому делу? По женскому? — спросил Лемон.

— Да. Можешь идти, — сказала Джагги, подходя к Валентайн.

— Привет, тетушка.

— Привет, девчоночка. Стог Сена хочет пригласить тебя на свидание.

— Знаешь, — произнесла Валентайн, скроив недовольную гримасу и глядя на свои варежки, которые она надевала только тогда, когда рядом не было Дорис или Пикси, — я устала подбирать использованных кавалеров Пикси.

— Пикси никогда им не пользовалась, — возразила Джагги. — Он совершенно новый, по крайней мере сейчас.

— Да, никогда не пользовалась, но все же. Он какой-то подержанный.

— Ради всего святого! Ты единственная, кто им пользовалась. Ты его погрызла. Он тебя боится. А к тому же, — солгала Джагги, — он устал от Пикси.

— Вот как?

— Очень устал.

— Ну, тогда он может пригласить меня на сви-

дание сам.

Тон голоса Валентайн был оскорбительным.

— Не знаю, зачем ему это, мисс Зазнайка, — ответила Джагги. — На самом деле я не думаю, что ему стоит с тобой связываться. Я бы на его месте передумала.

Джагги потопала к своей машине, бормоча что-то себе под нос.

— Подожди! — крикнула Валентайн.

Но Джагги уже нажала на газ и с ревом умчалась.

В тот вечер, вскоре после ужина, Барнс подошел и предложил Джагги еще одну сигарету.

— Я уже ухожу, — проворчала она.

— Просто хотел поблагодарить.

Барнс выглядел на удивление жизнерадостным. Джагги выглядела просто удивленной.

— Валентайн пришла сама и пригласила меня на свидание.

— Ну и ну, — произнесла Джагги, беря сигарету. — Моя маленькая племянница приходит в себя. Это впервые.

— Не смей так говорить о моей девушке! — вскипел Барнс.

— Девушка! Моя, моя, моя. — Она выпустила колечко дыма, затем еще одно, прямо сквозь пер-

вое, и удовлетворенно ухмыльнулась: — Хочешь совет?

— И да, и нет.

— Я все равно его дам. За еще одну сигарету. Последнюю перед тем, как я действительно уйду. Не гоняйся за ней. Не уделяй ей слишком много внимания. Она из тех, кому нравится, когда мужчина немного сдерживает себя.

— Ты думаешь, я слишком гонялся за Пикси?

— В последнее время да.

— Ладно, забудь о ней. Я понял. Буду сама вежливость и любезность.

Черта с два ты таким будешь, подумала Джагги. Это как раз то, что сказал бы человек, который не является ни тем, ни другим.

— Будь как Кэри Грант[106], — проговорила она наконец. — Не позволяй чувствам отражаться на лице. Просто используй глаза. И уголок рта.

Рта?

Выражение отчаяния промелькнуло на лице Барнса. Он подумал о красивом ротике Валентайн и о блеске ее острых зубок между губами. Как мог мужчина, готовый принять удар правой,

---

[106] Сноски: 106

Кэри Грант (урожденный Арчибалд Александер Лич; 1904–1986) — англо-американский актер и артист водевилей. Икона популярной культуры, кинозвезда.

так нервничать из-за голливудской улыбки?

Бегун

По дороге домой с работы Томас краем глаза заметил что-то тревожное. Мальчишка бежал рядом с машиной, не отставая от него. Томас набрал скорость двадцать миль в час, перешел на тридцать, разогнался до сорока, потом до пятидесяти, а мальчишка все бежал и бежал. Томас чувствовал на себе его взгляд. Он знал, что если оглянется, то не сможет снова внимательно следить за дорогой. Потому что, конечно, мальчишкой окажется Родерик. Он знал, что бегун был галлюцинацией и что двух-трех часов сна в сутки на протяжении недели было недостаточно. Мальчишка свернул в сторону, как только Томас добрался до поселка, и остаток пути домой он ехал очень осторожно. К тому времени от страха он почти проснулся и теперь боялся, что не заснет.

— Я снова видел Родерика, — сообщил он Роуз за завтраком: немного оленины, картофель, овсянка. — Бежал рядом со мной по дороге.

— Я поеду с тобой сегодня вечером, — сказала Роуз.

В тот вечер она поехала с ним на работу. Стоял

сильный холод, и дул сильный ветер. Поземка ползла по дороге, рисуя причудливые узоры, которые извивались и изгибались в свете фар.

— Иногда меня гипнотизируют эти снежные змеи, — признался Томас.

— Я ущипну тебя, если будешь смотреть остекленевшим взглядом, — пообещала Роуз.

— Ну, тогда ущипни меня хорошенько за подходящее место.

— Противный. В любом случае я не собираюсь для тебя петь.

Единственными песнями, которые когда-либо пела Роуз, были бессловесные и монотонные колыбельные, которые сразу же усыпляли детей.

— Кроме того, я приготовила тебе на ланч несколько сюрпризов, — сообщила она. — И в качестве самого большого сюрприза я собираюсь заставить тебя отдохнуть. Я буду дежурить, а ты хорошенько вздремнешь.

— Я полагаю, это против правил.

— Кто узнает?

Они тихо покатили дальше.

— Разве один Родерик, — улыбнулась она. — Но он никому не скажет.

— А ну, не смей шутить насчет моего призрака, — сказал Томас. — Мы неплохо возобновили

стародавнюю дружбу.

— Вы разговариваете друг с другом?

— В основном это монолог. Но, опять же, иногда я слышу слова в голове. Вещи, которые он сказал давным-давно.

— Ты сходишь с ума, дорогой.

— Вот этого я и боюсь, милая.

— Как долго продлится вся эта заваруха?

— После того как мы съездим в Вашингтон, я сделаю перерыв.

— Ты не замечаешь, но нам всем тяжело.

— Замечаю.

Томас взял ее за руку, за сильную узловатую руку, которая никогда не знала девичьей нежности. Еще в ту пору, как она была маленькой девочкой, ее уже знали как хорошую работницу. По этой части она могла превзойти кого угодно. Так сказала ее родная мать. Основой их брака была работа, каждый включался в нее, когда другой слабел, как сегодня вечером. Он сжал ее руку. Она ответила тем же. Вот как они иногда разговаривали. Они подошли к двери как раз в тот момент, когда Лабатт из нее выходил. Он отдал честь. Вышел и с трудом убедил свою машину завестись. Они слышали, как она несколько раз чихнула и фыркнула, прежде чем Лабатт с ревом и снопом искр,

посыпавшихся из глушителя, рванул по дороге, пока его не остановил новый громкий хлопок, после которого он, наконец, медленно покатил к дому.

— Он ездит на работу на собственной машине, — сказал Томас. — Но ему следует показать ее Лемону.

Роуз положила вещи на скамейку, придвинув ее к письменному столу. Она последовала за мужем, когда он отправился в первый обход, а затем долго сидела в туалете. Ей не могла не понравиться сантехника. Когда она вышла, то улыбалась. Ее волосы были причесаны, а губы накрашены.

— Горячая вода в кране.

— Когда-нибудь она появится и у нас, — сказал Томас. Он снова посмотрел на нее, и вдруг на его лице появилось смущенное выражение. — Ты при параде.

— Просто пытаюсь не дать тебе уснуть.

— Это работает, и очень хорошо.

Они вместе выпили по чашке кофе. Он был тронут тем, что жена поехала с ним, оставив домашние заботы, повседневные проблемы, попечение об их родителях и детях людей, попавших в беду. Она заботилась обо всех вокруг, а теперь позаботилась о нем и накрасила губы.

Она скромно потупилась в чашку кофе, а затем подняла глаза на него. Он снова посмотрел на нее, и все остальное исчезло. Его интересовала только Роуз, одна Роуз, сейчас и всегда. Они так долго смотрели друг другу в глаза, что напряжение заставило их рассмеяться. А потом из самого темного угла донесся шум.

Они ждали. Тень шевельнулась. Раздался тихий скрип. Может быть, здание чуть осело. Затем тень отползла, отчетливо отползла, и у Роуз по спине пробежали мурашки.

— Это он, — прошептала она.

Томас ничего не ответил. Если это был Родерик, он хотел, чтобы она его увидела. Но больше ничего не произошло, и в конце концов они расслабились. Роуз велела ему отдыхать. Он отказался. Они совершили следующий обход, причем Роуз шла впереди и светила фонариком. Когда они снова сели, она дала ему сэндвич из ланч-бокса. Это был сэндвич с вареной курицей, слегка заправленный соусом. Прошлой осенью она законсервировала шесть цыплят. Это была последняя банка.

— Расслабься и спи, — приказала она, когда он закончил есть.

Ее голос был таким строгим, что он повино-

вался. В тот момент, когда он опустил голову на сложенные руки, его охватило сокрушительное чувство облегчения и комфорта. Потом в одно мгновение он уснул.

Родерик сидел за мотором, а не на нем, так что Роуз не могла его видеть. Он держал руки перед лицом и притворялся, будто ест сэндвич с курицей. Сдобную булку. Раньше он работал в школьной пекарне. Работа в пекарне — вот как мальчишка мог набить живот и лечь спать сытым. Ты крал столько теста, сколько мог раздобыть, и клал в карман. Это называлось «снять бахрому». Ты «снимал бахрому» с теста. Потом ты съедал тесто ночью в постели, и оно разбухало, наполняя желудок настолько, что проснуться голодным и больным тебе не грозило. Чтобы получить работу в пекарне, нужно было находиться на хорошем счету, и сохранение этой работы было единственным, о чем Родерик заботился, а потому долгое время был «хорошим». Впоследствии одного ребенка поймали на краже, и миссис Бертон Белл проверила карманы у всех. Родерика изгнали. Так что ему теперь было все равно, и то плохое в нем, чему он сопротивлялся, вырвалось наружу. Он принялся убегать. Снова и снова. Он стал бегуном. Вот так

он оказался в подвале и замерз. Все из-за теста. И он больше не мог почувствовать его вкус, даже если бы сумел откусить кусочек сэндвича. Он повадился приходить сюда, на завод по производству подшипников, так как это было новое место, а он устал от всех старых мест в резервации. И еще, конечно, ему нравилось быть рядом со своим старым приятелем Томасом. Иногда Родерик находил место, где можно было проспать год или два. Но когда он просыпался, он всегда был призраком, все еще призраком, и это порядком надоедало.

Когда Томас проснулся, он долго не мог понять, где находится, таким глубоким был его сон. Он оторвал голову от рук, открыл глаза и увидел Роуз, лежащую на скамейке. Под голову она подложила свернутое пальто, а на грудь и руки накинула свитер. Она выглядела такой умиротворенной. Он совершил следующий обход, но не вышел на улицу, чтобы выкурить сигару, а вместо этого сел за письменный стол и повертел ручку. Он был так близок к тому, чтобы заставить комиссара из соседнего округа написать письмо, в котором тот категорически возражал бы против принятия на себя федеральных обязанностей, касающихся людей, ныне проживающих в резервации. Там

не было достаточной налоговой базы для ухода за дорогами, не говоря уже о школах. О да, им были нужны все мелкие чиновники белых городов и округов. Их следует напугать так, чтобы заерзали за своими офисными столами. Томас начал писать.

Ноги миссионера

Хотя ходьбы в нынешней, казалось бы, вечной миссии хватило бы им до конца дней и хотя Вернон с нетерпением ждал конца дня (особенно теперь, когда благословенная еда миссис Хансон будет на столе), ночью, каждой ночью, он просыпался и чувствовал, как его ноги двигаются. Они болели, его бледные узкие костлявые ноги с длинными пальцам, они нуждались в отдыхе, но все-таки не могли успокоиться. Как будто у них имелись собственные потребности. Он не мог их контролировать. Он был благодарен за то, что Господь устроил для них двоих, Эльната и Вернона, скорый перевод в другое место, но он также боялся, что им придется идти пешком до самого Фарго.

Хотя его ноги, с раздражением подумал он, пожалуй, не станут возражать, даже если замерзнут по дороге. Как будто они ему вообще больше не принадлежали.

Единственным, еще худшим, чем пытаться снова заснуть, когда ноги дергались и вздрагивали, было обнаружить, что они решили отойти по-

дальше от кровати. Иногда ноги решали вывести Вернона на прогулку. Пару раз он просыпался и обнаруживал, что находится во дворе Милды Хансон. Затем это произошло на подъездной дорожке, как будто он отправился за почтой.

Он скучал по семье, которую не так давно с радостью оставил дома. Он скучал по своей однозубой бабушке, очаровательным тетушкам и уродливым дядюшкам. Но больше всего он скучал по мечте о том, что кто-нибудь сможет его полюбить. Какая-нибудь красотка, сладкая, как пирог, спустившаяся со стропил дома его детства и обнимавшая его в мечтах. Ему следовало быть очень осторожным, чтобы не позволить своему сознанию устроить с ней встречу — даже во сне. И он не должен — никогда, никогда — думать о Грейс. Большая часть его тела подчинилась, но не ноги. Больные и своевольные ноги не слушались.

Однажды ночью он обнаружил, что идет по пустынной дороге, залитой лунным светом. На нем было пальто, но горящие от холода ноги были без обуви, и гравий врезался в голые подошвы. На обратном пути к дому Милды он увидел старый драндулет, припаркованный у дороги. Он остановился и заглянул в окно. На заднем сиденье,

казалось, что-то беспорядочно движется, раздавались звуки животных, дерущихся в грязи. Он побрел дальше, и только позже, когда исколотые о гравий ноги, наконец, успокоились под одеялом, до него дошло, чему он оказался свидетелем. Он замер от сильнейшей досады. Он был недоволен собой за то, что не вмешался, не остановил две души, оказавшиеся на краю греха. Теперь они были погублены.

Гектограф

— Вот, можешь сушить, — сказала Джагги, передавая в руки Милли последнюю влажную страницу экономического обзора.

Милли поднесла ее прямо к носу. Как ребенок, подумала Джагги.

Страница действительно была еще сырой, и запах свежего анилинового красителя наполнил Милли эйфорией. Возможно, это был ее любимый запах. Ей также нравилось, как пахли недавно закачанный в бак бензин, жареный сельдерей, залитый пахтой, и резиновый клей. Она пришла в офис, чтобы помочь Джагги. Там были готовы тридцать пять экземпляров, напечатанных все более размытым фиолетовым шрифтом. И еще четыре специальные копии, сделанные таинственным другом, имеющим доступ к более совершенному фотокопировальному аппарату, расположенному в кабинете суперинтенданта Тоска.

Эти копии предназначались для досье, которое создавал Томас. Доступ Джагги в кабинет суперинтенданта, однако, был ограничен. Но-

вый ротатор, о котором просил Томас, до сих пор не прибыл и, возможно, никогда не прибудет, а потому им пришлось довольствоваться старым гектографом. После тридцати копий оригинал приходил в негодность, и Милли пришла, чтобы напечатать новый. Копии будут разосланы всем местным чиновникам, газетам и дикторам радио, всем, кого может заинтересовать экономическое положение резервации.

Милли села за пишущую машинку и вставила в нее лист нового оригинала с копиркой и еще одним листом. Ей ужасно хотелось получить дополнительный экземпляр немедленно.

— Они там всегда все считают неправильно, — покачала головой Джагги.

Она принесла свои булочки с корицей. Угощение для Милли. Булочки с корицей и кофе позволят им просидеть далеко за полночь.

— Давным-давно, — продолжила Джагги, — к нам прислали одного дурака из Вахпетона[107] по имени Маккамбер посчитать индейцев. Конечно, он не был дураком. Он очень хорошо знал, что делает. Большинство из нас были на охоте, и он посчитал только чистокровных индейцев,

[107] Сноски: 107
Вахпетон — город в штате Северная Дакота.

так что в результате наша резервация, в которой к тому времени и так было двадцать поселков, сократилась до всего двух. Вот что я имею в виду, когда говорю «неправильно».

— Действительно, — проговорила Милли, чистя литеры пишущей машинки специальной щеткой, — действительно.

Это было слово, которое она решила использовать вместо «да».

— Неправильный подсчет означал, что люди умирали от голода. С тех пор у нас не хватает земли, и все наши люди живут в одном месте.

— Правительство всегда действовало на основе ряда предположений, равносильных принятию желаемого за действительное, — отозвалась Милли. — Я подозреваю, что, как всегда, они просто хотят забрать нашу землю.

— Подожди, — попросила Джагги. — Дай-ка я это запишу.

Милли была так довольна, что нажала не на ту клавишу и допустила ошибку. Закусив губу от досады, она провернула валик и лезвием бритвы аккуратно соскребла уголь с обратной стороны бумаги. Затем она замазала ошибку корректором. Потом она промокнула его и вставила маленький кусочек копировальной бумаги. Она вновь

напечатала букву, убрала лишнюю копирку и продолжила печатать. То, что сказала Джагги, было правдой. Ошибочная перепись населения была использована, чтобы убедить конгресс, будто жители Черепашьей горы процветают. Но все было гораздо серьезнее. Милли не могла изложить все по порядку или точно сформулировать все «отчего» в одном абзаце. Это имело какое-то отношение к тому, чтобы быть индейцем. И правительством. Правительство вело себя так, будто индейцы им что-то должны, но разве не было наоборот? Она не училась в школе-интернате и не имела никакого представления об индейцах. Из-за своего католического образования она вообще могла никогда ничего не узнать об индейцах по-настоящему, считая их кучкой язычников, которые были побеждены или благополучно вымерли. Она едва знала свою родню и была ассимилирована настолько, насколько это вообще возможно для индианки. И люди почти никогда не признавали в ней индианку. Так почему же она твердо считала себя индианкой? Почему ценила это? Почему не стремилась к анонимности белого человека, к той легкости, с которой он живет, к тем удовольствиям, которые обещает жизнь белых? Когда люди узнавали, почему она

выглядит немного по-другому, они часто говорили: «Я бы никогда не подумал, что вы индианка». И это звучало как комплимент. Но больше походило на оскорбление. Почему это было так? Она подумала о Пикси. Или Патрис. Она не была уверена, какое имя лучше. Они двое были равны, не по красоте, а по цвету кожи, и, возможно, Пикси тоже так считала. Милли вспомнила о матери Пикси, такой сильной, такой элегантной, такой знающей. И Пикси знала все, что знает Жаанат. Догадывалась ли она, какая она необыкновенная, эта Пикси, столь похожая на мать?

— Уф.

Милли просмотрела пару страниц. Идеально. Она, конечно, была превосходной машинисткой. Но, задумавшись о Жаанат и Пикси, она стала невнимательной и неправильно положила пальцы на клавиши, испортив целую строку. А она почти дошла до конца страницы. Поэтому на этот раз ей пришлось полностью вынуть лист и использовать бритву, чтобы вырезать строку с ошибками, перепечатать ее на другой бумаге, вырезать бритвой и закрепить в образце прозрачной лентой. Затем повторилась история с кусочком копировальной бумаги. Точное размещение вставленной строки ниже предыдущей

было сложной проблемой. Но, конечно, она была настоящим мастером. Она напечатала всю свою магистерскую диссертацию, из которой это была только часть. Все мужчины, участвовавшие с ней в программе, нанимали машинисток, чтобы те печатали их тексты. За это она смотрела на них свысока.

К тому времени, как она закончила, ночь наполовину прошла. А Джагги заснула на одеяле в углу. Милли выпила чашку еще горячего кофе из термоса и съела целую булочку, свернутую великолепным завитком, слизывая глазурь и веснушки корицы с вилки, которой она педантично пользовалась. Другие ели булочки пальцами. Действительно. Только не Милли. Зная это, Джагги даже принесла столовые приборы и тарелки. Так что пусть она поспит, подумала Милли и закрепила первый мастер-лист на барабане гектографа. Она перевернула резервуар с жидкостью, произвела необходимые регулировки давления, направляющей рейки. Затем начала любовно поворачивать рукоятку, становясь все счастливее и счастливее по мере того, как пьянящий запах спиртового красителя наполнял офис.

Молитва за 1954 год

В эту ночь кто бодрствует в горах?

Молодая женщина, все более воодушевляясь, вращает барабан гектографа. Долговязый миссионер спотыкается во сне на замерзшей дороге. Индианка из племени чиппева-кри[108] втирает медвежий жир в кожу неспящего ребенка. Очень старый мужчина беседует с маленькими огоньками, которые пришли его навестить, а очень старая женщина отчаянно мечтает о том, чтобы пересечь бурлящую Красную реку, дабы спастись от своих врагов. Рослый блондин с соломенными волосами пытается залезть под блузку к стройной женщине, но та внезапно садится и говорит: «Ты такой неуклюжий». Пьяный в стельку парень рыдает в снегу, умоляя снять с него проклятие. Другой мужчина, пьяный только наполовину, играет в бесконечную карточную игру со своими

[108] Сноски: 108

Племя чиппева-кри — признанное на федеральном уровне племя в резервации Роки Бой в Монтане, которое является потомками кри, мигрировавших на юг из Канады, и чиппева (оджибве), которые переехали на запад из Черепашьих гор в Северной Дакоте в конце XIX века. Два разных народа говорили на родственных, но разных алгонкинских языках.

братьями, которые говорят ему, что его обращение в мормонизм нелепо и запятнает доброе католическое имя Лабатт. И еще один человек — пострадавший, крепкий, сильный и носящий имя места, где родился, — заснул в лошадином стойле у своей маленькой дровяной печки. В соседнем стойле коротает ночь конь по кличке Гринго — единственный покрытый попоной и все равно чем-то недовольный. Гринго прижимается головой к толстым доскам и задумчиво грызет древесину. Гринго наверняка предпочел бы овес или ячмень, и он мотает головой взад-вперед, топает, надеясь, что появится его конюх. Но ничего не происходит, ночь длится и длится.

* * *

Полная и очень усталая женщина, спящая на полу в офисе племени, начинает разговаривать во сне. «Слишком много соли», — шепчет она.

Молодая женщина с нежными сияющими глазами, которую учителя часто называли эльфийкой, заполняет бланк заказа по каталогу

«Монтгомери Уорд»[109] и покупает наручные часы.

Про́клятый человек ползет к дому своих родителей, где все до единого крепко спят. Мужчина чувствует: он достаточно наказан за то, что сделал, — только потому, что ему этого хотелось. Если бы его мозг работал лучше, он смог бы назвать много взрослых мужчин, которые делали то же самое и находятся в прекрасной форме, улыбаются во весь рот, открывают и закрывают оба глаза. Да, он ее лапал. Да, он почти трахнул ее. Но ведь этого не произошло! Дело не в том, что ему не следовало пытаться. Просто он выбрал не ту девушку.

В нескольких милях отсюда взволнованный мужчина, владеющий легким пером, выполняет упражнения Палмера на заводе по производству драгоценных подшипников. Он вращает запястьями, сгибает пальцы, поворачивается на стуле из стороны в сторону. Закончив, смотрит вперед и пишет еще одно письмо сенатору Милтону

[109] Сноски: 109

«Монтгомери Уорд» — имеется в виду корпорация розничной торговли в США. Компания Montgomery Ward & Co. была мировым лидером в сфере заказов по почте, а затем также обладала сетью универмагов; она существовала с 1872 по 2001 год.

Р. Янгу, в котором излагает стратегию борьбы против законопроекта о прекращении действия договоров с индейцами, и с вежливым отчаянием желает ему всего наилучшего. Затем, без всякой надежды, он пишет вежливое и полное шуток послание другому сенатору от Северной Дакоты, Уильяму Лангеру[110] по прозвищу Дикий Билл, который выступает за прекращение договоров. Терять нечего, к тому же Томасу не может не нравиться Дикий Билл, который однажды забаррикадировался в губернаторском особняке и отказался оставлять пост главы штата. Если бы изоляционист Лангер добился своего, возможно, Фалон бы не погиб на далекой войне. Мир почти наверняка был бы в гораздо худшем положении, но у Томаса был бы жив брат Фалон, причем он смог бы общаться с ним на самом деле, а не просто смотреть, как тот время от времени проходит сквозь стену. И кстати, о томящихся одиночеством духах…

Родерика, казалось, сегодня вечером не было

[110] Сноски: 110

Уильям «Дикий Билл» Лангер (1886–1959) — американский юрист и политик, 17-й и 21-й губернатор Северной Дакоты с 1932-го по 1934-й, а затем с 1937 по 1939 год. Лангер был отстранен от должности Верховным судом Северной Дакоты 17 июля 1934 года в результате скандального процесса, решение которого было отменено апелляционным судом в 1935 году.

рядом, но Томаса не покидало странное чувство. Как будто его ручка удерживала все в резервации в должном равновесии, пока он пишет. И он писал.

Вы не можете ассимилировать индейских призраков

Даже будучи призраком, Родерик не собирался ассимилироваться. Вы не можете ассимилировать индейских призраков. Слишком поздно! Он не попал в их белый ад и не попал в их белый рай. И он умер в резервации Сак-энд-Фокс, слишком далеко, чтобы успеть в рай народа чиппева. Поэтому он последовал за своим гробом домой и теперь просто слонялся без дела. Прислушивался к происходящему. Именно после смерти он узнал об этом термине. О том, что задумали белые. Ассимиляция. Их обычаи станут вашими обычаями. Он подвел итоги. Когда ему побрили голову и она стала пушистой и колючей, Родерику это вроде как понравилось. Как мех, подумал он и провел по голове рукой. Существовали определенные вещи, которые ему действительно нравились. Например, консервированные персики. Но не жесткие ботинки. Горн. Но не раньше восхода солнца. Теплая шерстяная куртка. Шерстяные носки. Но опять же, если бы они не истребили всех бизонов, у него могла быть куртка

из курчавой шкуры бизона. И курчавые бизоньи носки. Туберкулез. Конечно, ему это не понравилось. Болели ли его соплеменники в прежние времена? Он ни о чем таком не слышал, и ему пришлось задуматься. От чего умирали индейцы? Опасные животные, несчастные случаи, холод, другие индейцы. Он слышал, прежде водилось множество животных, они были повсюду, так что никто не голодал. Тебя может лягнуть лошадь или растоптать разъяренный бизон. Родерик был одержим мыслью о том, как он мог умереть. Все, что угодно, было лучше туберкулеза. Например, пасть в битве пронзенным вражеским копьем. Нет, ужас и агония, через которые ему пришлось пройти, за все эти долгие годы не истерлись из его памяти. Конечно, годы могли ему, призраку, показаться мгновением. Он явился на похороны старого Паранто, думая, что, может быть, сумеет прокрасться вместе с ним или прошмыгнуть за ним в загробный мир. Он был готов к чему-то новому. Но старина Паранто умер пьяным и сошел со священной дороги. И Родерик повернул обратно, тем более что почувствовал запах медвежьего мяса, которое Жаанат сварила в трех сменах воды, как это некогда делала и его мать. Он все равно ощутил запах. А еще ему нравилось

слушать, как говорит Жаанат. Ассимиляции нет! В языке чиппева отсутствовали ругательства, но было много слов для секса, и Родерику нравилось слушать о сексе. Он сожалел, что не удалось этим заниматься, правда, теперь знал о сексе все. Он даже знал слишком много. Давным-давно он перестал преследовать людей, когда те начинали вести себя сексуально. Но когда Жаанат и старики говорили о сексе, это было забавно. Он смеялся призрачным смехом, который походил на звук капели или на шорох веток в лесу, трущихся друг о друга, высоко-высоко. Но секс в целом? Это же фарс. Настоящая ассимиляция. Вот он им и не занимался. Только было очень трудно не ассимилироваться в полном одиночестве, и потому он хотел вернуться домой.

Кларк Кент

Глазной кабинет был расположен в углу больницы, где за пределами небольшого помещения, в котором приходящий офтальмолог проводил осмотр, стояла большая очередь. Патрис провела в ней целый час. Проверка зрения предусматривала исследование глаз с помощью таблицы, яркого света и карточек с черными линиями. После того как доктор записал все результаты, он опустил большой набор линз перед ее лицом и менял количество их диоптрий на каждом глазу, пока очертания предметов перед ней не стали отчетливыми. Когда доктор закончил, он сделал еще несколько пометок, а затем сообщил, что ее случай не является чем-то необычным и он может немедля снабдить ее очками.

— Очками? Но мне не нужны очки.

Ей было никак не взять в толк, отчего посещение окулиста привело к разговору об очках, потому что у нее не было проблем со зрением.

— Ваше ближнее зрение является стопроцентным, — пояснил врач. — Вам нужны очки, чтобы видеть находящееся вдали.

— Но я вижу все предметы, находящиеся вдали.

— Вы станете видеть их более ясно и четко.

Он вышел из кабинета и вернулся с картонной коробкой. Из коробки он достал набор очков. Это были такие же очки Индейской службы здравоохранения, какие носили все в резервации. Оправы были черными и прямоугольными. Он надел очки на Патрис и убедился, что дужки удобно сидят у нее за ушами.

— Вот, — произнес он. — Подошли идеально. Их нужно снимать, когда будете читать.

Очки были тяжелыми, давили на переносицу, и ей казалось, она никогда не привыкнет видеть мир в обрамлении черного пластика. И она догадывалась, как нелепо дужки торчат у нее за ушами. Патрис спустилась по ступенькам больницы и, кажется, не почувствовала большой разницы. Все выглядело абсолютно обычным. Пока она не посмотрела на Лесистую Гору, ожидающего ее у подножия лестницы. Теперь она смогла разглядеть каждую деталь его изуродованного в боях лица. Она смогла увидеть в его глазах ожидание и надежду, а также любовь, о которой ей не хотелось услышать вновь. Спускаясь к нему по ступенькам, Патрис поняла, что никогда не

умела читать по лицам людей на расстоянии: она никогда не видела их выражения. Она даже не осознавала, что издали Лесистая Гора выглядел по-другому. Его трудно было назвать красивым после того, как ему сломали нос. Она остановилась на лестнице и посмотрела мимо Лесистой Горы, на машины и дома, на деревья и водонапорную башню. От четкости окружающего мира у нее перехватило дыхание. Ровные линии кирпичной кладки. Разборчивость вывесок. Иглы сосен, резко выделяющиеся на фоне других игл и темных стволов за ними.

Когда она в изумлении посмотрела на Лесистую Гору, то поняла, что он собирается рассмеяться.

— Что тут смешного?

Но она тоже почувствовала, что в ситуации есть что-то очень забавное. Ведь она поменяла обличье.

— Ты похожа на подружку Супермена.

— Ну, я не знаю. Скорее на Кларка Кента.

— Ух ты, точно!

Лесистая Гора подал руку, и она оперлась на нее, как в кино. Помощь действительно была ей нужна — для того, чтобы удержать равновесие. Очки заставляли ее чувствовать себя так, словно ее ноги были где-то очень далеко.

— Какой дорогой поедем домой, Кларк Кент? Длинной или короткой?

Прошлой ночью дул чинук[111]. Мир был завален ослепительно-белым снегом и залит светом. Дорога искрилась от талой воды, а воздух был теплым и мягким. И птицы, они летали повсюду, распевая весенние песни в середине зимы.

— Какая разница, — ответила Патрис.

На полпути домой Лесистая Гора остановил Патрис. Обхватил ее лицо ладонями. Но не поцеловал. Он поцеловал уголки ее очков, а затем взял ее за руку, и они продолжили путь пешком.

— Что это было?

— Я ничего не мог с собой поделать. Эти очки…

— Я выгляжу как мальчишка, — засмеялась Патрис.

— Нет, это не так, — возразил Лесистая Гора. — Но у тебя действительно очень умный вид. Мне жаль того парня, который будет к тебе приставать.

Когда они продолжили путь, блестящие снежные сугробы излучали столько сияния, что их глаза не могли его выдержать. Им пришлось немного прикрыть их, чтобы отрезать от себя

---

[111] Сноски: 111

Чинук — теплый сухой ветер, который дует с восточной стороны Скалистых гор в конце зимы.

часть пейзажа. Краем глаз они ощущали темноту. Словно кто-то проехал через лес на каменной лодке, проложив заснеженную тропу, и им оставалось только идти по ней. Голубой мягкий свет окутывал их.

— Пристань ко мне, — шепнула Патрис.

— Пристать! Вот уж никогда не думал, что стану подкатывать к самому Кларку Кенту.

— Ну, все равно сделай это, — разрешила Патрис.

Лесистая Гора прижал ее спиной к своей груди. Его руки обхватили ее мягкую талию. Они были одеты очень тепло, но снег попал бы им за шиворот и в трусы, если бы они захотели заняться любовью старомодным способом. Она повернулась и целовала Лесистую Гору, пока у того не закружилась голова. На Патрис была юбка, но под ней — шерстяные чулки.

— Давай найдем подходящее бревно, — предложил он. — Я сяду на него, а ты усядешься на меня.

Она не понимала, о чем говорит Лесистая Гора, пока они не нашли того, что он искал. Он положил руки ей на грудь, под пальто, и она немного отключилась. О, как хорошо. Он поправил их одежду, когда она опустилась на него сверху.

Вскоре она вспомнила, что ей говорила Бетти, и намекнула ему. Он достал пакетик из внутреннего кармана куртки.

— Я держал его под рукой каждый раз, когда встречался с тобой, — застенчиво признался он и надел презерватив.

Затем он вошел в нее — наверное, слишком страстно. Слезы брызнули у нее из глаз, мир, видимый через новые очки, опять затуманился, и Лесистая Гора отодвинулся от нее. Она поправила очки и вдохнула побольше воздуха, намереваясь начать снова. Они продолжили. Дело пошло на лад. Правда, то, чем они занимались, не показалось ей лучшей вещью на свете, как утверждала Бетти. Патрис задавалась вопросом, не станет ли она одержима страстью, как предсказывала подруга. Если все произойдет именно так, она не сможет больше думать ни о чем другом. Пока все продолжалось, ее действительно больше ничто не волновало. Однако, как только Лесистая Гора стал беспомощным и каким-то невменяемым, громко вскрикнул, а потом затих, ей стало не все равно. Случившееся очень даже заботило ее. Она прижала его голову к сердцу, все еще одетая в оранжевые варежки, которые ей дала Милли. С ветвей по всему лесу комьями

падал снег. Под ним журчали ручейки талой воды. Дятел забарабанил по дереву с такой силой, что ствол зазвенел, точно колокол. Их дыхание все замедлялось, и, наконец, они стали дышать в обычном ритме. Казалось, они думали об одном и том же, но ей не хотелось этого проверять, и потому она промолчала. Они поправили одежду и теперь стояли на тропинке. Они словно прошли обряд очищения. Вот как они себя чувствовали. В данный момент их желание исчезло, и они ощущали себя детьми. Она засмеялась непонятно чему и пригрозила умыть ему лицо снегом. Он предложил ей сделать это, а потому она взяла пригоршню снега, но только коснулась его щек и накормила снегом Лесистую Гору, едва тот открыл рот. Вкус снега напомнил Лесистой Горе о вечности. Он накормил им Пикси, и тот растаял у нее на языке. Ее очки запотели. Она начала приходить в себя, спустилась с небес и начинала касаться земли. Но только оказавшись в пределах видимости своего дома, она почувствовала, как у нее сдавило грудь. Девушка с трудом перевела дыхание. Попрощавшись с Лесистой Горой у закрытой двери, она не предложила ему войти.

Клетчатая

Возникла проблема. У Милли не было ткани с геометрическим узором. Она вместе с Грейс отправилась в миссию и стала перебирать рулоны имевшихся там тканей. Увы, на них был только цветочный узор. Милли терпеть не могла цветистые ткани.

— Придирчивая, — покачала головой Грейс.

— Я знаю, что мне нравится носить.

— Как насчет этого? — спросила Грейс, беря готовую юбку-солнце с узором из ломаных линий, изгибающихся случайным образом. Милли слегка затошнило, когда Грейс развернула ее и ободряюще улыбнулась.

— Она словно специально сшита на тебя.

— Мне она не нравится.

— Придира!

У Милли возникло чувство, которое всегда охватывало ее, когда вокруг было слишком много старых вещей, — своего рода паника. Она диагностировала у себя несколько форм клаустрофобии. Кроме того, она была почти уверена, что не сможет давать показания в Вашингтоне ни в чем из

уже имевшейся у нее одежды.

— Давай поскорее уберемся отсюда.

— Подожди!

Грейс выудила из кучи черно-желтую клетчатую блузку, идеально подходившую для ее спутницы. У блузки были заостренный воротник, рукава три четверти и вытачки. Затем, пока Милли любовалась блузкой, Грейс залезла в кучу поглубже и достала оттуда еще одну замечательную вещь. Это было длинное тяжелое платье, сшитое из шести разных тканей, и каждая имела свой геометрический узор. Цвета тканей — синий, зеленый, золотой — складывались в замысловатые сочетания. Платье было сшито из саржи, и узоры были вплетены в ткань, а не набиты. Милли протянула к платью руки. Ее сердце забилось сильнее. Она заплатила монахине за блузку и платье, а затем вышла в вестибюль, где села, разглядывая каждую деталь рисунка. Они были замысловаты и загадочны, как многочисленные фигуры на персидских коврах. Когда она смотрела на эти узоры, они уводили ее внутрь себя и куда-то вниз, за пределы магазина миссии и поселка, в основы смысла, а затем даже за его пределы, в то место, где структура мира не имела ничего общего с человеческим разумом и ничего

общего с узорами на платье. Место простое, дикое и в то же время невыразимо изысканное. Место, которое она посещала каждую ночь.

Ламанийцы

— Их ненависть была непоколебима, и они были столь ведомы своей злой природой, что стали дикими, свирепыми и кровожадными людьми, полными идолопоклонства и нечистоты, питающимися хищными зверями, живущими в палатках и бродящими по диким местам с короткой кожаной повязкой вокруг чресел.

— Что ты думаешь, Роузи? — спросил Томас. — Это мы.

Он снова прочитал описание.

— Нет, — ответила Роуз, — это больше похоже на Эдди Минка.

Томас закрыл «Книгу Мормона» и вернулся к изучению текста законопроекта. Недавно он написал Джо Гарри, президенту Национального конгресса американских индейцев[112], чтобы тот прислал ему дополнительную информацию об

---

[112] Сноски: 112

Национальный конгресс американских индейцев (НКАИ) — организация, защищающая права коренных народов США — американских индейцев и коренных народов Аляски. Основана в 1944 году в ответ на политику правительства США, направленную на ассимиляцию и принудительное прекращение деятельности племенных правительств вопреки их договорным правам и суверенному статусу.

Уоткинсе. «Дело в том, — ответил ему Гарри, — что Уоткинс лишен чувства юмора».

Это пугало сильней, чем мормонская Библия.

Уоткинс также отказался выделить достаточно денег, чтобы помочь индейцам навахо, которые находились в отчаянном положении, проживая в пустыне. Уоткинс сказал, что навахо «привыкли к бедности». Но его замечание получило широкую огласку, и, возможно, он почувствовал укол совести. Томас решил сделать упор на тяжелое экономическое положение индейцев. Казалось, Уоткинс хотел, чтобы те одновременно исчезли и продолжали его любить за то, что он заставил их исчезнуть. И теперь, когда Томас прочитал столько страниц из «Книги Мормона», сколько мог, чтобы не заснуть, он понял, почему этот человек полностью пренебрегал договорным правом. Согласно религии Уоткинса, мормонам была дарована свыше вся земля, владеть которой они хотели. Индейцы не только не были белыми и привлекательными, они носили на себе проклятие в виде темной кожи, а потому не имели права жить на этой земле. То, что они подписали юридические соглашения с высшими правительственными органами Соединенных Штатов, для Уоткинса также ничего не значило. Законность

стояла на втором месте после откровения. Все на свете было второстепенным по сравнению с откровением. А откровение Джозефа Смита, записанное в «Книге Мормона», состояло в том, что только его народ — лучший и должен владеть всей землей.

— Кто поверит в эту дурацкую историю о подглядывающем камне, видении на дне шляпы и золотых табличках?[113] Вся эта книга была предлогом, чтобы избавиться от индейцев, — проворчал Томас.

Роуз услышала его и начала смеяться.

— Все эти истории — бред сумасшедшего, если в них вникнуть, — сказала она.

Ее слова заставили Томаса задуматься. Какая духовная книга лучше? Святая Библия, преисполненная силы и поэзии, также полна небылиц. Томас находил их увлекательными, но, в конце концов, все они были просто историями, менее важными, чем история Небесной женщины, повесть о небожителях *манидуг*, сотворивших

---

[113] Сноски: 113

По одной из версий, Джозеф Смит перевел «Книгу Мормона» с золотых пластин, глядя в цилиндр, на дно которого положил «камни провидца».

мир, и рассказы о *Нанабожо*[114]. Всем им, особенно книге без юмора, которую оставили ему Эльнат и Вернон, Томас предпочитал сверхъестественную фигуру Нанабожо. Он обманул уток, разозлился на собственную задницу и сжег ее. Наложил гору дерьма, чтобы спуститься, когда застрял высоко на дереве. Он располагал волком-племянником и не имел совести. Он нарисовал зимородка яркими красками и обманом накормил своих детей, когда те голодали. Он перекинул свой член через плечо, превратился в пень и сделал пенис похожим на ветку, на которую взгромоздился зимородок. Он убил бога, выстрелив в его тень, и создал все полезное и много необходимого, например смех.

[114] Сноски: 114

В «Анишинаабе аадизукаан» (традиционное повествование), особенно среди оджибве, Нанабожо, также известный как Нанабуш, является духом и занимает видное место, включая историю сотворения мира.

План Господа

Постепенно стало ясно: Норберт даже не притворяется, будто его интересует что-то, кроме секса. Он не согревал ее. Никаких конфет для Бетти. Никаких разговоров о любви, никакого притворства. Они не ходили пить газировку, не катались по живописным местам, не ходили в кино в дни, когда показывали новый фильм, и даже не слушали радио, когда он останавливал машину. Он тут же переходил к делу. И это не могло понравиться Бетти, хотя она по-прежнему была не против того, чтобы запрыгнуть к нему на заднее сиденье. Однажды ночью ей удалось его притормозить. Все шло хорошо, ей становилось все жарче и радостней, но вдруг дверь машины открылась, и Норберт мгновенно соскользнул с Бетти. Во время соития он был прижат к двери, а его голова — к окну. Дверь, к сожалению, открылась, когда он менял позу и оказался между ее грудей. Он съехал с ее тела и, размахивая руками, упал животом на скользкую дорогу. Бетти было подумала, что защелка двери открылась сама по себе, но снаружи кто-то произнес:

— Не уделите ли мне минутку, чтобы я мог рассказать о плане Господа для вашей души?

Делегация

Луис не хотел оставлять своих лошадей. Мозес лежал с больной ногой. Их требовалось уговорить. В противном случае делегация, направляющаяся в Вашингтон, состояла бы всего из трех человек — Джагги Блу, Милли Клауд и Томаса Важашка. Они получили предложение остановиться в доме Рут «Ондатры» Бронсон. Она была исполнительным секретарем Национального конгресса американских индейцев и заправляла всей связанной с ним кутерьмой из своего дома, потому что у этой организации еще не хватало средств на офис в Вашингтоне. Вскоре после того, как они согласились, она сообщила, что все-таки не сможет их принять. Ужас. Но они нашли дешевый отель.

— Не думаю, что у меня получится, — проговорила Милли, обращаясь к Джагги. — Я не смогу спокойно сидеть перед кучей сенаторов. Я не доверяю своему голосу.

— Вы когда-нибудь раньше теряли голос?

— Нет. Но я могу что-нибудь ляпнуть.

— Такое с каждым может случиться.

— Мои ляпы просто ужасны.

Джагги умолкла. Милли действительно порой говорила вещи, которые оскорбляли людей или выводили их из себя. Что, если она скажет нечто подобное какому-нибудь сенатору и тем все испортит?

— А не могли бы вы сами рассказать на слушаниях о моем исследовании? — спросила Милли.

— Нет, черт возьми, — отрезала Джагги. — Я уже и так готовлюсь к тому, чтобы прочитать заявление Томаса, если он потеряет голос. Я совсем растеряюсь, коли мне придется думать и о вашем выступлении тоже.

— Давайте попросим Патрис занять мое место.

— Вы сошли с ума?

— Вы видели ее новые очки? Она выглядит очень серьезной. Патрис единственная, кто согласится штудировать мое исследование до тех пор, пока не выучит его вдоль и поперек. И у нее хорошо подвешен язык.

Джагги и Милли поехали на подшипниковый завод и стали ждать, когда Патрис закончит работу. Едва она показалась на парковке, они подошли к ней.

— Могу я подвезти тебя домой? — обратилась к ней Джагги. — Мы с Милли хотим тебя кое

о чем спросить.

— Нет, спасибо, — сказала Патрис, но они продолжали настаивать, пока она не помахала рукой Дорис и Валентайн, давая им понять, чтобы они ехали без нее.

— Итак? — спросила она, садясь на заднее сиденье «ДеСото».

Милли обернулась и уставилась на нее сквозь свои неповторимые очки. Патрис уставилась на нее в ответ сквозь свои очки, столь же неимоверные.

— Теперь понимаете, что я имела в виду, говоря насчет очков? — проговорила Милли, когда они выехали на главную дорогу. — Они скрывают глаза Пикси. В них она гораздо менее симпатична, но это даже хорошо.

— Почему?

Патрис отчего-то чувствовала себя сбитой с толку. У нее появилось ощущение, словно такое уже происходило с ней раньше. Ах да, она вспомнила. Сначала был Баки, а потом, в последний раз, когда ее насильно посадили в машину, все закончилось тем, что ей пришлось надеть ядовитый костюм водяного быка и плавать в стеклянном резервуаре.

— Хорошо почему? — повторила она.

— Хорошо для дачи показаний в Вашингтоне, — пояснила Милли. — Я не могу этого сделать. Мне требуется все записывать, прежде чем я пойму, что должна сказать. А ты умеешь говорить решительно, по делу и без долгих раздумий.

— А зачем нужно уметь говорить без долгих раздумий? Разве вы не можете просто зачитать текст исследования?

— Меня станут расспрашивать.

— О нет. Я не в силах отвечать на вопросы. И я не знаю о вашем исследовании всего. Я не смогу этого сделать.

— Нет, сможешь, — убедительно произнесла Милли. — Ты не настолько глупа.

Патрис уже привыкла к манере Милли вести разговор.

— Я совсем не глупа, Милли. Но я нужна дома, должна работать.

— Совет племени поговорит с твоим начальником. А я помогу твоей семье.

— Вы все равно у нас часто бываете, — сказала Патрис.

— Делаю заметки, — откликнулась Милли. — Думаю, я могла бы переключиться с экономики на антропологию.

— Что бы это слово ни значило, — подытожила

Джагги.

— Я не стану вас подменять, — решила Патрис. — Но я помогу вам готовиться к слушанию, Милли, так что вам все удастся и вы нас не подведете.

— И все-таки ты должна поехать с нами, — продолжала настаивать Милли. — На тот случай, если я действительно потеряю контроль и начну вести себя неприемлемым образом.

— Я бы совсем не возражала против этого, — наконец сдалась Патрис.

— Я призываю присутствующих на собрании к порядку.

Томас начал с формальностей, и, поскольку Милли сказала, что знает стенографию, именно ей было поручено вести протокол, включавший также заметки, сделанные Джагги на последнем собрании. Основная задача нынешнего заседания совета заключалась в том, чтобы решить, кто поедет в Вашингтон.

— Мозес?

— У меня болит нога. Так что я беру самоотвод.

— Луис?

— Плохое время года для лошадей.

Луис заставил чиновников округа и штата подписать письмо о поддержке требований

индейцев. И он все еще работал с местными отделениями Американского легиона. Он мог подойти к кому угодно и получить подпись благодаря своему бычьему телу и милой улыбке. Он даже мог заставить людей жертвовать наличные деньги. Но он не хотел ехать в Вашингтон.

— Тебе обязательно нужно к нам присоединиться, чтобы все видели, какая у нас делегация.

— От меня не будет никакой пользы, — вздохнул Луис. — В конгрессе я смогу думать лишь об одном: о том, что они погубили моего сына.

Томас посмотрел на лежащую перед ним стопку бумаг и провел рукой по лбу. В тот день он очень устал и боролся с головокружением.

— Мы знаем, что Милли не хочет ехать, — продолжил Томас. — Но Патрис может отправиться с нами и поддержать ее морально, а то и заменить, если мы соберем еще немного денег. Кроме того, она может дать показания о подшипниковом заводе. А как насчет тебя, Джагги? Не подведи меня.

— Уж я-то не упущу возможности увидеть Вашингтон. Она подворачивается не каждый день.

— Это будет не туристическая поездка.

— Понятно. Но я готова зачитать ваше заявление, если вас затошнит на городской воде.

— Этого не случится, — возразил Томас, махнув рукой. — Я в завязке.

— Вам всем лучше быть в завязке, когда вы туда отправитесь, — предупредил Мозес.

— Тебе все-таки лучше поехать и присмотреть за нами, — рассмеялась Джагги. — Никто не знает, что может вытворить кучка сумасшедших чиппева.

— Нечего обманом втягивать меня во все это. Я старый человек.

— Это же твой единственный шанс прославиться, прежде чем ты умрешь, *акивензи*.

После окончания собрания, пока все шумно болтали друг с другом, Томас подвез Патрис и Милли. Как это часто теперь случалось, Милли зашла к Патрис. Войдя в дом, она села за стоящий у печки стол, достала карандаш, тетрадь и принялась зарисовывать одно из растений, которые регулярно собирала Жаанат. Милли пыталась восстановить форму его высохших листьев.

— Я должна вернуться летом, — вздохнула Милли. — Я не могу распознать эти растения, когда они все вот так высохли.

— Это *мискомин*, — сказала Патрис. — Мама использует ее для всего. Это женское растение. Помогает при спазмах, укрепляет матку, прибав-

ляет молока. Но она использует ее и для других целей. Вот почему ее запасено так много. И вот это, *гаагигебаг*, тоже женское растение.

— Действительно, — пробормотала Милли.

Патрис воспользовалась практическим занятием по консервированию у торгового агента и принесла домой ящик с банками для матери. Поки сделал прочную стойку из стволов молодых березок и прикрепил ее к стене. Ряды банок, наполненных измельченными листьями и очищенными корнями, заинтриговали Милли. Другие лекарства были развешаны в углу или заплетены в длинные хвосты, как дикий лук, который так любила использовать Жаанат.

Милли заточила карандаш перочинным ножом и продолжила писать в тетради. Та показалась знакомой.

— Это школьная тетрадь, — удивилась Патрис.

— Выпущена правительством. Я встретилась с учителем математики и дала ему понять, что мне нужно несколько таких тетрадей.

— Вы познакомились со Стогом Сена? То есть, я хотела сказать, с Барнсом?

— Да. Мы с Грейс отправились за Лесистой Горой в спортзал, где он тренировался. Барнс предложил мне посмотреть его класс.

— И вы туда пошли?

— Конечно. Он сказал, ему понравилась моя клетчатая блузка. Она натолкнула его на одну идею.

— Ну, это что-то свеженькое, — сказала Патрис.

— Свеженькое, — повторила за ней Милли. — Свежая идея, да.

— Нет, я имела в виду… О, вы сами знаете.

— О! Не такая идея. Как преподавать математику, зачеркивая определенные квадраты на решетке. Я поняла, что он имел в виду.

— Возвратимся к вашему исследованию. В Вашингтоне могут спросить, как вы получили содержащуюся в нем информацию.

Милли рассказала, как идея диссертации возникла после того, как она навестила своего отца, а затем рассказала о разных приключениях при проведении интервью, причем в мельчайших подробностях. Она поведала об академической программе, в которой участвовала, и о том, как получила стипендию. Она перечислила другие свои работы, свои скромные дипломы, свои рекомендации, свои ученые степени. Теперь уже Патрис делала заметки острым карандашом. Милли должна была рассказать все это на случай,

если бы один из сенаторов попытался подвергнуть сомнению ее информацию.

Тощий

Иногда, когда Валентайн искоса, из-под полуприкрытых век, смотрела на Барнса, он казался себе мягким кроликом, зажатым в ее челюстях. Конечно, он надеялся, что под личиной хищницы она окажется сладкой, как конфета, подаренная на День святого Валентина. Будь моей. Он почти сумел залезть ей под блузку. Она была экспертом в том, чтобы отмахиваться от его рук или даже бить его по интимным местам. Страх все больше лишал его сил. Тюфяк! Стог Сена! Ему было ясно: для того чтобы она стала с ним более приветливой, сначала он должен сделать предложение руки и сердца. Ох уж эти строгие католички. Конечно, Барнс уважал такую позицию. С другой стороны, мужчина есть мужчина. В результате он так отчаянно лупил по небольшой боксерской груше, на которой отрабатывал быстрые удары, и так бешено крутил скакалку, что сбросил килограммы, да, килограммы живого веса. Добиваясь Валентайн, он быстро худел.

— Ты становишься тощим, — заметила она.

Тощим! Неуклюжий, а теперь еще и тощий. Его

определенно никогда раньше таким не называли. Он был крупным мужчиной и знал это. О, он мог бы это доказать, если бы только она была немного больше похожа на свое имя, наводящее на мысль о валентинках.

Поездка

Они спали на откидных сиденьях в вагоне. Пересели на другой поезд в Миннеаполисе. Проспали на своих местах еще одну ночь. Томас одержимо перелистывал свои показания, стараясь не делать слишком много пометок на бумагах, которые ему предстояло читать вслух. Патрис то и дело смотрела на свои часы, желая проверить, идут ли они. Она никак не могла дождаться вечера, чтобы их завести. Она также купила дорогой чемодан. В клеточку. Два оттенка зеленого с красными полосками. Защелка, открывающаяся с громким деловым щелчком. Джагги притащила с собой потрепанную дорожную сумку, набитую бутербродами, печеньем, сушеными яблоками, морковью, изюмом. Они не хотели тратить деньги в вагоне-ресторане. Третью ночь они опять проспали на своих сидячих местах и проснулись уже в Вашингтоне. Волоча чемоданы по платформе, они старались не спотыкаться от усталости. В конце перрона они глубоко вздохнули и потащились, неся багаж, вверх по широкой лестнице. Затем, с колотящимися сердцами и горящими

глазами, они обнаружили, что стоят под вереницей огромных парящих сводов.

Размеры здания ошеломили их. Внизу стелился низкий потолок из сигаретного дыма, а над ним сиял чистый свет. Воздух был тихим у пола, но остальное пространство оглашалось беспрестанным ревом, настолько громким, что он казался единым целым, хотя и состоял из рычания двигателей машин, гудков, звонков, сирен, свистков, автомобильных сигналов, скрежета тормозов и визга шин. За этими звуками скрывались более тихие: шорох шагов, шелест бумаг, бормотание разговоров, звон ложек, вилок и чашек, шуршание надеваемых и снимаемых пальто, звяканье оловянных гонгов, тиканье часов, шумы движения, скрипы резиновых галош и возгласы удовольствия. Они стояли внутри своей собственной тишины, словно в газовом пузыре.

Томас и Мозес были настолько сбиты с толку городским шумом, что не могли пошевелиться. Джагги отнеслась к нему как к погоде. Она не сортировала звуки, отделяя один от другого, и не обращала внимания на детали. Милли жила на Юниверсити-авеню, недалеко от университетского кампуса, и потому больше привыкла к шуму. Ну, а Патрис заранее к нему приготови-

лась. Наконец они пришли в себя, втиснулись в такси и прибыли в Марокканн-отель. Это была маленькая гостиница, чистая, но убогая. Их номера находились на втором этаже и выходили окнами на улицу. Даже при закрытых окнах шум врывался внутрь комнат. Томас и Мозес разделили один номер, а три женщины — другой. Джагги, заказывая жилье, попросила, чтобы одна из кроватей была двуспальной, но на практике обе оказались односпальными.

— Мы даже не будем подбрасывать монету, — объявила Джагги. — У меня болят кости, и во сне я брыкаюсь. А вы двое вполне можете спать вместе.

Они поужинали в закусочной в состоянии сумасшедшего изнеможения и теперь по очереди погружались в едва теплые ванны. Потом пришло время спать. Милли нарядилась в пижаму, покрытую ошеломляющими ромбами и точками. На Джагги была одна из старых рваных рубашек Луиса. Патрис надела ночную рубашку из мягкого голубого хлопка, найденную в куче бесплатной одежды в миссии. Она устроилась рядом с Милли, спина к спине. Они натянули одеяла до самых ушей, хотя в комнате было тепло. Джагги и Милли сразу же заснули. Одна Патрис бодрствовала.

Она прислушивалась к доносящимся шумам. Люди, казалось, разговаривали всего в нескольких дюймах от нее, хотя и находились этажом ниже. Сначала она внимала каждому интересному обрывку разговоров, а затем, безо всякого перехода в сон, снова почувствовала себя не спящей, хотя и держала глаза закрытыми. Она обратила внимание, что Джагги и Милли ходят по номеру, и подумала, что, должно быть, уже наступило утро. Но когда она открыла глаза, дневной свет оказался уже ярким. Было далеко за полдень. Ее глаза снова закрылись.

Тогда что-то проникло в ее душу. В новом месте, с новыми звуками и новым воздухом, все то, чему она сопротивлялась, нахлынуло на нее. Возникло ощущение разрыва. Ее как будто раскалывали по центру. Сердце бешено билось. Она не могла дышать. Руки поднялись — ах, если бы только он был здесь, чтобы ее обнять. Ее лицо просияло. Если бы только его губы коснулись ее, чтобы поцеловать. Снег растаял у нее на языке.

— Просыпайся, — толкнула ее локтем Джагги. — Мы проголодались.

— Пойдем, — позвала Милли. — Дальше по улице есть закусочная.

— Она выглядела приличной, — добавила

Джагги и потянула Патрис за ногу: — Вставай.

Соколиные глаза

Патрис вошла в галерею, откуда открывался вид на зал палаты представителей. Ее шарф и пальто были все еще влажными от дождя. Это было за день до участия в слушаниях, и они пытались сориентироваться в Капитолии. Она села, настороженно посмотрела на окружающих людей и заметила необыкновенно красивую женщину с ярко накрашенными губами. Эта женщина была настолько поразительна, что Патрис было трудно не пялиться на нее. Та мельком взглянула на Патрис, а затем сосредоточилась на зале палаты. Ее темные волосы были зачесаны назад волнами, красиво вьющимися на затылке. У нее были сильные, прямо-таки королевские черты лица. Она была одета в бледно-коричневый костюм с коротким облегающим жакетом и юбкой до середины икры. Замершая, с неподвижным взглядом, сжимая черную сумочку на коленях, она с хищной пристальностью смотрела на полукруг сидящих и стоящих конгрессменов. В палате представителей начались прения, посвященные экономике Мексики, и хотя Пат-

рис с трудом могла следить за выступающими, необычайная серьезность пребывания в зале, где принимаются важные государственные решения, казалось, околдовывала зрителей.

— Viva Puerto Rico libre![115]

Патрис не распознала в раздавшихся звуках выстрелы, пока не повернула голову и не увидела пистолет в руке женщины. Высокая, она стояла, выпрямившись во весь рост. И снова она выкрикнула: «Viva Puerto Rico!» Пистолет был очень похож на тот трофейный, который Патрис однажды видела в доме Луиса Пайпстоуна. «Люгер». Вот что у нее было. Женщина целилась высоко, поверх голов, но кто-то другой стрелял вниз. Слишком потрясенная, чтобы пригнуться или даже пошевелиться, Патрис увидела, как одни мужчины этажом ниже падают, а другие прячутся за столы и кафедру. Потом все закончилось. Охранники ворвались в галерею, выбили из рук женщины пистолет, а затем схватили ее саму. Потом они вытащили маленького человечка из прохода, а с ним еще одного мужчину. Сколько их было? А после все в галерее для посетителей заметались в ужасе и замешательстве, прежде

[115] Сноски: 115
Да здравствует свободная Пуэрто-Рико! (*исп.*)

чем им сказали, что их сперва допросят, прежде чем разрешат уйти.

Патрис простояла в очереди целый час. Охранник, который, наконец, подошел, чтобы ее допросить, подозрительно нахмурился и жестом велел отойти в сторону. Тогда Патрис пришло в голову, что женщина с темными волосами могла быть ее сестрой.

— Откуда вы?

— Из Северной Дакоты, — ответила Патрис.

— Вы туристка?

— Да, — подтвердила Патрис, опасаясь, что ее задержат из-за любого подозрения, которое она может вызвать.

— У вас есть удостоверение личности?

Патрис передала охраннику пропуск от сенатора Янга и маленькую картонную карточку, которую ей дали, когда она начала работать на подшипниковом заводе. На карточке стояла печать Министерства обороны. Охранник вернул документы и одарил ее натянутой, мрачной улыбкой.

— Вы что-нибудь видели? — спросил он.

— Я сидела рядом с ней, с этой женщиной.

— Позвольте мне записать вашу информацию.

— Она целилась в воздух. Она не стреляла ни

в одного конгрессмена.

— О, правда? Тем лучше для нее.

В его голосе прозвучал сарказм.

Патрис вышла на улицу, спустилась по самой длинной и широкой лестнице, которую когда-либо видела, и огляделась в поисках членов своего племени. Везде были патрульные машины, воющие сирены, толпы полицейских. На прилегающих улицах толпились туристы и репортеры. Патрис направили подальше от Капитолия, и она легко нашла Томаса и Джагги, которые ее ждали. Мозес вернулся в отель. Она не испугалась этой женщины. На самом деле, хотя это было ужасно, Патрис знала, что пришла в восторг, когда женщина встала и закричала. Что заставило ее так поступить? И что такое «Пуэрто Рико»?

— Ты видела, как это произошло? — спросила Джагги.

Когда Патрис не смогла ответить, она вдруг поняла, что здесь, в Вашингтоне, она стала свидетельницей того, как стреляли в людей, чего никогда раньше не видела, даже в резервации, в месте, которое остальная часть страны считала диким. У нее не было никаких эмоций. Мужчины в зале падали на пол, возможно, кричали, а она даже не отреагировала. Вместо этого все ее внима-

ние было уделено женщине в светло-коричневом костюме, ее соколиным глазам, ее бесстрашным крикам, тому, как она держала пистолет обеими руками, как пыталась вытащить кусок ткани, красно-бело-синий, чтобы его развернуть. Это было так трудно сделать, держа пистолет. Первым импульсом Патрис было сказать: «Эй, позволь мне помочь». И развернуть ее флаг. Да, это определенно был флаг, флаг ее страны. Но почему?

Все вдруг стало ошеломляюще массивным: Капитолий, памятники, интерьеры зданий, лестница, ведущая вниз, кровь — на полированном дереве и на подушках стульев определенно была кровь. Патрис слегка пошатнулась и сказала, что ей нужно вернуться в номер, чтобы прилечь, свернувшись калачиком в постели. Она дрожала. Джагги поддержала ее за локоть.

— Я все это видела. Да, видела, — пробормотала Патрис. — Там была женщина.

Расторжение федеральных договоров, заключенных с некоторыми племенами индейцев, и аннулирование связанных с ними обещаний

СОВМЕСТНОЕ
СЛУШАНИЕ
В ПОДКОМИТЕТАХ
КОМИТЕТА ПО ВНУТРЕННИМ ДЕЛАМ
И ДЕЛАМ ИНКОРПОРИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ
КОНГРЕССА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕГО СОЗЫВА,
ВТОРАЯ СЕССИЯ

———

ЧАСТЬ 12
ИНДЕЙЦЫ ЧЕРЕПАШЬЕЙ ГОРЫ, СЕВЕРНАЯ ДАКОТА
2 И 3 МАРТА 1954 ГОДА

———

ЗАЯВЛЕНИЕ ТОМАСА ВАЖАШКА,
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОНСУЛЬТАТИВНОГО

КОМИТЕТА
ГРУППЫ
ИНДЕЙЦЕВ ЧИППЕВА ЧЕРЕПАШЬЕЙ ГОРЫ,
СЕВЕРНАЯ ДАКОТА,
А ТАКЖЕ ЗАЯВЛЕНИЯ
ДРУГИХ ЧЛЕНОВ ДЕЛЕГАЦИИ,
СОТРУДНИКОВ ПОДШИПНИКОВОГО ЗАВОДА
ПРИЗРАКА,
СОИСКАТЕЛЬНИЦЫ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА
ФИЛОСОФИИ И СТЕНОГРАФИСТКИ.

ЗАМЕЧАНИЯ СЕНАТОРА АРТУРА В. УОТКИНСА ЯВЛЯЮТСЯ ПРЯМЫМИ ЦИТАТАМИ ИЗ ОТЧЕТА КОНГРЕССА.

*** * ***

Они вошли в большое помещение, обшитое деревянными панелями медового цвета. Внушительная полукруглая скамья из резного дерева, разделенная на отсеки, напоминающие парты, занимала один конец зала. Приглушенный свет лился на нее через огромное окно. В центре стоял длинный прямоугольный стол, обращенный

в сторону этой большой парты. Все члены делегации пожали руку сенатору Милтону Р. Янгу, мягкому и вдумчивому, с гранитным подбородком боксера. Всю дорогу от Форт-Бертольда Мартин Кросс, дружелюбный, морщинистый и сообразительный, болтал с сенатором. Томас остался у стола, разговаривая с ними, в то время как остальные участники слушаний сели за стол. Мозес и Джагги что-то пробормотали друг другу. Патрис сложила руки на коленях. Рядом с ней сидела Милли, глядя прямо перед собой. Она находилась в трансе от ужаса.

Милли смотрела на утопленную в стене панель за местами, которые должны были занять сенаторы. Возможно, это был дверной проем. Панель украшали линии, пересекающиеся под острыми углами. «Такой узор явно к удаче, — подумала она. — Повезло, повезло, повезло. И я не суеверна». Как Милли делала всегда, оказываясь в затруднительном положении, она принялась оценивать расположение всего, что находилось в зале. Дверной проем, если это был действительно он, находился идеально по центру, что вселяло уверенность. Но тяжелые портьеры, отчасти перекрывающие поток света, льющегося через окно, висели слегка кривовато. От этого Милли за-

хотелось плакать. А она никогда не плакала. Она собралась с духом и нашла утешение в огромных бронзовых бра по обе стороны от нее — те буквально бросали вызов геометрии. Светильники выглядели как уличные фонари. От них исходило сияние, почти незаметное в залитой светом комнате. Зажженные светильники отвлекли внимание Милли, но потом ее кровь забурлила в тревоге, когда раздалась просьба встать. Она принесла присягу вместе с остальными и села слева от Томаса. Раздались шорохи и приглушенные разговоры — сенаторы совещались. Милли успокаивала себя, проверяя и перепроверяя порядок страниц своего заявления. Сенатор Уоткинс начал говорить. Милли сперва запаниковала, но потом взглянула на лежащие перед ним бумаги и поняла, что он всего-навсего еще один мужчина, который не умеет печатать.

Сбоку, рядом с гигантской партой, села женщина в строгом костюме. Она положила пальцы на клавиши своего степотипа[116] и начала печатать. Ага. Вот оно что. Милли вдруг пришло в голову, что эта женщина, стенографистка, сидящая за красивой машинкой, будет выслу-

[116] Сноски: 116

Степотип — устройство, напоминающее пишущую машинку, которое используется для записи речи слогами или фонемами.

шивать и печатать ее слова. Милли позволила этой мысли постепенно наполнить себя тайной уверенностью.

Сенатор Янг говорил хорошо и сказал именно то, что члены племенной делегации втайне надеялись от него услышать. Он настаивал на том, что штат не может вмешаться и взять на себя ответственность федерального правительства. Что, во всяком случае, правительство должно финансировать дорогостоящую программу профессиональной подготовки в резервации.

Томас взял слово.

Начал он с того, что представился, произнес несколько подобающих случаю учтивых фраз, а затем высказал настойчивую просьбу, чтобы в стенограмме было указано: поездка представителей резервации в Вашингтон оплачена щедростью ее жителей, а не правительством. О боксерском поединке не было сказано ни слова.

Сидя позади Томаса на одном из мест, предназначенных для сторонников и заинтересованных лиц, Патрис моргнула и вспомнила рассеченную бровь Лесистой Горы. На мгновение в тот снежный день ее очки скользнули на кончик носа,

и Патрис увидела на его лице свежий, все еще заживающий шрам. Как быть с ним?

* * *

Вместо того чтобы оспаривать само предложение о прекращении действия договоров, делегация племени решила выиграть время. Пятилетний план правительства несостоятелен, поскольку резервация в настоящее время не в состоянии выжить без посторонней поддержки. Просьба это учесть. Потом, чтобы сдержать возмущение, от правительства потребуется еще больше денег.

Описание резервации Черепашья гора.

Сперва заявление о решительном несогласии. Затем половник кукурузного сиропа — благодарность правительству за приложенные усилия и потраченное время, после которого еще одна ложка меда сенатору Уоткинсу и помощнику комиссара по делам индейцев Х. Рексу Ли[117], авторам двух предложенных мероприятий, кото-

[117] Сноски: 117
Хайрам Рекс Ли (1910–2001) — американский государственный служащий и дипломат, который был последним невыбранным губернатором Американского Самоа. В 1950 году был назначен помощником (позже стал заместителем) комиссара Бюро по делам индейцев.

рые лишат людей всего, что они имеют.

Уоткинс прервал выступающего и заговорил сам.

Томас подумал: о черт, не сдавайся! Не сдавайся! Продолжай, как начал. Не позволяй ему смотреть на тебя учительским взглядом, не позволяй бросаться в тебя восьмидолларовыми словами, не позволяй ему…

…и вдруг в комнате возник Родерик.

Родерик

В тот миг, когда Родерик увидел сенатора Артура В. Уоткинса, он уже точно знал, кто это такой. Уоткинс был учителем, преподававшим метод Палмера, маленьким человечком, который бил его по рукам ребром линейки, дергал за уши, кричал на него, называл безнадежным, наказывал за то, что он говорил по-индейски. Уоткинс был тем человеком, который потащил Родерика к лестнице в подвал и сказал Томасу: «Не хочешь ли присоединиться к своему другу?»

Сенатор Уоткинс: В моем штате белые получили в резервации бедную землю. Однако в течение года индейцы сдали им свои наделы в аренду. Они просто не хотели заниматься сельским хо-

зяйством. Это верно и сегодня. Я думаю, большая часть индейских наделов сдается в аренду белым фермерам. Вот почему я серьезно сомневаюсь, что индейцы любят заниматься сельским хозяйством.

Мысли Патрис

Вот еще один белый фермер, такой же, как отец Дорис Лаудер, который купил дешевую землю индейцев после того, как за их наделы понадобилось платить налоги. Я чертовски хорошо знаю, что он не получил бедную землю, потому что ни один белый человек ее бы не купил. Белым досталась только та земля, которая пригодна для фермерства.

Сенатор Уоткинс: Могу я спросить, работаете ли вы, мистер Важашк?

Томас Важашк: Да. Я занимаюсь сельским хозяйством.

Сенатор Уоткинс: Очень жаль, что у нас крайне мало таких, как вы, в племенах.

Томас Важашк: Те пригодные для сельского хозяйства земли, которые есть в резервации, в основном обрабатываются индейцами.

Сенатор Уоткинс: Где бы я их ни видел, я замечал, что они заняты в основном на механических работах, на местах, требующих умения что-то

делать руками. Похоже, им это нравится.

Патрис

Им это нравится? Похоже, что так. Похоже, что так.

Милли

Я не буду смотреть вниз на свое платье. Я не заблужусь в своих рукавах. Со мной все будет в порядке, потому что на мне одежда с геометрическими узорами. Дальше этого я не должна заходить в своих мыслях, пока не расскажу о моем исследовании.

Томас Важашк: Учитывая тот факт, что занятость в целом продемонстрировала значительную тенденцию к снижению на всей территории Соединенных Штатов, мы считаем, что программа переселения индейцев несвоевременна и будет сопряжена с непреодолимыми трудностями. Мы также хотим отметить, что она имеет недостатки. И не решит наших проблем.

Сенатор Уоткинс: Я и не говорю, что она может решить их все. Совсем нет. Потому что, в конце концов, правительство не может решить ваши проблемы за вас. Большинство из них должны быть решены вами самостоятельно.

Томас
Это ты, Родерик?

Родерик
Да, это я. Держись до конца. Не злись. Им не нравится, что у индейца есть мозги. Не обращай внимания на этого мистера Жирдяя и получше связывай одно с другим свои предложения.

Сенатор Уоткинс: Я вот что хочу сказать. Для ваших болезней не существует лекарства кроме того, какое вы найдете сами. Никакое правительство, каким бы щедрым оно ни было, не способно наделять людей амбициями. Люди должны сами найти их в себе. Вы не можете законодательно закрепить в людях мораль, сильный характер или любую из прочих прекрасных добродетелей.

Вы учитесь ходить, встав на ноги и передвигая их.

Мысли Томаса
Мы не прибыли в Черепашьи горы в крытых фургонах, как белые переселенцы.

Родерик и Томас
Всю оставшуюся жизнь, вспоминая момент, когда учитель спросил, не хочет ли он присоединиться к Родерику в подвале, Томас представлял,

как отвечает: «Да, да, брось меня туда, ты, паршивая крыса». Но он этого не сказал. Нет, Томас промолчал и позволил Родерику взять вину на себя. Но это произошло не совсем из-за трусости. Нет, дело было не в ней, потому что, в конце концов, это был всего лишь подвал, а Родерик попадал и в худшие передряги. За спиной учителя Родерик покачал головой, подавая знак, чтобы Томас остался. Детей порой забывали в подвале — бывало, на целую неделю. Нет, это была стратегия. Оставшись наверху, он мог помочь Родерику сбежать.

Сенатор Уоткинс: Позвольте задать несколько вопросов о вас лично. Вы не обязаны отвечать, если не захотите. Я не требую от вас полной искренности, но она может помочь проиллюстрировать ситуацию. Чем вы зарабатываете на жизнь?

Томас Важашк: Как я уже упоминал, веду сельское хозяйство. Кроме того, я один из охранников на военном заводе Черепашьей горы по производству драгоценных подшипников.

Сенатор Уоткинс: Что это за подшипники?

Томас Важашк: Мы привезли экземпляр драгоценного подшипника, а также увеличительное стекло, которое вам понадобится, чтобы хоро-

шенько разглядеть этот подшипник. У нас также есть специалист по этой работе. Мисс Патрис Паранто. Могу я ее пригласить, чтобы она выступила свидетелем-экспертом?

Сенатор Уоткинс: Она должна быть приведена к присяге, но да.

Патрис Паранто (после приведения к присяге; голова гудит от страха, держит в руках карточку, образец и увеличительное стекло): Эта маленькая проволочка, которую вы здесь видите, сделана из нержавеющей стали и вставляется в станок. Она вращается, пока вы, наконец, не просверлите отверстие в драгоценном камне. Через увеличительное стекло вы увидите, что в этом камне есть крошечное отверстие, и он отполирован как изнутри, так и снаружи. Он должен соответствовать определенным размерам, указанным на карточке, которую вы здесь видите, и имеет форму чаши, в которую поступает масло для смазки.

Сенатор Уоткинс (игнорируя Патрис и обращаясь к Томасу Важашку): И сколько зарабатывают прошедшие соответствующую подготовку люди, занятые на этой работе?

Томас Важашк: Я полагаю, средняя зарплата составляет от 75 до 90 центов в час. Что касается

меня, то в неделю я получаю на руки тридцать восемь долларов с четвертью.

Сенатор Уоткинс: Некоторые индианки, у которых есть семьи, тоже там работают, не так ли?

Томас Важашк: Да, у большинства индианок, работающих там, есть семьи.

Сенатор Уоткинс: Почему на завод берут женщин, а не мужчин? У вас ведь есть много мужчин, не так ли?

Томас Важашк: Руководство завода организует тесты на проворство рук, и я считаю, женщины по этой части превосходят мужчин. А теперь позвольте мне воспользоваться возможностью и представить вам мисс Милли Клауд, которая приехала, чтобы огласить результаты своих исследований, посвященных социальным и экономическим условиям в резервации Черепашья гора.

Милли

— Если бы это можно было занести в протокол… — произнесла Милли.

Затем она начала.

Во время чтения своего исследования она была как в тумане.

Вопросов было много.

Так прошел час, потом следующий. Наконец

настал перерыв.

Родерик

Помнишь, как ты умасливал того белого учителя? Величал его сэром, сэром таким, сэром сяким, постоянно благодарил, спрашивал совета. А потом украл ключи из кармана его костюма? Ты выпустил меня из подвала и засунул ключи обратно.

Томас

— Попробовать, что ли? — прошептал Томас.

Томас наблюдал, как сенатор Уоткинс идет по коридору. Со своей небольшой свитой он спустился по лестнице. Томас последовал за сенатором Уоткинсом вниз по ступенькам. Он нашел дверь с фамилией сенатора и вошел в приемную. Он уже собирался объяснить секретарше, кто он такой, когда сенатор Уоткинс вышел из кабинета.

— Это опять вы, — проговорил сенатор Уоткинс. — Что я могу для вас сделать?

— Я пришел, чтобы поблагодарить вас, — сказал Томас.

— Ну что вы, не стоит, — ответил сенатор.

— Я хочу поблагодарить вас за вашу заботу о нашем народе. Вы, очевидно, приняли нашу ситуацию близко к сердцу, и я был поражен

добротой, проявленной к нам, когда вы нас так внимательно выслушали и вдумчиво взвесили наши показания по законопроекту о прекращении договоров.

— За все дни, проведенные в должности сенатора, никто никогда не благодарил меня за то, что я выслушал показания.

— Я бы назвал это упущением, — улыбнулся Томас.

Выходя из кабинета сенатора, он подумал: «Я и мои люди абсолютно беспомощны и находимся в отчаянии. Это признак того, насколько плохо все обстоит. Я готов поступиться своим достоинством, чтобы умасливать тебя, пока не добьюсь своего. Я надеюсь, это поможет нашему делу».

Прощание

На следующий день, после дачи показаний, их маленькая делегация покинула Капитолий. Им не терпелось сделать это поскорей, и тем не менее они медлили, как будто их присутствие все еще могло иметь какое-то значение.

Дорога домой

Томас

В поезде, по дороге домой, когда темные поля серого снега пролетали мимо, а похожие на пятна птицы, собравшись в огромные стаи, закручивающиеся в жуткие спирали, бесновались и кружились над головой, когда Томас видел мельком, притихший, бесчисленное количество заколоченных или занавешенных окон, шатких пожарных лестниц, грязных мусорных свалок, почерневших кирпичных стен и помоек, он анализировал каждое мгновение, каждое слово. Сказал ли он то-то и то-то? Когда сенатор поправил очки, что это означало? Как все пойдет дальше? Томас был убежден, что свел на нет все их шансы. Он не мог точно объяснить, как он это сделал, но он знал. И еще кое-что. Сенатор спрашивал у каждого индейца, дававшего показания, о том, сколько индейской крови течет в его жилах. Самое смешное было то, что никто этого точно не знал. Никто не назвал ее количество в процентах. Это было не то, за чем они внимательно следили. На самом деле Томас мало знал о своих собствен-

ных предках и не задумывался, кто из них был индейцем на четверть, кто наполовину, кто на три четверти, а кто был чистокровным чиппева. То же самое можно было сказать и обо всех его знакомых. По мере того как мили пролетали за окнами, это начинало его беспокоить. Все знали, индейцы они или не индейцы, независимо от того, что говорилось в списках или что заявляло правительство. Это было данностью. Давным-давно один парень в баре составил для него генеалогическое древо. Когда Томас посмотрел на него, то подчеркнул индейцев и получился чистокровным, хотя знал, что где-то в его роду затесались и французы. Затем парень несколько раз опять начертил древо, делая Томаса то более белым, то более индейцем, то опять более белым. Это превратилось в игру. Игра оставалась игрой, но теперь она интересовала сенатора Уоткинса, а это означало, что это была игра, которая могла стереть их с лица земли.

Все они купили газеты, чтобы сохранить их в качестве сувениров. В газетах было написано о случившемся в палате представителей. Никто из конгрессменов не погиб, но один находился в тяжелом состоянии. Теперь им казалось удивительным, что слушания не отменили. И что

на следующий день их лишь слегка обыскали, хотя повсюду стояло много дополнительных охранников, выглядевших бдительными и даже свирепыми.

Патрис

Теперь я знаю. Знаю, что чувствовал Лесистая Гора после боя с Уобблом, подумала она. Чувствовал не физически, конечно, а духовно. То же произошло и с ней. Весь адреналин улетучился, вся страсть борьбы покинула ее, но каждый момент слушаний остался в памяти ясным и выразительным, а лица сенаторов запомнились в мельчайших подробностях. Особенно лицо сенатора Уоткинса. Слово «надменное» годилось для него лучше всего. Рот Уоткинса походил на кошелек с монетами. Все в сенаторе дышало самодовольством. То, как он держался, излучая некую вибрацию. Наполняя воздух ханжеством. Вот еще одно слово, которое всплыло у нее в голове.

В газетах было довольно много информации о Пуэрто-Рико, так что Патрис получила ответ на свой вопрос. Газеты напечатали большую фотографию женщины, которая вскочила на ноги и принялась стрелять из пистолета. Ее сияющие, горящие глаза, полоска накрашенного

рта, который на бумаге выглядел размытым. Патрис провела рукой по зернистой фотографии и аккуратно спрятала газету в чемодан. Она откинулась назад, и перед ней предстали глаза этой женщины. Лолита Леброн. *Viva Puerto Rico.* Она так сильно хотела, чтобы ее страна жила, что готова была убивать. Было ли с ней что-то не так? Или это с Патрис было что-то не так? Если бы их показания не сработали, если бы они потеряли свой кусочек вселенной, если бы ее мать была вынуждена жить в городе, что ее бы убило, если бы Вера так и не нашлась, если бы, если бы… Если бы сенатор Артур В. Уоткинс стоял перед ней на коленях и его жизнь была в ее руках… Что, если это… Что, если это? Мистер Самодовольный Рот. Мистер Ханжество. Он был бы в опасности, подумала она. «Когда я в ярости, я все делаю идеально».

На обратном пути Патрис спала особенно плохо. Каждый раз, когда она собиралась заснуть, в ее сознание вклинивался какой-нибудь образ. Иногда ее руки казались руками матери. Она видела, как они, сверхъестественно сильные, смыкались на шее Веснушчатого, или на шее Берни, или на шее сенатора. Патрис пыталась избавиться от этих картин, но они возвращались.

В ней обитал мстительный, буйный, даже кровожадный дух. Тот самый дух, который наслал птицу, клюнувшую Баки в лицо. Вернувшись домой, она прибралась в парильне и попросила мать помочь ей избавиться от этих мыслей.

Мозес

Он скучал по своей жене. Она была маленькой аккуратной доброй женщиной с дерзкой улыбкой. Они не разлучались с детства. Ни дня он не провел без нее. Это было самое долгое расставание. Он взял с собой один из ее вязаных шарфов, красный, и ночью спал, прижимая его к лицу, даже в поезде. Дети называли их «старолюбами», потому что их любовь была именно такой — старомодной. Они держались за руки. Целовались. Называли друг друга *нинимоше*. «Доброе утро, моя милая малышка», — говорил он ей каждый день, когда просыпался. Он был в ужасе, боясь, что с ней приключится беда, пока его не будет. Может, следует позвонить ее двоюродной сестре, которая живет в городе, по телефону? Может, теперь это стало дешевле? Если бы что-то случилось, прислали бы телеграмму, несколько раз сказала Джагги. Он зря беспокоится. Но чувство, будто что-то должно произойти, не отпускало его, и он вышел вместе с Томасом, надеясь от-

влечься. Во время остановки в Миннеаполисе они планировали найти на железнодорожном вокзале табачный магазин и купить себе и Луису несколько сигар.

Томас

Когда Томас шел с Мозесом между высокими богато украшенными железными колоннами, он понял, что в течение какого-то времени чувствовал себя не в своей тарелке. Странное ощущение подкралось незаметно. О, он знал, что у него не все в порядке с психикой. Кто другой выдержал бы все, что на него обрушилось, без последствий? Но и физически ему сейчас тоже было не по себе. Он прислонился к колонне, переводя дыхание. Силы покидали его. Острая боль подкрадывалась к правой стороне лица. Мозес повернулся и поманил за собой. Томас продолжил идти, надеясь, что преодолеет слабость.

Джагги

— О, пускай они идут искать свои вонючие сигары, — засмеялась она. — Мы проторчим здесь битый час, девочки. Давайте найдем, где подают кофе, и попробуем городские пончики. *Амбе*!

Томас

Узорчатые плитки пола поднялись и устреми-

лись к нему. Он встал на четвереньки, а затем нырнул вниз, в беспросветную тьму. У него появилось ощущение, будто он стал крошечным. А окружающий мир, это чудовищное пространство, разрастался, становясь все больше и больше, напоминая полный воды космос. Он сознавал, что где-то там, наверху и повсюду, есть какие-то завихрения. Признаки движения. Крики и призывы. Он должен был игнорировать все и продолжать плыть, опускаясь ниже и ниже, несмотря на то, что окружающая чернота становилась густой и непроницаемой. Он едва мог двигаться. Он должен был найти в себе крупицу силы, затем еще одну, еще меньшую крупинку, чтобы и дальше тянуться ко дну этой черноты. Он должен был достичь дна, прежде чем сможет подняться. Это была задача для настоящей ондатры.

– *Анди?* — спросил он, просыпаясь. — Где я нахожусь?

— Вы находитесь в больнице. У вас случился инсульт.

Перед ним стояла высокая белая медсестра с желтыми волчьими глазами и с гривой седых волос. Он бы не удивился, увидев заостренные уши по обе стороны от ее накрахмаленной и сверкающей белизной шапочки.

Он спросил:

— Вы закончили измерять землю?[118]

Он был пылинкой, которую она могла стряхнуть со своего хвоста. Ее длинные зубы были покрыты пятнами. Он понял, что волчица действительно закончила измерение, и его сердце сжалось в груди.

[118] Сноски: 118

По легенде, когда из земли, добытой Ондатрой после потопа, была сотворена суша, Волк был послан обежать ее, чтобы узнать, насколько она велика.

Если

Первый слой сделанного из одеял конверта стирали каждый день. Следующий слой — каждую неделю. Верхний слой представлял собой искусно расшитую бисером шерстяную материю цвета индиго. Белая виноградная лоза, украшенная бисером, была тропой жизни. Кленовые листья, разноцветные розы и любимые орнаментальные узоры Жаанат ответвлялись от виноградной лозы. Лесистая Гора уложил Арчилла на заспинную доску, поправил набитую пухом рогоза подушечку под попкой ребенка и его тощими бедрами. Как только Арчилл оказался на заспинной доске, он успокоился и захотел спать. Лесистая Гора отнес колыбель к кровати Поки и положил на нее. Он ощущал волнение, потому что они с ребенком оставались в доме одни. Время было идеальное. От печки исходил жар. Жаанат ушла собирать можжевеловые ягоды. Если бы Патрис была здесь, он попросил бы ее вновь о том же самом. Выходи за меня. Он не мог так жить. На этот раз она скажет «да», ведь скажет, правда? На столе стоял чайник с недавно вскипевшим чаем. Он услышал

снаружи шаги, но не мог понять, чьи они. Кто-то разговаривал. На бегу. Его сердце заколотилось так, словно он вышел на ринг.

В дверях появилась женщина. Лесистая Гора учащенно дышал, у него слегка кружилась голова, рот приоткрылся. Он вообще не знал, что сказать. Это была не Патрис. На пороге стояла незнакомка, или, по крайней мере, он так подумал вначале. Ее глаза глубоко запали, а лицо выглядело таким худым, что зубы казались огромными. Внешний вид дополняли коричневая парусиновая куртка, комбинезон и коричневая вязаная шапочка. Он уставился на нее, когда она спросила:

— Что ты здесь делаешь, Лесистая Гора?

Он покачал головой.

— Разве ты не помнишь меня? Это я, Вера.

Седобородый мужчина вошел следом за ней, наклонив голову, с застенчивым ошеломленным выражением на лице. Внутри было темно, и он несколько раз моргнул, пока его глаза не привыкли к полумраку.

— Я не останусь надолго, — проговорил он. — Моя собака в машине.

Вера посмотрела на него долгим взглядом. Затем она поднялась на цыпочки и сняла со стены

семейное ружье. Она попыталась отдать его спутнику, но тот не взял.

— Пожалуйста, — попросила она.

Ее лицо было напряженным. В глазах стояли слезы. Мужчина улыбнулся, его зубы слабо блеснули сквозь бороду, глаза были несчастными. Он поднял руки вверх и сказал, что ружье им еще понадобится. Затем он повернулся и вышел за дверь.

Арчилл издал тихий звук, и Вера распахнула глаза. Она уставилась прямо в лицо Лесистой Горы. Он понял, что она собирает воедино его, ребенка, сестру, мать — все, что может. Он знал, она не догадывается, что это ее ребенок. Безумная мысль, что он мог бы выйти с мальчиком вон и исчезнуть, пронеслась в его мозгу. Он взял Арчилла на руки вместе с заспинной доской, гордясь его красотой, влюбленный в нежное личико спящего младенца. На Арчилле был маленький меховой капюшон.

— Он твой, — сказал Вере, не глядя на нее, Лесистая Гора. Он смотрел только на Арчилла.

Она упала на пол, как снег, свалившийся с ветки. К тому времени, когда он поднял ее и вложил ребенка ей в руки, Жаанат уже была дома. Мать и дочь принялись обниматься, не отдавая Леси-

стой Горе зажатого между ними ребенка. Лесистая Гора вышел на улицу и подошел к Дейзи Чейн. Его ноги дрожали, а руки стали такими слабыми, что он не смог забраться на лошадь, а потому взял ее за повод и повел по дороге. Почему-то он не представлял себе, что произойдет… если. *Если*. Сейчас это *если* случилось, и он не мог представить, что его место теперь не рядом с Арчиллом.

«Тоска»

Слава богу, недовольство было взаимным. Во время эпизода мучительных сексуальных ласк она села и произнесла:

— Отвези меня домой.

Что Барнс исполнил с радостью. А выходя из машины, она сказала:

— Прощай. Я говорю это всерьез.

Барнс высунулся из машины, когда она проходила мимо заснеженных автомобилей, стоящих во дворе у ее отца.

— Ты говоришь «прощай» в смысле «прощай навсегда»? — крикнул он ей вслед.

Резкий ветер обжигал щеки и лоб. Это был март, черт возьми! Он и не знал, как холодно у них здесь, наверху холма.

Она обернулась, и, судя по выражению ее лица, она действительно хотела сказать именно это. Он нырнул обратно в машину и взялся за руль, испытывая адское облегчение.

Он проехал прямо мимо спортзала. Собирался ли он тренироваться в субботу вечером? Нет. Он возвращался в свою комнату. В душе он ощущал

таинственный восторг. Плюс уныние. У человека бывают такие противоречивые чувства. Почему нет? Он только что получил по почте очередной подарок от дяди. Это была запись оперы. Хотя Барнс не считал прослушивание опер по-настоящему мужским занятием, он втайне находил, что оно довольно хорошо. На самом деле оно заставляло его плакать. И даже рыдать. Он ставил на проигрыватель подобные пластинки лишь тогда, когда был один. Выплакавшись, он часто погружался в самые сладкие сны.

Электронагреватель «Солсбери»

Именно Милли вызвала «скорую помощь» и настояла на том, чтобы Томаса отвезли в больницу Университета Миннесоты. Его сразу же госпитализировали, и теперь он лежал на больничной койке, на тихом верхнем этаже. Как родственнице, Патрис единственной разрешили войти в палату. Она села рядом с кроватью на металлический стул и пристально посмотрела ему в лицо. Он не был полностью без сознания, но все же нельзя было сказать, что он просто подремывает. Нет, это было нечто большее. Хотя выражение его лица было спокойным, мягким и безмятежным, Патрис охватил страх. Она чувствовала, как он витает где-то вне своего тела.

Вошла медсестра и измерила основные жизненные показатели — пульс, дыхание, температуру, кровяное давление. Патрис испугалась, что эта бесцеремонная женщина спугнет его дух, но когда тишина воцарилась снова, девушка почувствовала, как душа Томаса колышется над кроватью. Томас был самым близким ей человеком, похожим на отца. Она протянула руку,

положила рядом с его рукой и закрыла глаза. Через некоторое время она начала говорить на языке своей матери, и появились слова, которые мать использовала в начале каждой церемонии. Эти слова призывали духов ветров, которые веяли в четырех направлениях, и духов животных, которые пришли с четырех сторон. Она пригласила всех этих духов войти в палату. Время исчезло. Оконное стекло задребезжало, когда поднялся ветер. Люди проходили по коридору, разговаривая.

Позже, когда медсестра заверила Патрис, что состояние дяди стабильно, она ушла и вместе с Милли направилась в ее съемную комнату. В маленькой студии было холодно. Милли велела Патрис не снимать пальто и сесть в кресло. Сама она придвинула табурет, поставив его рядом с Патрис, и включила маленький обогреватель «Солсбери». Спираль покраснела, и приятное тепло потекло к их ногам.

— Милое местечко, — заметила Патрис и кивнула в сторону стола: — А это что?

— Электрический чайник. На кухне нет раковины, но у меня есть полноценная ванная комната и этот обогреватель. Я купила пирог с мясом. Моя мама называет его мясной запеканкой, но в Мичигане его называют мясным пирогом. Поб-

лизости есть маленькая бакалейная лавка, где его продают свежим или замороженным. Кроме того, я купила два яблока.

— Значит, у нас есть еда, — улыбнулась Патрис.

Милли встала и заварила чай, а потом торжественно размешала в нем сахар. Она успела вытереть пыль и привела в порядок свою маленькую комнатку. Ее радость от того, что Патрис у нее остановилась, была такой сильной, что ей стало трудно дышать. Что-то сжимало ее грудь. Она протянула Патрис чашку и блюдце того же цвета.

— Это то, что нужно, — заметила Патрис.

Милли снова села на табурет и подула на чай.

— Ты первый человек, который пришел ко мне в гости.

— Ты, наверное, поселилась здесь совсем недавно, — предположила Патрис.

— О, совсем наоборот. Я просто никого не приглашала. Не то чтобы кто-то напрашивался, просто так вышло. Ты первая.

— Вообще-то мне здесь нравится, — призналась Патрис. — Мне по душе голые стены.

— Тебе нравятся голые стены?

Милли с трудом сдерживала восторг.

— Я все думаю, что мне следует повесить на них какие-нибудь картины или фотографии, — призналась она. — Но тогда я задаюсь вопросом, какие?

— Люди вешают на стены слишком много всякой всячины.

Милли сделала глоток горячего сладкого чая. Он был восхитителен. Скоро она поджарит пирог, и они съедят яблоки. Затем вернутся в больницу и навестят Томаса. А после этого вернутся и лягут спать.

— Жаль, что у меня только одна кровать.

— Мы можем снова лечь вместе. Ты спишь спокойно. Иногда, когда становится чересчур холодно, я укладываю в свою постель Поки, маму и ребенка. Мы все прячемся под одеялами. Поки во сне лягается, но это единственный способ остаться в живых.

— Я оставляю окно приоткрытым из-за газовой горелки. Иногда, когда я просыпаюсь, у меня изо рта идет пар.

— А у нас иногда одеяло покрывается инеем от нашего дыхания. И приходится стряхивать его утром.

— Порою я удивляюсь, почему мне так нравится жить здесь одной. Почему я так счастлива.

— У тебя нет парня?

— Никто не набивается.

— То же самое и у меня. Хотя я подумываю о Лесистой Горе.

— Он красавчик, как я слышала. Откуда мне знать?

— Красавчик, но спекшийся.

— Ну, а ты красивая, — сказала Милли.

Ее голос охрип, словно что-то застряло в горле. Она открыла рот, чтобы выпалить слова любви. На самом деле Милли не знала, что они в ней есть, но внезапно слова приготовились вырваться из ее сердца. Она издала какой-то звук, но Патрис заговорила первой:

— Знаешь, о чем я подумала, Милли? После того как Вера вернется домой, я, знаешь ли, хотела бы с тобой породниться. Я считаю, ты могла бы стать моей сестрой.

— Сестрой. О, Патрис!

— Ты хотела бы стать моею сестрой?

— Ну конечно.

Милли провела достаточно много интервью с индейцами, чтобы догадаться: стать названной сестрой кого-нибудь из народа чиппева было знаком особой дружбы и большой честью. Но по какой-то причине предложение Патрис не

заставило ее почувствовать себя однозначно счастливой. Она была одновременно и рада, и почему-то разочарована. И ее чувства продолжили блуждать в тишине. Как бы ей ни было приятно, она чувствовала себя неуютно, и ей мало было стать сестрой Патрис. Это было похоже на то, как если бы чудесный геометрический узор вспыхнул перед ней и распался, прежде чем она смогла понять, из каких фигур он состоял.

Озеро, колодец и сверчки, стрекочущие в траве

Томас уплывал далеко и скользил во времени туда-сюда. Он рыбачил на озере, где увидел в воде Пикси. Она удивила его, подплыв к лодке. Он помог ей перевалиться через борт и улечься на дно. Она лежала там, задыхаясь. Нет, это он задыхался. Он был в больнице и был удивлен, что все еще находится в лодке. Она никогда не говорила, почему поплыла к нему, но он заметил на берегу парней, и даже издалека они выглядели чертовски шалыми. Вскоре после этого у Баки перекосило рот. Люди говорили, что лишь самый могущественный шаман может привести его перекошенный рот в порядок. То, что случилось с Баки, напугало других парней, которые рассказали правду о том, что произошло в машине. Значит, Томас знал. Если бы лицо этого молодого дурака не было изуродовано, Томас избил бы его как следует.

Томас еще некоторое время подрейфовал в белой постели, а затем снова оказался в лодке. Еще раз. На этот раз Пикси с ним не было. На западной

стороне неба собиралась гроза. Но молнии пока не сверкали. Он поплыл к тому месту, где припарковал машину. Слишком поздно — порыв бури налетел на него, выбросил из лодки и поднял высоко в воздух. Когда он плюхнулся в воду, удар оказался таким сильным, что вышиб воздух из легких. Безмерно тяжелый, он начал тонуть. На этот раз как тогда, на вокзале. Он спустился до самого дна, но это было не дно озера.

Нет, он был снова на дне колодца.

Управление промышленно-строительными работами общественного назначения выделило деньги на оборудование для рытья колодцев в резервации, и они с Бибуном принялись за работу, используя лебедку и груду камней, которые собирали со своих полей в течение многих лет. Они начали в засушливом сентябре, намереваясь вырыть колодец достаточно глубоким, чтобы в нем всегда была вода. Правительство также предоставило железное кольцо. Они выкапывали землю внутри кольца и укрепляли края сверху камнями. По мере того как кольцо погружалось все глубже, они продолжали выкладывать камнями стенки колодца. Копали по очереди. Томас менялся местами с Бибуном, пока они не ушли под землю и не начали копать там. Томас копал,

наполняя землей ведро, привязанное к лебедке, а Бибун поднимал его на поверхность и клал в него камни для укрепления стен.

Томас прошел тяжелый черный верхний слой почвы и углубился в глину. Это был прекрасный, жирный материал, необычайно плотный. Бибун принялся уговаривать Джулию прикатить тачку и набрать глины, чтобы потом сделать горшки. Но ее это не заинтересовало. На четвертый день Томаса уже тошнило от глины. Он ненавидел ее. За ночь та успевала закваситься в яме колодца, и когда он копал, кислая пыль оседала на языке. Нос был забит глинистой слизью. Легкие болели, а грудь сжималась. Он начал задаваться вопросом, не заполняет ли колодец какой-нибудь газ, от которого все сильней пахнет серой. Однако здесь, на больничной койке, особенно ночью, он начал находить в рытье колодца определенное утешение. Запах был сильный, но, возможно, это был спирт для протирания. А земля излучала тепло. В ней было очень уютно. Теперь он не испугался ее, и это его удивило, потому что когда он копал, то боялся.

К своему стыду, он даже иногда впадал в панику. Тогда он чувствовал, как от страха у него сжимается горло. Ему приходилось делать над

собой усилие, чтобы не представлять, как земля проваливается под ним и поглощает его.

Иногда он думал, что скорее умрет, чем снова спустится в эту дыру.

Теперь это не имело значения. Ничто не могло причинить ему вреда. В лодке, в колодце, в постели он был в безопасности, потому что сейчас ничего не мог сделать, и ему не нужно было возвращаться в Вашингтон. Несмотря на ужасную возможность потерять жизнь или разум, это был отпуск. Верней, был бы, находись Роуз рядом. Ах, если бы только они лежали в его «нэше» на откидных задних сиденьях, которые так легко превращались в кровать, вместе, во время их второго медового месяца, и слушали, как сверчки стрекочут в траве.

Потолок

Две женщины лежали в постели и разговаривали, глядя через окно в туманное серое небо. Навестив Томаса и убедившись, что ему намного лучше, они купили овсянку. Каждая съела по целой миске с маслом, сахаром и корицей. Их желудки наполнились и потеплели. Холод стал не так заметен. Они были довольны жизнью. Милли заговорила о занятиях, которые она будет посещать в следующем семестре. Патрис долго слушала названия предметов.

— Что мне нужно сделать, если я захочу стать адвокатом? — спросила она, наконец.

Милли ей рассказала.

Между их словами то и дело наступали паузы, пока они просто лежали, плывя по течению времени. Иногда им казалось, будто они спят и разговаривают во сне. Наконец, и Патрис была в этом уверена, Милли окончательно отключилась, задышав медленно и глубоко. Теперь Патрис тоже могла задремать. Когда она погружалась в сон, из тьмы ночи возникло лицо Лесистой Горы. Резко дернувшись, Патрис пришла в созна-

ние. После того случая в Вашингтоне, когда она в полусне вспомнила о нем, ей удавалось не думать о Лесистой Горе. Но все же они занимались любовью и смотрели друг другу в глаза. Они играли в детей и умывали друг другу лица снегом. Она любила его. Не так ли? Впрочем, откуда ей было знать?

Если бы Бетти Пай была рядом, она могла бы у нее спросить. Но не у Милли. У нее она спросить не могла. Поэтому Патрис продолжала размышлять о своих чувствах. Патрис не была, как она слышала в одном фильме, *охвачена бурей чувств*. Нет, она не хотела строить жизнь по лекалам, позаимствованным из фильмов. Она хотела точно знать, за кого ей следует выйти замуж. Разве это не должно быть очевидным? Возможно, подумала она, когда Вера вернется домой, все прояснится. Патрис не могла уйти, пока это не произошло. Все зависело от возвращения сестры. Да, Вера прояснила бы все.

Она снова задремала, а затем опять вздрогнула и проснулась. Ее глаза распахнулись, и она посмотрела в серое пространство перед собой. Патрис никогда не позволяла себе думать о том, что Вера может не вернуться. Она знала, как и Жаанат, что Вера жива и вернется. Где-то внизу

проехала машина, и лучи ее фар закружились по потолку, который, как теперь заметила Патрис, был не гладким и бледным, как стены комнаты Милли, а потрескавшимся, облупившимся и зловещим от подступавшего к нему мрака. О, почему он выглядел именно так? Увиденное заставило ее подумать, что она может ошибаться. Что Вера может не вернуться домой. В ее душу закралось горе.

Чертов потолок, подумала Патрис, не хватает еще большого уродливого паука, который бы по тебе прополз. Мне нужно посмотреть на что-то, мерцающее в ночи.

Она выскользнула из-под одеяла и подошла к окну, часть которого была покрыта изморозью — причудливыми ледяными папоротниками. Еще одна машина свернула за угол, и узоры вспыхнули зелеными и золотыми огнями. Она живая, казалось, говорили они ей, живая!

Еще бóльшая радость

— Ты забыл запереть свое сердце, — осуждающе проговорил Эльнат.

— Нет, не забыл, — возразил Вернон.

— Что случилось потом?

— Ее глаза вскрыли замок.

Они стояли бок о бок на свету, держась за локти. На улице царил невероятный холод. Выйти на него не представлялось никакой возможности, а потому каждый притворился больным и после завтрака поднялся по лестнице обратно в их комнату. Теперь они стояли у маленького прямоугольного окошка и, моргая, глазели на свежевыпаший снег, укрывший на многие мили все вокруг. Его сияние потрясло их даже в полутемной комнате.

— Она искушала тебя, — продолжил Эльнат.

— Дело было не в этом, нет. Я не могу сказать, что она хотела этого.

— Но она это сделала, — не сдавался Эльнат.

Вернон промолчал.

— Что я хочу знать, так это то, прекращаешь ли ты грешить.

— Прекращаю. О, я прекращаю.

— Тогда ладно.

— Значит, мы позвоним и за нами приедут? — спросил Вернон через несколько мгновений, сгорая от стыда, борясь с надеждой. — Мы уезжаем домой, ты и я?

— Я думаю, мы должны с этим справиться, — строго произнес Эльнат.

В его голосе звучит ненависть, подумал Вернон.

— Здесь чертовски холодно. Не знаю, где написано, что мы должны умереть.

— Не знаю, где этого не написано.

Вернон открыл и закрыл рот. Они стояли по стойке смирно, их плечи были напряжены, руки скрещены на груди. Единственное, чего им сейчас хотелось сделать, — это улучить подходящий момент и броситься в драку.

Позже они попросили Милду подбросить их до поселка. Ей требовалось кое-что купить в продуктовом магазине. Они же отправились навестить Лабатта. Вернон напомнил своему спутнику о причине, по которой их послали в резервацию. А также о том, как индейцы обучаемы, кротки, добросердечны и нежны. Они всегда готовы угодить, как покорные дети. Но к Лабатту все это не

относилось. Он пошел на попятный, не захотел не только креститься, но даже впустить их, и поскольку он был их единственным обращаемым, а холод обещал заморозить их насмерть, они решили вернуться к машине Милды. Однако Эльнат вдруг без предупреждения зашагал в другую сторону. Он сказал, что пойдет в ближайший город. Вернон знал, что следовать за ним означало верную смерть, но у него не было выбора. Ветер проникал под пальто, словно оно было бумажным. Руки онемели. Лицо горело. Он спотыкался, потому что ноги одеревенели. Когда Луис Пайпстоун остановился на дороге и подобрал их, когда он сказал им, что может довезти их до Гранд-Форкса, слезы от холода высохли и на душе потеплело. В Гранд-Форксе жил член мормонской церкви, который мог их принять. Они попросят Милду прислать их немногочисленные пожитки. Миссионеры постепенно оттаивали, ощущая прилив крови, молились о том, чтобы выдержать этот невыносимый огонь жизни, и знали, что Бог призвал их к еще большей радости.

Совы

Пока Барнс лил слезы в подушку, Луис Пайпстоун ехал на машине Джагги в Города, чтобы забрать «отставших бойцов». Так он их называл, потому что не мог избавиться от чувства вины. Он боролся с ним миля за милей. Промчавшись через Гранд-Форкс, Фарго и Фергус-Фоллс, он почувствовал, что это не помогло, и погнал дальше. Он пролетел через Роялтон и Сент-Клауд, но и это ничего не изменило. Луис знал, что, если бы он поехал в Вашингтон в составе делегации, все пошло бы по-другому. С Томасом все было бы в порядке. Во время остановки в Городах Луис сам отправился бы за сигарами. Он был уверен, что каким-то образом спас бы Томаса. Лишь когда он добрался до места и с большим трудом нашел нужную больницу, только когда ему разрешили прийти к Томасу в часы посещений, Луис почувствовал некоторое облегчение.

Его друг все еще лежал на больничной койке. Но, услышав шаги, он приподнялся и сел прямо, а когда увидел Луиса, оживился и расплылся в широченной улыбке, сверкнув золотыми зу-

бами.

— Твои лошади, похоже, опять куда-то забрели!

— Я здесь как раз для того, чтобы загнать их в стойло, — отозвался Луис.

— Патрис говорит, будто ты повезешь меня домой с большой помпой.

— Раскатаю красную ковровую дорожку до самого автомобиля Джагги. И поедешь ты спереди, на почетном месте.

— Ты мог бы взять мою машину.

— Тогда Уэйд не смог бы гонять на ней по окрестным проселкам, как он делал все это время.

— Больше похоже на Шарло, ведь в семье главный водитель она.

— Ну ладно, Шарло. Значит, это она запихивала в машину своих подружек вместе с большим мешком муки. На днях она загружала его в багажник, я сам видел.

— Моя дочка.

Милли и Патрис вошли в палату вместе с медсестрой, заполняющей документы на выписку. Луис спустился, чтобы охранять машину.

По дороге домой, когда они ехали через заснеженные поля, сверкающие на ярком солнце, Томас попытался рассказать Луису о том, что про-

изошло на вокзале, когда они с Мозесом пошли покупать сигары.

— Я ничего не почувствовал, когда упал на пол, но потом поднял глаза и увидел сов. Снежных сов, волной пролетевших надо мной. Их была целая стая. Конечно, Лабатт сказал бы, что они хотели меня убить, но я-то знаю: они примчались, желая уберечь меня от беды.

— Недурная история, — улыбнулся Луис. — Теперь мы будем называть тебя Человек-Сова.

— Я бы не возражал, — признался Томас. — Но я всего лишь скромная ондатра.

— Кстати, о Лабатте и совах. Это он взял на себя твои ночные дежурства?

— Он все еще ходит на них, насколько я знаю.

— А я слышал, будто он перестал, потому что какая-то сова пыталась залететь к нему в окно.

— Это моя сова. Она, должно быть, живет где-то поблизости и постоянно нападает на свое отражение в окне. Верно, думает, что другая сова занимается браконьерством на ее территории.

— Ну, она Лабатта здорово напугала. Он говорит, что ни за какие коврижки не станет больше дежурить в ночную смену.

— Может статься, виной тому был Родерик.

— Старина Родерик? Из школы-интерната?

— Он бродит поблизости. Не в плохом смысле. Он вселяет страх божий в Лабатта.

— Так вот почему он так ударился в религию. Джагги говорит, Лабатт теперь каждый божий день ходит на мессу и всегда причащается. Он хочет устроиться дворником при церкви и убирает снег на ведущей к ней дороге.

— Ну и дела, я буду скучать по Лабатту с его мрачными предсказаниями.

— Не волнуйся, — ответил Луис, — ты еще увидишь его, и у этого парня всегда найдется для тебя мрачное предсказание.

— Я скучаю по своей маленькой совушке, — сказал Томас. — По той, которая жила у меня в качестве домашнего питомца. Она свила гнездо в остове крыши сарая.

Луис недоуменно взглянул на него.

— Под самой стрехой, — пояснил Томас и помолчал. — В нижней части стропил, — добавил он тихим голосом.

Медвежий череп на дереве, выкрашенный в красный цвет и обращенный на восток

Лесистая Гора прошел мимо медвежьего черепа и понял, что таким способом Жаанат хотела его поблагодарить. Патрис еще не вернулась с завода, и ему хотелось навестить Арчилла. Когда он приблизился к дому, он услышал внутри чей-то плач. Или это был смех, а может, то и другое? Он постучался, а затем открыл дверь. Вера и Жаанат наблюдали, как Арчилл вставал на расстеленной на полу медвежьей шкуре, выпрямлялся, покачивался и вновь обретал равновесие. Но каждый раз, когда он пытался сделать шаг, он шлепался на шкуру и издавал булькающий смех. Увидев Лесистую Гору, он раскинул руки и издал детский возглас любви. Вера, заплаканная и безмолвная, уставилась на Лесистую Гору, когда увидела реакцию ребенка.

— Арчилл, — произнес Лесистая Гора, подхватывая малыша на руки и глядя только на него. — Арчилл, мой мальчик.

Жаанат шепнула Вере:

— Видишь, я тебе говорила.

Вера встала и поставила воду кипятиться.

— Его зовут Томас, — проговорила она, обращаясь к Лесистой Горе.

Лесистая Гора не обратил на нее внимания, продолжая играть с ребенком в какую-то свою детскую игру. Вера подала чай Лесистой Горе и взяла малыша на руки, чтобы поиграть с ним в углу, на кровати. Ребенок вырывался из ее объятий, выражая желание вернуться к Лесистой Горе. Когда мальчик быстро пополз к нему по медвежьей шкуре, губы Веры дрогнули. Такая сильная решимость выглядела комичной, но все было не так просто.

— Я тебе говорила, — повторила Жаанат.

— Теперь вижу, — отозвалась Вера. — Он любит этого человека больше, чем меня.

— Или меня, — подхватила Жаанат.

Она, похоже, не возражала.

— Это изменится, — произнес Лесистая Гора, обнимая мальчика. — Очень скоро он вообще не вспомнит, что его мать долго отсутствовала.

Но в глубине души он сам не верил в то, что сказал.

Он достал кусок бекона, принесенный для Арчилла, чтобы тот потренировал свои недавно

прорезавшиеся зубки. Малыш принялся грызть его с наслаждением волчонка. Вера снова рассмеялась. Но это был странный смех. В нем слышались рыдания, и вскоре он перешел в мрачный скрежещущий звук. Лесистая Гора посмотрел на Веру и заметил, что одну бровь у нее пересекает свежий белеющий шрам. Другой тянулся по ее подбородку. Волосы были коротко подстрижены, как у женщины в начальный период траура. Когда она протянула чашку, ее пальцы дрожали. Приняв чашку, он ощутил нечто, напомнившее вспышку молнии. Несмотря на шрамы, он находил ее неотразимой. Раньше люди говорили «красавицы Паранто», имея в виду Веру и Пикси.

— Ты назвала его Томасом в честь дяди, — констатировал он.

Она кивнула и погрела ладони у печи.

— Ты назвал его Арчиллом в честь отца, — ответила она через некоторое время.

Лесистая Гора приходил в гости день за днем. Когда Патрис возвратилась и начала снова работать, он стал приходить в то время, когда ее не было дома. Каждый раз, когда он появлялся, он замечал в Вере что-нибудь новое. Одна мочка была разорвана, как будто ее укусили. Один палец был искривлен, будто его сломали. Один глаз иногда

смотрел в сторону, будто в результате удара кулаком. Одного зуба не хватало, но этого нельзя было заметить, если только она не смеялась, широко раскрыв рот. А она действительно смеялась. Это, наконец, произошло. Такого же зуба не хватало и у Лесистой Горы. Все ее травмы вторили его травмам. В тех же самых местах. Шли дни, шрамы на ее лице заживали, и она все чаще выходила на улицу, бродила по тропинкам, проверяя силки, собирала тростник для циновок, плела корзины на продажу, как делала ее мать, шила одежду для Томаса-Арчилла. Или уже не Томаса? Теперь даже Вера иногда называла его Арчиллом.

Однажды Патрис пришла домой, увидела их вместе и обратила на это внимание. Она увидела, как Лесистая Гора склонился над ее сестрой, державшей Арчилла на руках. Ребенок чихнул, и они вместе пришли в восторг. Это был просто чих. Патрис не могла этого понять, но при виде того, как эти двое не чают души в Арчилле, она ощутила смятение. Испытываемое ею желание и даже, возможно, любовь куда-то исчезли. Ее чувства стали мутными и тяжелыми. В конце концов дело кончилось тем, что Патрис вообще перестала их узнавать. Однажды она случайно вернулась домой, когда Лесистая Гора уходил.

Он вышел на дорогу как раз в тот момент, когда Дорис высаживала Патрис из автомобиля. У него не было лошади, теперь он всегда приходил пешком. Увидев, что она идет, он остановился.

— Патрис, — проговорил он, смотря в сторону. — Мне нужно с тобой поговорить.

— Я все знаю, — сказала она.

Он поднял на нее взгляд, и она не отвела глаз.

— Я влюблен в вас обеих, — попробовал он объясниться.

— Нет, это не так, — оборвала его Патрис.

Но она не сердилась. А если даже и сердилась, то это был просто инстинкт, на который ей не хотелось обращать внимание. Чувства напоминали замерзшую грязь. Ей пришлось их отбросить.

— Ты не злишься. — Он почувствовал облегчение и потер бровь. — Я просто не хочу, чтобы ты думала…

— Мне было хорошо, — произнесла она. — Там было хорошо. — Она поджала губы и посмотрела в сторону зарослей, где они занимались любовью. Стрела, тонкая, как тростинка, пронзила ее насквозь. — Но когда мы подошли к дому, случившееся показалось мне неправильным.

— Неужели?

В его голосе прозвучало нетерпение.

— Когда я посмотрела на дом, я просто поняла, что она вернется. Я подумала о том, как ты любишь Арчилла. Может быть, я знала, что, когда ты увидишь Веру, вы сойдетесь — ребенок объединит вас.

— Да. Мы сошлись.

Он казался удовлетворенным, и она почувствовала себя легче, словно сбросила тяжелую отчужденность и могла двигаться дальше. Они вместе вернулись в дом, и Вера посмотрела на них, когда они вошли. Она заканчивала с корзиной. Лесистая Гора делал каркасы из расщепленного ясеня, а Вера оплетала их красными прутьями свежесрезанной ивы, запах которой был острым и казался таинственным. «Преодолеть собственные чувства — вот единственный способ», — подумала Патрис. Она была готова пойти на все, чтобы излечить разбитое сердце Веры.

Спиртовые чернила гектографа

Милли работала допоздна, готовя оригинал отчета председателя совета, который предстояло распространить среди членов племени. Печатая его для мужчины, она шла вразрез со своими принципами. Но в данном случае Милли печатала не только отчет, но и взятое у Томаса интервью, к которому были добавлены ее собственные впечатления от поездки в Вашингтон, а потому она имела право считать, что печатает репортаж. Стояла холодная весенняя ночь. Через час Джагги должна была приехать и забрать ее. Когда образец был закончен, она сразу же закрепила первую его страницу на барабане гектографа и начала поворачивать рукоятку.

Вместе с каждой копией с валика капали спиртовые чернила. В их брызгах Милли чудились души людей, в 1892 году принявших участие в первой переписи населения Черепашьей горы. Микван, Касиникут, Важашк, Аваникве, Какигидо-асин, Кананатовакачин, Анаквадок, Омакакиинс, Машкиигокве, Болотная Женщина, Киссна, Лед, Холод, Одетая в Камень, Женщина

Туманного Дня, Говорящий Камень, Мираж, Облако, Маленькая Лягушка, Желтый День, Гром. По какой-то причине сегодня вечером они пришли по звездной дороге, чтобы побродить по своей старой родине, прежде чем вернуться в другое существование. Они продолжали вылетать из гектографа. Звучащий Голос, Угасший День, Перекрестная Молния, Скиннер, Дыра в Небе, Лежащая Трава, Центр Неба, Кролик, Луговой Тетерев, Дневной Свет и Хозяин Белого Человека. Они были первыми людьми, которые смешались с мичифами, пришедшими из Канады и из Пембины[119], а также с потомками французов, кри и чиппева, кружившими по прерии, охотясь на бизонов. Все они получили наделы, распределив землю, чтобы узнать ценность доллара, а затем научиться превращать один доллар во много долларов и превращать доллары в смысл жизни.

Милли не знала об этом, потому что, по правде говоря, была немного навеселе от запаха спиртовых чернил. Она подумала, что, возможно, происходит нечто странное, так как продолжала слышать голоса, поворачивая рукоятку. Удив-

[119] Сноски: 119

Пембина — город и округ в штате Северная Дакота, США, на границе с Канадой.

ленные восклицания, выражающие восторг, и глухие звуки неловких скачков, похожих на прыжки детей по полу. Вся комната наполнилась шепотом. Возможно, снаружи поднялся ветер. Когда появилась Джагги, Милли быстро остановила гектограф и собрала страницы, не разбирая их по порядку. Они вышли на улицу. От свежего холодного воздуха у нее так сильно заболела голова, что она сжала виски голыми ледяными руками. Но едва Милли оказалась в теплой машине, боль прошла. Однако сквозь шум мотора ей показалось, что она слышит пение и барабанную дробь. Те зазвучали еще громче на ранчо Пайпстоуна, когда они двинулись от машины к дому.

— Ты тоже это слышишь? — спросила она Джагги.

Они остановились и поплотнее запахнули пальто. Джагги указала на небо. Милли посмотрела вверх, на движущиеся небесные сполохи. Они были зелеными и розовыми, источая сияние и танцующие языки пламени. Милли слышала слабое потрескивание, хотя пения и барабанного боя уже не было.

— Они присматривают за нами, — объяснила Джагги. — Это танцующие духи. Я замерзла. Иду в дом.

Милли оставалась снаружи, наблюдая за небом, пока холод не сковал ноги и у нее не заболела шея. У нее было странное отношение к поведению гектографа, хотя ей казалось, что если бы северное сияние имело какое-то отношение к процессу печати, оно скорее бы выбрало электростатический копировальный аппарат, поскольку небесные огни сами по себе были электрическими импульсами, рожденными мощным взаимодействием заряженных солнечных частиц и магнитного поля земли. То, что сказала Джагги: «Они присматривают за нами», — перекликалось с тем, что говорила Жаанат о том, будто эти огни — души мертвых, радостные, свободные, доброжелательные. Даже продрогнув до костей, Милли наблюдала за ними еще некоторое время и размышляла о том, что одно объяснение не исключает другого, что заряженные электроны вполне могут быть духами, что математика есть строгая форма безумия и что она пойдет на очередное свидание с Барнсом. Она должна это сделать, потому что он пригласил ее, выведя уравнение, показывающее, как ей понравиться, и кто бы мог сказать после этого «нет»?

À Ta Santé[120]

Патрис по-прежнему хорошо видела вблизи, так что присущие ей скорость работы и точность при установке драгоценных камней для сверления вернулись. Девушка чувствовала, что работает с предельной эффективностью, как раньше всегда случалось, когда она была в ярости. Но теперь она не сердилась. Она зарабатывала деньги. К тому времени, как пришло время ланча, у нее начали болеть плечи, а пальцы одеревенели. Она потянулась и потерла руки. Еду она по-прежнему приносила в помятом ведерке.

В столовую вошла Бетти Пай:

— Теперь, когда ты побывала в Вашингтоне, ты стала чересчур хороша, чтобы разговаривать со мной?

— Да, — ответила Патрис. — Присаживайся.

Бетти плюхнулась рядом с ней и вытащила из кармана вареное яйцо. Она одним жадным движением очистила его от скорлупы, съела в два укуса и громко пукнула. Сидящая напротив Валентайн закатила глаза. Бетти еще разок пук-

---

[120] Сноски: 120
За твое здоровье (*фр.*).

нула, словно для пущей убедительности.

— Извините меня, пожалуйста, — произнесла Бетти фальшиво-чопорным голосом. — От яиц у меня всегда газы.

Она пригладила блестящие пряди волос, свисавшие на уши, и расправила украшенный бахромой лиф своего цветастого зеленого платья.

— Я в это не верю, — возразила Валентайн. — Ты пердишь сразу после того, как съедаешь яйцо.

Бетти щелкнула пальцами:

— Вот так.

Патрис заглянула в свое ведерко с ланчем, как будто его содержимое могло предсказать ей судьбу. Она вздохнула. Морковь и вареная картошка. Может, добавить немного соли? Она попросила ее у Бетти. Та передала щепотку, завернутую в газетную бумагу, и жадно проглотила еще одно яйцо.

— Как же ты их ешь, если от них тебе становится так плохо? — спросила Кудряшка Джей.

— Что такое небольшой пердеж? — бросила Бетти. — Я люблю яйца. Вы подписали петицию?

— Я ее подписала.

— Я думаю, вручать должна Патрис.

— Валентайн сделает это лучше, — возразила Патрис. — Или Дорис Лаудер.

— Дорис этого не сделает, — проговорила Ва-

лентайн. — Она не хочет… ты знаешь, чего она не хочет.

— Сока Кузнечика, — подсказала Бетти.

Патрис поперхнулась. Сколько раз кузнечики брызгали своим коричневым соком ей на руки? Ее посетила мысль о Волде. Она снова закрыла крышкой ведерко для ланча.

— Это сделаю я, — вызвалась Валентайн. — Мне нужен перерыв на кофе. К тому времени, как я заканчиваю работу, я едва могу пошевелить руками.

— Предполагалось, что перерыв отменили временно, и нам должны были его вернуть, — сказала Бетти, снова пукнула и подняла палец. — Вы можете это процитировать.

После работы, когда она ехала на заднем сиденье сквозь моросящий весенний дождь, Патрис думала о деньгах. Их требовалось все больше. Она работала очень усердно, потому что планировала попросить прибавку к жалованью. Мысль о том, что Вера сейчас пойдет на работу, казалась абсурдной — сестра была не в той форме, чтобы ходить на работу, и она не хотела оставлять ребенка. Патрис теперь кормила четверых вместо двух. Но был и сюрприз. Лесистая Гора устроился на работу водителем школьных автобусов. Это

была хорошая работа, федеральная. И вместе с пониманием, которого достигли они с Патрис, эта работа расчищала ему путь к женитьбе на Вере. Но Вера и Лесистая Гора думали не только об этом. Они планировали восстановить хижину за домом. Они постоянно говорили о том, как починят ее летом. Как только они переедут в хижину, Патрис придется отвечать только за Поки и мать — но тут снова произошло нечто неожиданное. Милли вернулась в университет и написала, что сменила программу. Она решила стать антропологом и приедет изучать жизнь Жаанат. Милли запросила дополнительное финансирование, чтобы платить ей как информатору.

«Деньги небольшие, — предупредила она в своем письме, — но если приплюсовать то, что Патрис накопит, возможно, она сможет продолжить учебу».

Дорис и Валентайн высадили Патрис, и большая машина тронулась с места. Патрис начала спускаться по тропинке. Почва была рыхлой. Снег таял и уходил в землю. Воздух стал влажным и насыщенным запахами весны. Деревья начали оживать, и Жаанат теперь ходила собирать березовый сок. Зимой она вырезала металлические

желобки, чтобы забивать их в стволы деревьев, и скопила консервные банки. Холодный сок был весенним тонизирующим напитком. Выпивая его, вы ощущали причастность духу леса. Когда Патрис приблизилась к дому, она увидела, что мать сидит на пне у костра, держа в руке чайник с соком. Патрис вошла внутрь и переоделась. Когда девушка вышла, мать протянула ей банку, которой зачерпнула сок из ведра. Патрис села рядом на другой пень. Жаанат ткнула палкой, чтобы поправить горящие поленья, а затем подняла свою банку.

— Милли собирается сделать тебя знаменитой, — улыбнулась Патрис, поднимая свою банку с соком. — Когда-нибудь с твоей помощью появится книга.

— Меня это не волнует, — возразила Жаанат, — но мы можем потратить *шуния*.

Усмехнувшись, она подняла банку, как мичифы поднимают бокалы с вином.

– *À ta santé*.

Патрис чокнулась с матерью.

– *À ta santé*.

Вместе они выпили ледяного березового сока, который проник в них так, как жизнь проникает в деревья, заставляя почки набухать на ветвях.

Патрис наклонилась и приложила ухо к стволу березы. Она услышала легкий гул дерева, тянущего из земли свое питье. Она закрыла глаза, проникла, как вода, сквозь кору, перетекла вверх, до самых кончиков почек, после чего поднялась в облако. Она посмотрела вниз на себя и на мать, сидящих у небольшого костра в весеннем лесу. Жаанат откинула голову и улыбнулась. Она жестом велела дочери вернуться, как делала это в детстве, когда Патрис сбивалась с пути.

– *Амбе би-ижаан омаа акиинг миинава*, — поманила она, и Патрис вернулась.

Родерик

И снова он опоздал на поезд. Но в Вашингтоне было так много индейских призраков, что он решил остаться. Некоторое время Родерик кружил по станции. Достаточно послонявшись, он вернулся в центр города, чтобы осмотреть достопримечательности, которые в конце концов он едва не прозевал, будучи слишком внимательным к живым людям. Родерик видел памятники, статуи, дома. В одном из зданий звучало так много голосов, что даже снаружи он мог слышать смех и перебранки. Он ворвался внутрь, полетал по коридорам, проник в зону хранения. О боже! Ящики и шкафы с людьми его народа! Одни индейские призраки обитали там, прильнув к костям, прядям волос на головах или кусочкам кожи. Другие шумно играли в азартные игры своими собственными костями. Некоторые из священных трубок монотонно гудели. Там были также рубашки для пляски духов[121], жужжащие

[121] Сноски: 121

Пляска духов — религиозный культ американских индейцев второй половины XIX века, основанный на исполнении ритуального танца, который, как считалось, прогонит белых людей и восстановит традиционные земли и образ жизни.

боевые щиты, детские *макизинан* и священные свитки, все полные призраков. Индейцев привозили с разных концов света в качестве живых экспонатов, а затем сразу же превращали в призраков. На протяжении веков индейцы приезжали в Вашингтон по тем же причинам, что и маленькая делегация Черепашьей горы. Они хотели защитить свои семьи и свою землю. Для индейцев это было рискованным путешествием. Их могли запросто, ради пьяной шутки, линчевать на уличном фонаре. В результате появлялись призраки с веревочными ожерельями на шее. Оказалось, что Вашингтон полон призраков. У Родерика никогда не было такой многочисленной компании. И все были рады появлению нового товарища. Рады, что он остался. Они отговаривали его возвращаться домой. Зачем? Кто там тебя ждет?

Томас

Он вытащил зажатый под мышкой термос и поставил на стальной стол рядом со своим потертым, но уже не набитым бумагами портфелем. Его легкая рабочая куртка и потрепанная старая фетровая шляпа покоились на стуле, а ланч-бокс лежал на холодном подоконнике. Он пробил свою карточку табельного учета. Полночь. Томас взял связку ключей, фирменный фонарик и обошел главный этаж по периметру.

Он осмотрел сверлильный цех, проверив каждый замок, включил и выключил свет. Прошел через стальные двери помещения для промывки изделий кислотой, посветил фонариком на циферблаты и шланги. Проверил кабинеты, туалеты и вернулся за свой стол. Ему выдали новую лампу. Теперь на стол падал более яркий свет. Томас сел. Он пропустил несколько дней рождения, которые были отмечены в его крошечной желтой записной книжке. Теперь он за ними следил, купив стопку открыток с тиснением и цветочным

рисунком в «Рексолле»[122], и посылал их всем друзьям и родственникам.

Внизу каждой почтовой открытки он подписывался «Ондатра» и рисовал маленького гибкого зверька, плывущего в воде, или чистящего лапы, согнувшись, или просто лежащего на бревне, греясь на солнце. Томас время от времени увлекался рисованием. Это началось, когда у него возникли некоторые проблемы с подбором слов. Он был признан выздоровевшим и готовым к работе после инсульта, который перенес на вокзале. Но иногда мозг отказывал. Нужное слово пряталось в извилинах, словно дразня Томаса. Приходилось расслаблять мозг и подкрадываться к слову. Рисунки, словно сами собой появляющиеся из-под пера, были способом победить в игре в прятки, в которую он теперь был вынужден играть со своей памятью. Картинка иногда выгоняла из укрытия скрывающееся слово. Кроме того, если какое-то слово не находилось во время разговора, Томас заменял его описательной фразой и улыбался. Получалось комично. Буквально на днях он забыл слово, обозначающее багажник автомобиля, и сказал: «Автомобильная пещера

[122] Сноски: 122

«Рексолл» — существовавшая с 1920 по 1977 год сеть американских аптек, продававшая также фирменные товары.

на петлях», что было воспринято как проявление остроумия. Как и в тот раз, когда он попросил Роуз надеть «платье-тезку», потому что не мог подобрать слово «красный». «Румяный», «алый», «карминный», «розовый». Так много слов вспомнилось позже. А у Шарло он попросил «книгу с извилистым сюжетом», когда имел в виду детектив. Ей понравилось такое описание. Казалось, никто не понимал, в чем заключалась его проблема, и он, конечно же, никому не собирался о ней сообщать. Но он понимал, в особенности когда начинал думать на чиппева, языке своего детства. Намеревался ли он в него вернуться? Иногда, как, например, тогда, когда он сидел в круге света и рисовал маленьких ондатр, его охватывал дикий страх перед будущим. Разум был для него всем, но он не имел ни малейшего представления о том, как его спасти. Он просто продолжал нырять, хвататься за слово и выныривать обратно. Битва с расторжением договоров и с Артуром В. Уоткинсом была, как он опасался, битвой, которая будет стоить всего, что ему дорого.

Позже, дремля при свете лампы, он повсюду видел ондатр. Их маленькие гибкие силуэты деловито скользили по полу в сумерках, постоянно

углубляя свои норки. Он видел, как они срывали мягкие сорняки и держали в крошечных лапках сочные корни, поедая их.

— Как меня зовут? — спросил он у одного из этих маленьких созданий.

– *Важашк гидижиникааз*, — пискнул зверек.

Его имя. Придет ли время, когда он не узнает самого себя? Не был ли этот клочок бумаги дан ему для того, чтобы в крайнем случае он смог хотя бы восстановить свое имя? Он сунул клочок бумаги в рот. Внезапно он и Бибун оказались сидящими возле отцовской хижины. Томас уставился на красочные листья, дрожащие и вспыхивающие, когда они, кружась, падали с ветвей. Ярко желтые, золотисто-красные и оранжевые листья затмевали все кругом. «Но сейчас весна, — подумал он. — Я не должен быть здесь. Со мной снова что-то происходит». Он огляделся и увидел, что дикие прерии, насколько хватало глаз, усеяны толстыми белыми костями.

Кости кренились, пошатывались, собираясь в неясные фигуры, обрастали лохматой плотью. Трава колыхалась и трепетала на ветру, зеленое одеяние земли, и животные пересекали все более и более обширные пространства. Потом земля дрогнула в змеином броске, сдулась и исчезла

в небе.

Томас вспомнил про булочку с вареньем в своем ланч-боксе. Роуз приготовила ему кофе, горячий и крепкий. Он покачал головой, вытер глаза и вернулся к прежнему занятию, подчеркивая слова в поздравительных открытках и добавляя собственные пожелания, аккуратно расставляя буквы, пока опять не пришло время пробить карточку и сделать последний ночной обход.

Племя чиппева из резервации Черепашьей горы не было уничтожено

* * *

Мой дед оправился от инсульта и продолжил работать над улучшением школьной системы в резервации, составлением Конституции Черепашьей горы, а также написанием и публикацией первой истории Черепашьих гор. Он был председателем племени до 1959 года. Его повысили в должности до инспектора по техническому обслуживанию, и он работал на заводе по производству драгоценных подшипников до выхода на пенсию в 1970 году.

* * *

В 1955 году женщины завода по производству драгоценных подшипников Черепашьей горы попытались объединиться в профсоюз. По словам моего деда, это подняло шумиху до самого Нью-Йорка. «Обвинения, упреки, выдумки, слухи, пророчества, угрозы и контругрозы летали в обе

стороны плотно и быстро. Предлагались взятки в виде обедов — и были приняты». В конце концов объединение в профсоюз было отклонено. Однако повышение заработной платы было санкционировано немедленно. Строительство столовой было завершено. И работницам вернули перерыв на кофе.

Послесловие и благодарности

Письма моего деда

Аунишенаубай, он же Патрик Гурно, был председателем Консультативного комитета племени чиппева Черепашьей горы в середине 1950-х годов, считавшихся золотым веком Америки, но на самом деле это было время, когда действовали «законы Джима Кроу»[123], а американские индейцы преследовались властями. Наши традиционные религии были объявлены вне закона, наши земли постоянно и незаконно захватывались (это происходит даже сейчас) компаниями, занимающимися освоением природных ресурсов, наши языки находились в забвении благодаря деятельности государственных школ-интернатов. Наши лидеры также были подотчетны правительственным чиновникам, стремившимся к ассимиляции индейцев. В качестве примера просто посмотрите на «консультативный комитет», как его называл мой дед. Он и его собратья

[123] Сноски: 123

Законы Джима Кроу — широко распространенное неофициальное название законов о расовой сегрегации в некоторых штатах США в период 1890–1964 гг. Были так названы по имени комического персонажа, бедного и неграмотного чернокожего.

по племени почти не имели власти. Их задачей было консультировать Бюро по делам индейцев, но они пользовались любой возможностью, чтобы представлять свой народ. 1950-е годы были временем, когда клочки земли и остатки прав, гарантированных договором с правительством, были легкой добычей. Во времена послевоенного жилищного бума изумительные леса резерваций Кламат и Меномини[124] были особенно востребованы. Не случайно, что эти племена оказались в числе первых пяти, намеченных к ликвидации.

Мой дед в 1953 и 1954 годах написал серию удивительных писем. Они были адресованы моим родителям. Мать отдала их мне на хранение, потому что я родилась в 1954 году. Патрик Гурно учился в государственных школах-интернатах

[124] Сноски: 124

Резервация Кламат располагалась на юге штата Орегон и была ликвидирована. Резервация Меномини располагалась на северо-востоке штата Висконсин.

Форт-Тоттен, Хаскелл и Вахпетон[125]. Письма написаны изящным «почерком школы-интерната», знакомым тем, кто обучался по методу Палмера. Они наполнены замечательными, забавными, разрушающими стереотипы эпизодами из жизни резервации. В совокупности они составляют портрет чрезвычайно гуманного интеллектуала, а также глубоко религиозного патриота и семьянина.

Мой дед, для которого оджибвемовин[126] являлся родным языком, был сыном Киишкемунишива, Зимородка, и внуком Джозефа Гурно, Касигивита, главного воина племени пембина народа оджибве. Они жили охотой на бизонов на равнинах Монтаны. Мой дед принадлежал к первому поколению, родившемуся в резерва-

---

[125] Сноски: 125

Форт Тоттен использовался во время войн с индейцами для замирения местных племен и для защиты транспортных путей. После своего закрытия в 1890 году он действовал до 1959 года как школа-интернат для коренных американцев, называясь Индийской промышленной школой Форт-Тоттен. Основанная в 1884 году как школа-интернат для детей американских индейцев, школа Хаскелл превратилась в университет, управляемый Бюро по делам индейцев США, который предлагает как обучение на степень ассоциата, так и на степень бакалавра. Школа «Круг наций» (бывшая Индейская школа Вахпетон), племенная школа-интернат за пределами резервации для детей коренных американцев, действующая под эгидой Бюро образования индейцев. В прошлом индейская школа-интернат, где дети должны были использовать английский, а не свои родные языки, одеваться в евроамериканском стиле и исповедовать христианство.

[126] Сноски: 126

Оджибвемовин (оджибве) — четвертый по распространенности индейский язык в Северной Америке после навахо, кри и инуктитута.

ции. Его семья совершила отчаянный, трудный переход к сельскому хозяйству. В конце концов они добились успеха. Патрик писал о своем великолепном огороде, восхищался деталями, такими как столистные розы, которые он выращивал для красоты, и рассказывал истории о том, как он сажал овес, но почему-то вырастал лен. Он записывал забавные вещи, которые говорили его дети, и признавался в любви к своей жене Мэри Сесилии Лефавор. Он рассказывал моим родителям и о тревогах, которые осложняли его работу в качестве председателя консультативного комитета. В то время, когда он писал, за эту работу платили тридцать долларов в месяц, но племя было на мели, а потому он не получал и эту зарплату. Получив известие о законопроекте, где говорилось о ликвидации резерваций, он сразу понял, что это, как его потом назвали, новый фронт войны с индейцами.

«Сей законопроект, если он будет принят, приведет к ликвидации наших последних владений на этом континенте, уничтожит наше достоинство и положит конец уважительному отношению к нам как первым жителям этой богатой земли», — заявил Джо Гарри, тогдашний президент Национального конгресса американ-

ских индейцев.

«Этот новый законопроект — худшее, что может случиться с индейцами», — добавил мой дед.

Хотя я много раз читала его письма в поисках утешения или вдохновения, в конце концов я решила перечитать его письма вместе с исследованием, посвященным эпохе борьбы с политикой прекращения договоров с индейцами. Как только я это сделала, сопоставив тщательно датированные письма со сроками прохождения законопроекта, который давал племенам всего несколько месяцев для подготовки ответа конгрессу, я поняла, что мой дед — вместе с другими членами племени, его проницательными друзьями, такими как Мартин «Страй Пес» Кросс, и союзниками, не являющимися индейцами, — совершил нечто, изменившее траекторию курса на прекращение действия договоров, и бросил вызов безжалостной силе федеральных властей, намеревающихся нарушить неприкосновенные и непреложные юридические обещания, данные в договорах, заключенных между двумя нациями. Из племен, намеченных к ликвидации, племя Черепашьей горы было первым. Вот что стояло за шутками моего деда. Он был неугомонен. Писал

всю ночь и посещал собрания все дни напролет. Иногда он спал всего двенадцать часов в неделю. Я знала, чего стоило ему, нашей семье и всей Стране индейцев[127] его стремление к, казалось бы, невыполнимой задаче — отмене ликвидации племени.

В общей сложности 113 племен пострадали от катастрофы прекращения договоров. Было потеряно 1,4 миллиона акров племенных земель. Богатство перетекало в жадные руки частных корпораций, в то время как многие люди в племенах умирали рано и в нищете. Ни одно племя не получило прибыли. В конечном итоге 78 племен, в том числе племя меномини, возглавляемое Адой Дир[128], возвратили утраченное федеральное признание; 10 племен получили признание штата, но не федеральное; 31 племя осталось без земли; 24 племени считаются вымершими. Недавние мемуары Ады Дир «Изменение ситуации: моя борьба за права коренных народов и соци-

[127] Сноски: 127

Страна индейцев — населенные индейцами территории США.

[128] Сноски: 128

Ада Дир (р. 1935 г.; меномини) — адвокат коренных американцев, ученая и государственная служащая. Как активистка, выступала против ликвидации племен с 1950-х годов после принятия законопроектов, внесенных Артуром Вивианом Уоткинсом. Во время президентства Клинтона Дир занимала должность помощника министра внутренних дел по делам индейцев.

альную справедливость» — отличный материал на эту тему.

Большая часть этой книги была написана под влиянием сильных эмоций, когда я вспоминала горе, пережитое моей бабушкой, а также братьями и сестрами моей матери. Продолжающиеся политические баталии взяли свое, и здоровье моего дедушки пошатнулось. В конце концов он пережил длительный упадок сил. И все же Патрик Гурно никогда не переставал быть веселым, оптимистичным и добрым. Я надеюсь, что эта книга отражает его великодушие. Кроме того, мне нравится думать, что усилия народа Черепашьей горы помогли другим индейцам преодолеть долгий кошмар ликвидации племен. В 1970 году Ричард Никсон обратился к конгрессу и призвал положить конец этой политике. Пять лет спустя началась новая эра самоопределения коренных народов.

Есть много людей, которых мне нужно поблагодарить. Прежде всего Патрика и Мэри Гурно и замечательных детей, которых они вырастили, включая мою маму, Риту Гурно Эрдрич, художницу, тщательно хранившую письма моего дедушки и отпечатанные на ротаторе отчеты председателя совета племени, содержащие его

статьи и шутки. Спасибо моей дорогой тете и другу Долорес Гурно Мэнсон, моим тете Мадонне Оуэн и дяде Дуайту Гурно, который всю свою жизнь служил коренным народам, в частности в качестве председателя правлений Общества науки и инженерии американских индейцев (AISES) и Национального музея американских индейцев Смитсоновского института (NMAI). Спасибо моему дяде Говарду Гурно, Хранителю Ритуальной трубки нашей семьи, и Роберте Морин. Моя сестра Лизелотта Эрдрич, писательница, поэтесса и наш семейный историк, давала мне бесценные советы и оказала большую поддержку. Я хотела бы поблагодарить Джуди Азур за то, что она танцевала для всех нас. Наш историк племен, профессор Лес Лафонтен, прочла эту книгу в рукописи и дала множество блестящих советов. Дениз Ладжимодьер также внесла важные исправления. Я очень благодарна за отклик и воспоминания Зельме Пельтье, чья мать работала на заводе по производству подшипников. Гейл Колдуэлл поддержала меня, когда у меня возникли сомнения. Бренда Чайлд, профессор Университета Миннесоты, неустанно выслушивала, какие изменения я вношу в книгу, вела со мной ободряющие беседы у камина, давала

щедрые советы и познакомила меня с радостями исследований в Национальном архиве. Моя мать подробно рассказывала о своей жизни в резервации в 1950-х годах, и мне было приятно слушать ее воспоминания.

Поездка делегации Черепашьей горы в Вашингтон действительно была отчасти профинансирована за счет средств, полученных в результате благотворительного боксерского поединка. Работа, представленная в романе исследовательницей Милли Клауд, в действительности основана на исследованиях нескольких людей, в том числе Мари Луизы Боттино Болдуин и сестры Инес Хилгер. Настоящим же автором экономического исследования, которое так удивило членов комитета конгресса и произвело на них сильное впечатление, был доктор Дэвид П. Делорм. Сцена встречи с представителями Бюро по делам индейцев в Фарго основана на стенограмме реального события, как и описание сцены дачи показаний в конгрессе. Лео Жанотт, Эдвард Джолли, Эли Марион и Тереза «Реза» Монетт Дэвис Ревард являлись членами реально существовавших консультативных комитетов. Меня трогает, что Мартин Кросс пришел поделиться воспоминаниями, касающимися несчастий, обру-

шившихся на его племя при затоплении земель его любимой родины Инженерным корпусом армии. За поддержку народа Черепашьей горы во время дачи показаний Кроссу несколько раз угрожали. Он был сильным и принципиальным адвокатом. С другой стороны, сенатор Артур В. Уоткинс действительно был напыщенным расистом. Но надо отдать должное Уоткинсу за то, что он сыграл важную роль в свержении сенатора Джо Маккарти, положившем конец ужасной эпохе в американской политике.

Книга «Сад истины: проституция и торговля женщинами, принадлежащими к коренным народностям, в Миннесоте», авторами которой являются Мелисса Фарли, Николь Мэтьюз, Сара Дир, Гваделупе Лопес, Кристин Старк и Эйлин Худон, послужила источником для истории Веры. Дивина, русалка, работавшая в большом аквариуме в «Персидских пальмах» в Миннеаполисе в 1970-х годах, послужила источником вдохновения для изображения водяного быка, в роли которого блистала Пикси.

Меня тревожит, что память о политике расторжения договоров с индейцами и ликвидации племен померкла даже среди американских индейцев, и именно моя сестра, поэтесса и худож-

ница Хейд Эрдрич, вдохновила меня написать эту книгу, чтобы воскресить эту эпоху. (Характерно, что администрация Трампа и помощник министра внутренних дел Тара Суини недавно предприняли попытку возвратить ее, стремясь покончить с вампаноагами, племенем, которое первым приветствовало отцов-пилигримов[129] на берегах Америки и придумало День благодарения.) Моя сестра Анжела Эрдрич, доктор медицины, оказала большую помощь, передав исследовательские материалы по эпохе борьбы с ликвидацией племен, которые она долгое время собирала в библиотеке Бейкера в Дартмуте. Я хотела бы выразить глубокую признательность Джойс Бернер, библиотекарю Национального архива в Канзас-Сити, которая сказала мне, что ей нравится охота за сокровищами, и продолжила поиски, в ходе которых нашла дело моего деда, заведенное в школе-интернате, письма, в которых он описывал свой путь туда, а также избирательные бюллетени, поданные за него во время выборов в комитет. Я также хотела бы поблагодарить библиотекаря Национального архива Элизабет Бернс за ее самоотверженную работу.

[129] Сноски: 129

Отцы-пилигримы — название первых поселенцев, прибывших для создания новой колонии в Северной Америке.

Как всегда, я очень благодарна Терри Картену, редактору, который служит источником вдохновения, равно как и критических замечаний, и Тренту Даффи, редактору текста, обладающему непревзойденными профессиональными навыками. Спасибо также Джин Аух и Эндрю Уайли за неизменную работу над всеми моими книгами. Моя дочь Паллас оказывала техническую поддержку. Она ангел-хранитель нашей семьи. Киижосвещает наш путь. Нетаа-ниимид Амоокве, Персия, преподаватель, работающая методом погружения в оджибве в школе Ваадукодаадинга в Лак-Курт-Орейле, штат Висконсин, является моим консультантом в оджибвемовине, но все ошибки в романе — мои. Эта книга пережила сложный период редактирования, с которым терпеливо справились Эмбер Оливер, Джон Джусино и Лидия Уивер. Благодарю! Как всегда, спасибо Милану Божичу за дизайн обложки, Фрицу Метшу за макет и Азе Абе за художественное оформление обложки, которое основано на спектре северного сияния.

Наконец, если вы когда-нибудь усомнитесь в том, что ряд сухих слов в правительственном документе может поколебать дух и разрушить жизнь, позвольте этой книге развеять это со-

мнение. И наоборот, если вы убеждены, что мы бессильны изменить эти сухие слова, позвольте этой книге ободрить вас и уверить в обратном.

Об авторе

ЛУИЗА ЭРДРИЧ — автор шестнадцати романов, сборников стихов, детских книг и книги мемуаров о раннем материнстве. Ее книги были награждены Национальной книжной премией и премией Национального круга книжных критиков (дважды). Одна книга была финалисткой Пулитцеровской премии. Луиза Эрдрич получила премию Библиотеки конгресса в области американской художественной литературы, престижную премию Премия ПЕНа / Сола Беллоу за достижения в области американской художественной литературы и Дейтонскую литературную премию мира. Луиза Эрдрич, член племени «Черепашья гора» народа чиппева, живет в Миннесоте со своими дочерьми и является владелицей небольшого независимого книжного магазина «Берчбарк букс».

Словарь

ааанин — здравствуй, привет

акивензи — старик

амбе — вперед, пошли

амбе би-ижаан омаа акиинг миинава — иди сюда

анди — куда

баашкизиге — стрельба из ружья, семяизвержениебаките'о — ударь, бей

Бибун — зима

биинда уджиган — футляр для оружия, презерватив

Буганогийжик — дыра в небе, через которую пронесся Создатель, светясь и подмигивая

вавияжинаагози — она выглядит мило

важашк гидижиникааз — тебя зовут ондатра

вике — аир болотный, аирный корень

гаагигебаг — кошачья лапка

гавиин — нет

гавиин гегет — конечно, нет

гавиин ингикендизо сиин — чужая сама себе

Гардипи — имя, означает «Страж мира».

гвиивизенс — мальчик

гего бабаамененданген, нисименх — не волнуйся, младший брат

Гиже Маниду — Творец, Создатель

гитчи-гами — Великие Озераджиисикид — шаман

Икве Ананг — Венера

ишкониган — резервация

маама кажиг — чужие люди

макизинан — мокасины

манидуг — ду́хи

маяги — чужой

мии'ив — только

мисванагек — кора калины

мискомин — малина

муз — лось

ниидджи — приятель, мой друг

ниинимоше — возлюбленная, возлюбленный

онижишин — как красиво

чимукомаанег — белые люди, не коренные американцы

шквебии (жарг) — в стельку пьяный

шуния — деньги